

286
и 91

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ
2000

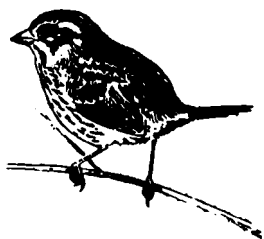
Исчезающие

ЖИВОТНЫЕ





ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЕ



ЗЕЛЕНАЯ СЕРЯ

ОЛДО ЛЕОПОЛЬД

*Календарь
песчаного графства*

РОБЕРТ МАК-КЛАНГ

*Исчезающие
животные Америки*

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЕ



10 14 76 / 1



Москва
Армада-пресс
2000

Муниципальное предприятие
«Экспресс»
320071 г. Екатеринбург
ул. А. М. Горького, 12

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(7Сое)-44я5
И 91

Серия основана в 1994 г.

Перевод с английского
И. Г. Гуровой

Иллюстрации
Боба Хайнса и Чарлза В. Шварца

ISBN 5-309-00013-5

© Перевод, Гурова И. Г., 2000
© ООО «Дрофа», 2000
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2000

ОЛДО ЛЕОПОЛЬД

*Календарь
песчаного графства*



Aldo Leopold
A SAND COUNTY ALMANAC
WITH ESSAYS ON CONSERVATION FROM ROUND RIVER
Illustrated by Charles W. Schwartz

BALLANTINE BOOKS • NEW YORK

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К РАСШИРЕННОМУ ИЗДАНИЮ

«Календарь песчаного графства» был вчерне готов, когда Олдо Леопольд скончался. Его сын Л. Леопольд отредактировал этот материал и следил за его изданием в 1949 году. Позднее он подготовил для печати ряд прежде не публиковавшихся очерков и заметок, которые появились в 1953 году под заглавием «Круговая река».

Новая книга объединяет «Календарь песчаного графства» и восемь очерков из «Круговой реки». Расположение очерков немного изменено, а два из них объединены, чтобы избежать повторений и представить основные идеи Олдо Леопольда в едином контексте.

Хотя обе книги широко читались и цитировались, их основные положения потонули в шуме рекламы, восхваляющей достоинства «естественных природных красот». Создание красивых пейзажей вдоль шоссе имеет очень мало общего с той гармонией между человеком и землей, которую так хорошо знал Олдо Леопольд и которой он учил. Та же Америка, которая объявила сохранение природных красот общенациональной политикой, одновременно планирует постройку плотин в двух районах, имеющих огромную природную ценность. Конгресс рассматривает законопроекты о постройке системы плотин в Большом каньоне реки Колорадо, которые практи-

чески убьют живую реку и затопят значительные площади этого уникального уголка американской дикой природы.

Кроме того, для развития гидроэнергетических ресурсов Аляски проектируется постройка плотины в месте, где это приведет к затоплению гнездовий перелетных водоплавающих птиц Тихоокеанского побережья. Постройка плотины Рампарт в очень короткий срок уничтожит большинство уток, гусей и других птиц, которые из года в год на протяжении многих тысячелетий пролетали над Вашингтоном, Орегоном и Калифорнией. Когда Олдо Леопольд писал «Гусиную музыку», никто ничего подобного не мог и вообразить, теперь же это стало реальной возможностью. Грустно и стыдно думать, что американцы, предлагающие этот план, соглашающиеся на него и его осуществляющие, будут защищать свои действия, ссылаясь на финансовые выгоды, тогда как тут экономика не должна быть решающим фактором, тем более что можно найти другие — и вполне доступные — источники электроэнергии.

Нынешнее поколение, поколение внуков Олдо Леопольда, бунтует в университетских городках, устраивает демонстрации против социальных зол, трудится ради их устранения. Эта модель обретает зрелость, когда в борьбе за сохранение «дикой и свободной природы», которую Олдо Леопольд понимал так глубоко и защищал так красноречиво и мудро, наступает решающий момент.

Из всех зол, против которых выступает молодежь, тяжелое положение природы можно назвать самым критическим. Природа дикая и свободная гибнет из-за нашего безразличного отношения к земле. Есть ли лучший способ для борьбы против уничтожения природы, чем вручить молодежи эту книгу — эту страстную защиту этики земли?

Вашингтон, округ Колумбия
июль 1966 года

*Каролина Клагстон Леопольд
Луна Б. Леопольд*



Моей Эстелле

Часть I КАЛЕНДАРЬ ПЕСЧАНОГО ГРАФСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть люди, которые могут жить без дикой природы, и есть люди, которые не могут жить без дикой природы. Наброски эти — о радостях и трудностях одного из тех, кто не может.

Дикая природа, подобно ветру и солнечным закатам, воспринималась как нечто само собой разумеющееся, пока прогресс не начал теснить и уничтожать ее. Теперь перед нами стоит вопрос, имеет ли смысл платить за еще более высокий «уровень жизни» гибелью дикой и свободной природы, ее животных и растений. Мы, меньшинство, предпочитаем летящих в небе гусей всем телевизионным программам мира, а возможность найти ранней весной синий цветок сон-травы — право для нас столь же неотъемлемое, как свобода речи.

Я согласен, что такие дары дикой природы мало что значили с человеческой точки зрения, пока техника не гарантировала нам сытного завтрака, а наука не развернула перед нами жизнь и происхождение диких существ во всем их драматизме. Таким образом, весь конфликт в конечном счете сводится к вопросу о степени вмешательства в жизнь природы. Мы, меньшинство, считаем, что начал действовать осо-

бый закон — закон снижения возвратных поступлений, — наши противники этого не считают.

Приходится шагать в ногу с событиями, и эти наброски — мои шаги. Они сгруппированы в три части.

В части I рассказывается о том, что видит и чем занимается моя семья в «хижине» — нашем воскресном убежище от избытка современности. На песчаных землях висконсинской фермы, сначала истощенных, а затем заброшенных нашим обществом, чей девиз — «больше и лучше», мы с помощью лопаты и топора пытаемся восстановить то, что утрачиваем за пределами нашей фермы.

Эти наброски, посвященные ферме, сгруппированы по временам года и слагаются в «Календарь песчаного графства».

Часть II — «Наброски там и сям» — рассказывает о случаях из моей жизни, которые мало-помалу и далеко не всегда безболезненно показали мне, что рота шагает не в ногу. Эти накопившиеся за сорок лет эпизоды, связанные с разными уголками нашего континента, дают достаточно полное представление о проблемах, объединяемых общим названием «сохранение дикой природы».

Часть III — «Выводы» — содержит более упорядоченное изложение ряда идей, с помощью которых мы, думающие иначе, утверждаем наше инакомыслие. Вопросы, рассматриваемые в третьей части, могут по-настоящему заинтересовать только сочувственно настроенного читателя. Эти наброски, так сказать, объясняют роте, как вновь пойти в ногу.

Сохранение дикой природы остается пустым звуком потому, что оно несовместимо с нашим библейским представлением о земле. Мы не бережем землю, потому что рассматриваем ее как принадлежащее нам недвижимое имущество. Когда нам станет ясно, что она — сообщество, к которому принадлежим и мы сами, возможно, мы начнем пользоваться ею с любовью и уважением. Только при этом условии земля сможет выдержать натиск механизированного человека, и только при этом условии мы сможем пожать тот эстетический урожай, который она благодаря науке способна приносить, обогащая нашу культуру.

Понятие о земле как о сообществе составляет основу экологии, но любовь и уважение к земле принадлежат этике. О том, что земля обогащает культуру, известно с давних пор, но в последнее время этот факт часто предается забвению.

Собранные здесь наброски представляют собой попытку спаять воедино эти три идеи.

Разумеется, подобный взгляд на землю и людей не может избежать воздействия личного опыта и личных пристрастий, затемняющих и искажающих его. Но какова бы ни была истина, ясно одно: наше общество с его девизом «больше и лучше» в настоящее время, точно ипохондрик, настолько поглощено своим экономическим здоровьем, что уже не в силах оставаться здоровым. На этом этапе лучшее лекарство — немножко спокойного пренебрежения к изобилию материальных благ.

Возможно, такой переоценки ценностей удастся достичь, критически сопоставляя искусственный, прирученный мир вещей с естественным миром дикой и свободной природы.

Мадисон, штат Висконсин

4 марта 1948 года

Олдо Леопольд

Январь

ЯНВАРСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Каждую зиму вслед за свирепыми метелями однажды ночью вдруг наступает оттепель, и повсюду звенит капель. Она будит не только зверьков, уснувших с вечера, но и кое-кого из тех, кому положено спать всю зиму. Скунс, свернувшийся клубком в глубокой норе, прерывает зимнюю спячку, вылезает наружу в сырую мглу и отправляется бродить, волоча живот по снегу. Его след знаменует одно из самых первых датируемых событий в том цикле начал и исходов, которому мы дали название «год».

След этот как будто свидетельствует о равнодушии к житейским делам и заботам, столь важным в остальные три времени года. Цепочка влажных отпечатков тянется по прямой, словно оставивший их припряг свой фургон к звезде и бросил вожжи. Я иду вдоль них, стараясь определить настроение

скусна, состояние его желудка и цель этой прогулки — если у нее есть цель.

Количество всевозможных отвлечений возрастает от января к июню в геометрической прогрессии. В январе либо идешь по следу скунса, либо высматриваешь окольцованных синиц, либо проверяешь, какие сосенки объели молодые оленки или какие убежища ондатры разрыла норка, и лишь изредка отвлечешься чем-нибудь, и то ненадолго. Январские наблюдения почти столь же просты и безмятежны, как снег, и почти столь же непрерывны, как холод. Времени хватает и посмотреть, кто что делает, и поразмыслить для чего.

Полевка, вспугнутая моими шагами, шмыгнула через сырой след скунса. Почему она бежит днем под открытым небом? Не потому ли, что досадует на оттепель? Лабиринт потайных ходов, которые она так трудолюбиво прогрызла в пожухлой траве под снегом, вдруг исчез, и недавние туннели превратились в тропочки, открытые для всеобщего обозрения и осмеяния. Увы, солнце, растопив снег, уничтожило основу основ экономической системы полевки!

Эта мышка — добропорядочная гражданка своего мирка и твердо знает, что трава растет для того, чтобы полевки собирали ее в стожки, а снег выпадает, чтобы полевки сооружали укромные пути от стожка к стожку: предложение, спрос и транспортная сеть — все предусмотрено и устроено на славу. Полевке снег приносит избавление от голода и страха.

Мохноногий канюк проплывает над дальним концом луга. Вот он замедляет полет, порхает над одним местом, точно зимородок, и оперенной бомбой падает в болотце. Больше он не взлетает, и поэтому я уверен, что он изловил и теперь поедает хлопотливую строительницу из мышинового племени, которая не могла дожидаться ночи, чтобы исследовать, насколько поврежден ее упорядоченный мирок.

О том, для чего растет трава, у канюка своего мнения нет, зато он прекрасно знает, что снег тает для того, чтобы канюки снова могли ловить полевков. Он прилетел из Арктики в на-



дежде на оттепели, потому что оттепель приносит ему избавление от голода и страха.

След скунса углубляется в лес и пересекает полянку, где снег истоптан кроликами и пестреет розовыми пятнами их мочи. Оттепель обнажила юные дубки, и они поплатились за это своими стволами, которые едва оделись корой. Ключья кроличьей шерсти показывают, что среди любострастных самцов уже начались первые поединки этого года. Немного дальше, в широкой дуге, оставленной совиными крыльями, я нахожу кровавое пятно. Этому кролику оттепель принесла избавление от голода, но, кроме того, и бесшабашное забвение страха. Сова напомнила ему, что весенние помыслы не заменяют осторожности.

Цепочка следов ведет дальше и не выдает ни малейшего интереса как к возможной пище, так и к развлечениям или бедствиям других обитателей этих мест. И я гадаю, чем был озабочен мой скунс, что подняло его с постели. Можно ли приписать романтические побуждения этому упитанному субъекту, волочившему солидный животик по талому снегу? Но вот след исчезает под кучей старых бревен и не появляется с другой стороны. Я слышу звонкие шлепки капель внутри кучи стволов и говорю себе, что скунс их тоже слышит, а потом поворачиваюсь и иду домой, все еще гадая и размышляя.

КРЕПКИЙ ДУБ

Человека, у которого нет своей фермы, подстерегают две опасности: твердая уверенность, будто завтраком его обеспечивают магазинные прилавки, и столь же твердая уверенность, будто источник тепла — это котельная.

Чтобы избежать первой опасности, надо завести огород — предпочтительно там, где нет магазинных прилавков, которые могли бы затемнить положение.

А чтобы избежать второй опасности, надо положить в очаг крепкое дубовое полено — предпочтительно там, где нет котельной, — и греть его жаром спины, пока за окнами качает деревья февральская выюга. Если ты сам свалил свой собственный крепкий дуб, распилил его, расколол на поленья, притащил их домой и сложил штабелем, все это время задавая работу мысли, вот тогда ты поймешь, откуда берется тепло, и твоя память запечатлеет богатство подробностей, недоступных тем, кто проводит воскресенья в городе верхом на батарее центрального отопления.

Дуб, который сейчас пылает в моем очаге, вырос у обочины старой дороги переселенцев, там, где она взбирается по песчаному косоугору. Свалив его, я измерил пень. Его поперечник равен 30 дюймам, и я насчитал 80 годовых колец, из чего следует, что у ростка, которым он был когда-то, первое кольцо появилось в 1865 году, в конце войны Севера с Югом. Но история нынешних дубовых ростков научила меня, что практически всякий дуб, прежде чем стать недоступным для кроличьих зубов, зиму за зимой теряет большую часть коры, а летом вновь дает побег. Собственно говоря, каждый выросший дуб обязан жизнью либо кроличьему недосмотру, либо отсутствию кроликов. Со временем какой-нибудь терпеливый ботаник выведет кривую укоренения дубовых сеянцев по годам и убедится, что каждые десять лет она дает пик, соответствующий самой низкой точке кривой десятилетнего цикла кроличьей популяции. (Именно этот процесс постоянной внутри- и межвидовой борьбы обеспечивает животным и растениям коллективное бессмертие.)

Таким образом, можно предположить, что в середине шестидесятых годов прошлого века, когда мой дуб начал наращивать ежегодные кольца, кролики в здешних краях почти перевелись, но что давший ему жизнь желудь упал на землю в предыдущем десятилетии, когда по косогору еще взбирались фургоны переселенцев, устремлявшихся к необжитым просторам северо-запада. Возможно, их тяжелые колеса обнажили косогор, и потому этот росток мог подставить свои первые листья солнцу. Ведь лишь из одного желудя на тысячу вырос-тал дубок, которому грозили зубы кроликов, — остальные, ед-ва пробившись из земли, тут же гибли в море степных трав.

И на сердце становится тепло при мысли, что этот дубок не захлебнулся в нем и остался жить, чтобы восемьдесят лет собирать и хранить энергию июньского солнца. Вот этот-то солнечный свет благодаря посредничеству моих пилы и то-пора и высвобождается сейчас, согревая мое жилище и мой дух, пока выюга обрушивается на стены и раз, и два, и во-семьдесят раз. И при каждом порыве ветра клуб дыма над мо-ей трубой свидетельствует всем и каждому, что солнце сияло не напрасно.

Моему псу совершенно не важно, откуда берется тепло, зато ему очень важно, чтобы оно было, и поскорее. И мою способность делать так, чтобы стало тепло, он считает маги-ческой, потому что, когда я встаю с постели в холодном пред-рассветном мраке и, поеживаясь, опускаюсь на колени перед очагом, чтобы развести огонь, он преспокойно втискивается между мной и уложенной на золе растопкой, а я вынужден просовывать руку с зажженной спичкой под его лапами. На-верное, такая вера и двигает горами.

Наращивать древесину и дальше этому дубу помешал удар молнии. Как-то ночью в июле нас всех разбудил оглушитель-ный раскат грома, и мы сразу сообразили, что молния удари-ла где-то рядом, но так как ударила она все-таки не в нас, мы вскоре снова уснули. Человек все примеривает к себе, и в ча-стности молнию.

Утром, поднимаясь на холм и радуясь вместе с рудбекией и степным клевером недавнему освежающему дождю, мы на-ткнулись на огромный пласт коры, сорванный с придорожно-го дуба. По стволу тянулась длинная, шириной в добрый фут



спиральная полоса обнаженной древесины, еще не пожелтевшей от солнца. На следующий день листва на дубе пожухла, и мы поняли, что молния подарила нам целую поленицу отличных дров.

Гибель старого дерева огорчила нас, но мы знали, что на песках десятки стройных и крепких отпрысков по его примеру уже накапливают древесину.

Мы оставили погибшего патриарха еще год сохнуть на солнце, которое он больше не мог пить, а потом в погожий зимний день пришли к нему, и вскоре наточенная пила вгрызлась в могучий ствол над контрфорсами корней. Душистые опилки посыпались из-под ее зубьев, ложась на снег перед коленопреклоненными пыльщиками. Мы чувствовали, что эти две кучки опилок — не просто измельченное дерево, но нечто большее, что это поперечный срез целого века, что наша пила движение за движением, десятилетие за десятилетием все глубже и глубже уходит в летопись целой жизни, записанной концентрическими годовыми кольцами крепкой дубовой древесины.

Всего десяток движений пилы — и уже пройдены те несколько лет, которые ферма принадлежит нам, те несколько лет, которые научили нас любить и беречь ее. И сразу же мы врезаемся в годы нашего предшественника — бутлегера, который ненавидел ферму, совсем истощил ее почву, сжег дом и постройки, швырнул ее снова на иждивение графства (с неуплаченными долгами в придачу) и затерялся среди безымянных безземельных тысяч, выброшенных великой экономической депрессией из привычного круговорота жизни. Тем не менее дуб нарастил для него прекрасную древесину — опилки его лет столь же душисты, крепки и розоваты, как и наших. У дуба нет симпатий и антипатий к людям.

Царствование бутлегера кончается где-то среди засух и пылевых бурь 1936, 1934, 1933 и 1930 годов. Дым дубовых поленьев, нагревавших его самогонный аппарат, и торфяной дым горящих болот, наверное, затемнял в те годы солнце, по штату рыскали поклонники азбучного сохранения окружающей среды, но опилки сыплются все такие же.

«Отдыхай!» — командует старший пильщик, и мы переводим дух.

Теперь пила вгрызается в двадцатые годы, в десятилетие самоупоенных дельцов, когда в горячке безответственности и самодовольства все становилось «больше и лучше» — вплоть до уже пройденного пилой 1929 года и биржевого краха. Если судороги биржи и докатились до дуба, древесина не сохранила никаких следов этого. Не запечатлела она и нескольких законодательных изъятий любви к деревьям — федерального закона о лесах и лесоразработках от 1927 года, создания большого заказника-убежища в пойме верхней Миссисипи в 1924 году и утверждения нового отношения к лесам в 1921 году. Не заметил дуб ни гибели последней куницы Висконсина в 1925 году, ни появления в штате первого скворца в 1923 году.

В марте 1922 года «великий гололед» обломал все окрестные вязы. Но на нашем дереве нет никаких его следов. Что такое лишняя тонна оледеневшего снега для крепкого дуба?

«Отдыхай!» — командует старший пильщик, и мы переводим дух.

Теперь пила проходит между 1920-м и 1910 годами — десятилетие грез о мелиорации, когда паровые экскаваторы высушили болота Центрального Висконсина, чтобы создать плодородные поля, а вместо этого создали лишь пепелища. Наше болото уцелело, однако не из-за добросердечности или дальновидности инженеров, но просто потому, что каждый апрель река, разливаясь, затопляет его, а в 1913 — 1916 годах разливы были особенно бурными (может быть, оборонительно бурными). А дуб знай наращивал древесину — даже в 1915 году, когда верховный суд снял со штата обязанность охранять леса и губернатор Филлип торжественно объявил, что «в охране лесов штатом ничего хорошего с деловой точки зрения нет». (Губернатору не пришло в голову, что «хорошее» имеет разные определения, да и «деловая точка зрения» тоже. Ему не пришло в голову, что, пока суды вносят в законодательство одно определение «хорошего», лесные пожары выжигают на землях штата совсем другое. Возможно, для того, чтобы быть губернатором, надо освободиться от сомнений в подобных вопросах.)

Но если в этом десятилетии охрана лесов ослабела, охрана дичи входила в силу. В 1916 году в графстве Уокешо успешно прижились фазаны, в 1915 году федеральный закон запретил весеннюю охоту, в 1913 году в штате была создана ферма для разведения дичи, в 1912 году «олений закон» поставил под охрану оленьих самок, в 1911 году штат охватила лихорадка создания убежищ. Слово «убежище» стало священным, но дуб этого не заметил.

«Отдыхай!» — командует старший пильщик, и мы переводим дух.

Теперь мы пилим 1910 год, когда ректор большого университета опубликовал книгу о сохранении дикой природы, когда большое нашествие пилильщиков погубило миллионы лиственниц, когда большая засуха сожгла сосновые боры, а большая землечерпалка осушила Хориконское болото.

Мы пилим 1909 год, когда в Великие озера впервые была запущена корюшка, а дождливое лето побудило законодательное собрание штата урезать суммы, выделенные на борьбу с лесными пожарами.

Мы пилим 1908 год — сухой год, когда бушевали лесные пожары и Висконсин простился со своей последней пумой.

Мы пилим 1907 год, когда бродячая рысь в поисках земли обетованной свернула не туда и окончила свой жизненный путь среди ферм графства Дейн.

Мы пилим 1906 год, когда в штате приступил к выполнению своих обязанностей первый лесничий, а в песчаных графствах пожары уничтожили 17 000 акров леса; мы пилим 1905 год, когда с севера прилетело много ястребов-тетеревятников, которые истребили местных воротничковых рябчиков (наверное, они опускались со своей добычей и на ветви этого дуба). Мы пилим на редкость жестокую зиму 1903/1902 года; 1901 год, который принес самую сильную из известных засух (выпало только 17 дюймов дождя); 1900 год, открывавший новое столетие надежд и молитв и отмеченный таким же кольцом древесины, как и все прочие.

«Отдыхай!» — командует старший пильщик, и мы переводим дух.

Теперь наша пила вгрызается в девятые годы прошлого века, которые назывались «веселыми» и обращали взгляд на города, а не на природу родной земли. Мы проходим 1899 год, когда последний странствующий голубь столкнулся с зарядом дробы под Бабкоком, в двух графствах к северу от нас; мы проходим 1898 год, когда после сухой осени бесснежная зима проморозила землю на 7 футов и убила яблони; 1897 год, тоже засушливый, когда была создана еще одна лесная комиссия; 1896 год, когда 25 тысяч степных тетеревов были отправлены на рынок только из местечка Спунер; 1895 год, еще один год пожаров; 1894 год, еще один засушливый год, и 1893 год, год «бурана синих птиц», когда мартовская выюга погубила чуть ли не всех синих птиц во время их пролета. (Первые синие птицы всегда опускались на этот дуб, но в середине девятых годов прошлого века ему почти наверное не пришлось их привечать.) Мы проходим 1892 год, еще один год пожаров; 1891 год, низшую точку цикла численности воротничкового рябчика, и 1890 год, ознаменованный созданием Бабкокского сепаратора, благодаря которому губернатор Хейл смог пол-

века спустя гордо назвать Висконсин «молочной фермой Америки».

И в том же 1890 году по реке Висконсин на виду у моего дуба гнали самые большие в истории сосновые плоты для сооружения бесчисленных красных коровников на просторах прерий. И сейчас крепкая сосна защищает какую-то корову от выюги, как крепкий дуб защищает от выюги меня.

«Отдыхай!» — командует старший пильщик, и мы переводим дух.

Теперь наша пила вгрызается в восьмидесятые годы прошлого века, в 1889 год, когда впервые был провозглашен День посадки деревьев; в 1887 год, когда Висконсин назначил первых егерей для охраны дичи; в 1886 год, когда сельскохозяйственный колледж впервые организовал краткосрочные курсы для фермеров; в 1885 год, которому предшествовала зима «неслыханной продолжительности и суровости»; в 1883 год, когда декан У. Х. Генри сообщил, что в Мадисоне весенние цветы зацвели на 13 дней позже среднего срока; в 1882 год, когда озеро Мендота вскрылось на месяц позже обычного из-за исторического «великого снегопада» и жестоких холодов зимы 1881/1882 года.

И в том же 1881 году Висконсинское сельскохозяйственное общество обсуждало вопрос: «Как вы объясняете вторичное появление черного дуба по всему графству за последние тридцать лет?» Одним из этих дубов был и мой дуб. Кто-то из выступавших выдвинул идею самозарождения, другой считал, что летящие на юг голуби отгрыгивают желуди.

«Отдыхай!» — командует старший пильщик, и мы переводим дух.

Теперь наша пила грызет семидесятые годы прошлого века — десятилетие висконсинской пшеничной вакханалии. Похмелье наступило в 1879 году, когда пшеничные клопы, гусеницы, ржавчина и истощение почвы убедили висконсинских фермеров, что им не под силу тягаться с поселенцами западных прерий в их излюбленной игре — сей, сей, сей пшеницу, пока не высосешь из земли все соки. По-видимому, наша ферма тоже участвовала в этой игре, и ветровой песчаный на-

нос точно к северу от моего дуба обязан своим происхождением пшеничным безумствам.

Тот же 1879 год наблюдал, как в Висконсине впервые начали разводить карпа и как там появился пырей, тайком перебравшийся через океан в трюмах грузовых судов. Днем 27 октября того же года шестеро степных тетеревов опустились отдохнуть на конек немецкой методистской церкви в Мадисоне и оглядели растущий городок. А 8 ноября сообщалось, что рынки Мадисона завалены утками по десять центов за штуку.

В 1878 году охотник на оленей из Сок-Рапидс бросил пророческую фразу: «Скоро охотников будет больше, чем оленей».

В 1877 году два брата, охотясь на озере Маскиго, за один только день 10 сентября добыли 210 синекрылых чирков.

В 1876 году выпало более 50 дюймов дождя — рекордная цифра. Численность степных тетеревов резко сократилась: возможно, из-за сильных дождей.

В 1875 году четыре охотника убили в Йорк-Прери, через одно графство к востоку, 153 степных тетерева. В том же году комиссия США по рыболовству выпустила мальков лосося в озеро Девилс-Лейк, в десяти милях к югу от моего дуба.

В 1874 году стволы дубов опутывались новинкой — колючей проволокой фабричного производства. Как бы зубья пилы не наткнулись в древесине на такой сувенир!

В 1873 году некая чикагская фирма получила и продала 25 тысяч степных тетеревов. Всего торговцы Чикаго купили 600 тысяч птиц по 3 доллара 25 центов за дюжину.

В 1872 году была убита последняя висконсинская дикая индейка — через два графства к юго-западу.

По-своему знаменательно, что десятилетие, завершившее пшеничную вакханалию первопоселенцев, завершило и вакханалию истребления странствующего голубя. В 1871 году в пятидесятимильном треугольнике к северу от моего дуба гнездились около 136 миллионов этих голубей; возможно, их гнезда были и на его ветвях — ведь тогда он уже был двадцатифутовым молодым дубом. Сотни охотников промышляли голубей с помощью сетей и ружей, дубинок и соли. В большие города на юг и восток шли целые поезда с будущей начинкой

для пирогов. Это было последнее крупное гнездовье в Висконсине и одно из последних в стране.

Тот же 1871 год принес и другие свидетельства натиска технической цивилизации: пештигский пожар, уничтоживший леса и верхний слой почвы в двух-трех графствах, и чикагский пожар, который, по преданию, задела корова, возмущенно брыкнув подойник.

В 1870 году уже завершился натиск полевков: они сгрызли юные фруктовые саженцы в юном штате, а затем вымерли. Моего дуба они не тронули — его кора была уже слишком толстой и грубой для мышиных зубов.

В том же 1870 году охотник хвастливо сообщил в охотничьем журнале *American Sportsman*, что за прошлый сезон он добыл в окрестностях Чикаго 6 тысяч уток.

«Отдыхай!» — командует старший пильщик, и мы переводим дух.

Теперь наша пила проходит шестидесятые годы прошлого века, когда тысячи и тысячи людей погибли, разрешая вопрос о том, можно ли безболезненно вырывать составные части из сообщества человек — человек. Этот вопрос они разрешили, но не заметили, как до сих пор не замечаем и мы, что тот же вопрос равно относится к сообществу человек — природа.

Это десятилетие знало некоторые поиски вслепую, касавшиеся второго вопроса. В 1867 году садовод А. Лэпен убедил Садоводческое общество штата назначить премии за лесные посадки. В 1866 году был убит последний висконсинский вапити. А теперь пила делит надвое 1865 год, сердцевину нашего дуба. В этом году Джон Мьюир хотел купить у своего брата, которому тогда принадлежала родовая ферма в тридцати милях к востоку от нашего дуба, участок, чтобы сохранить дикие цветы, так украшавшие его детство. Брат не согласился уступить свою землю, но идея осталась жить, и в истории Висконсина 1865 год остается годом первой попытки защитить дику природу, сохранить ее вольной и нетронутой.

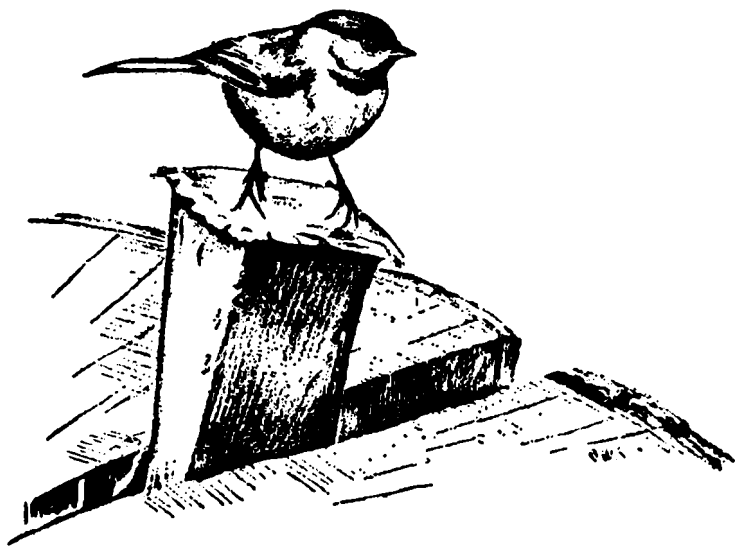
Мы прошли сердцевину. Наша пила теперь движется в направлении хода истории. Мы идем поперек уже пройденных лет, вперед к коре. Наконец огромный ствол содрогается, внезапно распил становится шире, пильщики мгновенно вытас-

кивают пилу и отбегают на безопасное расстояние. Все дружно кричат: «Берегись!» Мой дуб кренится, стонет и с громовым треском валится поперек старой дороги переселенцев, которая дала ему жизнь.

Теперь надо превратить старого великана в дрова. Стальные клинья звенят под ударами кувалды, и отпиленные чурбаки один за другим распадаются на душистые поленья. Их складывают у дороги и стягивают веревкой в аккуратные вязанки.

Пила, клин и топор действуют по-разному, на свой лад, предлагая историкам глубокую аллгорию.

Пила движется только поперек лет в строго хронологическом порядке. Разведенные зубья по очереди извлекают из каждого года лежащие кучками щепочки фактов. Лесорубы называют их опилками, а историки — архивами; те и другие судят о том, что скрыто внутри, по образчикам, извлеченным наружу. Только когда распил закончен и дерево падает, на срезе пня взгляду открывается общий вид столетия. Своим падением дерево подтверждает единство мешанины, которую мы зовем историей.



Клин раскалывает по вертикали, открывая взгляду общий вид на все годы одновременно — или же ничего не открывая, так как тут все зависит от того, насколько точно выбрано направление удара. (Если вы не уверены, оставьте чурбак сохнуть до будущего года, чтобы появились трещины. Сколько клиньев, нерасчетливо вогнанных поперек волокна, ржавеет по лесам!)

Топор рубит только под углом к годам и только в пределах внешних колец недавнего прошлого. Его особое назначение — обрубать сучья, для чего ни пила, ни клин не годятся.

Эти три орудия необходимы и для хорошего дуба, и для хорошей истории.

Вот о чем я размышляю под пение чайника, пока крепкие дубовые поленья догорают, рассыпаясь алыми углями по белой золе. Зола эту, когда наступит весна, я верну земле в яблоневом саду у подножия песчаного холма. И она вновь возвратится ко мне то ли как румяные яблоки, то ли в неумной энергии какой-нибудь жирной октябрьской белки, которая, сама не зная почему, упорно сажает и сажает желуди.

Март

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГУСЕЙ

Одна ласточка не делает весны, но одна стая диких гусей, прорезающая мутную мглу мартовской оттепели, — это сама весна.

Кардинал встречает оттепель весенней песенкой, но, убедившись в своей ошибке, он может вновь погрузиться в зимнее молчание. Бурундук выбегает из норки, чтобы принять солнечную ванну, но, увидев кружащиеся снежные хлопья, он может вновь вернуться в свою теплую постель. Однако перелетному гусю, одолевшему в ночном мраке двести миль в надежде найти полынью на озере, отступать некуда. В его появлении есть что-то от неколебимой убежденности пророка, который сжег за собой мосты.

Мартовское утро скучно и серо только для тех, кто ни разу не взглянет в небо, не насторожит слуха, ожидая услышать



гусиные клики. Я знал весьма ученую даму, окольцованную дипломом с отличием, которая, по ее словам, ни разу не видела и не слышала гусей, дважды в год возвещающих смену времен года ее звуконепроницаемой крыше. Неужели получать образование — это значит обменивать чуткость восприятия на более дешевые ценности? Если бы какой-нибудь гусь рискнул на такой обмен, он скоро превратился бы в безжизненную кучу перьев.

Гуси, провозглашающие смену времен года над нашей фермой, чутко восприняли очень многое — включая и висконсинские законы об охоте. Спешащие на юг ноябрьские стаи пролетают над нами в гордой вышине и без единого приветственного крика минуют свои излюбленные песчаные косы и заводи. Любая линейка покажется кривой, если приложить ее к линии, которую они прочерчивают в небе, устремляясь к ближайшему большому озеру в двадцати милях южнее, где днем они будут отдыхать на середине широкого плеса, а ночью воровать кукурузу на сжатых полях. Ноябрьские гуси давным-давно восприняли, что от зари и до зари каждое болотце, каждый пруд щетинятся алчущими ружьями.

Другое дело — мартовские гуси. Хотя по ним стреляли всю зиму, о чем свидетельствуют следы дробы на их маховых перьях, они знают, что в силу уже вступило весеннее перемирие. Они следуют всем излучинам реки, пролетают совсем низко над мысками и островами, где теперь нет ни единого охотника, и радостно гогочут при виде каждой косы, точно здороваясь со старым другом. Они низко кружат над болотами и лугами, приветствуя каждое вскрывшееся озерцо, каждую оттаявшую лужу. Наконец они проформы ради делают несколько кругов над нашим болотом, а затем идут на посадку и бесшумно планируют на пруд, выпустив темные шасси и белая подхвостьями. Едва коснувшись воды, новоприбывшие гуси поднимают такой гогот и так бурно плещутся, что вытряхивают из ломкого рогаза последние воспоминания о зиме. Наши гуси снова дома!

И каждый год в эту минуту я жалею, что я не ондатра, укрывая болотной водой по самые глаза.

Эти первые гуси встречают шумными приглашениями каждую приближающуюся стаю, и через несколько дней бо-

лото уже кишит птицами. На ферме у нас есть две мерки для определения размаха нашей весны: число посаженных сосенок и число гусей, остановившихся на болоте. Наш рекорд — 642 гуся, сосчитанные 11 апреля 1946 года.

Как и осенью, наши весенние гуси ежедневно навещают поля, но не тайком, не под покровом ночного мрака, — они шумно отправляются бродить по стерне среди бела дня и столь же шумно возвращаются обратно. Каждую такую вылазку предваряют громкие споры, и каждое возвращение — еще более громкие. Освоившись, гуси на обратном пути с полей уже не считают нужным кружить над болотом, а прямо сыплются с неба, точно кленовые листья, заходя справа и слева, чтобы быстрее потерять высоту, вытягивая ноги навстречу приветственным кликам внизу. Затем раздается оглушительный гогот — возможно, идет обмен мнениями о достоинствах недавнего обеда. Они подбирают теперь осыпавшиеся зерна, которые пролежали зиму под снежным одеялом, недоступные для ворон, кроликов, полевок и фазанов — всех тех, кто любит лакомиться кукурузой.

Твердо известно, что для кормежки гуси предпочитают поля, распаханые на месте прежних прерий. Но никто не знает, отражает ли это предпочтение какую-то особую питательность тамошнего зерна или же традицию предков, передававшуюся из поколения в поколение со времен нетронутых прерий. А может быть, объяснение заключается просто в том, что такие поля, как правило, обширнее. Будь у меня способность понимать громовые споры, бушующие до и после налетов на поля, я, наверное, скоро понял бы причины этого пристрастия к прерии. Но такой способности у меня нет, и я несколько не огорчаюсь, что тайна остается тайной. Если бы мы знали о гусях все, каким скучным стал бы мир!

Наблюдая будни весеннего слета гусей, начинаешь замечать преобладание гусей-одиночек, которые то и дело перелетают с места на место и особенно много гогочут. Очень легко приписать их крикам тоскливость и тут же решить, что это безутешные вдовцы или матери, разыскивающие потерянных детей. Однако бывалый орнитолог знает, сколь рискованно такое субъективное истолкование поведения птиц. И я долго старался воздерживаться от поспешных выводов.

Шесть лет я со своими студентами пересчитывал гусей, составляющих одну стаю, и результаты этой работы пролили неожиданный свет на загадку одиноких гусей. Статистический анализ показал, что частота, с которой встречаются стаи с числом особей равным или кратным шести, не может быть случайной. Другими словами, гусиные стаи — это семьи или объединения семей, и весенние одинокие гуси, вероятнее всего, действительно потеряли своих близких, как с самого начала и рисовалось нашему воображению. Уцелев от осиротившей их зимней охоты, они тщетно разыскивают свою переставшую существовать семью. Теперь, услышав их тоскливые крики, я с полным правом могу всем сердцем сочувствовать им.

Не так уж часто бесстрастная математика подтверждает сентиментальные фантазии любителя птиц!

Апрельскими вечерами, когда уже так тепло, что можно сидеть на крыльце, мы любим прислушиваться к дебатам на болоте. Долгое время тишину нарушает только посвистывание кулика, дальнее уханье совы или гнусавое клохтанье влюбленной лысухи.

Потом вдруг раздается пронзительный гогот — и поднимается невообразимый шум. Бьют по воде крылья, пенят воду широкие лапы, швыряя вперед темные тела, и, как обычно при бурных спорах, кричат все кто во что горазд. Наконец какой-нибудь особо голосистый гусь оставляет за собой последнее слово, и шум замирает, переходя в то еле слышное бормотание, которое почти никогда не стихает в гусиной стае. И вновь: ах, почему я не ондатра!

К тому времени, когда расцветает сон-трава, делегаты гусиного слета на нашем болоте отправляются восвояси. К исходу апреля оно вновь становится всего лишь сырой путаницей зеленых трав и оживляют его только краснокрылые болотные трупялы и пастушки.

Организация Объединенных Наций была создана в 1945 году, но гуси прониклись идеей единства мира много раньше и каждый март вверяют ее истинности свою жизнь.

Вначале было только единство великих ледников. Его сменило единство мартовских оттепелей и ежегодного пере-

селения международных гусей на север. Каждый март со времен плейстоцена гуси трубили о единстве от Южно-Китайского моря до сибирских степей, от Евфрата до Волги, от Нила до Мурманска, от Линкольншира до Шпицбергена. Каждый март со времен плейстоцена гуси трубили о единстве от Карритака до Лабрадора, от Матануски до Унгавы, от озера Хорсшу до Гудзонова залива, от Эйвери-Айленда до Баффиновой Земли, от Панхандла до Маккензи, от Сакраменто до Юкона.

Благодаря таким международным передвижениям гусей избыток илинойсской кукурузы уносится сквозь весенние туманы в арктическую тундру, где в сочетании с избытком света незаходящего июньского солнца он помогает взрастить гусят для всех земель, лежащих на гусиных маршрутах. И этот ежегодный обмен пищи на свет и зимнего тепла на пустынные летние просторы приносит всему континенту чистую прибыль — песню дикой природы, слетающую с мглистого неба на мартовскую грязь.

Апрель

ПОЛОВОДЬЕ

По той же логике, по которой большие реки обязательно текут около больших городов, весеннее половодье время от времени отрезает маленькие фермы от всего мира. Наша ферма — маленькая, и порой, приехав туда в апреле, мы оказываемся отрезанными от всего мира.

Конечно, непреднамеренно. Казалось бы, на то и прогноз погоды, чтобы примерно знать, когда снег на севере начнет бурно таять, и подсчитать, сколько суток потребуется высокой воде, чтобы миновать города в верхнем течении реки. Тем не менее в воскресенье вечером, когда пора возвращаться в город, где ждет работа, вдруг выясняется, что это невозможно. Как ласково бормочет разливающаяся вода, соболезная по поводу деловых встреч утром в понедельник, которые она сорвала! Как звучно и громко кричат гуси, переплывая с одного ставшего озером поля на другое! Через каждые сто ярдов то

один, то другой гусь начинает бить крыльями, стремясь увлечь за собой стаю на исследование этого нового водяного мира.

Ликование гусей, когда приходит высокая вода, — вещь тонкая, и те, кто плохо разбирается в гусяной болтовне, могут его и не заметить, зато карпы ликуют попросту и без обвиняков. Не успевает разлив увлажнить корни трав, а карпы уже тут как тут, подрывают их и возятся в мути с упоением свиней, выпущенных в поле. Сверкая красными хвостами и желтыми брюшками, они плывут по колеям и коровьим тропам, прорываются сквозь тростники и кустарники, торопясь исследовать свою расширяющуюся вселенную.

В отличие от гусей и карпов, обитающие на суше птицы и млекопитающие встречают половодье с философским безразличием. Кардинал на ветке погруженной в воду березы громко высвистывает свою заявку на территорию, о существовании которой свидетельствуют лишь деревья. Воротничковый рябчик гремит где-то в затопленном лесу. Конечно, он выбрал самый толстый комель самого толстого из упавших стволов, которые облюбовал для этого занятия. Полевки плывут к пригорку спокойно и уверенно, точно миниатюрные ондатры. Из яблоневого сада выбегает олень: вода заставила его покинуть обычное дневное убежище в ивняке. Повсюду снуют кролики, хладнокровно обосновавшиеся на нашем холме, который временно превратился в Ноев ковчег.

Весенний разлив несет нам не только увлекательные приключения, но еще и целую коллекцию самых неожиданных плавучих предметов, которые река стащила на фермах выше по течению. Старую доску, севшую на мель у нас на лугу, мы ценим вдвое дороже новой, только что доставленной с лесопильни. Ведь всякая старая доска имеет свою историю, пусть неизвестную, но поддающуюся разгадке, если внимательно рассмотреть, из какого она дерева, каких размеров, следы каких гвоздей, винтов или краски остались на ней, обстругана она или нет, потрескалась или подгнила. По тому, как песок мелей и перекатов исцарапал ее края, можно даже догадаться, сколько раз переносили ее внешние воды с одного места на другое.

Штабель досок, которые нам принесла река, — это не просто собрание индивидуальностей, но и сборник рассказов

о человеческой деятельности на фермах и в лесах выше по течению. Автобиографии старых досок пока еще не включены в университетские курсы литературы, но это не мешает любой ферме на речном берегу обладать библиотекой, всегда доступной тем, кто орудует молотком и пилой. И с каждым половодьем она пополняется всякими новинками.

Уединение бывает разным и обладает многими степенями. Остров на середине озера — место уединенное, но по озеру плавают лодки, и всегда можно ждать гостей. Заоблачная вершина сулит свое уединение, но почти на все вершины ведут тропы, а по тропам ходят туристы. Я не представляю себе уединения более нерушимого, чем то, которое оберегается весенним половодьем. И так же считают гуси, которым ведомо куда больше степеней и разновидностей одиночества, чем мне.

И вот мы сидим на своем холме возле расцветшей сон-травы и смотрим на проплывающих гусей. Я гляжу туда, где наша дорога уходит под воду, и решаю (с внешним равнодушием, но про себя ликуя), что по крайней мере сегодня вопрос о том, как добраться сюда или выбраться отсюда, плодотворно могут обсуждать только карпы.

КРУПКА

Еще две-три недели, и крупка, самое крохотное из цветущих растений, усеет все пески своими малюсенькими звездочками. Тот, кто ищет весну, с надеждой глядя вверх, не видит такой мелочи, как крупка. Тот, кто, отчаявшись ждать весну, опускает глаза, топчет ее, не замечая. Тот, кто ищет весну, ползая на коленях в грязи, находит ее в изобилии.

Крупка просит — и получает — лишь самую скудную долю тепла и комфорта; она живет не востребуемыми остатками времени и пространства. Учебники ботаники отводят ей две-три строчки, но никогда не помещают ее рисунка или фотографии. Крупке достаточно песка, слишком бесплодного, и солнца, слишком слабого для более крупных, нарядных цве-

тов. В конце-то концов, она вовсе и не весенний цветок, а всего лишь постскрипум к надежде.

Крупка не заставляет звучать струны сердца. Ее благоухание — если она благоухает — бесследно развеивают порывистые ветры. Цвет у нее безыскусственно белый. Листья ее носят практичную одежду из мохнатых волосков. Ее никто не ест — она слишком мала. Поэты ее не воспевают. Какой-то ботаник дал ей однажды латинское название и забыл про нее. В ней нет ничего значительного — просто маленькое живое существо, исполняющее свою работу быстро и хорошо.

ДУБ КРУПНОПЛОДНЫЙ

Когда школьники голосуют, какую птицу, какой цветок или дерево выбрать символом своего штата, они не принимают решения, а просто ратифицируют выбор истории. История сделала дуб крупноплодный типичным деревом Южного Висконсина в те времена, когда травы прерий впервые завладели районом. Этот дуб — единственное растение, способное выдержать степной пожар и выжить.

Вы никогда не задумывались над тем, почему толстый слой пробковой коры одевает все дерево вплоть до самых тонких его веточек? Кора служит ему броней. Эти дубы были передовым отрядом наступающих лесов, который двинулся штурмовать прерию. Сражаться им приходилось с пожарами. Каждый апрель, до того как молодая трава одевала прерию несгораемой сочной зеленью, там бушевали пожары, щадя только те дубы, которые успели нарастить толстую кору, непроницаемую для жара. Разбросанные там и сям рощи ветеранов давних сражений почти сплошь состоят из дубов крупноплодных.

Инженеры не изобретали изоляцию, они заимствовали ее идею у этих старых солдат, воевавших с прерией. Ботаники прочли историю двадцатитысячелетней войны. Летопись состоит частично из пыльцы, сохранившейся в торфе, а частично из реликтовых растений, интернированных в тылу и забытых там. Летопись рассказывает, что лес временами отступал почти до озера Верхнего, а временами проникал глубоко на



юг. Был период, когда фронт продвинулся так далеко, что ели и другие «арьергардные» виды росли у южной границы Висконсина и еще южнее — еловая пыльца содержится на определенном уровне во всех тамошних торфяниках. Но в основном битва прерии и леса велась там, где граница между ними проходит сейчас, и исход этой битвы остается ничейным.

Свою роль тут сыграли союзники, которые поддерживали то одну, то другую сторону. Так, кролики и полевки летом срезали под корень травы прерии, а зимой обдирали кору с молодых дубков, не погибших от пожаров. Белки сажали желуди осенью и поедали их в остальные времена года. Личинки хрущей портили корни трав, но взрослые жуки объедали листву дубов. Однако не будь эти союзники — а с ними и победа — столь переменчивы, у нас не было бы той богатой мозаики степных и лесных почв, которая столь декоративно выглядит на карте.

Джонатан Карвер оставил нам яркое описание границы прерий, когда в них еще не хлынули переселенцы. 10 октября 1763 года он посетил Блу-Маундс — группу высоких холмов (теперь заросших лесом) у юго-западного края графства Дейн. Он рассказывает: «Я поднялся на самый высокий и обозрел окрестность. На многие мили вокруг виднелись только холмы пониже, вдали походившие на стога, потому что деревьев на них нет вовсе. Только ложбины кое-где поросли ги-кори и чахлыми дубами».

В сороковых годах прошлого века в битву вмешался новый участник — поселенец. Он ни о чем таком не думал и просто распахивал под поля столько земли, что прерия лишилась своего верного союзника — пожаров. Дубовые ростки тотчас легионами двинулись в луга, и область прерий преобразилась в область лесных ферм. Если не верите, пересчитайте годовые кольца любых пней любой лесистой гряды на юго-западе Висконсина. Все деревья там, за исключением старейших ветеранов, датируются пятидесятыми и шестидесятыми годами прошлого века — а именно тогда прерия перестала гореть.

Джон Мьюир вырос в графстве Маркетт как раз в тот период, когда новые леса захватили старую прерию и ее дубравы исчезли в чаще молодых деревьев. В своей книге «Отрочество и юность» он вспоминает: «Густая и высокая трава, пита-

емая богатой почвой иллинойсской и висконсинской прерии, давала такую пищу пожарам, что там не могло расти ни одно дерево. Не будь пожаров, прекрасная прерия, замечательнейшая особенность этого края, была бы покрыта дремучим лесом. Едва край был заселен и фермеры приняли меры против низовых пожаров, корни взрастили деревья, образовавшие столь густые чащи, что сквозь них было трудно продираться, и солнечные дубравы исчезли без следа».

Итак, тот, на чьей земле растет дуб крупноплодный, владеет не просто деревом. Он владеет исторической библиотекой и абонементом в театр эволюции. Для умудренного взгляда его ферма украшена эмблемой и символом войны леса и прерии.

ТАНЦЫ В НЕБЕ

Только через два года после покупки фермы я узнал, что в апреле и мае над моим лесом каждый вечер бывают танцы в небе. После этого мы — моя семья и я — старались не пропустить ни одного такого танца.

Балет начинается в первый теплый апрельский вечер точно в шесть часов пятьдесят минут. Затем изо дня в день занавес поднимается на минуту позже, чем накануне, и так до 1 июня, когда начало приходится на семь часов пятьдесят минут. Эту скользящую шкалу устанавливает тщеславие танцора: ему необходима романтическая сила света точно 0,05 фут-свечи. Не опаздывайте и сидите тихо, не то он оскорбленно улетит. Декорации, как и время, свидетельствуют об артистическом темпераменте исполнителя. Он согласен выступать только в открытом амфитеатре, среди леса или кустарника, и в центре сцены обязательно должна быть полоска мха или бесплодного песка, голая каменная россыпь или голая середина тропы. Сначала меня удивляло, почему самцу вальдшнепа требуются для танца голые подмошки, но теперь я думаю, что дело тут в особенностях его ног. Ноги у вальдшнепа короткие, и в густой траве или зарослях бурьяна он не мог бы выполнять свои па с блеском, да и его дама их просто не увидела бы. На моей ферме больше вальдшнепов, чем на соседних,

потому что на ней особенно много песчаных проплешин, покрытых мхом, так как им нечем питать траву.

Зная час и место, вы устраиваетесь под кустом к востоку от сцены и терпеливо ждете, вглядываясь в закатное небо, не появится ли вальдшнеп. Он прилетает из какой-нибудь ближней чащи, держась очень низко, опускается на голый мох и тотчас начинает увертюру, каждые две секунды испуская странные горловые звуки «циик, циик», очень похожие на летний крик козодоя.

Внезапно циканье обрывается, и птица взмывает в небо, выписывая широкие спирали и музыкально посвистывая. Она поднимается все выше, спирали сужаются, становятся круче, а свист громче, и вот уже артист кажется темной точкой в небе. Затем он внезапно падает вниз, точно подбитый самолет, сопровождая свое падение нежными гармоничными трелями, которым может позавидовать любая синяя птица в марте. Почти у самой земли он выравнивается, возвращается на сцену — обычно на то самое место, где начиналось представление, — и вновь принимается цикать.

Скоро настолько смеркается, что танцора на земле уже не видно, но за его полетами можно следить еще час — обычное время представления. Однако в лунные ночи оно может с интервалами продолжаться до тех пор, пока луна не скроется.

На рассвете балет повторяется заново. В начале апреля занавес опускается в пять часов пятнадцать минут, на другой день — на две минуты раньше, и так до июня, когда последнее выступление в этом году заканчивается в три часа пятнадцать минут утра. Почему такая разница в скользящей шкале? Увы, боюсь, что даже романтик способен устать: на утренней заре, чтобы танец оборвался, нужно в пять раз меньше света, чем требуется для его начала на вечерней заре.

Как внимательно ни изучай сотни маленьких спектаклей, разыгрывающихся в лесах и лугах, все-таки никогда не узнаешь всего хотя бы об одном из них — и пожалуй, это хорошо. О танцах в небе мне пока неизвестно следующее: где прячется дама и какова ее роль, если у нее есть роль. Я часто вижу на площадке двух вальдшнепов, и иногда они летают вместе, но никогда вместе не цикают. Так кто же эта вторая птица — самка или самец-соперник?

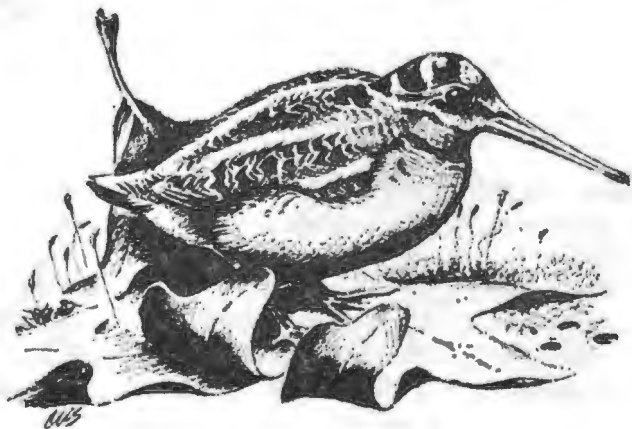


Еще один вопрос — подается ли свист горлом или производится механически? Мой друг Билл Фини однажды набросил сеть на цикающего вальдшнепа и удалил из его крыльев внешние первостепенные маховые перья. После этого свиста больше не слышалось, хотя циканье и трели раздавались по-прежнему. Но один такой эксперимент едва ли можно считать доказательным.

И еще один вопрос: до какого этапа гнездования продолжает самец танцы в небе? Моя дочь однажды наблюдала, как самец цикал в двадцати ярдах от гнезда с пустыми скорлупками. Но его ли даме принадлежало это гнездо? А может быть, скрытный танцор — просто двоеженец, хотя нам так и не удалось его разоблачить? Ответы на этот и еще на многие другие вопросы по-прежнему остаются тайной густеющих сумерек.

Небесный балет дается ежевечерне на сотнях ферм, собственники которых скушают по подобным зрелищам, но питают иллюзию, будто их можно увидеть только в театре. Они живут среди природы, но не природой.

Вальдшнеп — живое опровержение теории, будто вся польза от охотничьей птицы исчерпывается тем, что она служит мишенью для охотничьих ружей или изящно возлежит на ломтике поджаренного хлеба. Я всегда готов охотиться на вальдшнепов в октябре, но с тех пор, как я узнал про танцы в небе, с меня довольно одной-двух птиц. Я не хочу, чтобы в апреле в закатное небо взмывало меньше танцоров.



ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АРГЕНТИНЫ

Когда одуванчики накладывают на висконсинские пастбища печать мая, наступает пора прислушиваться, не раздастся ли завершающий сигнал весны. Присядьте на кочку, вслушайтесь в небо, отстранитесь от гомона луговых и болотных трупиалов, и, быть может, вы вскоре услышите этот сигнал — полетную песню длиннохвостого песочника¹, только что вернувшегося из Аргентины.

Если зрение у вас острое, устремите взгляд в небо, и вы увидите, как он, трепеща крыльями, кружит среди пушистых облаков. Но если вы близоруки, не пытайтесь искать его в вышине, а просто посматривайте на столбы изгороди. Вскоре серебряная вспышка подскажет вам, на какой столб опустился песочник, складывая свои длинные крылья. Тот, кто изобрел слово «грациозность», наверное, видел, как длиннохвостый песочник складывает крылья.

Вот он сидит и всем своим видом требует, чтобы вы поскорее убрались из его владений. Пусть у вас есть документы, свидетельствующие, что этот луг — ваша законная собственность, песочник безмятежно игнорирует скучные юридические права. Он только что пролетел четыре тысячи миль, чтобы подтвердить титул на эту землю, который получил от индейцев, и до тех пор, пока молодые песочники не научатся летать, луг принадлежит ему, а непрошеным гостям делать тут нечего.

Где-то поблизости его подруга насиживает четыре крупных остроконечных яйца, из которых вскоре вылупятся четыре бойких птенца. Едва успевает обсохнуть их пушок, как они уже шныряют в траве, точно мышки на ходулях, и ловко ускользают от ваших неуклюжих рук, если вы пытаетесь их схватить. Через тридцать дней они уже совсем взрослые — ни одна охотничья птица не развивается с такой быстротой. В августе они заканчивают летную школу, и в прохладные ночи слышится их сигнальный пересвист — это они отправляются в дальний путь к пампе, вновь доказывая извечное единство

¹ Имеется в виду *Bartramia longicauda*. (Примеч. ред.)

Америк. Солидарность полушария — новинка для государственных деятелей, но не для пернатых небесных флотилий.

Длиннохвостый песочник легко приспосабливается к жизни на ферме. Он следует за черно-белыми «бизонами», которые ныне пасутся на его прерии, и считает их вполне приемлемой заменой бурых великанов былых времен. Он гнездится не только на пастбищах, но и на покосах, в отличие от неуклюжих фазанов не попадая под ножи косилки. Задолго до того, как приходит пора сенокоса, молодые песочники успевают встать на крыло. В краю ферм у длиннохвостого песочника есть только два настоящих врага — овраг и осушительная канава. Возможно, недалек тот день, когда мы обнаружим, что они и наши враги.

В начале века висконсинские фермы чуть было не лишились своих вестников поздней весны, и майские луга тогда зеленели в безмолвии, а в августовские ночи не раздавался пересвист, возвещающий приближение осени. Вездесущие ружья вимали непомерную дань с новых выводков. Запоздалое введение федеральных законов об охране перелетных птиц спасло их, можно сказать, в самую последнюю минуту.

Июнь

РЫБОЛОВНАЯ ИДИЛЛИЯ НА ОЛЬХОВОЙ ПРОТОКЕ

Как оказалось, вода в главном русле настолько убывала, что кулички бродили там, где в прошлом году на перекатах прыгала форель, и так прогрелась, что мы окунались в самую глубокую заводь, даже не взвизгнув. Но и после освежающего купания болотные сапоги дышали жаром, будто нагретый на солнце толь.

Вечернее ужение было именно таким огорчительным, как сулили эти предзнаменования. Мы просили у ручья форели, а он подсунил нам гольяна. Ночью мы сидели, обороняясь от комаров дымокурком, и обсуждали планы на завтра. Мы проделали двести миль по жарким пыльным дорогам, чтобы вновь почувствовать властный рывок обманувшейся в своих ожиданиях радужной или ручьевой форели, а их не было.

Однако тут мы вспомнили, что этот ручей не так прост, и выше по течению, почти у самых его истоков, мы однажды набрали на узкую глубокую протоку, которую питали ледяные ключи, бившие в густом ольховнике. Как поступит уважающая себя форель в такую погоду? Точно так же, как и мы: поднимется выше по течению.

В утренней свежести, когда сотни славок не желали вспоминать, что эта приятная прохлада не вечна, я сполз по росистому откосу и ступил в Ольховую протоку. Выше по течению как раз всплывала форель. Я вытравил леску, опять пожалев, что она не остается всегда такой же мягкой и сухой, и, раза два неверно оценив расстояние, наконец забросил измученного комара точно в футах перед форелью. Забыты были жаркие мили, комары, непотребный голян. Она проглотила наживку одним могучим глотком, и вскоре я уже слышал, как она бьется в корзине на ложе из мокрых ольховых листьев.

Тем временем другая, даже еще более крупная рыба всплыла в следующей заводи, где обрывался «судоходный фарватер» — у ее верхнего конца смыкалась стена ольхи. Деревце в самой струе течения содрогалось от непрерывного беззвучного смеха, словно по адресу той мушки, которую боги или люди рискнули бы закинуть на дюйм дальше его крайнего листа.

Докуривая сигарету, я сижу на камне посреди ручья и смотрю, как моя форель всплывает под защитой веток ольхи-хранительницы, а мое удище и леска сушатся, свисая с дерева на солнечном берегу. Благоразумие подсказывает: не торопись. Поверхность заводи слишком уж спокойна. Поднимается легкий ветерок, вскоре по ней побежит рябь и сделает еще более смертоносным крючок, который я сейчас заброшу с безупречной точностью.

И вот он — порыв ветра достаточно сильный, чтобы стряхнуть коричневую ночную бабочку со смеющейся ольхи и швырнуть ее на воду.

Внимание! Смотай сухую леску и встань на середине ручья, держа удище наготове. Вот оно! Осина на откосе забила в мелкой дрожи. Я вытравливаю леску наполовину и осторожно взмахиваю ею, готовясь к тому мигу, когда ветер взьерошит воду. Смотри, не больше половины лески! Солнце

поднялось уже высоко, и любая мелькнувшая вверх тень предупредит мою рыбу о грозящей ей судьбе. Ну! Стремительно разматываются последние три ярда, мушка изяшно падает к подножию смеющейся ольхи... Схватила! Я напрягаюсь, чтобы не дать ей уйти в джунгли за ольхой. Она кидается вниз по течению. Еще минута — и она тоже бьется в корзину.

Я сижу в приятной неподвижности на моем камне и, пока леска снова сохнет, предаюсь размышлениям о форели и людях. Как похожи мы на рыб! Всегда готовы... нет, рады ухватить ту новинку, которую ветер обстоятельств стряхивает в реку времени! И как раскאיваемся в своей опрометчивости, обнаружив, что вызолоченная приманка скрывает крючок. И тем не менее мне кажется, в этой радостной поспешности есть свое благородство, даже если нас манит мираж. Какими безнадежно скучными были бы абсолютно благоразумный человек, абсолютно благоразумная форель, абсолютно благоразумный мир! Неужели я действительно написал выше, что выжидал, подчиняясь голосу благоразумия? Нет, это было не так! Благоразумие рыбака в том, чтобы рисковать снова и снова — и, возможно, с меньшими шансами на успех.

Вот и теперь — пора! Они скоро перестанут подниматься к поверхности. Я бреду по пояс в воде к началу фарватера, дерзко засовываю голову под ветки трясущейся ольхи и осматриваюсь. Действительно джунгли! Выше по склону угольно-черную яму осеняет такой непроницаемый зеленый полог, что не только удилищем, перышком папоротника не взмахнешь над ее стремительной глубиной. А в яме, чуть не задев плавником темный обрыв, крупная форель лениво переворачивается и втягивает в рот зазевавшегося жучка.

Тут ее не взять — даже на презренного червяка. Но в двадцати шагах дальше я вижу на воде яркий солнечный блеск — там заросли снова расступаются. Пустить мушку вниз по течению? Этого сделать нельзя, но это нужно сделать.

Я отступаю, карабкаюсь на берег и по шею в недотроге и крапиве продираюсь сквозь заросли ольхи к открытому месту выше по течению. С кошачьей осторожностью, чтобы не замутить ванну ее величества, вхожу в воду и на пять минут замираю, пока вновь не воцаряется полное спокойствие. Потом протираю, смазываю, сушу и сматываю на левую руку трид-

цать футов лески. Именно такое расстояние отделяет меня от портала джунглей.

Ну, рискнем! Я дую на мушку, чтобы распушить ее напоследок, кладу на воду у своих ног и быстро травлю леску кольцо за кольцом. Вот леска вытравлена вся, мушку затянуло в джунгли, и я быстро иду вниз по течению, напряженно вглядываясь в темный туннель, чтобы проследить ее дальнейшую судьбу. Она мелькает в пятнышке солнечного света и беспрепятственно плывет дальше. Огибает мысок и в мгновение ока — задолго до того, как поднятая мною муть разоблачит уловку, — оказывается в черной заводи. Я не столько вижу, сколько слышу бросок огромной рыбы и весь напрягаюсь. Схватка началась.

Благоразумный человек побоялся бы лишиться мушки ценой в доллар, вываживая форель против течения сквозь гигантскую зубную щетку ольховника. Но, как я уже говорил, благоразумный человек настоящим рыболовом быть не может. Мало-помалу, все время потравливая леску, я вывожу форель на открытое место и в конце концов водворяю в корзину.

А теперь признаюсь вам, что ни одну из этих форелей не пришлось обезглавить или сложить пополам, чтобы они уместились в своем катафалке. Большим был не улов, а риск. И наполнил я не корзину, а свою память. Подобно славкам, я забыл, что утро на Ольховой протоке когда-нибудь кончится.

Июль

ВЕЛИКИЕ ВЛАДЕНИЯ

Площадь моих земельных владений составляет, согласно книгам нотариуса, сто двадцать акров. Но нотариус любит поспать и никогда не заглядывает в свои книги до девяти часов утра. А сейчас речь пойдет о том, что в них значит на рассвете.

Но о чем бы ни свидетельствовали книги, мы с моим псом твердо знаем, что на рассвете я — единственный владелец всей земли, по которой прохожу. Исчезают границы ферм, и для тебя вообще нет никаких границ. Просторы, не указанные ни в купчей, ни на карте, раскрываются для утренней за-

ри, и безлюдье, которого якобы уже не найти в наших краях, простирается во все стороны, где только выпадает роса.

Как у всех крупных землевладельцев, у меня есть арендаторы. Арендную плату они не вносят, зато очень ревниво следят за неприкосновенностью своих участков. И каждый день на рассвете с апреля по июль они провозглашают в предупреждение остальным, где проходят рубежи их держаний, и тем самым косвенно признают себя моими вассалами.

Эта ежедневная церемония начинается — хотя вы, возможно, ожидали совсем другого — весьма чинно и даже чопорно. Я не знаю, кто и когда установил ее распорядок. В половине четвертого утра со всем достоинством, на какое человек способен в раннее июльское утро, я выхожу из дверей, держа в руках знаки моей монаршей власти — кофейник и блокнот. Я сажусь на скамью лицом к серебряному нимбу утренней звезды. Кофейник я ставлю возле себя и извлекаю из-за пазухи чашку, тихо надеясь, что никто не узнает о неортодоксальном способе доставки ее сюда. Достāju карманные часы, наливаю кофе и кладу блокнот на колено. Это сигнал моим вассалам.

В три часа тридцать пять минут ближайший самец овсянки-крошки провозглашает звонким тенорком, что он держит сосняк к северу до реки и к югу до старого проселка. Один за другим все его сородичи в пределах слышимости указывают границы своих держаний. Споры не завязываются — во всяком случае, в эту пору суток, — и я только слушаю, в душе надеясь, что их подруг тоже удовлетворяет столь счастливое согласие относительно нынешнего положения вещей.

Овсянки еще не смолкли, а дрозд на большом вязе уже громко высвистывает свои права на обломанную снегопадом развилку ствола и на всю относящуюся к ней недвижимость и движимость (подразумевая всех земляных червей на соседней не слишком обширной лужайке).

Неумолчные трели дрозда будят иволгу, и вот она уже общается миру иволг, что большой сук вяза принадлежит ей, как и все стебли ваточника вокруг, все болтающиеся веревочки в огороде, а также исключительное право вспыхивать огнем, перепархивая между всем этим.

Мои часы показывают три часа пятьдесят минут. Самец синей овсянки на холме объявляет себя владельцем сухого дубового сука — трофея засухи 1936 года, а также различных жучков и кустов по соседству. Хотя он прямо этого не утверждает, но, по-моему, он молча присваивает себе привилегию перешеголять синевой всех синих птиц и все цветки традесканции, повернувшие венчики навстречу ветру.

Затем раздражается песней крапивник — тот, что обнаружил дырку от сучка в карнизе нашего дома. К нему присоединяются полдесятка других крапивников, и теперь уже стоит невообразимый гвалт. Толстоносы, пересмешники, желтые древесные славки, синие птицы, виреоны, тауи, кардиналы — все добавляют свою долю. Список исполнителей, в котором я старательно фиксирую порядок и время первой песни, замедляется, путается, обрывается, так как мой слух уже не способен различать, кто запел раньше, а кто — позже. К тому же кофейник пуст, а солнце вот-вот взойдет. И мне нужно обойти свои владения, пока они еще принадлежат мне.

И мы отправляемся — мой пес и я — куда глаза глядят. Он не обращал ни малейшего внимания на вокальную вакханалию, потому что для него границы держаний определяются не пением, а запахом. Любой невежественный пучок перьев, говорит он, может пищать с дерева. А вот он переведет для меня благоухающие поэмы, которые начертали летней ночью неведомо какие безмолвные существа. В конце каждой поэмы прячется ее автор — если нам удастся его отыскать. А находим мы самое неожиданное и непредсказуемое: кролика, вдруг возжаждавшего очутиться в каком-нибудь другом месте; вальдшнепа, захоркавшего в знак отречения; самца фазана, гневающегося на траву, которая намочила его крылья.

Изредка мы встречаем енота или норку, припозднившихся на ночной охоте. Порой мешаем цапле спокойно ловить рыбу или наталкиваемся на каролинскую утку, которая со своим выводком мчит на всех парах под защиту понтедерии. Иногда мы видим, как олень неторопливо направляется назад в чащу, до отвала наевшись цветками люцерны, вероники и диким латуком. Но обычно мы видим только сплетаю-



щиеся темные полосы, оставленные ленивыми копытами на нежном шелке росы.

Я ощущаю тепло первых солнечных лучей. Птичий хор притомился. Дальний перезвон колокольцев сообщает, что стадо неторопливо бредет в луга. Рев трактора предупреждает, что мой сосед уже приступил к утренним трудам. Мир съехался, вошел в жалкие границы, заверенные нотариусом. Мы поворачиваемся и идем домой завтракать.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПРЕРИИ

От апреля до сентября каждую неделю начинают цвести в среднем десять диких растений. В июне на протяжении одного дня могут раскрыться бутоны целых двенадцати видов. Ни один человек не в силах принять участие в каждом из этих ежегодных праздников, ни один человек не в силах заметить их все. Того, кто не глядя ступает по майским одуванчикам, в августе может уложить в постель пыльца амброзии; у того, кто смотрит мимо багряной дымки апрельских вязов, машина может пойти юзом на опавших венчиках июньских катальп. Скажите мне, день рождения каких растений отмечает человек, и я расскажу вам много подробностей о его призвании, увлечениях, сенной лихорадке и общем уровне его экологической культуры.

Каждый июль я внимательно поглядываю на некое сельское кладбище, когда проезжаю мимо него по дороге на свою ферму и обратно. Приближается день рождения прерии, и в уголке кладбища еще живет одна из участниц этого некогда столь знаменательного праздника.

Кладбище как кладбище, обрамленное обычными елями, с обычными памятниками из розового гранита или белого мрамора и обычными воскресными букетами герани, алой или розовой, у их подножия. От всех прочих оно отличается только формой — не квадратное, а треугольное, и еще тем, что в остром углу, образованном оградой, сохраняется крохотный остаток нетронутой прерии, такой, какой она была в сороковых годах прошлого века, когда тут появились первые могилы. С тех пор каждый июль на этом недоступном ни серпу, ни косилке квадратном ярде бывшего Висконсина высокие, в человеческий рост, стебли сильфии, которую называют еще компасным растением, покрываются желтыми, как у подсолнечника, цветами величиной с блюдце. Больше нигде на всем протяжении шоссе сильфии не увидишь — а возможно, она вообще исчезла в западной части нашего графства. Как выглядели тысячи акров сильфии, когда ее листья и цветы щеко-тали брюхо бизонов, — это вопрос, на который уже никогда



нельзя будет ответить. А может быть, он даже и задан никогда не будет.

В этом году сильфия зацвела 24 июля, на неделю позже обычного. Последние шесть лет цветение начиналось около 15 июля.

Когда я 3 августа вновь проехал мимо, дорожные рабочие сняли ограду кладбища, а сильфия была скошена. Предсказать будущее нетрудно: еще несколько лет моя сильфия будет с тщетным упорством расти, а затем, не выдержав борьбы с косилкой, погибнет. И вместе с ней погибнет эпоха прерий.

По сведениям управления шоссейных дорог, за три летних месяца, когда цветет сильфия, по этому шоссе ежегодно проезжает 100 тысяч машин, а следовательно, по меньшей мере и 100 тысяч человек, которые «учили» предмет, именуемый историей, причем 25 тысяч из них, вероятно, «учили» и предмет, именуемый ботаникой. Но из всех этих тысяч, я уверен, на сильфию смотрели от силы человек десять, а исчезновение ее заметит разве что один. Если бы я сказал священнику соседней церкви, что дорожные рабочие, делая вид, будто выкашивают бурьян, жгут на его кладбище исторические книги, он поглядел бы на меня с недоумением. Бурьян — и исторические книги?

Это лишь крохотный эпизод в похоронах местной флоры, которые, в свою очередь, лишь эпизод в похоронах местной флоры по всему миру. Механизированный человек знать не знает никакой флоры и гордится успешной расчисткой земли, на которой он волей-неволей должен прожить свою жизнь. Пожалуй, стоит немедленно запретить преподавание истинной истории и истинной ботаники, чтобы никакой будущий гражданин нашей страны не почувствовал угрызений совести при мысли, что его приятная жизнь оплачена столь дорогой ценой.

В результате ферма считается хорошей в той мере, в какой на ее земле истреблена местная флора. Свою ферму я выбрал потому, что она не считается хорошей и не имеет шоссе. Собственно говоря, и она, и ее окрестности затерялись в старице могучей реки Прогресс. Ведущая ко мне дорога — это проселок времен первопоселенцев, не знавший ни щебня, ни ука-

тивания, ни грейдера, ни бульдозера. При мысли о моих соседях представитель местной администрации только вздыхает. Их живые изгороди не подстригаются годами, их болота не расчищаются и не осушаются. Если им надо выбирать, идти ли удить рыбу или идти в ногу с веком, они, как правило, берут снасть и отправляются на речку. В результате по субботам и воскресеньям мой флористический уровень жизни определяется возможностями почти нетронутой глуши, а по будним дням мне приходится кое-как существовать на флоре учебных ферм университетского городка и примыкающего к нему пригорода. В течение десяти лет я развлекался тем, что записывал даты цветения диких растений в этих двух столь различных местностях.

Совершенно очевидно, что глаза фермера, живущего в глуши, получают питания почти вдвое больше, чем глаза университетского студента или преуспевающего дельца. Разумеется, оба последних просто не способны видеть флору, а потому перед нами вновь встает вышеупомянутая альтернатива: либо поддерживать слепоту нашего населения, либо исследовать вопрос о том, нельзя ли совместить прогресс с растениями.

Число видов, зацветающих в	Пригород и университетский городок	Ферма в глуши
апреле	14	26
мае	29	59
июне	43	70
июле	25	56
августе	9	14
сентябре	0	1
всего питания для глаз	120	226

В оскудении флоры повинны три фактора — окультуривание земли, выпас скота в лесу и улучшение дорог. Каждое из этих необходимых изменений, естественно, требует заметного сокращения площадей, еще остающихся диким растениям, но ни одно из них не подразумевает полного уничтожения тех

или иных видов на фермах или в целых графствах и нисколько от такого уничтожения не выигрывает. На каждой ферме есть свои пустоши, и каждое шоссе по всей своей длине окаймлено двумя лентами нетронутой земли. Не допускайте на эти пустоши коров, плуги и косилки, чтобы местная флора и десятки интересных пришельцев из иных стран могли стать частью нормального окружения каждого гражданина нашей страны.

По иронии судьбы наиболее выдающиеся хранители местной флоры прерий ничего о таких пустяках не знают и знать не хотят. Это — железные дороги с их огороженной полосой отчуждения. Ограды во многих местах ставились еще до того, как в прерию пришел плуг. И в этих узеньких заповедниках, несмотря на золу, копоть и ежегодные палы, флора прерий все еще блещет яркими красками своего календаря — от розового дряквенника в мае до голубых астр в октябре. Мне давно хочется предъявить какому-нибудь твердокаменному президенту железнодорожной компании столь наглядное доказательство его мягкосердечия. К сожалению, мне еще не довелось познакомиться ни с одним таким деятелем.

Железные дороги, конечно, пользуются огнеметами и гербицидами, чтобы уничтожать бурьян на путях, но стоимость этой бесспорно необходимой операции еще столь высока, что за пределами полотна она не проводится. Впрочем, может быть, уже назревает какая-нибудь рационализация. Мы оплакиваем только то, что хорошо знаем. Исчезновение сильфии в западной части графства Дейн не может огорчить тех, для кого это — всего лишь название в ботаническом справочнике.

Сильфия стала для меня личностью, когда я попытался выкопать экземпляр и пересадить его к себе на ферму. Легче было бы выкопать дубовый саженец! После получаса тяжких усилий я убедился, что корень продолжает расширяться, точно поставленная вертикально огромная груша. Не исключено, что он добрался до коренной породы. Сильфии я так и не заполучил, но зато узнал, с помощью каких сложных подземных ухищрений она умудряется благополучно переживать засухи.



После этого я посеял семена сильфии — крупные, мясистые и вкусом смахивающие на семена подсолнечника. Они взошли очень быстро, но и через пять лет все еще не дали ни одного цветоноса. Возможно, чтобы достичь возраста цветения, сильфии требуется десять лет. Но в таком случае сколько же лет насчитывает моя любимица на кладбище? Пожалуй, она старше самого старинного из памятников, на котором стоит дата «1850 год». Может быть, она видела знаменитое отступление Черного Ястреба и его индейцев от Мадисонских озер к реке Висконсин — ведь она росла как раз на их пути. И уж конечно, она наблюдала похороны местных поселенцев, когда они, каждый в свой срок, обретали вечный покой под качающимися стеблями бородача.

Однажды я видел, как ковш экскаватора, копавшего придорожную канаву, рассек корень сильфии. Он вскоре дал стебель с листьями, а со временем и цветонос. Вот почему это растение, никогда не вторгающееся в новые угодья, тем не менее встречается на обочинах новых грейдерных дорог. Раз укоренившись, оно, по-видимому, способно выжить, как бы его ни калечили, и губительны для него только постоянная вспашка, скашивание и выпас коров.

Почему сильфия исчезает с пастбищ? Однажды я наблюдал, как фермер выпустил своих коров на луг, представляющий собой почти нетронутый уголок прерии, где прежде

лишь изредка косили траву. Коровы выщипали сильфию, а остальных растений, казалось, даже не тронули. Бизоны в свое время тоже, возможно, предпочитали сильфию, но они вольно бродили по всей прерии, а не паслись на одном огороженном лугу. Иными словами, бизоны приходили и уходили, и сильфия успевала оправиться.

Тысячи видов растений и животных, истреблявших друг друга, чтобы мог возникнуть нынешний мир, были, к счастью для них, лишены ощущения истории, которым благое Провидение не наградило и нас. Мало кто горевал, когда последний бизон покинул Висконсин, и мало кто будет горевать, когда последняя сильфия уйдет вслед за ним в сочные прерии заоблачной страны.

Август

ЗЕЛЕНОЕ ЧУДО

Некоторые картины становятся знаменитыми потому, что краски их непреходящи и в каждом новом поколении любителей живописи обязательно находятся глаза, которым они приятны.

Но мне известна картина столь эфемерная, что ее вообще редко кто видит, кроме проходящих мимо оленей. Пишет эту картину река, и та же река бесследно стирает ее, прежде чем я успеваю привести друзей, чтобы и они ею полюбовались. После этого она существует только в моей памяти.

Подобно многим другим художникам, моя река темпераментна, и невозможно предсказать заранее, когда на нее снизойдет вдохновение и долго ли оно продлится. Но в разгаре лета, когда один безупречный день сменяется другим и в небе величаво проплывают флотилии белых облаков, есть смысл пройтись по песчаным отмелям и поглядеть, не взялась ли она за кисть.

Для начала на песчаной косе тонким слоем наносится широкая полоса ила. Он медленно сохнет под горячими лучами солнца, и в мелких лужицах купаются чижи, а олени, цапли, зуйки, еноты и черепахи украшают его кружевом следов.

Но пока еще нельзя сказать, будет ли продолжаться работа над картиной.

Если же я вижу, что полоса ила зазеленела болотницей, то начинаю следить все внимательнее, так как это означает, что реку посетило вдохновение. Чуть ли не за одну ночь болотница покрывает песок таким сочным и густым покровом, что полевки на соседних лугах не выдерживают искушения. Они всей оравой перебираются на зеленое пастбище и, по-видимому, все ночи напролет прокладывают ходы в его бархатных глубинах. Аккуратный лабиринт мышиных тропок свидетельствует о их радостном усердии. Олени разгуливают по этому ковру взад и вперед, словно им нравится чувствовать его под ногами. Даже домосед крот прокладывает туннель под косой до полосы болотницы, где он может переворачивать и нагромождать зеленые комья, сколько его душе угодно.

И тут из сырого теплого песка под зеленой полоской начинают пробиваться бесчисленные ростки, еще слишком молодые, чтобы их можно было опознать.

Если хотите увидеть обещанную картину во всем ее великолепии, дайте реке еще три недели одиночества, а затем в ясное утро отправляйтесь на косу, едва солнце разгонит предрассветный туман. Художница уже наложила все нужные краски и обрызнула их росой. Еще более яркая зелень болотницы пестрит теперь голубым губастиком, розовым змееголовником и молочно-белыми цветками стрелолиста. Там и сям лобелия устремляет к небу свое красное копье. А у конца косы лиловая вернония и бледно-розовый посконник подступают к стене ивняка. И если вы пришли тихо и благоговейно, как подобает приближаться к месту, которому красота даруется лишь на краткий час, то, может быть, увидите рыжего оленя, по колено утопающего в волшебном ковре.

Но не возвращайтесь, чтобы опять взглянуть на зеленое чудо: оно исчезнет. Либо вода отступит и все засохнет, либо она поднимется и отчистит песок до его прежней аскетической бледной желтизны. Однако вы можете сохранить картину в галерее своей памяти и лелеять надежду, что и в следующее лето на реку снизойдет вдохновение.

ПОЮЩАЯ РОЩА

К сентябрю день пробуждается уже без птичьей помощи. Вяло заведет и тут же оборвет свою песенку певчая овсянка, свистнет вальдшнеп, улетаая в свою чашу, неясить завершит ночной спор последним дрожащим криком, но остальным птицам нечего сказать и не о чем петь.

Однако в такие туманные утра, на рассвете, можно иногда услышать перепелиный хор. Тишину внезапно нарушает десяток контральто, не в силах долее сдерживать восхваление грядущего дня. Но всего лишь через минуту пение обрывается столь же внезапно, как и зазвучало.

Есть что-то особое в пении птиц, которые прячутся от посторонних глаз. Певцов, распевающих по вершинам, легко увидеть и легко забыть — очевидность всегда заурядна. А запоминается невидимый пестрый дрозд, чьи серебряные трели льются из непроницаемой тени, перелетный журавль, курлычущий за облаком, степной тетерев, гремящий в тумане. Ни один натуралист не видел поющего хора перепелов: певцы еще не покинули своего укромного ночлега, а при любой попытке подобраться к ним ближе мгновенно замолкают.

В июне нетрудно предсказать, что дрозд подаст голос, едва сила света достигнет 0,01 фут-свечи, и перечислить, в каком порядке остальные певцы будут присоединяться к общему гомону. Осенью же дрозд молчит, и невозможно угадать, зазвучит хор в траве или нет. Разочарование, которое я испытываю в безмолвные утра, показывает, насколько больше ценим мы то, на что лишь надеемся, чем то, что должны получить в любом случае. Надежда услышать перепелов стоит того, чтобы снова и снова вставать затемно.

На моей ферме осенью всегда есть по меньшей мере один перепелиный выводок, но рассветный хор звучит обычно где-нибудь вдалеке. Наверное, это потому, что перепела предпочитают ночевать подальше от моего пса, который интересуется ими даже еще более горячо, чем я сам. Однако как-то на октябрьской заре, когда я сидел, прихлебывая кофе, у костра, хор запел на расстоянии броска камнем. Они ночевали в по-

садке веймутовых сосен — возможно, чтобы спастись от обильной росы.

Этот гимн заре, раздающийся почти у нашего крыльца, — великая честь для нас. Почему-то после этого голубая осенняя хвоя веймутовых сосен словно еще больше голубеет, а красный ковер ежевики у их подножий становится еще краснее.

Октябрь

ДЫМНОЕ ЗОЛОТО

Есть два рода охоты — обычная охота и охота на воротничкового рябчика.

Есть два места, где можно охотиться на воротничкового рябчика, — обычные места и графство Адамс.

Есть два времени охоты в графстве Адамс — обычное время и время, когда лиственницы окутаны дымным золотом. Все это пишется ради тех обойденных судьбой неудачников, кому никогда не доводилось, разинув рот и сжимая разряженную двустволку, смотреть, как кружат в воздухе золотые иглы, пока стряхнувшая их с веток оперенная ракета скрывается в соснах Банкса, целая и невредимая.

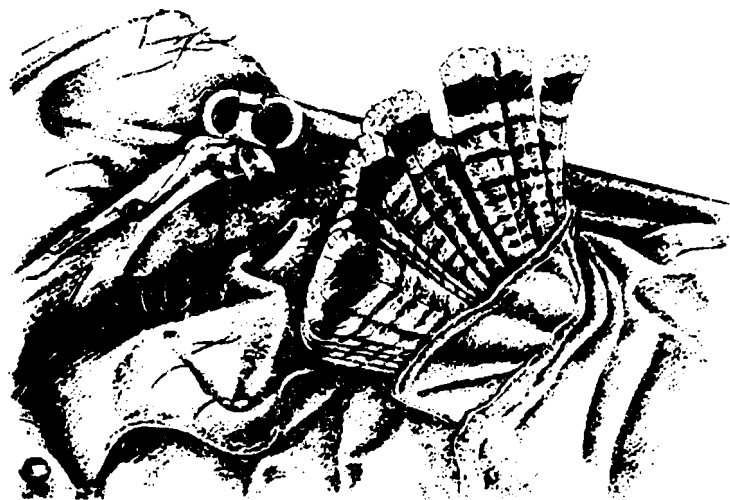
Лиственницы переодеваются из зеленого в желтое, когда первые заморозки уже пригнали с севера вальдшнепов, пестрогрудых овсянок и юнко. Стайки дроздов склеивают последние белые ягоды с дёрена, и оголенные веточки розовым облаком висят на склоне холма. Ольха у ручья сбросила листья и больше уже не заслоняет падубов. Ежевика пылает багрянцем, освещая вам путь к стороне рябчиков.

Пес лучше вас знает, где находится эта сторона, и разумнее всего следовать за ним, читая по положению его ушей вести, которые ему приносит ветер. Когда он, наконец, замирает на месте и взглядом искоса предупреждает: «Готовься!», неясно только одно — к чему, собственно, готовиться? К свисту вальдшнепа, к грому крыльев рябчика или всего лишь к прыжку кролика? Этот миг неуверенности заключает в себе почти всю прелесть охоты на рябчиков. А тот, кому обязательно надо заранее знать, к чему готовиться, пусть идет охотиться на фазанов!

Охотам присущи разные оттенки вкуса, что объясняется очень тонкими причинами. Самые сладкие охоты — краденые. Чтобы украсть охоту, либо отправляйтесь в дебри, где прежде никто не бывал, либо найдите заповедное место у всех под носом.

Редкие охотники знают, что в графстве Адамс есть рябчики: проезжая по шоссе, они видят только пустыри, поросшие соснами Банка и кустарниковыми дубами. Шоссе там пересекают текущие на запад ручьи, которые берут начало в болотах, но дальше вьются среди сухих песков. Естественно, что шоссе на север было проложено через эти песчаные пустоши, но к востоку от него, за сухими перелесками, прячется широкая полоса болота, идеальный приют для рябчиков.

Там, уединившись среди моих лиственниц, я сижу в октябре и слушаю, как по шоссе с ревом проносятся машины злых охотников, которые наперегонки мчатся в кишаси людьми графства дальше к северу. Я посмеиваюсь, представляя себе пляшущие стрелки их спидометров, напряженные лица, глаза, жадно устремленные вперед. И, отвечая их шумным машинам, вызывающе гремит крыльями самец воротничкового рябчика. Мой пес ухмыляется, и мы смотрим в ту сторону. Мы оба считаем, что этому молодчику полезно поразмяться, — сейчас мы им займемся.



Лиственницы растут не только на болоте, но и у подножия обрыва, где бьют питающие его ключи. Ключи прячутся в огромных подушках сырого мха. Я называю эти подушки висячими садами, потому что из их пропитанных водой глубин драгоценными камнями поднимаются к свету голубые венчики горечавок. Припудренная лиственничным золотом октябрьская горечавка стоит того, чтобы задержаться и долго смотреть на нее, даже когда пес дает понять, что рябчик совсем близко.

Между каждым висячим садом и берегом ручья тянется выложенная мхом оленья тропа, словно предназначенная для того, чтобы по ней шел охотник, а вспугнутый рябчик перелетал через нее за считанные доли секунды. И тут все сводится к тому, как птица и двустволка считают эти доли. Если результаты не совпадут, следующий олень, который пройдет по тропе, увидит две стреляные гильзы, которые можно обнюхать, и ни единого перышка вокруг.

Выше по течению ручья я выхожу к заброшенной ферме и пытаюсь по возрасту молоденьких сосенок, шагающих через бывшее поле, определить, давно ли злополучный фермер обнаружил, что песчаные равнины предназначены для того, чтобы культивировать уединение, а не кукурузу. Непосвященным сосны Банка рассказывают всякие небылицы, потому что ежегодно дают не одну мутовку, а несколько. Более точен юный вяз, преградивший вход в коровник. Его кольца восходят к засухе 1930 года. С тех пор ни один человек не переступал этого порога с подойником, полным молока.

Я стараюсь представить себе мысли и чувства этой семьи, когда проценты по закладной в конце концов превысили доход от урожая и им оставалось только ждать выселения. Одни мысли улетают, не оставляя следов, точно вспорхнувший рябчик, но отпечатки других сохраняются десятилетиями. Тот, кто в каком-то незабвенном апреле посадил вот этот сиреневый куст, должно быть, с удовольствием предвкушал его цветение во всех грядущих апрелях. А та, что каждый понедельник терла белье на этой почти уже гладкой стиральной доске, возможно, мечтала, чтобы все понедельники поскорее кончились раз и навсегда.

Погруженный в такие размышления, я вдруг замечаю, что все это время пес терпеливо продолжает делать стойку у журчащего ключа. Я подхожу к нему, извиняясь за свою рассеян-

ность. Фрр! — летучей мышью вспархивает вальдшнеп, и его розовато-оранжевая грудь словно облита октябрьским солнцем. Так вот мы и охотимся.

В подобный день трудно сосредоточиться на рябчиках — слишком много интересного вокруг. Я натываюсь на оленье следы в песке и из чистого любопытства иду вдоль них. Они ведут от одного куста цеанотуса прямо к другому, и ошипанные веточки объясняют почему.

Тут я вспоминаю, что и мне пора завтракать, но, прежде чем я успеваю достать сверток из кармана для дичи, высоко в небе начинает кружить ястреб, которого необходимо определить. Я дожидаюсь, чтобы он сделал вираж и показал свой красный хвост.

Опять лезу в карман за свертком, но мой взгляд падает на тополь с ободранной корой. Здесь олень сдирал бархат со своих зудящих рогов. Давно ли? Обнаженная древесина уже побурела. Значит, рога теперь совсем очищены, решаю я.

И вновь хочу достать завтрак, но меня отвлекает возбужденный лай моего пса и треск кустов на болоте. Внезапно из них вырывается олень. Хвост его поднят, рога блестят, шерсть отликает голубизной. Да, тополь сказал мне правду.

Наконец, я извлекаю сверток и сажусь завтракать. За мной следит синица и доверительно сообщает, что уже позавтракала. Чем именно, она не говорит. Возможно, матовыми муравьиными яйцами или другим каким-то птичьим эквивалентом холодного жареного рябчика.

Кончив завтракать, я оглядываю фалангу молодых лиственниц, уставивших в небо свои золотые копья. Под каждым осыпавшиеся вчерашние иголки устилают землю дымно-золотым одеялом, на острие каждого сформировавшаяся завтрашняя почка ждет наступления следующей весны.

СЛИШКОМ РАНО

Вставать слишком рано — это порок, присущий филинам, звездам, гусям и товарным поездом. Некоторые охотники заражаются им от гусей, а некоторые кофейники — от охотников. Странно, что из бесчисленного множества всевозможных существ, которые вынуждены вставать по утрам, лишь

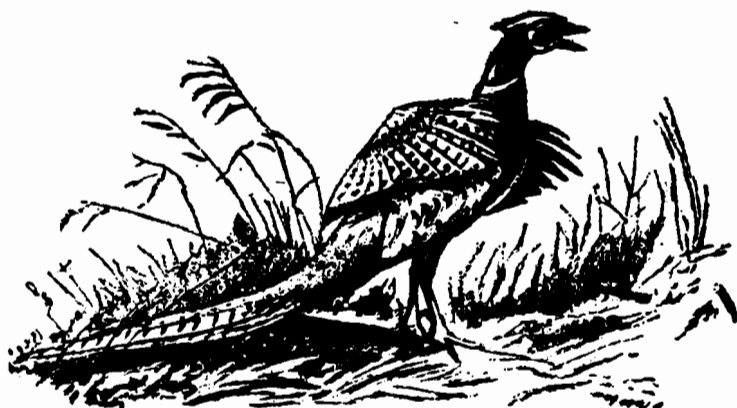
столь малая горстка открыла время, наиболее приятное и наименее полезное для этого.

Вероятно, первым учителем компании, встающей слишком рано, был Орион, ибо именно он подает сигнал к слишком раннему вставанию. Час этот настает, когда Орион проходит к западу от зенита на расстоянии равном упреждению при выстреле по чирку.

Рано встающие чувствуют себя друг с другом спокойно и непринужденно — возможно, потому, что, в отличие от тех, кто спит допоздна, они склонны преуменьшать свои свершения. Орион — путешественник, повидавший несравненно больше всех других, — вообще молчит. Кофейник тихонько булькает, нисколько не восхваляя то, что закипает внутри него. Филин трехсложным криком более чем сдержанно излагает историю ночных убийств. Гусь на отмели, завершая какие-то неслышные гусиные дебаты, не позволяет себе даже намекнуть, что говорит от имени всех дальних холмов и моря.

Товарный поезд, бесспорно, отнюдь не умалчивает о своей важности, но и ему присуща скромность. Его глаз сосредоточен только на его собственном шумном занятии, и он никогда не врывается с ревом в чужой лагерь. Целеустремленность товарных поездов дарит ощущение глубокой надежности.

Прийти на болото слишком рано — значит дать волю ушам. Слух бродит, где хочет, среди ночных звуков, и ни руки, ни глаза не мешают ему сполна наслаждаться всяческими приключениями. Услышав, как где-то кряква упоенно хвалит свой суп, вы вправе представить две дюжины уток, кормящихся в рыске. Стоит крякнуть связы, и вы, не опасаясь выражений зрения, можете нарисовать себе целую их стаю. А когда эскадрилья нырков разрывает темный шелк небес, стремительно пикируя на заводь, вы, затаив дыхание, вслушиваетесь, но видите только россыпи звезд. Оказаться свидетелем такого маневра днем значило бы увидеть, выстрелить, промахнуться и поспешно подыскивать объективные причины. И дневной свет ничего не добавил бы к мысленному зрелищу трепещущих крыльев, которые аккуратно режут небесную твердь на две равные половины.



Час слушанья кончается, когда птицы улетают на бесшумных крыльях к широким безопасным плесам и каждая стая смутным мазком прочерчивает сереющий восточный горизонт.

Подобно многим другим договорам о ненападении, пред-
рассветный пакт длится только до тех пор, пока темнота сми-
ряет воинственность. Может даже показаться, будто в том,
что с приходом дня сдержанность покидает мир, виновато
солнце. Но как бы то ни было, к тому времени, когда забеле-
ют висящие над низинами туманы, каждый петух уже хвалит-
ся, насколько хватает сил, и каждая кукурузная копна делает
вид, будто такой высокой кукурузы свет еще не видывал. К
восходу солнца каждая белка неистово бранится из-за вооб-
ражаемого оскорбления по своему адресу, а каждая сойка с
фальшивым волнением предупреждает о грозящей обществу
опасности, которую она якобы сию минуту обнаружила. В от-
далении вороны поносят гипотетическую сову только для то-
го, чтобы показать всему миру, сколь бдительны вороны, а
фазан, быть может вспоминая свои прошлые галантные побе-
ды, бьет крыльями и хрипло оповещает окрестности, что все
болото со всеми фазанками принадлежит ему.

И этой манией величия заражены не только дикие птицы
и звери. Подходит час завтрака, и с пробуждающегося скот-
ного двора доносятся гогот, мычание, крики и свист, а ближе
к вечеру где-то бормочет невыключенный радиоприемник. А
потом все отходят ко сну, чтобы повторить уроки ночи.

КРАСНЫЕ ФОНАРИ

Охотиться на куропаток можно разработав план на основе логики, теории вероятности и особенностей местности, где предстоит охота. Такой план должен привести вас туда, где положено быть птицам. Это один способ.

Но есть и второй способ: бродить, переходя от одного красного фонаря к другому. Так вы почти наверное окажетесь там, где действительно есть куропатки. Красные фонари — это листья ежевики, алеющие в лучах октябрьского солнца.

Красные фонари освещали мне путь на очень приятных охотах во многих уголках нашей страны, но, мне кажется, светить ежевика научилась в песчаных графствах Центрального Висконсина. По берегам болотистых ручьев среди приветливых пустошей, которые называют бесплодными те, чьи собственные светильники едва мерцают, ежевика пылает красным пламенем в любой солнечный день после первых заморозков до последнего дня охотничьего сезона. Под защитой ее колючек у каждого вальдшнепа, у каждой куропатки есть свой личный солярий. Охотники, которые этого не знают — а их большинство, — выбиваются из сил в кустарнике без колючек и возвращаются домой без птиц, а мы, прочие, остаемся наслаждаться покоем.

«Мы» — это птицы, ручей, мой пес и я. Ручей очень ленив: он неторопливо петляет среди ольховника, словно предпочел бы остаться здесь, а не добираться до реки. И я тоже. Каждая его нерешительная пауза оборачивается еще одной крутой излучиной, где колючие заросли ежевики на склоне смыкаются с чашей замерзших папоротников и недотроги в болотистой пойме. Не найдется куропатки, которая могла бы противостоять прелести подобного места. И я тоже не могу. А потому охота на куропаток — это прогулка по ручью против ветра от одних зарослей ежевики к другим.

Пес, приближаясь к ним, оглядывается и проверяет, достаточно ли близко я для выстрела. Если все в порядке, он крадется вперед, и его влажный нос вылавливает среди сотен запахов тот единственный, предположительное присутствие которого придает жизнь и смысл берегам ручья. Он — стара-

тель, упорно обыскивающий воздушные слои в поисках обонятельного золота. Запах куропаток — это золотой стандарт, связывающий его мир с моим.

Мой пес, кстати, считает, что в отношении куропаток я порядочно-таки невежествен и мне нужно еще многому учиться. И как профессиональный натуралист, я с ним совершенно согласен. Он упорно, с хладнокровным терпением преподавателя логики пытается наставлять меня в искусстве истолкования сведений, которые получает тренированный нос. Я наслаждаюсь тем, как он воплощает в стойке вывод из данных, для него совершенно очевидных, но ускользающих от моего невооруженного взгляда. Быть может, он надеется, что его тупой ученик в один прекрасный день все-таки научится чувствовать.

Как любой тупой ученик, я верю преподавателю, хотя и не понимаю, как он пришел к своему заключению. Я осматриваю двустовку и подхожу ближе. Как всякий хороший преподаватель, пес никогда не смеется, если я промахиваюсь, что вовсе не редкость. Он только бросает на меня выразительный взгляд и идет дальше по ручью в поисках еще одной куропатки.

Край берегового обрыва — это граница двух ландшафтов: склона холма, с которого охотишься ты, и поймы, в которой охотится пес. Очень приятно спускаться с болотца, ступая по мягким сухим коврам плауна, и первым доказательством того, что собака — действительно охотник на куропаток, служит ее готовность рыскать в сырости, пока вы следуете за ней по сухому откосу.

Но когда пояс ольхи расширяется, собака исчезает из виду. Скорее поднимитесь на бугор или встаньте на выступе над обрывом и, сохраняя полную неподвижность, напрягайте слух и зрение, чтобы обнаружить, где она находится. Вон вспорхнули славки — значит, она там. А может быть, вы услышите, как треснул сучок под ее лапой, как она зашлепала по воде или прыгнула в ручей. Но если все звуки замерли, будьте наготове — скорее всего, она сделала стойку. Теперь ждите квохтанья, которое издает испуганная куропатка перед тем, как взлететь. Тут же вверх стремительно взмывает птица, а может быть, и две. У меня был даже слу-

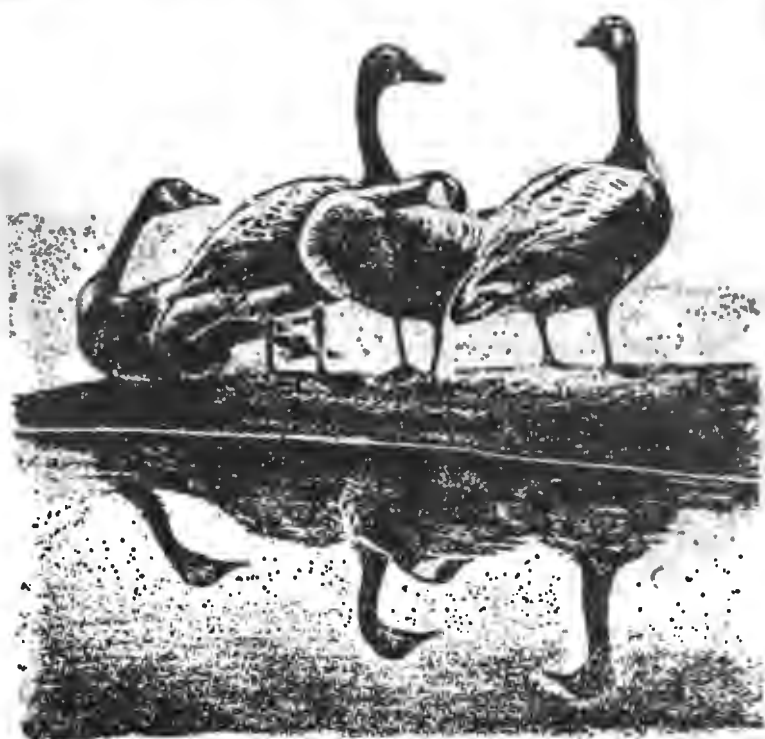
чай, когда целых шесть куропаток проквохтали одна за другой, взмыли вверх и полетели восвояси — каждая в свою сторону. Окажется ли хоть одна птица на расстоянии выстрела — это, конечно, вопрос случая, и, если у вас есть время, вы можете рассчитать свой шанс: 360° разделить на 30° , то есть на тот сектор круга, который держит под прицелом ваша двустволка. Результат разделите на 3 или на 4 (ваш шанс промахнуться), и вы узнаете, какова вероятность того, что вы вернетесь с добычей.

Второе доказательство надежности вашей собаки вы получите, если после подобного эпизода она вернется за новыми распоряжениями. Сядьте и обсудите с ней случившееся, пока она переводит дух. Потом отыщите еще один красный фонарь и продолжайте охоту.

Октябрьский ветер приносит моему псу много всяких запахов, кроме запаха куропаток, и каждый обещает особый эпизод. Когда пес делает стойку, но его уши выражают легкую насмешку, я знаю, что он обнаружил залегшего кролика. А однажды абсолютно серьезная стойка не вспугнула ни единой птицы, но пес стоял как каменный — среди осоки у самого его носа спал жирный енот, получая свою долю октябрьского солнца. И не меньшей мере один раз на протяжении каждой охоты он облаивает скунса, обычно в особенно густых зарослях ежевики. Как-то он сделал стойку посреди ручья — шум крыльев и три музыкальных крика объяснили мне, что он прервал обед каролинской утки. Нередко он обнаруживает в густом ольховнике бекаса, и, наконец, он может вспугнуть оленя, укрывшегося до вечера на обрывистом берегу над трясинной. Питает ли олень поэтическую слабость к пению воды или практично выбирает место для дневки, к которому невозможно подкрасться бесшумно? Судя по негодующему подергиванию хвоста, верно может быть либо то, либо другое, либо и то и другое вместе.

По дороге от одного красного фонаря до следующего может случиться почти все, что угодно.

На закате последнего дня охотничьего сезона все ежевичники гасят свои фонари. Мне непонятно, откуда у простого растения такая осведомленность в охотничьих законах штата



Висконсин, но я никогда не приходил туда на другой день, чтобы разобраться в этом. И следующие одиннадцать месяцев фонари горят только в воспоминаниях. Иногда мне кажется, что остальные месяцы введены главным образом для того, чтобы служить достойной интерлюдией между двумя октяблями, и я подозреваю, что собаки, а может быть, и куропатки думают точно так же.

Ноябрь

БУДЬ Я ВЕТРОМ

Ветер, творящий музыку в ноябрьской кукурузе, торопится. Гудят стебли, пустые обертки початков чертят в воздухе прихотливые дуги, а ветер уже улетел.

На болоте длинные ветровые волны катятся по травам и разбиваются о дальние ивы. Дерево пытается спорить, машет оголенными ветвями, но разве удержишь ветер?

На косе — только ветер, да рядом река, струящая свои воды к морю. Каждый пучок травы чертит кружки по песку. Я иду через косу к принесенному рекой бревну, сажусь и слушаю всеобъемлющий шум ветра и звонкие всплески крохотных волн у моих ног. Река безжизненна: ни утки, ни цапли, ни полевого луня, ни чайки — все птицы до единой попрятались от ветра.

Из туч доносится приглушенный лай, словно где-то далеко подала голос собака. Удивительно, как весь мир пораживает уши при этом загадочном звуке. Но вот он становится громче — это кричат гуси: их не видно, но они летят сюда.

И из-за низких туч появляется стая — колышущееся ровное знамя из птиц. Ветер швыряет их вверх и вниз, бросает друг к другу, разбрасывает в стороны, ласково тербит каждое машущее крыло. Но они летят и летят вперед. Когда стая превращается в смутное пятно на краю неба, до меня доносится последний крик, эхо далекого лета.

За кучей плавника становится тепло, потому что ветер умчался догонять гусей. И я бы тоже умчался, будь я ветром.

С ТОПОРОМ В РУКАХ

«Господь дает, и Господь берет», но Он давно уже не единственный, кто дает и берет. Когда наш дальний пращур придумал лопату, он стал дающим — ведь он мог посадить дерево. А придумав топор, он стал берущим — ведь он мог срубить это дерево. Вот почему тот, кто владеет землей, присваивает — возможно, сам того не подозревая — божественные функции сотворения и уничтожения растений.

Другие наши предки, не столь уж отдаленные, напридумывали множество орудий, но при ближайшем рассмотрении любое из них оказывается или усложнением исходной пары, или дополнением к ней. Мы разделяем себя по профессиям и в зависимости от этого либо используем определенное орудие, либо продаем его, либо чиним, либо затачиваем, либо даем указания, как это сделать. Благодаря такому разделению труда мы снимаем с себя ответственность за неправильное использование любого орудия, кроме нашего собственного. Но существует одна профессия — философия, — которая учит, что все люди через свои мысли и желания в конечном счете используют все орудия. А потому характер мыслей и желаний людей определяет, стоит ли вообще пользоваться орудиями.

Ноябрь по многим причинам — месяц топора. Еще настолько тепло, что можно точить топор, не замерзая, но уже достаточно холодно, чтобы валить деревья, не обливаясь потом. Листья облетели, и хорошо видно, как переплетаются ветки и насколько поднялись верхушки с прошлого лета. А без такого осмотра невозможно определить, нужно ли срубить какое-нибудь дерево ради пользы земли вокруг.

Я читал немало определений, что такое активный сторонник сбережения природы, и сам написал их немало, однако, мне кажется, лучшее из них пишется не пером, а топором. Суть заключается в том, о чем думает человек, рубя или решая, что рубить. И активный сторонник сбережения природы — это тот, кто со всем смирением сознает, что каждым ударом топора он ставит свою подпись на лице земли. Подписи, разумеется, бывают всякие, выходят ли они из-под пера или из-под топора, и это естественно.

Я испытываю неловкость, задним числом анализируя решения, которые принимал с топором в руках. Во-первых, оказывается, что не все деревья сотворены свободными и равными. Там, где береза и веймутова сосна мешают друг другу, я заранее пристрастен и всегда срубая березу. Почему?

Ну, прежде всего, сосну посадил я с помощью моей лопаты, а береза пролезла под забором и сама себя посадила. Таким образом, мое пристрастие в какой-то мере носит родительский характер; но дело отнюдь не только в этом: будь сосна таким же диким сеянцем, как береза, я дорожил бы ею даже еще больше. А потому в поисках логического обоснования моего пристрастия — если оно вообще обосновано — следует копать глубже.

Берез в наших краях много и становится все больше, сосна же редкое дерево и продолжает исчезать. Возможно, я просто сочувствую слабому. Ну а как бы я поступил, находишься моя ферма севернее, где сосен много, а берез мало? Право, не знаю. Ведь моя ферма здесь.

Сосна проживет столетие, береза — лишь половину этого срока. Опасаюсь ли я, что моя подпись исчезнет? Мои соседи не сажали сосен, но у всех у них много берез. Может быть, моему тщеславию льстит, что мой участок выделяется среди остальных? Сосна остается зеленой всю зиму, береза вешает табель в октябре. Может быть, я симпатизирую дереву, которое, подобно мне, не страшится зимних ветров? Сосна служит приютом рябчику, но береза его кормит. Может быть, я считаю, что кров важнее стола? Сосна в конечном итоге принесет десять долларов на тысячу, береза — два. Может быть, я думаю о своем счете в банке? Все эти предполагаемые основания для моего пристрастия как будто что-то весят, но ни одно из них не весит много.

А потому я вновь начинаю искать причину. Пожалуй, вот что: под этой сосной когда-нибудь вырастет эпигея, вертляница, грушанка или линнея, а под березой можно в лучшем случае надеяться на осеннюю горечавку. В сосне рано или поздно выдолбит себе гнездо хохлатый дятел, а с березы хватит и волосатого. Сосна будет петь мне в апреле на ветру, когда береза только стучит голыми ветками. Такие основания для моего пристрастия весят немало, но почему? Может быть, со-

сна сильнее будит мое воображение и надежды? А если так, заключена ли причина в деревьях или во мне самом?

В конце концов я пришел только к одному выводу: я люблю все деревья, но в сосны я влюблен.

Как я уже говорил, ноябрь — это месяц топора, и, как всегда в любви, пристрастие не должно быть слепым. Если береза растет к югу от сосны и выше ее, весной она будет затенять ее вершинный побег и тем мешать смолевкам откладывать в нем яйца. Конкуренция березы — пустяки по сравнению со смолевкой, чье потомство убьет вершинный побег и навсегда изуродует дерево. Интересно поразмыслить над тем, как привычка этих жуков греться на солнце определяет не только выживание их как вида, но и будущую форму моей сосны, а также успех усилий моей лопаты и топора.

Опять-таки, если я уберу тень березы, а лето выдастся засушливое, то перегрев почвы может оказаться для моей сосны вреднее конкуренции из-за влаги, и она несколько не выиграет из-за моего пристрастия.

И наконец, если ветки березы на ветру трутся о вершинные побеги сосны, она, несомненно, будет искалечена, а потому либо придется убрать березу, невзирая на прочие соображения, либо каждую зиму обрубать ее ветки чуть выше того предела, какого может достичь за лето сосна.

Вот какие «за» и «против» должен предвидеть и взвешивать тот, кто держит топор. И тогда он может быть уверен, что его пристрастие не сведется всего лишь к добрым намерениям.

А ведь пристрастий у него столько, сколько на его ферме растет деревьев. С течением времени, реагируя на красоту и полезность каждого вида и на то, как каждый вид реагирует на его труды в пользу этого вида или во вред ему, он начинает приписывать им целый ряд свойств, которые складываются в характер. Меня каждый раз изумляет, насколько разными характерами наделяют разные люди одни и те же деревья.

Так, я люблю осину за то, что она украшает октябрьскую пору, а зимой кормит моих рябчиков, но некоторые соседи видят в ней лишь вредный сорняк — возможно, потому, что она так буйно заполняет участки, расчищенные их дедами. (И я не могу в ответ презрительно пожать плечами: ведь я сам

ловлю себя на неприязни к вязам, чьи новые побеги угрожают моим соснам.)

Опять-таки всем деревьям, кроме сосны, я предпочитаю лиственницу — то ли потому, что в наших краях она почти исчезла (пристрастие, опирающееся на сочувствие к слабому), то ли потому, что она осыпает золотом октябрьских рябчиков (пристрастие, опирающееся на любовь к охоте), то ли потому, что она окисляет почву и тем помогает вырасти прелестнейшей из наших орхидей, очаровательному венерину башмачку. С другой стороны, лесничие предали лиственницу анафеме, потому что она растет слишком медленно, чтобы приносить сложные проценты. А в подкрепление они ссылаются еще и на то, что лиственницы периодически подвергаются нашествию пилильщиков, но у моих лиственниц в запасе еще пятьдесят лет, так пусть из-за этого волнуется мой внук. А тем временем мои лиственницы растут так энергично, что я только радуюсь.

Древний тополь для меня — замечательнейшее из деревьев, потому что в молодости он укрывал в своей тени бизонов и носил нимб из странствующих голубей, а молодой тополь нравится мне потому, что когда-нибудь и он, возможно, станет древним. Однако жена фермера (а с ней и фермер) терпеть не может тополь из-за вездесущего июньского пуха. Девиз современности — комфорт любой ценой.

Пристрастий у меня заметно больше, чем у моих соседей, так как я питаю симпатию ко многим отдельным видам, которые они пренебрежительно объединяют под общим названием «кусты». Мне, например, нравится бересклет, отчасти потому, что олени, кролики и полевки с великим удовольствием поедают его угловатые веточки и зеленую кору, а отчасти потому, что его лиловато-бордовые ягоды кажутся такими яркими и теплыми на фоне ноябрьского снега. Мне нравится красный дёрен, потому что он кормит в октябре дроздов, а желтое дерево — потому, что мои вальдшнепы принимают ежедневную солнечную ванну под защитой его колючек. Мне нравится лещина, потому что ее октябрьский багрянец насыщает мои глаза и потому что ее ноябрьские сережки насыщают моих оленей и рябчиков. Мне нравится сладко-горький паслен, потому что он нравился моему отцу и еще потому, что каждый год 1 июля олени внезапно начинают ошипывать его молодые листочки,

и я завел привычку предсказывать это событие моим гостям. Как может внушать мне неприязнь растение, благодаря которому я, всего лишь университетский профессор, ежегодно снискиваю лавры истинного ясновидца и пророка!

Несомненно, наши симпатии и антипатии к растениям — в какой-то мере дань традициям. Если ваш дед любил орехи гикори, то вам будет нравиться гикори, потому что отец рассказывал вам, какое это хорошее дерево. Если, наоборот, ваш дед сжег чурбак, обвитый плетью сумаха, и опрометчиво постоял в его дыму, вы будете питать к сумаху неприязнь, какими бы алыми и малиновыми оттенками ни грел он ваш взор каждой осенью.

И столь же несомненно, что эти симпатии и антипатии отражают не только наши профессии, но и наши влечения, причем вопрос о пальме первенства решается деликатно, поскольку здесь затрагивается вопрос о трудолюбии и праздности. Фермер, который предпочитает охотиться на рябчиков вместо того, чтобы доить коров, не может не любить боярышника, хотя тот и вторгается в его луга. Охотник на енотов не может не любить липу, и я знаком с охотниками на перепелов, которые не питают злобы к амброзии, несмотря на ежегодные приступы сенной лихорадки. Наши пристрастия — это поистине очень тонкий индикатор наших привязанностей, наших вкусов, нашей верности долгу, нашей широты душевной и нашей манеры транжирить свободное время.

Но как бы то ни было, в ноябре я рад транжирить его с топором в руках.

МОГУЧАЯ КРЕПОСТЬ

Каждый участок леса должен давать своему владельцу не только доски, дрова и столбы, но еще и образование. Этот урожай мудрости всегда под рукой, однако его не всегда собирают. Тут я излагаю несколько уроков, которые преподавал мне мой собственный лес.

Когда я десять лет назад купил лес, то чуть ли не сразу убедился, что приобрел почти столько же всяких древесных болезней, сколько деревьев. Мой участок был поражен всеми



недугами, каким только подвержен лес. Я поругивал Ноя за то, что, нагружая ковчег, он не забыл болезни деревьев на берегу. Однако вскоре стало ясно, что эти же самые болезни превратили мой лес в могучую крепость, не имеющую соперниц в наших краях.

Мой лес служит квартирой для семейства енотов, а у моих соседей их не найти. И как-то в ноябрьское воскресенье, когда выпал первый снег, я узнал почему. Свежий след охотника на енотов и его собаки привел меня к рухнувшему клену, под вывороченными корнями которого укрылся один из моих енотов. Мерзлый бастион из корней и земли не поддавался ни топору, ни лопате, а нор и ям между корнями было такое множество, что выкурить зверя не стоило и пытаться. И охотник остался без енота, потому что болезнь ослабила корни клена. Дерево, вывороченное бурей, служит енотам неприступной крепостью. Не будь в их распоряжении такого бомбоубежища, мои запасы енотов истощились бы за одну зиму.

В моем лесу живет около десятка воротничковых рябчиков, но на время сильных снегопадов мои рябчики откочевывают в лес соседа, где укрытия лучше. Однако у меня всегда остается столько рябчиков, сколько успели сломать дубов летние бури. Упавшие на землю верхушки не теряют засохших листьев, и в дни снегопадов каждая из них служит при-

ютом рябчику. Как показывает помет, во время метели рябчик спит, кормится и предаётся безделью в тесных пределах своего естественного шалаша, где ему не грозят ни ветер, ни совы, ни лисицы, ни охотники. Проявленные дубовые листья не только служат отличным кровом: по какой-то странной причине рябчики считают их еще и деликатесом.

Разумеется, ветер ломает только больные деревья. Не будь болезней, редкий дуб терял бы свою вершину, и, следовательно, лишь редкий счастливчик среди рябчиков получал бы надежный зимний приют.

Больные дубы обеспечивают рябчиков еще одним деликатесом — дубовыми галлами. Галл — это опухоль на молодом побеге, в который, пока он был нежным и сочным, отложила яйцо орехотворка. В октябре мои рябчики просто нашпигованы дубовыми галлами.

Каждый год дикие пчелы заполняют сотами какой-нибудь из моих дуплистых дубов, и каждый раз браконьеры успевают забрать мед прежде меня. Отчасти дело тут в том, что они лучше меня умеют находить пчелиные деревья, а отчасти — в том, что они пользуются сетками, и им не приходится ждать осени, когда пчелы становятся сонными. Но без грибов, вызывающих гниение древесины, не было бы дуплистых дубов и дикие пчелы не имели бы естественных дубовых ульев.

Когда в цикле колебаний численности кроликов наступает пик, они наводняют мой лес, объедая кору и побеги почти всех деревьев и кустов, которыми я дорожу, и отворачиваясь от тех, без которых я был бы не прочь обойтись. (Когда охотник на кроликов сажает сосны или разбивает яблоневый сад, кролики из дичи становятся вредными тварями.)

Несмотря на свой неразборчивый аппетит, кролик по-своему взыскательный гурман. Он неизменно предпочитает посаженные сосны, клены, яблони и бересклет их дикорастущим собратьям. Кроме того, он отказывается откусывать некоторые салаты, если они не приготовлены по-особому. Так, например, он презрительно проходит мимо дёрена, пока за работу не возьмутся яблоневые щитовки, но уж тогда кора дёрена превращается в лакомство, и все окрестные кролики накидываются на нее с жадностью.



Стайка из десятка синиц живет в моем лесу круглый год. Зимой, когда мы валим больные или сухие деревья, синицы слетаются на удары топора, точно это колокол, созывающий их к трапезе. Они устраиваются неподалеку и в ожидании, пока дерево упадет, нахально поругивают нас за медлительность. Когда дерево, наконец, повалено и клинья начинают обнажать его содержимое, синицы закладывают за воротник белые салфетки и приступают к банкету. Каждый отвалившийся кусок сухой коры для них блюдо, полное яиц, личинок и куколок, а иссверленная муравьями сердцевина — настоящая скатерть-самобранка. Мы частенько прислоняем расколотое полено к соседнему стволу, чтобы полюбоваться, как эти лакомки выклевывают муравьиные яйца. Мысль, что они, как и мы, извлекают пользу и удовольствие из душистой сокровищницы только что напиленных и наколотых дубовых дров, облегчает наш труд.

Если бы не болезни и не насекомые-вредители, эти деревья вряд ли служили бы кладовой, и тогда синицы не оживляли бы зимой мой лес.

Жизнь многих обитателей леса зависит от болезней деревьев. Мои хохлатые дятлы долбят живые сосны, чтобы добраться до личинок в гниющей сердцевине. Мои неясны укрываются от наскоков ворон и соек в старой дуплистой липе.



Если бы не это изъеденное болезнью дерево, их вечерние серенады, возможно, смолкли бы навсегда. Мои каролинские утки гнездятся в дуплах — и каждый июнь на моем лесном болоте появляются выводки пушистых утят. Все белки обзаводятся постоянным жилищем только благодаря тому, что между гниением древесины и разрастанием раневой ткани, которой дерево пытается затянуть рану, существует хрупкое равновесие. Белки вмешиваются в это состязание, выгрызая раневую ткань, когда она слишком уж суживает их парадную дверь.

Главная же драгоценность моего изъеденного болезнями леса — это золотистая древесница. Для своего гнезда она выбирает старое дупло дятла или другую небольшую пустоту в сухом стволе, торчащем над водой. Ее синее с золотом оперение, вдруг вспыхивающее в сырой гнилости июньского леса, уже само по себе доказывает, что мертвые деревья преобразуются в живых животных и наоборот. Если вы сомневаетесь в разумности такого устройства, поглядите на мою древесницу.

Декабрь

ДОМАШНИЕ ПРЕДЕЛЫ

Дикие существа, обитающие на моей ферме, предпочитают не сообщать мне прямо, какую часть моих владений они включают в свой дневной или ночной обход. А мне это интересно — ведь тогда я мог бы вывести соотношение размеров их мира и моего и взяться за решение куда более важного вопроса: кто из нас лучше и подробнее знает мир, в котором обитает?

Люди нередко выдают своими поступками то, что не желали объяснить словами. За моих животных говорят их действия. Однако трудно угадать заранее, когда удастся таким способом проникнуть в их секреты.

Псу топора в лапы не дашь, а потому он может вволю поохотиться, пока мы, все остальные, заняты рубкой дров. Внезапное пронзительное «йип-йип-йип!» оповещает нас, что поднятый с травяного ложа кролик торопится переменить место отдыха. Он бежит по прямой к поленнице в четверти мили отсюда и ныряет между двумя штабелями дров, опередив



своего преследователя на ружейный выстрел. Пес оставляет два-три символических следа своих зубов на твердых дубовых поленьях и отправляется на поиски не столь бдительной добычи, а мы вновь беремся за топоры.

Из этой маленькой интерлюдии следует, что кролик прекрасно знает всю местность между своим ложем на лугу и бункером под поленницей. А то как бы он бежал по прямой? Таким образом, участок обитания этого кролика охватывает не меньше четверти мили.

Каждую зиму мы ловим и окольцовываем синиц, которые посещают нашу кормушку. Некоторые наши соседи тоже подкармливают синиц, но не кольцуют их. Установив, на какой самой дальней точке от нашей кормушки можно увидеть окольцованных синиц, мы узнали, что зимой участок обитания нашей стайки простирается на полмили, но включает только места, укрытые от ветра.

Летом, когда стайка распадается для гнездования, окольцованные птицы попадают на заметно больших расстояниях и часто образуют пары с неокольцованными. В это время года синицы не обращают внимания на ветер: их часто можно видеть там, где от него нет никакой защиты.

Наш лес пересекает свежий след трех оленей, четко отпечатавшийся на вчерашнем снегу. Я иду по следу в обратную

сторону и нахожу их дневку — три не припорошенных снегом лежа в густом ивняке на косе.

Потом я иду по следу вперед. Он приводит меня на кукурузное поле соседа, где олени выкапывали из-под снега неубранные стебли, а кроме того, растрепали одну из копен. Затем след другим путем возвращается на косу. По дороге олени разрывали копытами дерн и тыкались в него носом в поисках нежных молодых побегов, а потом напились у ключа. Картина их ночных походов мне ясна. Расстояние от места дневки до места завтрака составляет милю.

В нашем лесу всегда есть рябчики. Но однажды прошлой зимой, после того как выпал мягкий глубокий снег, мне не удалось обнаружить ни единого рябчика и ни единого их следа. Я уже решил, что мои птицы куда-то откочевали, но тут пес сделал стойку у покрытой сухими листьями вершины дуба, которую буря обломил и швырнула на землю летом. Один за другим оттуда вылетели три рябчика.

Ни под вершиной, ни возле нее не было никаких следов. Значит, рябчики влетели под ветки, но откуда? Рябчики должны есть, тем более в холодную погоду, а потому я исследовал помет. Среди множества неопознаваемых остатков я обнаружил чешуйки почек и крепкую желтую кожицу замерзших ягод паслена.

Я пошел туда, где летом заметил в чаще молодой кленовой поросли густо разросшийся паслен, и после некоторых поисков увидел следы рябчика на упавшем стволе. Птицы ходили не по мягкому снегу, а только по бурелому и склевывали ягоды, до которых могли дотянуться со ствола. От этого места до сломанного дуба было четверть мили.

Вечером перед закатом я увидел рябчика, клевавшего почки на тополях в четверти мили к западу. Последний пробел в истории был восполнен. Пока снег оставался мягким, птицы передвигались в пределах своего участка только на крыльях, а поперечник его равнялся полумиле.

О таких участках наука знает мало — о том, каковы их размеры в различное время года, какой корм и какие укрытия должны они включать, когда и как защищаются от вторжения чужаков, а также владеет ли ими одна особь, семья или груп-

па. Это основные моменты экономики животного мира, то есть экологии. Любая ферма представляет собой учебник экологии животных, и наблюдать, изучать, сравнивать — значит переводить его на язык людей.

СОСНЫ ПОД СНЕГОМ

Акт творения принято считать уделом богов и поэтов, однако простые смертные при желании могут приобщиться к сонму избранных. Например, для того, чтобы посадить сосну, не нужно быть ни богом, ни поэтом — для этого нужна только лопата. Благодаря такой лазейке в правилах любой земледелец может сказать: «Да будет дерево!» — и будет дерево.

Если спина у него крепкая, а лопата острая, деревьев может стать в конце концов и десять тысяч. И на седьмой год он может опереться на свою лопату, и посмотреть на свои деревья, и увидеть, что это хорошо весьма.

Бог вынес такое суждение о своих трудах уже на седьмой день, но я замечаю, что с тех пор он воздерживался от дальнейших похвал. Насколько я понимаю, либо он высказался преждевременно, либо деревья менее уязвимы для критических взглядов, чем фиговые листочки и тверди.

Почему лопата считается символом скучного отупляющего труда? Возможно, потому, что лопаты по большей части тупы. Несомненно, у тех, кому копать скучно, лопаты всегда тупые, но я не берусь решать, что здесь причина, а что следствие. Я знаю одно: стоит как следует пройти по краю хорошим напильником — и моя лопата поет, врезаясь в суглинок. Говорят, есть музыка в остром рубанке, в острой стамеске, в остром скальпеле, но я слышу ее в лопате, звенящей в моих ладонях, когда я сажаю сосну. Наверное, субъект, который с такими потугами пытался извлечь чистую ноту из арфы времени, выбрал слишком трудный инструмент.

Хорошо, что сажать сосны можно только весной, — умеренность всегда благо, даже если речь идет о лопатах. А в прочие месяцы можно наблюдать процесс становления сосны.

Новый год сосны начинается в мае, когда верхушечная почка становится «свечой». Тот, кто придумал такое название для нового побега, обладал немалой душевной тонкостью. Слово «свеча» звучит как банальное определение очевидных свойств — новый побег восковиден, вертикален и ломок. Но тот, кто живет среди сосен, знает, что это вовсе не так поверхностно и просто: свеча несет на верхнем своем конце негасимый огонек, освещающий путь в будущее. Май за маем мои сосны поднимают свои свечи в небо, и каждая устремляется прямо к зениту, и каждая убеждена, что дотянется туда, если только ей достанет времени, прежде чем прозвучит трубный глас. Только очень старая сосна в конце концов забывает, какая из ее свечей самая главная, и разметывает свою крону по небу. Забыть можете и вы, но при вашей жизни ни одна из посаженных вами сосен этого не забудет.

Если вы по натуре бережливы, то найдете в соснах единомышленниц: в отличие от лиственных деревьев, они никогда не тратят текущих заработков, а живут исключительно на сбережения прошлого года. Собственно говоря, банковский счет каждой сосны открыт для всеобщего обозрения, и 30 июня подводится его годовой баланс. К этому дню завершается рост свечи, и если она несет розетку из десяти—двенадцати верхушечных почек, значит, сосна накопила достаточно дождя и солнца, чтобы следующей весной рвануться в небо на два, а то и на три фута. Если же почек четыре—шесть, рывок окажется покороче, но и у этой сосны будет тот особый вид, который говорит о платежеспособности.

Разумеется, у сосен, как и у людей, бывают тяжелые годы — они регистрируются укороченными рывками, то есть меньшими расстояниями между двумя мутовками. Другими словами, эти расстояния представляют собой автобиографию сосны, и тот, кто дружит с деревьями, может ее прочесть. Чтобы точно узнать дату тяжелого года, надо вычесть единицу из года, давшего малый рывок. Так, рывок 1937 года короток у всех сосен — он отражает повсеместную засуху 1936 года. Наоборот, рывок 1941 года был длинным у всех сосен, словно они предвидели будущее и постарались показать миру, что сосны, в отличие от людей, все еще знают, к чему стремиться.

Когда одна сосна регистрирует неудачный год, а ее соседки — нет, можно с уверенностью предположить, что причиной тут личное несчастье: шрамы, оставленные огнем, или острыми зубами полевок, или ветром, а может быть, неурядицы в темной лаборатории, которую мы называем почвой.

Сосны любят по-соседски поболтать и пошутушкаться. Прислушиваясь к их разговорам, я узнаю, что произошло за неделю, пока я был в городе. Так, в марте, когда олени часто гложут ветки веймутовых сосен, высота обглоданного места говорит мне, насколько они голодны. Наевшийся кукурузой олень ленится ошипывать ветки выше четырех футов над землей, но по-настоящему голодный олень встает на задние ноги и дотягивается до веток на высоте целых восьми футов. Таким образом, даже не видя оленей, я узнаю, как обстоят у них дела с кормом, и, не побывав на поле моего соседа, могу сказать, сvez он кукурузу или нет.

В мае, пока новая свеча остается еще хрупкой, как побег спаржи, ее нередко ломает севшая на нее птица. Каждую весну я нахожу несколько таких обезглавленных сосенок, а рядом в траве — засохшие свечи. О том, что произошло, догадаться нетрудно, но за десять лет наблюдений я ни разу не видел своими глазами, как птица ломает свечу. Отсюда мораль: вовсе не обязательно сомневаться в невидимом.

Каждый год в июне свечи на некоторых веймутовых соснах поникают, бурют и гибнут. Смолевка пробурила розетку верхушечных почек и отложила яйца. Вылупившиеся личинки грызут сердцевину побега и убивают его. Лишенная вершинного побега сосна уже не в силах осуществлять свое назначение — сохранившиеся ветки не могут прийти к согласию, кому возглавить рывок к небесам, и устремляются вверх все разом, а в результате дерево остается кустом.

Любопытно, что смолевки поражают только сосны на солнцепеке — затененных сосен они словно не замечают. Нет худа без добра.

В октябре содранная кора на моих соснах сообщает мне, что оленей уже охватывает любовный жар. Одинокая сосенка высотой футов восемь обязательно внушает оленю мысль, что окружающий мир необходимо бодать. Дерево волей-неволей

подставляет ему и другую щеку, а потому терпит немалый ущерб. Единственный намек на справедливость в подобных схватках сводится к тому, что чем яростнее олень терзает дерево, тем больше смолы он уносит на своих и так не очень-то блестящих рогах.

Шушуканье леса не всегда легко поддается переводу. Как-то зимой я обнаружил в помете под деревом, где ночевали рябчики, непонятные полупереваренные остатки. Они походили на крохотные, в полдюйма, кукурузные початки с вылушенными зернами. Я обследовал образчики всех местных кормов, какие только могли соблазнить рябчиков, но тщетно. Наконец я разрезал верхушечную почку сосны Банка и в ее сердцевине нашел разгадку. Рябчики склевывали почку, проглатывали ее, а непереваренные чешуйки и «початок», то есть зародыш свечи, оказывались в помете.

Три исконно висконсинские сосны — веймутова, смолистая и Банка — непримиримо расходятся в вопросе о брачном возрасте. Торопливая сосна Банка иногда цветет и приносит шишки через год-два после того, как покидает детскую, и некоторые из моих тринадцатилетних сосен Банка уже могут похвастать внуками. Мои тринадцатилетние смолистые сосны впервые зацвели в этом году, а веймутовы сосны еще и не думают цвести, так как избрали для своего совершеннолетия тот же возраст, что и англосаксы, — двадцать один год.

Если бы не это разнообразие брачных законов, меню моих белок было бы заметно беднее. Каждый год в разгаре лета они принимаются лущить шишки сосен Банка — и никакие туристы в праздничный день не замусоривают так окрестности: под каждым деревом валяются остатки их ежегодного пиршества. И все-таки шишек хватает с избытком, о чем свидетельствуют бельчата, прыгающие среди золотарника.

Мало кто знает, что сосны цветут, а те, кто знает, в большинстве слишком прозаичны и видят в этом праздничном цветении всего лишь заурядную биологическую функцию. Всем пессимистам следует провести вторую неделю мая в сосновом лесу, причем пессимисты, носящие очки, должны захватить запасной носовой платок. Необъятные облака сосно-

вой пыльцы способны убедить в бесшабашной щедрости мая даже тех, кто не поверил песне королька.

Молодые веймутов сосны обычно чувствуют себя много вольготнее в отсутствие своих родителей. Я знаю большие участки, где младшее поколение, даже если ему обеспечено место под солнцем, хиреет и растет уродливо, подавляемое старшими деревьями. Но есть участки, где ничего подобного не происходит. К сожалению, я не знаю, что здесь причиной — стойкость младших, терпимость старших или качество почвы.

Сосны, как и люди, разборчивы в выборе друзей и не умеют подавлять свои симпатии и антипатии. Так, существует тесная близость между веймутовыми соснами и ежевикой, смолистыми соснами и молочаем, соснами Банка и папоротником многоножкой. Сажая вейматову сосну среди ежевики, я знаю, что не пройдет и года, как она даст розетку крепких почек, а ее новая хвоя обретет тот голубоватый глянец, который сопутствует здоровью и пребыванию в приятном обществе. Эта сосна будет расти быстрее и зацветет раньше сверстниц, посаженных в один день с ней столь же заботливо и в такую же почву, но среди травы.

В октябре я люблю пройтись между этими голубыми плюмажами, такими прямыми и стройными на фоне красного ковра ежевичных листьев. Не знаю, ощущают ли они безмятежную радость бытия, но я ее ощущаю.

Сосны заслужили репутацию «вечнозеленых деревьев» тем же способом, каким правительства создают впечатление несменяемости — накладывая один срок пребывания у власти на другой. Одеваясь каждый год новой хвоей, а старую сбрасывая через более длительные промежутки, они убедили не слишком внимательных людей, будто их иглы вечно остаются зелеными.

У каждого вида сосен есть своя конституция, определяющая срок службы хвои в соответствии с образом жизни этого вида. Так, веймутова сосна сохраняет хвою полтора года, а смолистая и Банка — два с половиной. Новые иглы приступают к исполнению своих обязанностей в июне, а прежние пишут прощальные речи в октябре. Пишут одно и то же, одними и теми же коричневато-желтыми чернилами, которые к ноябрю буреют. Затем хвоя опадает и поступает в перегной

для пополнения общей мудрости роши. Именно эта накопившаяся мудрость приглушает наши шаги под соснами.

Зимой я черпаю у моих сосен нечто более важное, чем сведения о политике леса или новости о ветре и погоде. Обычно это случается в унылые вечера, когда снег занес все частные подробности и все живое подавлено безмолвием перевозданной тоски. Но мои сосны стоят стройными рядами, прямые как штыки, несмотря на бремя снега, и в сумраке я ощущаю невидимое присутствие еще сотен и сотен рядов. В такие минуты я чувствую, как в меня вливается мужество.

65 290

Окольцевать птицу — это словно купить билет замечательной лотереи. Почти все мы храним билеты лотереи нашего выживания, но страховое общество, продающее их, слишком опытно, чтобы предоставить нам реальный шанс. И надо неплохо себя вымуштровать, чтобы сделать ставку на окольцованную синицу, которая в один прекрасный день снова попадает в вашу ловушку и тем самым доказывает, что она еще жива.

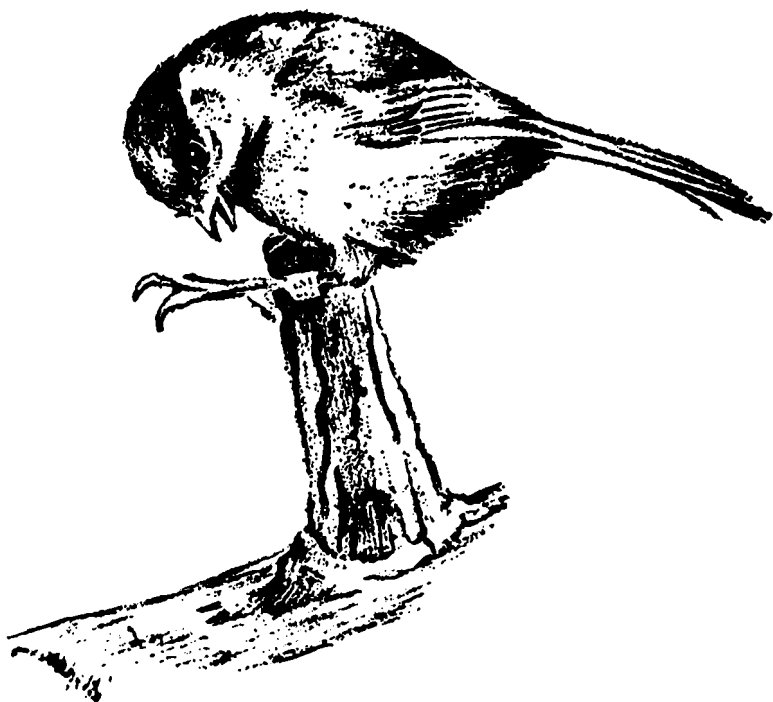
Неофит упивается, окольцовывая новых птиц. Он состязается с самим собой, пытаясь побить свой же прежний рекорд. Однако для искушенного кольцевателя новые птицы — это приятно, но привычно, и подлинное упоение испытываешь, поймав давно окольцованную птицу, чей возраст, приключения и бывшее состояние аппетита тебе, возможно, известны гораздо лучше, чем ей самой.

Вот почему вопрос о том, переживет ли синичка 65 290 еще одну зиму, целых пять лет вызывал в нашей семье самый горячий интерес.

На протяжении десяти лет мы каждую зиму ловили и окольцовывали практически всех синиц на нашей ферме. В начале зимы в ловушки попадают почти только неокольцованные птицы — то есть скорее всего большая часть их появилась на свет этой весной. После окольцовывания их уже можно будет «датировать». Через несколько недель неокольцованные птицы в ловушки больше не попадают, и мы делаем

вывод, что местная популяция окольцована уже почти полностью. Номера на кольцах позволяют нам установить, сколько птиц живет сейчас на нашей ферме и сколько выжило со времени прошлогоднего кольцевания.

Синичка 65 290 была одной из семи «выпуска 1937 года». Впервые оказавшись в нашей ловушке, она не проявила никаких видимых признаков гениальности. Как и ее однокашницы, она, соблазнившись салом, забыла про осторожность. Как и ее однокашницы, она ушипнула меня за палец, пока я извлекал ее из ловушки. Получив кольцо, а с ним и свободу, она вспорхнула на ветку, с легким раздражением поклевала новое алюминиевое украшение на ножке, расправила смятые перышки, негромко выругалась и улетела догонять подружек. Сомнительно, чтобы она сделала из случившегося какие-либо философские выводы (например, «не все то муравьиные яйца, что блестит»), потому что в ту же зиму попалась еще три раза.



В начале второй зимы наши повторные поимки показали, что из семи синиц этого выпуска остались только три, а в начале третьей — всего две. В начале пятой зимы 65 290 была уже единственной представительницей своего поколения. Признаки гениальности все еще не проявлялись, но ее невероятная способность к выживанию была доказана исторически.

На шестую зиму 65 290 не появилась, и заключение «пропала без вести» подтверждается тем, что и в следующие четыре зимы мы ее не видели.

Но как бы то ни было, из 97 синиц, окольцованных нами за эти десять лет, только одна 65 290 умудрилась прожить пять зим. Три другие синицы протянули 4 года, семь — 3 года, девятнадцать — 2 года, а шестьдесят семь исчезли после первой же зимы. Продавай я страховые полисы синицам, эти статистические данные помогли бы мне установить неразорительную страховую премию. Вот только в какой валюте выплачивал бы я страховку наследникам? Наверное, муравьиными яйцами.

Я так мало знаю о птицах, что могу лишь строить догадки о том, почему 65 290 прожила дольше своих сверстниц. Более ловко увертывалась от врагов? Но каких врагов? Синицы — такие крошки, что на них мало кто позарится. Капризная причудница по имени Эволюция, увеличив динозавра до того, что он спотыкался о собственные лапы, взяла да и съежила синицу настолько, что ни ястребам, ни совам нет смысла на нее охотиться — ну что это за обед? — и в то же время не настолько, чтобы мухоловка склевала ее, как насекомое. Потом Эволюция поглядела на свое изделие и засмеялась. Кто не засмеется, глядя на столь маленький пушистый шарик буйной и неумной энергии?

Ястреб-перепелятник, малая ушастая сова, сорокопут и особенно миниатюрный мохноногий сыч, возможно, не брезгают синицами, но я всего лишь раз обнаружил доказательство такого убийства — одно из моих колец в погадке сыча. Может быть, эти маленькие разбойники испытывают к другим крошкам дружескую симпатию.

По-видимому, единственный убийца, настолько лишенный и размеров, и чувства юмора, что он способен убить синицу, — это климат. Я подозреваю, что в синичьей воскресной

школе юных синичек предостерегают от двух смертных грехов: не суйся зимой в ветреные места и не намокай перед метелью.

Про вторую заповедь я узнал в сырой зимний вечер, наблюдая, как стайка синиц располагается на ночлег у меня в лесу. Южный ветер нес изморось, но было ясно, что он скоро сменится северо-западным и к утру ударит мороз. Синицы устроились на сухом дубу, кора которого отошла от ствола и свернулась трубками и козырьками различной величины и формы, по-разному расположенными на стволе. Птица, выбравшая убежище, защищенное от южной измороси, но открытое с севера, к утру неминуемо замерзла бы. Птица, избравшая убежище, защищенное со всех сторон, проснулась бы живой и здоровой. Вот какая мудрость, по-моему, обеспечивает выживание в мире синиц и объясняет долговечность 65 290 и ей подобных.

Страх синицы перед местами, открытыми ветру, легко обнаружить по ее поведению. Зимой она рискует улетать из леса только в тихие дни, и дальность таких отлучек всегда обратно пропорциональна силе легкого ветерка. Я знаю несколько продуваемых ветром лесных участков, где зимой не бывает ни единой синицы, хотя в остальные времена года они их постоянно посещают. А ветер гуляет там свободно потому, что пасущиеся коровы уничтожили подлесок. Для обогреваемого паром банкира, которому заложил свою землю фермер, которому нужно больше коров, которым нужно больше пастбищ, ветер — неприятность довольно мелкая, если только он не встречается с ним на уличном углу. Для синички зимний ветер — это рубеж обитаемого мира. Свою книгу афоризмов синица начала бы с избитой истины: «Ветреность до добра не доводит!»

Причину этого страха вы можете узнать, понаблюдав за синицей возле ловушки. Поверните ловушку так, чтобы ветер, пусть самый умеренный, дул прямо в отверстие, и никакие силы не принудят синицу прыгнуть к приманке. Поверните ловушку в другую сторону, и вам почти наверное улыбнется удача. Ветер сзади загоняет холодный воздух и сырость под перья, которые служат синицам портативной крышей и кондиционером. Поползни, юнко, древесные овсянки и дят-

лы тоже боятся ветра сзади, но их обогревательная аппаратура, а следовательно, и способность терпеть ветер, увеличивается в указанном порядке. В книгах о природе ветер упоминается редко — они пишутся возле теплой печки.

Я подозреваю, что у синиц есть и третья заповедь: исследуй каждый громкий шум. Стоит застучать в лесу нашим топорам, синицы тут как тут, готовые лакомиться яйцами и куколками насекомых, доступ к которым откроют клин и пила. Слетаются они и на выстрел, но это им мало что приносит.

Что заменяло синицам обеденный колокол в те дни, когда еще не было топоров, кувалд и ружей? Вероятно, треск падающих деревьев. В декабре 1940 года мокрый снегопад обломил в нашем лесу неслыханное количество сухих и живых ветвей. И наши синицы больше месяца воротили клювы от ловушек, обедаясь дарами метели.

Прошло уже много времени с тех пор, как синичка 65 290 улетела в небесный лес. Я от души надеюсь, что там весь день напролет рушатся великаны дубы, полные муравьиных яиц, и даже легкое дуновение ветерка не тревожит ее спокойствия и не портит ей аппетита. И еще я надеюсь, что она по-прежнему носит мое кольцо.



Часть II КРАСОТА ЛАНДШАФТА

Висконсин

РЕКВИЕМ ПО БОЛОТУ

На великом болоте просыпается рассветный ветер. Медленно, почти невидимо для глаз он разворачивает над широкой трясинной полосой тумана. Словно белый дух ледника, движутся молочные клубы над фалангами лиственниц, скользят над заболоченными лугами, отягощенными росой. От горизонта до горизонта простерлась единая нерушимая тишина.

Откуда-то с высоты на внемлющую землю сыплется перезвон колокольчиков. И вновь воцаряется тишина. Теперь слышен лай прекрасноголосой охотничьей собаки, и ей тотчас отвечает шумный хор своры. Затем с неба доносится дальний чистый сигнал охотничьих рогов — и тонет в тумане.

Поют рожки, гудят рога, и снова тишина. Вдруг оглушительная переключка труб и погремушек, хрипы и вопли раздаются так близко, что болото содрогается, но откуда они доносятся, по-прежнему непонятно. Наконец проблеск солнца озаряет приближающуюся стаю больших птиц. Они появляются на неподвижных крыльях из рассеивающегося тумана, описывают заключительную дугу и, издавая медный клич, по

спирали опускаются на свои кормовые угодья. На журавлином болоте начался новый день.

Такое место, точно тяжелым густым туманом, окутано ощущением времени. С ледникового периода оно ежегодно пробуждается весной под медь журавлиных кликов. Пласты торфа лежат здесь в чаше древнего озера. И журавли словно ступают по влажным страницам своей собственной истории. Этот торф состоит из остатков спрессованных мхов, которыми зарастали заливы, и лиственниц, которые вставляли над мхами, и журавлей, которые трубили над лиственницами с тех пор, как отступили ледники. Бесконечный караван поколений из собственных костей построил этот мост в грядущее, этот приют, чтобы опускающаяся стая могла здесь жить, плодиться и умирать.

Ради чего? Журавль, заглатывая какую-то злополучную лягушку, взмывает свое нескладное тело в воздух и бьет могучими крыльями утреннее солнце. Лиственницы отвечают эхом на его трубный крик, полный неколебимой уверенности. Он как будто знает ответ.

Наша способность воспринимать красоту в природе, как и в искусстве, вначале ограничивается красотью. Мало-помалу, поднимаясь с одной ступени красоты на другую, мы постигаем высшие ценности, для которых в языке еще нет слов. И красота журавлей, по-моему, заключена именно в этих высших качествах, пока недоступных словам.

Но во всяком случае можно сказать, что наше уважение к журавлю растет по мере того, как распутывается древняя история земли. Его племя, как мы узнали теперь, возникло в далеком эоцене. Другие его современники уже давно покоятся в недрах холмов. Когда мы слышим журавлиный клич, то слышим не просто птицу. Журавль — это символ нашего неукротимого прошлого, той невероятной протяженности тысячелетий, которая лежит в основе будничных дел птиц и людей, определяя эти дела.

А потому журавли живут и существуют не в узких рамках настоящего, но на широких просторах эволюционного времени. Их ежегодное возвращение — это «тик-так» геологичес-

ких часов. И они сообщают особое благородство месту, на которое возвращаются. Среди неисчислимых обыкновений и заурядностей журавлиное болото гордо предъявляет палеонтологический патент на высокий титул, который завоеван в походе веков и может быть отнят только охотничьим ружьем. Печаль, присущая некоторым болотам, возможно, рождена тем, что некогда они давали приют журавлям. Теперь они обездолены, и им нет места в истории.

Охотники и орнитологи всех времен как будто угадывали в журавлях эту высшую ценность. На такую добычу пускал своих кречетов император Священной Римской империи Фридрих. На такую добычу некогда камнем падали соколы Хубилая. Марко Поло поведал нам, что хан «охотится с соколами да кречетами, ловит много птиц, пирует и веселится. В Чианганноре у хана большой дворец, окруженный прекрасной равниной, где много журавлей. Для их корма по приказу великого хана засевают просо, гречиху и другие семена, чтобы корму всегда было вдоволь для птиц».

Орнитолог Бенгт Берг еще мальчиком увидел журавлей на шведских вересковых пустошах и посвятил жизнь их изучению. Он последовал за ними в Африку и нашел их зимние квартиры на Белом Ниле. О первой встрече с ними он рассказывает: «Это было зрелище, с которым не сравнился бы и полет птицы Рух из арабских сказок».

Когда ледник полз с севера, стирая холмы и выпахивая долины, какой-то предприимчивый язык льда перелез через холмы Барабу и перегородил долину реки Висконсин. Не находя выхода, река разлилась и образовала озеро длиной в половину нынешнего штата, с востока ограниченное ледяными обрывами и питаемое потоками, которые катились с тающих вершин. Береговая линия этого древнего озера видна и теперь, а его дно — это дно великого болота.

Из века в век озеро поднималось и наконец перелилось через восточный край гряды Барабу. Оно прорыло новое русло для реки и тем самым себя осушило. На оставшиеся лагуны прилетели журавли, трубя о поражении отступающей зимы, призывая надвигающиеся полчища живых существ присоединиться к общему труду созидания болота. Плавающие

острова сфагнома смыкались над понижающейся водой, опускались в нее. Осока, болотная хамаедафна, лиственница и ели — все в свой черед вели успешное наступление на трясину, пронизывали ее своими корнями, приковывали к месту, высасывали из нее влагу, закладывали торфяники. Лагуны исчезли, но журавли остались. Каждую весну они возвращались на мшаники, сменившие озеро и его лагуны, танцевали, трубили и выращивали долговязых рыжевато-коричневых птенцов, которых называют «жеребятами». Я не могу объяснить почему. Но как-нибудь в росистое июньское утро понаблюдайте, как жеребята резвятся на пастбище возле гнедой матери, и вы сами поймете.

Как-то, не так уж давно, французский траппер в штанах из оленьей кожи пробрался на своем каноэ вверх по одному из заросших ручьев, которые петляют по великому болоту. Эту попытку вторгнуться в их зыбучую крепость журавли встретили громким насмешливым хохотом. Через век-другой явились в фургонах англичане. Они расчистили поля на лесистых моренах по берегам болота и засеяли их кукурузой и гречихой, но не для того, чтобы, подобно великому хану в Чианганноре, кормить журавлей. Однако журавли не интересуются намерениями ледников, монархов или первопоселенцев. Они клевали зерно, а если какой-нибудь взбешенный фермер отказывался предоставить им право свободного пользования своим урожаем, предупреждающе трубили, взмывали в небо и улетали на соседнюю ферму.

В те дни люцерны не было, и луга по склонам холмов давали плохое сено, особенно в засушливые годы. Однажды во время засухи кто-то поджег лиственницы. Пожарище быстро заросло вейником и, когда его расчистили от обугленных и засохших деревьев, превратилось в отличный луг. После этого люди каждый август ездили туда косить сено. Зимой, когда журавли улетали на юг, люди отправлялись на телегах через замерзшие трясины и увозили сено на свои фермы среди холмов. Ежегодно они расчищали болото огнем и топором, и за два коротких десятилетия его усеяли луга.

Каждый август, когда на болото приезжали косари, погоня лошадей кнутом и бранью, устраивались на ночлег, пели и пили, журавли подавали сигнал своим «жеребятam» и укры-

вались с ними в самых недоступных уголках болота. Косари называли их «рыжими цаплями» — из-за ржавого оттенка, который в это время года нередко пятнает серо-стальное оперение журавлей. Когда сено бывало сметано в стога и болото вновь становилось их собственностью, журавли возвращались и призывали с октябрьского неба летящие на юг канадские стаи. Они вместе опускались на свежую стерню и клевали кукурузные зерна, пока мороз не подавал сигнал к общему отлету.

В те дни болото было для своих обитателей счастливой Аркадией. Люди, звери и птицы, растения и почва к общему благу жили бок о бок и за счет друг друга во взаимной терпимости. Болото могло бы вечно поставлять сено и степных теремов, оленей и ондатр, журавлиную музыку и клюкву.

Однако новые владельцы земли этого не понимали. В понятие общего блага они не включали ни почву, ни растения, ни птиц. Такая сбалансированная экономика приносила слишком скромные дивиденды. Им уже рисовались фермы не только вокруг болота, но и на нем. Началась эпидемия мелиорации и земельный бум. Болото покрылось сетью дренажных канав, лоскутами полей, хозяйственными постройками.

Но урожай были скудными, страдали от заморозков, а дорогие осушительные каналы увеличивали бремя долгов. Фермеры перебирались в другие места. Торфяники высыхали, проваливались, загорались. Солнечная энергия плейстоцена затягивала окрестности едким дымом. Ни один человек не поднял голоса против такой бессмысленной расточительности. Все только зажимали носы. После засушливого лета даже зимние снега не могли погасить тлеющее болото. В полях и лугах прогорали огромные воронки, достигая песков древнего озера, сотни веков укрытых торфом. На пепелищах буйно разрастался бурьян, а через два-три года к нему присоединялась осина. Журавлям пришлось тяжело: их численность сокращалась вместе с площадью еще несгоревших лугов. Для них песня экскаватора оборачивалась траурным гимном. Верховные жрецы прогресса ничего не знали о журавлях, да и не желали знать. Биологическим видом больше, биологическим видом меньше — какое до этого дело инженерам? И кому нужно неосушенное болото, если уж на то пошло?

Около двух десятилетий урожаи становились все хуже, огонь проникал все глубже, кустарник занимал все большие площади, а число журавлей все сокращалось и сокращалось. Выяснилось, что погасить торфяные пожары может только новое затопление. Тем временем те, кого интересовала клюква, кое-где запрудили дренажные каналы, затопили несколько участков и получили хорошие урожаи. Где-то вдалеке политики трубили о нерентабельной земле, о перепроизводстве, о помощи безработным, о сохранении природы. Экономисты и планировщики явились осмотреть болото. На нем теперь кишели топографы, технический персонал, безработная молодежь, объединенная в Гражданский корпус по охране лесов. Началась контрэпидемия затопления. Федеральное правительство скупало землю, переселяло фермеров, засыпало дренажные каналы. Бывшие трясины вновь медленно напитывались влагой. Оставленные огнем воронки превращались в пруды. Трава по-прежнему горела, но она уже не поджигала набухшую водой почву.

Все это, как только были свернуты лагеря Гражданского корпуса, пошло на пользу журавлям — все, кроме тополиных зарослей, которые неумолимо покрывали старые пожары, и уж тем более сети новых дорог, непременно сопутствующих охране природы, когда за нее берется правительство. Построить дорогу куда проще, чем обдумать, в чем действительно нуждается земля. Болото без дорог кажется стороннику формального сохранения природы таким же бесполезным, каким неосушенное болото казалось строителям империи. Безлюдье, естественное богатство, не включенное ни в какие справочники, до сих пор ценится только орнитологами и журавлями. История — болота ли, рыночного ли торга — всегда завершается парадоксом. Высшая ценность этих болот заключается в нетронутости дикой природы, а журавль — живое воплощение дикой природы. Однако сохранение дикой природы несет в себе зародыш собственного крушения — чтобы лелеять, необходимо видеть и ласкать, а когда поглядевших и поласкавших набирается достаточно много, уже не остается дикой природы, чтобы ее лелеять.

В один прекрасный день — быть может, в самый разгар наших благодеяний, а может быть, когда наступит законный геологический срок, — последний журавль протрубит прощальный клич и по спирали поднимется с великого болота в небо. Из высоких облаков донесутся звуки охотничьих рогов, лай призрачной своры, перезвон колокольчиков, а потом воцарится тишина, и она не будет нарушена во веки веков — разве что на каком-нибудь дальнем лугу Млечного Пути.

ПЕСЧАНЫЕ ГРАФСТВА

В каждой профессии есть свое небольшое стадо эпитетов, которым нужны луга, где бы они могли резвиться на воле. Так, экономисты должны отыскивать свободные пастбища для своих излюбленных поношений вроде «нерентабельности», «регрессии» и «традиционной косности». В обширных пределах песчаных графств эти экономические укоризны получают достаточную разминку, даровой подножный корм и гарантированную безопасность от слепней критических возражений.

Почвововедам тоже пришлось бы тяжело без песчаных графств. Где еще могли бы найти хлеб насущный их подзолы, глеи и анаэробные бактерии?

Специалисты по социальному планированию в последние годы начали использовать песчаные графства для другой, хотя и сходной цели. Песчаный район обеспечивает бледное пустое пространство приятных очертаний и размеров на тех картах в мелкую горошину, где каждая горошина обозначает десять ванн, или пять косметических салонов, или одну милю асфальтового покрытия, или долю в быке-производителе. Подобные карты выглядели бы очень скучно, если бы горошины располагались правильными рядами.

Короче говоря, песчаные графства бедны.

Однако в тридцатых годах, когда благодетельные реформаторы метались по Великим равнинам, уговаривая владельцев песчаных ферм переселиться в другие места, эти косные невежды не пожелали никуда уезжать, хотя их и соблазняли ссудами Федерального земельного банка всего из трех про-

центов. Я был заинтригован и в конце концов, чтобы разрешить загадку их поведения, купил себе песчаную ферму.

Порой в июне, когда люпины выплачивают мне росой незаработанные дивиденды, я начинаю сомневаться, так ли уж бедны пески. На землях доходных ферм люпины даже не растут, а уж тем более не собирают ежедневной радуги из драгоценных камней. Если бы они рискнули высунуться там из земли, инспектор по борьбе с сорняками, который редко видит росистые зори, конечно, потребовал бы, чтобы их немедленно уничтожили. А экономисты знают ли о существовании люпинов?

Быть может, у фермеров, не пожелавших покинуть песчаные графства, были на то веские причины, корнящиеся в глубоком прошлом. С приходом каждого апреля мне напоминает об этом сон-трава, расцветающая на всех галечных гребнях. Сон-трава говорит мало, но, насколько я понимаю, свой выбор она сделала еще во времена ледника, оставившего тут гальку. Только галечные гребни настолько бедны, что могут предложить сон-траве ничем не стесненный простор под апрельским солнцем. Она готова терпеть снег, ледяную крупу и холодные ветры ради права цвести в одиночестве.

Есть и другие растения, которые как будто просят у мира не богатства, а простора. Вот, например, крохотная песчанка, одевающая белым кружевом вершины самых бедных холмов перед тем, как люпины обрызгают их светлой синевой. Песчанка попросту отказывается жить на хорошей ферме — даже на очень хорошей, с альпийским садиком и бегониями. И маленькая льнянка, такая крохотная, такая тоненькая и такая голубая, что ее замечаешь, только чуть не наступив на нее, — кто когда видел льнянку где-нибудь, кроме как на открытом песке?

И наконец, крупка, возле которой даже льнянка кажется высокой и пышной. Мне ни разу не встретился экономист, знакомый с крупкой, но я, будь я экономистом, предавался бы своим экономическим размышлениям обязательно распростершись на песке и разглядывая крупку.

Некоторые птицы встречаются только в песчаных графствах. Почему? Иногда догадаться бывает легко, а иногда и трудно. С бледной овсянкой все ясно: она влюблена в сосны

Банкса, а они влюблены в песок. Все ясно и с канадским журавлем — он влюблен в безлюдье, а больше его нигде не найти. Но почему предпочитают гнездиться в песчаных местностях вальдшнепы? Их предпочтение не объяснишь столь материальной причиной, как корм, — земляных червей много больше там, где почва лучше. По-моему, после многолетних наблюдений я нашел причину. Вальдшнеп, циркулирующий перед началом небесного танца, напоминает низенькую женщину на высоких каблуках — и в густой траве он выглядит не слишком внушительно. Но на бесплоднейшей полоске песка самого бедного луга или самой бедной пустоши песчаных графств нет травянистого покрова (во всяком случае, в апреле), а только мох, крупка, сердечник, щавелек, кошачья лапка — все это мелочь даже для птицы с короткими ногами. Тут вальдшнеп может не только без помех и препятствий надувать грудь, важно расхаживать, жеманно семенить, но и чувствовать, что он весь открыт взглядам зрительницы, реальной или воображаемой. Это незначительное обстоятельство, играющее важную роль всего лишь один час в день на протяжении всего лишь одного месяца, причем, возможно, только для одного из полов, и, уж конечно, не имеющее никакого отношения к экономическим меркам уровня жизни, определяет для вальдшнепа выбор дома.

Экономисты пока еще не пробовали переселять вальдшнепов.

ОДИССЕЯ

Икс пребывал в известняковом пласте с той поры, когда эти края были дном палеозойского моря. Для атома, заключенного в породе, время не движется.

Но в один прекрасный день корень дуба крупноплодного проник в трещинку и принялся протискиваться дальше и сосать. За краткий миг столетия пласт разрушился, и Икс был извлечен из земли наружу, в мир живых существ. Он помог создать цветок, который стал желудем, который напитал оленя, который насытил индейца, и все за один год.

Покаясь в костях индейца, Икс принимал участие в охотах и стычках, пирах и голодовках, разделял его надежды и опасения. Он ощущал все это, как изменения в тех крохотных химических толчках, которые каждый атом испытывает непрерывно. Когда индеец распростился с прерией, Икс краткое время пребывал без движения под землей, но вскоре отправился во второе путешествие по кровотоку живых созданий.

На этот раз его всосал корешок бородача и отложил в листе, который колыхался в зеленых волнах июньской прерии, участвуя в общем труде накопления солнечной энергии. Но этому листу досталась и своя особая обязанность: отбрасывать пляшущую тень на яйца в гнезде песочника. Ликующий песочник, паря в небе, изливал хвалы чему-то бесподобному — может быть, яйцам, может быть, пляшущим теням, а может быть, дымке розовых флоксов вокруг.

Когда песочники отправились в дальний путь в Аргентину, бородачи махали им вслед длинными новыми кисточками. Когда же с севера прилетели первые гуси, а бородачи надели винно-красный наряд, предусмотрительный белоногий хомячок отгрыз лист, в котором находился Икс, и унес его в подземное гнездо, точно стараясь укрыть кусочек яркой осени от вороватых заморозков. Но хомячок повстречался с лисицей, плесень и грибы разрушили гнездо, и Икс вновь очутился в почве, свободный и ничем не связанный.

Затем он оказался в стебле бутелоа, в желудке бизона, в помете бизона и снова в почве. Затем традесканция, кролик и сова. После чего стебель спороболюса.

Любому привычному ходу событий приходит конец. Этот был оборван степным пожаром, превратившим травы в дым, газы и золу. Атомы фосфора и калия остались в почве, но атомы азота были унесены ветром. Посторонний зритель в этот момент предсказал бы, пожалуй, быстрый финал биотической драмы — когда пожары лишают почву азота, она легко может потерять свои растения и улететь в пылевом смерче.

Однако у прерии было кое-что в запасе. Пожары разреживали ее травы, но они способствовали росту бобовых — степного клевера, леспедецы, строфостилеса, вики, аморфы, лугового клевера и баптизии. У всех у них в клубеньках на корнях

трудились особые бактерии. Каждый клубенок перекачивал азот из воздуха в растения, а в конечном счете — в почву.

В результате сберегательный банк прерии получал от своих бобовых больше азота, чем выплачивал его пожарам. О том, что прерия богата, знает даже самый скромный белоногий хомячок, но вот вопроса, почему она богата, на всем протяжении безмолвного хода веков не задавал никто.

Между своими экскурсиями по биоте Икс лежал в почве, и дожди дюйм за дюймом уносили его все ниже по склону. Живые растения препятствовали смыву, захватывая атомы. Мертвые растения задерживали их в своих гниющих тканях. Животные съедали растения и переносили их немного выше или ниже по склону в зависимости от того, где они затем испражнялись или умирали. Ни одно животное не создавало, что высота места его смерти над уровнем моря была много важнее того, как именно оно погибло. Так, лисица ловила полевку на лугу и уносила Икса вверх, на гребень холма, где ее схватывал орел. Умирающая лисица ощущала, что ее роль в лисьем мире кончается, но ничего не знала о начале новой одиссеи атома.

В конце концов перья орла унаследовал индеец и с их помощью умиловил Судьбу, твердо веря, что она питает к индейцам особый интерес. Ему и в голову не приходило, что она играет в кости с силой тяготения, что мыши и люди, почвы и пески — возможно, всего лишь средства, замедляющие движение атомов к морю.

Однажды, когда Икс находился в топольке над рекой, его съел бобр — животное, которое обычно кормится выше того места, где умирает. Этот бобр погиб от голода, когда в сильные морозы вода в его запруде промерзла до дна. В его трупе Икс поплыл по волнам весеннего половодья, за каждый час теряя больше высоты, чем прежде за столетие. Его путь завершился в дельте, в иле тихой протоки, где он накормил рака, енота, а затем индейца, который упокоился вместе с ним в могильнике на речном берегу. Однажды весной река подмыла обрыв, и после краткой недели половодья Икс вновь оказался в своей древней темнице — в море.

Атом, бродящий по биоте, слишком свободен, чтобы понять свободу; атом вернувшийся в море, забывает ее. Взамен

каждого атома, захваченного морем, почва высасывает новый из рассыпающихся известняков. И только одна истина бесспорна: живые существа прерии должны сосать усердно, жить быстро и умирать часто, иначе ее убытки превзойдут ее доходы.

Корни проникают в трещинки — такова их природа. Когда такой корень высвободил Игрека из родного известняка, в прерии появилось новое животное и принялось переделывать ее по своим понятиям о законе и порядке. Волы вспахали девственный дерн, и Игрек начал головокружительные ежегодные путешествия по стеблям новой травы, которую называют пшеницей.

Старая прерия жила разнообразием своих растений и животных, которые все были полезны, потому что их сотрудничество и соперничество между собой в общем итоге обеспечивало продолжение жизни. Но у фермера были свои понятия — полезными он считал только пшеницу и волов. Он увидел, как бесполезные голуби облаком опускаются на его пшеницу, и незамедлительно очистил от них небеса. Он увидел, что теперь красть продолжают пшеничные клопы, и пришел в бешеное бешенство — ведь эти бесполезные твари были слишком мелки, чтобы их можно было уничтожить. Но он не увидел вымывания истощенного пшеницей чернозема, который лежал открытый апрельским ливнями. Когда вымывание почвы и клопы покончили с пшеницей как основой хозяйства, Игрека и других ему подобных вода унесла уже далеко вниз по склону.

Пшеничная империя рухнула, и фермер попробовал кое-чему научиться у старой прерии — он связал плодородие с коврами, поднял его с помощью собирающей азот люцерны, а через длинные корни кукурузы добрался до нижних слоев чернозема.

Однако люцерну и другое оружие против вымывания он использовал не только для того, чтобы сохранить уже распавшуюся землю, но и для эксплуатации новых земель, которые в свою очередь потребовали сохранения.

Вот почему, несмотря на люцерну, слой чернозема постепенно становился все тоньше. Специалисты по борьбе с эрози-

ей строили плотины и террасы, чтобы сохранить его. Военные инженеры сооружали отстойники и отводные дамбы, чтобы вернуть его из рек. Но реки его не возвращали, а осаживали на собственное дно, что затрудняло судоходство. Тогда инженеры соорудили запруды, похожие на бобровые, только во много раз больше, и Игрек осел в такой запруде, завершив свое путешествие от коренной породы до реки за одно краткое столетие.

В запруде Игрек совершил сначала несколько экскурсий через водные растения, рыб и водоплавающих птиц. Однако инженеры строят не только плотины, но и канализацию. В нее-то, вместо моря, и попадает вся добыча с дальних холмов. Атомы, которые некогда слагались в цветки сон-травы и приветствовали вернувшихся песочников, теперь лежат неподвижно и растерянно в маслянистой жиже.

Корни все еще проникают в трещинки коренных пород. Ливни все еще хлещут по пашням. Белоногие хомячки все еще прячут сувениры яркой осени. Старики, которые в юности помогали уничтожить странствующих голубей, все еще рассказывают про огромные стаи, затемнявшие солнце. Черно-белые бизоны выходят из красных коровников и возвращаются в них, предлагая странствующим атомам бесплатно покататься.

О ПАМЯТНИКЕ ГОЛУБЮ¹

Мы воздвигли памятник, чтобы ознаменовать похороны биологического вида. Этот памятник символизирует наше горе. Мы скорбим потому, что больше уже ни один человек не увидит, как стремительные фаланги победоносных птиц пролагают путь весне в мартовских небесах и гонят побежденную зиму из всех лесов и прерий Висконсина.

Еще живы люди, которые в юности видели этих голубей. Еще живы деревья, помнящие пернатый вихрь, который сотрясал их в молодые годы. Но пройдет десять лет, и помнить будут только старейшие дубы, а потом память сохранят одни холмы.

¹ Памятник странствующему голубю был установлен Висконсинским орнитологическим обществом в Вайльюзинском парке и открыт 11 мая 1947 года. (Примеч. автора.)

В книгах и музеях голуби не переведутся, но это чучела и изображения, мертвые, не знающие ни невзгод, ни радостей. Книжные голуби не могут вынырнуть из облака и обратить в бегство оленей или громом крыльев приветствовать лес, полный желудей. Книжные голуби не могут завтракать на пшеничном жнивье Миннесоты и обедать на черничниках Канады. Все времена года им равно безразличны, они не ощущают ни поцелуев солнца, ни плетей ветра и непогоды. Они живут вечно, потому что вообще не живут.

Наши деды ели и одевались не так хорошо, как мы, и жили не в таких удобных домах. Усилия, позволившие им улучшить свою судьбу, заодно лишили нас голубей. Быть может, сейчас мы скорбим потому, что в глубине души не уверены, насколько выгоден для нас такой обмен. Механические игрушки дают нам больше комфорта, чем давали голуби, но могут ли они столько же прибавить к великолепию весны?

Прошло сто лет с тех пор, как Дарвин впервые приоткрыл перед нами тайну происхождения видов. Теперь мы знаем то, чего не знала вереница всех предшествующих поколений: человек — всего лишь один из участников в одиссее эволюции наравне с другими живыми существами. Это открывшееся нам знание уже должно было бы воспитать в нас ощущение родства со всем, что живет, желание не только жить самим, но и давать жить другим, благоговейное удивление перед размахом и длительностью биотического путешествия.

А главное — за сто лет, протекших после Дарвина, нам следовало бы понять, что, хотя человек сейчас и командует кораблем, плывущим в неведомое, само плавание было предпринято отнюдь не ради него одного, а его прежние самодовольные заблуждения на этот счет возникли из-за простой потребности свистеть, бродя в потемках.

Вот что следовало бы нам почувствовать и понять, но боюсь, слишком многих это обошло стороной.

Один вид, оплакивающий другой, — это нечто новое под солнцем. Кроманьонец, убивший последнего мамонта, думал только о сытном обеде. Охотник, подстреливший последнего голубя, думал только о своей меткости. Матрос, обрушивший дубину на последнюю бескрылую гагарку, вообще ни о чем не думал. Но мы, потерявшие своих голубей, оплакиваем их.

Будь это наши похороны, голуби вряд ли оплакивали бы нас. Именно этот факт, а не нейлоновые чулки господина Дюпона или бомбы господина Буша, объективно свидетельствует о нашем превосходстве над животными.

Этот памятник, точно сапсан, будет день за днем, год за годом озирать со своего обрыва широкую долину вниз. Каждый март он будет смотреть, как в вышине пролетают гуси, рассказывая реке о более чистых, более прохладных, более пустынных водах тундры. Каждый апрель перед ним будет расцветать и отцветать багрянник, и каждый май цветки дубов будут повисать розовой дымкой на тысячах холмов. Каролинские утки будут осматривать эти липы в поисках дупел. Золотые древесницы будут стряхивать золотую пыльцу с речных ив, белые цапли будут неподвижно стоять в этих заводях в августе, песочники будут посвистывать в сентябрьских небесах. Гикори будут ронять орехи на октябрьский палый лист, и град будет стучать в ноябрьских лесах. Но ни один голубь не пролетит над ним, потому что голубей больше не осталось, если не считать вот этого, отлитого из бронзы, неподвижно сидящего на этом камне. Туристы будут читать эту надпись, но их мысли не обретут полета.

Моралисты от экономики поучают нас, что скорбь по голубю — всего лишь ностальгия, что, не покончи с голубями охотники, с ними из чистой самозащиты пришлось бы покончить фермерам.

Это одна из тех своеобразных истин, которые бесспорны, но совсем по иным причинам.

Странствующие голуби были биологической бурей, молнией, пылавшей между двумя потенциалами невероятного напряжения — обилием даров земли и кислородом воздуха. Ежегодно пернатый ураган с громом носился над всем континентом, сметая плоды леса и прерий, сжигая их в мчащемся пламени жизни. Как бывает при всякой цепной реакции, странствующие голуби не могли выдержать снижения собственной бешеной энергии. Когда дробь охотника уменьшила их множества, а топор поселенца прорубил плеши в лесах, подателях их топлива, пламя погасло без искр и даже без дыма.

Нынче дубы все еще возносят бремя к небу, но оттуда уже не падает пернатая молния. Гусеницы и жуки должны теперь

медленно и беззвучно выполнять ту биологическую задачу, которая некогда совлекала гром с небесной тверди.

Удивляться надо не тому, что странствующих голубей больше нет, а тому, что они сумели дожить до эры дельцов.

Голубь любил свою землю, он жил жадой виноградных кистей и лопающихся буковых орешков, и еще — своим презрением к расстояниям и временам года. То, чего Висконсин не предлагал ему даром сегодня, он завтра искал и находил в Мичигане, или на Лабрадоре, или в Теннесси. Он любил то, что существовало сию минуту — не здесь, так там, и, чтобы отыскать желаемое, требовалось только вольное небо и желание лететь.

Любить то, что было, — это нечто новое под солнцем, неведомое многим людям и всем голубям. Увидеть Америку в ее истории, постигнуть веление судеб, ощутить аромат гикори на безмолвном протяжении ушедших веков — все это в нашей власти, и нужно только вольное небо и желание лететь. Только в этом, а вовсе не в бомбах господина Буша и не в нейлоновых чулках господина Дюпона, заключено объективное свидетельство нашего превосходства над животными.

ФЛАМБО

Люди, которые никогда не спускались в каноэ по реке в необжитом краю — или же спускались, но с проводником у руля, — склонны считать, будто ценность такого путешествия исчерпывается новыми впечатлениями и полезной физической нагрузкой. Так думал и я, пока не встретился на Фламбо с двумя студентами.

Перебив посуду после ужина, мы сидели у реки и смотрели, как на том берегу олень купает рога, поедая водные растения. Вдруг он поднял голову, насторожил уши и одним прыжком скрылся в зарослях.

Причина его тревоги вскоре стала ясна — из-за мыса показалось каноэ с двумя молодыми ребятами. Увидев нас, они повернули к нашему берегу, чтобы поболтать.

— Который час? — спросили они, едва причалив, и объяснили, что оба забыли завести свои часы и впервые в жизни им

не по чему было поставить их правильно — ни других часов, ни гудка, ни радио. Два дня они жили «по солнечному времени» и радовались. Завтрака, обеда и ужина им никто не подавал — либо они добывали их из реки, либо оставались голодными. Регулировщик не свистел им, предупреждая о подводном камне в быстринах, и никакой гостеприимный кров не спасал их от дождя, если они решали, что на этот раз палатку можно не ставить. Проводник не указывал им, где выбрать место для ночлега — вот тут ветер разгоняет комаров, а там всю ночь из-за них не сомкнешь глаз — и какое дерево дает звонкие жаркие угли, а какое только дымит.

Прежде чем юные искатели приключений поплыли дальше, мы успели узнать, что по возвращении обоих призывают в армию. И все стало ясно. Эта поездка дала им в первый и в последний раз вкусить свободы, она была интерлюдией между двумя строгими распорядками — университетского городка и казармы. Первобытная простота плавания в дикой глуши увлекала не только своей новизной, но и тем, что знаменовала полнейшую свободу делать ошибки. Они впервые узнали вкус наград и кар за разумные и глупые поступки — наград и кар, с которыми ежечасно сталкиваются обитатели дикой глуши, но против которых цивилизация создала тысячи защит. В этом смысле они были действительно предоставлены самим себе.

Быть может, молодежи необходимы соприкосновения с дикой природой, чтобы постичь смысл такой свободы.

Когда я был маленьким, мой отец, хваля леса, удобные стоянки, места для ужения, имел обыкновение говорить: «Почти как на Фламбо!» Когда, наконец, и я пустился в каноэ по этой легендарной реке, сама она оправдала все мои ожидания, но дикая природа по ее берегам была уже при последнем издыхании. Новые дачки, пансионаты и шоссейные мосты разделяли нетронутые дебри на все более и более узкие сегменты. Резкими сменами впечатлений плавание вниз по Фламбо напоминало пароксизм лихорадки, когда человека бросает то в жар, то в холод: едва успеешь увериться, будто вокруг тебя девственная глушь, как видишь лодочную пристань и уже плывешь мимо пионов какого-нибудь дачника.

Слава богу, пионы остались позади и метнувшийся по откосу олень возвращает ощущение дикой природы, а быстри-

ны довершают иллюзию. Но у плеса ниже их торчит псевдобревенчатая хижина с очень современной крышей, сельской беседочкой для послеобеденного бриджа и красующимся на доске кокетливым названием: «Приют отдохновения».

Поль Беньян был слишком занят, чтобы думать о потомках, но если бы его попросили сохранить место, которое показало бы потомкам, как выглядели северные леса прошлого, он, возможно, выбрал бы Фламбо — ведь на ее берегах прекрасные веймутовы сосны росли бок о бок с прекрасными сахарными кленами, желтой березой и тсугой. Такое щедрое сочетание сосны с лиственными деревьями было и остается редкостью. Сосны Фламбо, выросшие на одной почве с лиственными деревьями — почве более плодородной, чем привычная для сосен, — были столь огромными и ценными и стояли так близко к сплавной реке, что их вырубili очень давно, о чем свидетельствует трухлявость сохранившихся колоссальных пней. Пошадили только сосны с дефектами, но их и по сей день сохранилось достаточно, чтобы украшать горизонт над Фламбо зелеными памятниками ушедшим дням.

Вырубка лиственных лесов пришла позднее — собственно говоря, последняя крупная лесопромышленная компания протянула рельсы последней узкоколейки для вывоза бревен всего десять лет назад. Теперь от этой компании осталась только «земельная контора» в обезлюдевшем поселке, которая продает желающим участки бывшего леса. Так сошла на нет целая эпоха американской истории — эпоха с девизом «вырубай и двигайся дальше».

Подобно койоту, копающемуся в отбросах опустевшего лагеря, экономика Фламбо после окончания лесоразработок существует на остатках собственного прошлого. По рубкам рыщут поставщики сырья для целлюлозы — не пропустили ли где-нибудь лесорубы молоденькую тсугу. Команда передвижной лесопилы обыскивает речное дно в поисках топляка, оставшегося от дней лихого сплава в былые славные времена. Выпачканные илом трупы лежат рядами у старой пристани — все в прекрасном состоянии, а многие и очень ценные, ибо теперь на севере таких сосен больше нет. Рубщики сводят на болотах восточную тую для столбов и жердей. По пятам руб-

шиков идут олени и обгладывают брошенные верхушки. Все существует на чьих-то обедах.

Остатки подбираются настолько усердно, что дачник, строя себе бревенчатую хижину, использует сваи из Айдахо и Орегона, обтесанные под бревна и доставленные в леса Висконсина на товарных платформах. Английская поговорка, предлагающая возить уголь в Ньюкасл, рядом с этим выглядит веселой шуткой.

Тем не менее остается река, кое-где совсем такая же, какой она была в дни Поля Беньяна, — на заре, пока не проснулись моторки, слышно, как она поет в первозданной глуши. Сохранилось несколько участков несведенного леса, по счастью принадлежащих штату. Немало осталось и диких обитателей воздуха, воды и леса: маскинонги, окуни, лопатоносы плавают в реке, крохали, черные и каролинские утки гнездятся в низинах поймы, скопа, орел и ворон кружат в вышине. И повсюду олени — может быть, даже в избытке: за два дня плавания по реке я насчитал их пятьдесят два. В верховьях Фламбо еще бродят два-три волка, а один охотник утверждает, будто видел куницу, хотя с 1900 года на Фламбо не было добыто ни единой куньей шкурки.

Используя эти остатки первозданной глуши, висконсинский департамент охраны дикой природы в 1943 году начал на протяжении пятидесяти миль восстанавливать берега реки в их нетронutom виде для пользы и удовольствия висконсинской молодежи. Тут река течет через леса, принадлежащие штату, но разработка леса по берегам реки вестись не будет, как не будут прокладываться и новые дороги. Медленно, терпеливо и порой по высокой цене департамент охраны дикой природы скупал земельные участки, сносил дачи, закрывал все дороги, кроме самых необходимых, и, короче говоря, отводил стрелки часов назад к первозданной глуши настолько, насколько это вообще возможно.

Хорошая почва, благодаря которой Фламбо снабжала Поля Беньяна самым лучшим строевым лесом, в последние десятилетия помогла графству Раск развить молочную промышленность. Его фермерам требовалась электроэнергия дешевле той, которую предлагали им местные электрокомпании, а потому они организовали кооператив и в 1947 году обратились за

разрешением на постройку плотины, которая перехватит нижнюю часть заповедного пятидесятимильного участка реки, открытого только для каноэ.

Некоторое время шла ожесточенная политическая борьба. Законодательное собрание штата, весьма чувствительное к нажиму фермеров и равнодушное к ценностям нетронутых дебрей, не только одобрило проект плотины, но и лишило Комиссию по охране дикой природы права голоса в вопросе распределения участков для энергетических сооружений. Таким образом, более чем вероятно, что еще остающиеся открытыми для каноэ воды Фламбо, как и все остальные нетронутые места на реках штата, в конце концов будут отданы под производство энергии.

Быть может, наши внуки, никогда не видевшие дикой реки, не пожалеют о том, что не могут пуститься в каноэ по поющей воде.

УМЕРЩВЛЕНИЕ

Со старого дуба содрали кору, и он погиб.

Степень смерти покинутых ферм бывает разная. Некоторые ветхие дома подмигивают вам, словно говоря: «Тут еще кто-нибудь поселится. Вот увидите!»

Но эта ферма — не такая. Содрать кору со старого дуба, чтобы выжать последнюю каплю дохода из хозяйства, — это столь же бесповоротно и окончательно, как топить очаг мебелью.

Иллинойс и Айова

ПО ИЛЛИНОЙСУ НА АВТОБУСЕ

Фермер с сыном во дворе врезаются двуручной пилой во внутренности тополя-патриарха. Дерево такое старое и такое могучее, что свободного полотнища пилы остается не больше фута.

Было время, когда этот великан вставал маяком в море прерии. Быть может, Джордж Роджерс Кларк разбил лагерь под его ветвями, и, уж конечно, бизоны пережидали в его те-

ни полуденный зной, лениво отгоняя мух. Каждую весну на него опускалось облако голубей. Это — библиотека, с которой сравнится разве что университетская, но несколько дней в году его пух липнет к проволочной сетке в окнах фермера. И важно только это.

Университет объясняет фермерам, что мелколистные вязаы не забивают пухом проволочные сетки, и потому их следует предпочесть тополям. Кроме того, он премудро вещает о консервировании вишни, болезни Банга, гибридах кукурузы и о том, как сделать свой дом красивым. О фермах он не знает только одного: откуда они взялись. Его задача — приспособить Иллинойс под сою.

Я сижу в автобусе, который со скоростью 60 миль в час мчится по дороге, некогда предназначавшейся для двуколок. Ленту бетона все расширяли и расширяли, пока кюветы не уперлись в изгороди, разделяющие поля. На узенькой полоске между выбритыми откосами и изгородью виднеются останки того, чем некогда был Иллинойс, — прерии.

Никто в автобусе их не замечает. Хмурый фермер, из кармана которого торчит счет за удобрения, смотрит невидящими глазами на люпины, леспедецу и баптизию, которые некогда перекачивали азот из воздуха прерии в чернозем его будущих полей. Он не отличит их от наглого захватчика пырея, среди которого они растут. Спроси я его, почему кукуруза приносит ему сотню бушелей с площади, которая в штатах, где никогда не было прерии, хорошо если даст тридцать, он наверняка ответит, что в Иллинойсе почва лучше. А спроси я его, как называется вон то льнувшее к изгороди растение с белыми, как у гороха, цветами, он пожмет плечами. Сорняк какой-то.

Мимо проносится кладбище, обрамленное желтокорнем. Нигде больше желтокорня нет — современный ландшафт получает желтую гамму от пупавки и осота. Желтокорень прерии беседует только с мертвыми.

За окном раздается будоражащий душу свист длиннохвостого песочника: было время, когда его прашуры следовали за бизонами, которые брели, утопая по плечи в безграничном море ныне забытых цветов. Мальчик успел заметить песочника и сообщает отцу: «Вон бекас полетел».

Вывеска гласит: «Вы въезжаете в Гринриверский округ охраны почв». Буквами помельче обозначены все, кто принимает в этом участие, но из движущегося автобуса разобрать ничего не возможно. Так сказать, реестр, кто есть кто в деле сохранения почвы.

Вывеска очень аккуратненькая. Поставлена она у ручья, на лугу, таком маленьком, что хоть в гольф играй. Неподдалеку видна красивая излучина сухого русла. Новый ручей течет по линейке — специалист-мелиоратор «разогнул» его русло, чтобы ускорить сток. На заднем плане — холм с ленточными посевами. Специалист по борьбе с эрозией «согнул» их по контурам холма, чтобы замедлить сток. Такое обилие рекомендаций, наверное, ставит воду в тупик.

На этой ферме все говорит о приличном счете в банке. Дом и двор шеголяют свежей краской, сталью, бетоном. Дата на амбаре увековечивает первых поселенцев. Крыша шетинится громоотводами, флюгерный петух сияет позолотой. Даже свиньи выглядят платежеспособными.

У старых дубов в леске нет потомства. Нет ни живых изгородей, ни кустарника, ни жердяных заборов, ни других признаков безалаберного хозяйствования. На кукурузном поле пасутся жирные бычки, но вот перепелов там, наверное, нет. Изгороди занимают лишь узкие полоски дерна. Тот, кто допахивал прямо до колючей проволоки, наверное, повторял про себя старую пропись: «Ничего не оставляй втуне».

В кустах у луга разлив разбросал всякий мусор. Берега обнажены: большие куски иллинойсской земли обвалились и отправились в путь к морю. Буйные заросли амброзии показывают, где полые воды оставили ил, который не смогли унести с собой. Кто, собственно, тут платежеспособен? И надолго ли?

Шоссе туго натянутой лентой ложится через поля кукурузы, овса и клевера. Автобус отсчитывает мили благоденствия, а пассажиры говорят, говорят, говорят. О чем? О бейсболе, о налогах, о зятях, о кинофильмах, о машинах, о похоронах. И ни слова о земляных волнах Иллинойса за окнами автобуса. У Иллинойса нет ни происхождения, ни истории, ни мелей, ни глубин, ни отливов и приливов жизни и смерти. Для них Ил-

линойс — всего лишь море, по которому они плывут к неизвестным пристаням.

ДЕРГАЮЩИЕСЯ КРАСНЫЕ ЛАПЫ

Вспоминая ранние впечатления детства, я спрашиваю себя, не является ли так называемый процесс взросления, процесс становления личности на самом деле процессом обезличивания, не сводится ли хваленый опыт взрослых к постепенному разжижению основ жизни мелочами будничного существования. Во всяком случае, несомненно од-



но: мои первые впечатления от дикой природы и диких существ сохраняют необыкновенную четкость формы, цвета и атмосферы — даже полвека профессиональной работы с дикой природой не смогли ни стереть их, ни что-либо к ним добавить.

Подобно большинству честолюбивых охотников, я в детстве получил одностовлку и разрешение охотиться на кроликов. Как-то зимой в субботу, по дороге к моим излюбленным кроличьим угожьям, я заметил, что в покрытом льдом и снегом озере, там, где с берега стекала теплая вода от ветряка, появилась небольшая «отдушина». Все утки давно уже отправились

на юг, но я тут же сформулировал мою первую орнитологическую гипотезу: если где-нибудь в наших краях задержалась хотя бы одна утка, рано или поздно она опустится на эту полынью. Я укротил свою страсть к кроликам (в то время для меня немалый подвиг), сел среди обледелого водяного перца на мерзлую глину и стал ждать.

Ждал я до вечера, и от каждой пролетавшей мимо вороны, от каждого жалобного стога ревматичного ветряка мне становилось все холоднее и холоднее. Наконец, на закате одинокая кряква появилась с запада и, ни разу не облетев полыньи, сложила крылья и спикировала на воду.

Выстрела я не помню — ничего, кроме невыразимого восторга, когда моя первая утка шлепнулась на заснеженный лед и осталась лежать брюхом вверх, дергая красными лапами.

Даря мне дробовик, отец сказал, что я могу охотиться на куропаток, но ни в коем случае не стрелять по ним, когда они сидят на деревьях: я уже достаточно взрослый, чтобы стрелять влет.

Моя собака прекрасно загоняла куропаток на деревья, и, отказываясь от верного выстрела по сидящей птице ради почти верного промаха по летящей, я затверживал первые уроки этики. Что такое все семь царств дьявола по сравнению с куропаткой, сидящей на дереве!

На исходе моего второго бескровного сезона охоты на куропаток я как-то пробирался через густой осинник, как вдруг



слева от меня загремела крыльями большая куропатка и, взмыв над осинами, молнией пронеслась за моей спиной в сторону ближайшего кипарисового болотца. Это был выстрел навскидку, о каком мечтает любой охотник на куропаток, и птица рухнула на землю в вихре перьев и золотых листьев.

Я бы и сегодня мог точно обозначить на плане каждую веточку красного дёрена, каждую голубую астру, украшавшие мох, на котором лежала она — первая моя куропатка, сбитая влет. Наверное, с той минуты я люблю дёрен и голубые астры.

Аризона и Нью-Мексико

НА ВЕРШИНЕ

Когда я впервые приехал в Аризону, плато Уайт-Маунтин еще оставалось владением всадников. На нем почти не было дорог, доступных для фургонов. Автомобили еще не существовали, а для пешего хождения расстояния были слишком велики, и даже пастухи там ездили верхом. В результате это обширное плато, или, как называли его местные жители, Вершина, стало владениями конника — конного скотовода, конного овцевода, конного лесничего, конного охотника и всех тех загадочных всадников, неведомо откуда взявшихся и неизвестно куда направляющихся, без которых никогда не обходятся новоосваиваемые земли. Нынешнему поколению трудно понять аристократизм, опирающийся исключительно на средства передвижения.

Он не распространялся на железнодорожные станции в двух днях пути к северу, где имелся широкий выбор средств передвижения — кожаные подметки, ослы, лошади, линейки, товарные платформы, тамбуры, пульманы. Каждое из них соответствовало определенной социальной касте, члены которой говорили на своем наречии, носили свою одежду, ели свои блюда и посещали свои питейные заведения. Единственной объединяющей их чертой была задолженность в лавке, а также совместное владение всей аризонской пылью и всем аризонским солнцем.

Когда вы ехали на юг через равнины и плоские холмы к Уайт-Маунтин, эти касты одна за другой оставались позади

по мере того, как местность становилась недоступной для их видов транспорта, и на Вершине миром правили только всадники.

Разумеется, Генри Форд покончил со всем этим. А в наши дни самолеты даже небо отдали в распоряжение всех и каждого.

Зимой Вершина была недоступна и для всадников, потому что на лугах вырастали высокие сугробы, а узкие каньоны, по которым только и можно было туда подняться, заваливало снегом до краев. В мае по всем каньонам катились потоки ледяной воды, но затем вам уже ничто не мешало «выбраться наверх», если только ваша лошадь соглашалась полдня брести вверх по колено в грязи.

Каждую весну в деревушке у подножия плато разгоралось безмолвное соперничество: кто первым нарушит уединение Вершины. Мы все жаждали этого по причинам, которых не анализировали. Про первого с поразительной быстротой узнавали все, и его окружал особый ореол. Он становился «лучшим всадником года».

Горная весна, вопреки романам, не воцарялась сразу и бесповоротно. Благодатное тепло сменялось ледяными ветрами даже после того, как овец перегоняли на горные пастбища. Трудно представить себе более знобкое зрелище, чем унылый серый луг, где под градом или мокрым снегом жалобно блеют ярки и окоченевшие ягнята. Даже веселые ореховки Кларка сидели, нахохлившись, спиной к этим весенним выюгам.

Летом настроения плато менялись несколько раз на дню вместе с погодой. Эти настроения пробирали самого тупого всадника, как и его лошадь, до мозга костей.

В солнечное утро плато так и соблазняло вас спешиться и поваляться в сочной траве и цветах. (Ваша менее выдержанная лошадь так и поступала, стоило ослабить поводья.) Все живое пело, попискивало и расцветало. Могучие сосны и ели, отдыхая от зимних бурь, пили солнце в величавом покое. Кистеухие белки, храня непроницаемое выражение на мордочке, но ликуя голосом и хвостом, настойчиво сообщали вам то, что вы и без них прекрасно знали, — никогда еще не было такого дивного безлюдья и такого великолепного дня.



А час спустя на солнце наползали грозовые тучи, и недавний рай робко затихал, ожидая, что на него вот-вот обрушатся безжалостные бичи молний, дождя и града. Все окутывалось черным унынием, словно вот-вот должна была взорваться бомба. Лошадь вскидывалась, стоило скатиться камешку или треснуть веточке. А если вы пытались повернуться в седле, чтобы отвязать плащ, она бросалась в сторону, фыркала и дрожала, как будто вы собирались развернуть свиток Страшного суда. Когда кто-нибудь при мне утверждает, будто он не боится грозы, я все еще говорю про себя: он не ездил верхом по Вершине в июле.

Грохот грома над головой достаточно страшен, но куда страшнее дымящиеся осколки камня, которые свистят совсем рядом, когда молния ударяет в скалу. Однако еще страшнее щепки, летящие во все стороны, когда молния разбивает сосну. Я до сих пор помню блестящую белую щепку длиной полтора ярда, которая впилась в землю у моих ног, гудя, как камerton.

Какой бедной должна быть жизнь, совсем свободная от страха!

Плато представляло собой один бесконечный луг: чтобы проскакать из одного его конца до другого, требовалось полдня. Но не думайте, будто это был огромный, заросший травой амфитеатр, огражденный стеной сосен. Его края были все в фестонах, кружевах и мережке бесчисленных бухточек и фиордов, мысов и проливов, полуостровов и парков, разных и неповторимых. Никто не знал их все, и каждая поездка сулила возможность отыскать что-нибудь новое. Въезжая в такую усыпанную цветами бухточку, я нередко чувствовал, что, побывав здесь кто-нибудь до меня, он должен был бы сохранить память об этом в песне или стихотворении — вот почему я употребил слово «новое».

Этим ощущением, будто ты вот сейчас открыл нечто невероятное, по-видимому, и объяснялось изобилие инициалов и дат и всевозможных тавр, которыми была испещрена кора терпеливых осин в окрестностях любого летнего лагеря. С помощью этих надписей можно было за один день изучить историю *Homo texanus* (человека техасского) и его культуру,

причем не в холодных антропологических категориях, но через биографию какого-нибудь патриарха, чьи инициалы были вам знакомы потому, что его сын надул вас с лошадью, или потому, что вы как-то танцевали с его дочкой. Вот помеченный девянсто каким-то годом его простой инициал без тавра рядом, вырезанный, очевидно, когда он впервые попал на Вершину пастухом без роду и племени. Затем через десять лет — его инициал и тавро. К этому времени он уже стал почетным членом общины с собственным стадом, умножившимся благодаря бережливости и естественному приросту, а может быть, и не без помощи вороватого лассо. Затем совсем свежий инициал его дочери, вырезанный влюбленным юношей, который мечтал стать не только мужем красавицы, но и преемником ее отца.

Старик уже умер. На закате жизни сердце его радовали только счет в банке и число принадлежавших ему коров и овец, однако осина свидетельствует, что в молодые годы и он не оставался равнодушен к великолепию горной весны.

Впрочем, история плато запечатлевалась не только на коре осин, но и в местных названиях. В скотоводческих краях они бывают непристойными, шутивными, насмешливыми или сентиментальными, но скучными — никогда. Они дразнят любопытство приезжих, и в ответ на расспросы ткется та паутина былей и небылиц, которая слагается в местный фольклор.

Например, Погост — прелестная лужайка, на которой голубые колокольчики покачивались над полупогребенными в земле черепами и позвонками коров, погибших давным-давно. Здесь в восьмидесятых годах неопытный скотовод, приехавший из теплых долин Техаса, доверился чарам лета и остался зимовать на Вершине вместе со стадом. Когда забушевали ноябрьские выюги, ему и его лошади удалось добраться до равнины — но не его коровам.

Или Кэмпбелловский Блюз — у истоков Блу-Ривер, куда какой-то скотовод привез молодую жену. Ей скоро надоели скалы и камни, она тосковала по пианино. И ей привезли пианино фирмы «Кэмпбелл». В округе был только один мул, способный тащить подобную ношу, и только один погонщик, способный навьючить его так, чтобы пианино было уравновешено, — задача поистине выше человеческих сил! Однако пианино не разве-

яло тоски, и молодая супруга исчезла из этих краев. Когда я слышал эту историю, от дома сохранилась только куча бревен.

А еще Фасолевая Дыра — заболоченный луг, окаймленный соснами, под которыми в мои дни стояла пустая бревенчатая хижина, где можно было переночевать. По неписаному закону хозяин такой хижины оставлял в ней муку, топленое сало и фасоль, а ночующие пополняли запасы, чем могли. Но один злополучный путешественник, которого грозы заперли там на неделю, нашел в кладовой только фасоль. Подобное нарушение правил гостеприимства казалось настолько вопиющим, что было запечатлено как географическое название.

И наконец, Райское Ранчо — безнадёжная банальность, если смотреть на карту, но нечто совсем другое, когда вы добирались туда верхом по тяжелой дороге. Как и положено настоящему раю, это место пряталось за крутым отрогом. По его сочным лугам струился звонкий ручей, где плескалась форель. Лошадь, которую оставили месяц пастись на этом лугу, так разжирела, что на ее спине скопилась лужа дождевой воды. Впервые увидев Райское Ранчо, я спросил себя: «А как еще могли его назвать?»

Хотя мне не раз представлялся случай вновь побывать на Уайт-Маунтин, я ни одним из них не воспользовался. Лучше не видеть, что принесли этим местам туристы, шоссе, лесопильни и узкоколейки для вывоза леса или что они у них отняли. Иногда я слышу, как молодые люди, еще не родившиеся, когда я впервые «выбрался наверх», принимаются наперебой хвалить Вершину. И я соглашаюсь — с некоторыми мысленными оговорками.

ЕСЛИ ДУМАТЬ, КАК ГОРА

Могучий грудной вопль, эхом отражаясь от скал, катится вниз с горы и замирает в дальних пределах ночного мрака. Это — взрыв дикой гордой скорби и презрения ко всем превратностям и опасностям мира.

Ни одно живое существо (а может быть, и мертвое тоже) не остается равнодушным к этому кличу. Оленю он напоминает о судьбе всей плоти, соснам предсказывает полуночную

возню внизу и кровь на снегу, койоту-обещает богатые обеды, скотоводу грозит задолженностью в банке, охотнику сулит поединок пули с острыми клыками. Однако за всеми этими непосредственными страхами и надеждами кроется иной, глубокий смысл, ведомый только горе. Только гора прожила столько лет, что может бесстрастно слушать волчий вой.

Те, кому этот скрытый смысл невнятен, все-таки знают о нем, ибо он ощущается во всех волчьих краях и делает их особенными. Он пробегает мурашками по коже каждого, кто слышит волков ночью или разглядывает их следы днем. И даже если волков не видно и не слышно, он таится в сотнях мелких событий — в полуночном ржании вьючной лошади, в стучке осыпавшихся камней, в прыжке бегущего оленя, в том, как тени лежат под елями. Только невежественный новичок не ощутит присутствия или отсутствия волков, не заметит, что у гор есть о них свое тайное мнение.



Мне это известно с того дня, когда я увидел, как умирал волк. Мы завтракали на высоком обрыве, у подножия которого бурлила стремительная речка. Вдруг мы заметили, что через речку по грудь в белой пене перебирается оленуха. Только когда она выбралась на наш берег и встряхнула хвостом, мы поняли, что ошиблись. Это был волк. Полдюжина других волков — по-видимому, подросших волчат — выскочили из ивняка и, радостно виляя хвостами, буйной волной накатились на волчицу. На открытой площадке у подножия нашего обрыва каталась и кувыркалась целая куча из волков.

В те дни нам еще не доводилось слышать, что можно увидеть волка и не убить его, и секунду спустя мы уже осыпали свинцом захваченную врасплох стаю. Однако в этой пальбе азарта было много больше, чем меткости, — целиться с крутого обрыва вниз всегда сложно. Когда мы расстреляли все патроны, старая волчица лежала на земле, а за неприступной осыпью, волоча ногу, исчезал последний волчонок.

Мы подбежали к волчице как раз вовремя, чтобы увидеть, как яростный зеленый огонь угасает в ее глазах. Я понял тогда и навсегда запомнил, что в этих глазах было что-то недостижимое для меня, что-то ведомое только ей и горе. Я тогда был молод и болен охотничьей лихорадкой. Раз меньше волков, то больше оленей, думал я, а значит, полное истребление волков создаст охотничий рай. Но, увидев, как угас зеленый огонь, я почувствовал, что ни волки, ни горы этой точки зрения не разделяют.

С тех пор мне довелось увидеть, как штат за штатом избавился от своих волков. Я наблюдал за очищенными от волков горами и видел, как их южные склоны покрываются рубцами и морщинами новых оленьих троп. Я видел, как все съедобные кусты и молоденькие деревья ошиповались, некоторое время кое-как прозябали, а потом гибли. Я видел, как каждое дерево со съедобной листвой лишалось ее до высоты седельной луки. Подобная гора выглядит так, словно кто-то вручил Господу садовые ножницы и не оставил ему никаких других развлечений. А потом приходит голод, и кости погибших от собственного избытка бесчисленных оленьих стад, о которых мечтали охотники, белеют на солнце, смешиваясь с прахом шалфея, или тлеют под можжевельниками без нижних ветвей.



По-моему, как олени живут в смертельном страхе перед волками, так гора живет в смертельном страхе перед оленями. И может быть, с большим на то основанием. Ведь съеденному волками вожаку стада через год-другой подрастет смена, но что заменит съеденный оленями растительный покров даже через десятилетия?

То же происходит и со скотом. Скотовод, очищающий свои владения от волков, не понимает, что берет на себя обязанность волков поддерживать численность стад в соответствии с возможностями пастбищ. Он не научился думать, как думает гора. И вот теперь пыльные чаши съедают почву и реки уносят наше будущее в море.

Мы все стараемся обеспечить себе безопасность, благосостояние, комфорт, долгую жизнь и скуку. Оленю служат для этого быстрые ноги, скотоводу — капканы и яды, законодателю — перо, а большинству из нас — машины, избирательные бюллетени и доллары, но все в общем сводится к одному: покой для нас, пока мы живы. В какой-то мере это неплохо, а может быть, с объективной точки зрения и необходимо, однако избыток безопасности в конечном счете, по-видимому, порождает только опасность. Не это ли имел в виду Торо, сказав, что спасение мира — в дикой природе? И не в этом ли скрытый смысл волчьего воя, давно известный горам, но редко понятный людям?

ЭСКУДИЛЬЯ

Жизнь в Аризоне ограничивалась снизу бутелoa, сверху — небом, а на горизонте — Эскудильей.

Севернее горы вы ехали по медового цвета равнинам и, куда бы ни глядели, всюду видели Эскудилью.

Восточнее вы ехали среди хаоса плоских лесистых холмов. Каждая ложбина прятала свой особый мирок, пропитанный солнцем, полный благоухания можжевельника, уютный от болтовни сосновых соек. Но стоило подняться по склону, и вы сразу становились пылинкой в необъятности: совсем рядом нависала Эскудилья.

Южнее простирался лабиринт каньонов Блу-Ривер, кишевших белохвостыми оленями, дикими индейками и еще более диким рогатым скотом. Промажнувшись по оленю, который прощался с вами насмешливым взмахом хвоста и исчезал за гребнем, вы недоуменно смотрели в прорезь прицела и видели далекую голубую гору — Эскудилью.

Западнее вставал авангард национального леса Апаचे. Мы метили там деловую древесину, и могучие сосны становились в наших записных книжках цифрами, обозначающими гипотетические штабеля бревен. Пыхтя на крутых подъемах, метчик ощущал странное несоответствие между символами в записной книжке и непосредственной действительностью потных пальцев, лжеакции, слепней-златоглазиков и бранящихся белок. Но на гребне прохладный ветер, шумящий над зеленым морем сосен, уносил прочь его сомнения. На дальнем берегу этого моря голубела Эскудилья.

Эта гора вмешивалась не только в нашу работу и наши развлечения, но даже в наши старания раздобыть вкусный обед. Зимой по вечерам мы подстерегали крякв в речной низине. Осторожные стаи описывали дугу по розовому западу, по стальной голубизне севера и скрывались в чернильном мраке Эскудильи. Если они появлялись из него на неподвижных крыльях, через час у нас в жаровне уже тушился жирный селезень, а если нет — мы вновь довольствовались солониной с фасолью.

Собственно говоря, было только одно место, откуда Эскудильи не было видно, — вершина самой Эскудильи. Зато там вы ее чувствовали. И все из-за великана медведя.

Старик Большелапый был бароном-разбойником; а Эскудилья была его замком. Каждую весну, когда теплые ветры смягчали тени на снегу, старый гризли, пробудившись от зимней спячки, выбирался из берлоги над каменной осыпью, спускался с горы и проламывал череп корове. Наевшись досыта, он возвращался на свои утесы и там мирно проводил лето, питаясь сурками, кроликами, ягодами и съедобными корешками.

Как-то мне довелось увидеть его добычу. Голова и шея коровы были сплющены в лепешку, словно она боднула в лоб мчащийся паровоз.

Никто ни разу не видел старого медведя, но в сырой земле у ключей под утесами оставались его чудовищные следы. И, увидев их, даже самые закаленные ковбои заболевали медведем. Где бы они ни ездили, они отовсюду видели гору, а когда они видели гору, то вспоминали медведя. У лагерных костров были три главные темы: говядина, танцы и медведь. Большелапый претендовал только на одну корову в год и на несколько квадратных миль никому не нужных скал, но воздействие его личности тяготело над всем краем.

В те дни прогресс как раз добрался до царства коров. А эмиссары у прогресса были разные.

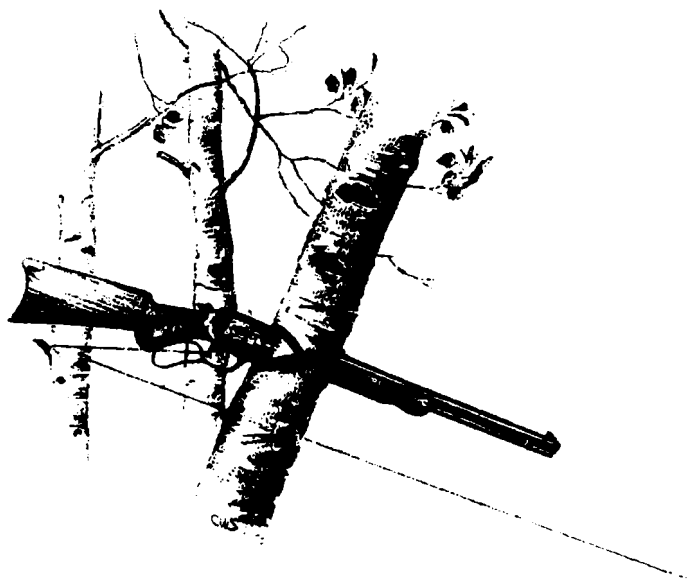
Одним из первых явился автомобилист, решивший пересечь континент. Этого укротителя дорог ковбои понимали — в его голосе слышалось то же небрежное мужество, что и у укротителей диких лошадей.

Они не понимали красивую молодую даму в черном бархате и с утонченной речью, которая приехала, чтобы просветить их в вопросах женского равноправия, но они ее слушали и с удовольствием смотрели на нее.

Они дивились и инженеру телефонной компании, который развесил проволоку на можжевельниках и мгновенно доставлял вести из города. А один старик спросил, не может ли проволока доставить ему окорок.

Как-то весной прогресс прислал еще одного эмиссара — охотника на государственной службе, своего рода святого Георгия в комбинезоне, выискивающего драконов, дабы сражать их на казенный счет. Нет ли здесь каких-нибудь вредных зверей, которых требуется сразить? Как же, как же! Большой медведь.

Охотник нагрузил своего мула и погнал его к Эскудилье.



Через месяц он вернулся. Его мул пошатывался под тяжестью огромной шкуры. В городке нашелся только один сарай, достаточно большой, чтобы ее можно было растянуть в нем для просушки. Охотник испробовал капканы, яды и все свои обычные хитрости, но безрезультатно. Тогда в расселине, через которую мог пройти только медведь, он установил ружье со взведенным курком и начал ждать. Последний гризли задел веревку и застрелился.

Был июнь, и вылинявшая облезлая шкура никуда не годилась. По нашему мнению, подло было отказать последнему гризли в возможности оставить хорошую шкуру как достойный памятник его племени. Теперь же его наследство свелось к черепу, попавшему в Национальный музей, да к ссоре между учеными из-за латинского обозначения этого черепа.

И только после того, как мы поразмыслили над всем этим, нас начал мучить вопрос, кто, собственно, написал правила прогресса.

С начала творения время грызло базальтовую громаду Эскудилы, разрушая, выжидая, созидая. Время создало три особенности древней горы: внушительный облик, особое содружество мелких животных и растений и еще — гризли.

Охотник на казенном жалованье, убивая гризли, знал, что благодаря ему Эскудилья станет безопасным местом для коров. Но он не знал, что его выстрел сшиб шпиль с величественного здания, строившегося с тех пор, как утренние звезды поют вместе.

Глава бюро по контролю над численностью хищников, пославший охотника, был биологом, весьма сведущим в эволюции, но он не знал, что шпили могут играть не менее важную роль, чем коровы. Он не предвидел, что не пройдет и двадцати лет, как коровий край станет краем туристов и будет нуждаться в медведях больше, чем в бифштексах.

Члены конгресса, проголосовавшие за выделение сумм на очистку гор от медведей, были потомками первопоселенцев. Они восхваляли мужество, волю, энергию тех, кто разведывал первозданную глушь, но прилагали все усилия, чтобы с этой глушью покончить.

Мы, лесничие, принявшие уничтожение медведя как должное, знали хозяина местного ранчо, который выпалхал из земли кинжал с именем одного из капитанов Франсиско Васкеса де Коронадо. Мы сурово осудили испанцев, которые в жажде золота и новообращенных без всякой нужды уничтожили местных индейцев. Но нам и в голову не пришло, что мы — тоже капитаны вражеского вторжения, слишком уж уверенные в его законности и праведности.

Эскудилья все еще голубеет на горизонте. Но при виде ее вы уже не думаете о медведе. Теперь это просто гора.

Чиуауа и Сонора

ГУАКАМАЙО

Физика красоты — это раздел естествознания, еще не вышедший из своего средневековья. Даже те, кто искривляет пространство, не пытались решить ее уравнения. Все, например, знают, что осенний пейзаж северных лесов равен земле плюс красный клен плюс воротничковый рябчик. С точки зрения обычной физики рябчик составляет лишь миллионную долю как массы, так и энергии акра. Но стоит вычесть рябчика, и все мертво. Исчезает колоссальное количество какой-то движущей энергии.

Конечно, можно сказать, что такая утрата существует лишь для зрения души, но какой здравомыслящий эколог согласится с этим? Он-то знает, что это — очередная экологическая смерть, значение которой не может быть выражено в терминах современной науки. Некий философ назвал эту непостижимую, неосязаемую сущность ноуменом материальных предметов. Ноумен противостоит феномену, постигаемому и предсказуемому вплоть до путей и капризов самых далеких звезд.

Рябчики — это ноумен северных лесов, голубая сойка — рош гикори, канадская кукушка — сфагновых болот, шур — за-



росших можжевельником предгорий. Орнитологические учебники не сообщают этих фактов. Вероятно, для науки они еще слишком новы, хотя и очевидны для вдумчивых ученых. Но как бы то ни было, тут я сообщаю об открытии ноумена Сьерра-Мадре — попугая ара.

Открытием его можно назвать единственно потому, что мало кто посещал места, где он обитает. Но там только глухой слепец не заметил бы, какая роль принадлежит ему в жизни гор и в пейзаже. Ведь не успеешь доесть завтрак, а шумные стаи уже покидают ночлег среди скал и устраивают своего рода утренние учения на фоне разгорающейся зари. Подобно отрядам журавлей, они выписывают круги и спирали, оглушительно обсуждая друг с другом вопрос (который занимает и вас), будет или нет новый день, неторопливо спускающийся в каньоны, еще более сине-золотым, чем его предшественники.

Голоса разделяются поровну, и птицы взвод за взводом устремляются на плоские вершины высоких холмов, чтобы позавтракать своим излюбленным блюдом — сосновыми семенами на чешуе. Вас они еще не заметили.

Но чуть позже, когда вы карабкаетесь по крутому подъему, какой-нибудь зоркий попугай, может быть в миле от вас, заметит в каньоне странное существо, которое пытаясь взбираться по тропе, предназначенной исключительно для оленей и пум, медведей и диких индеек. Завтрак забыт. С воинственным кличем вся орава взлетает и устремляется к вам. Они кружат у вас над головой, а вы все на свете отдали бы за словарь попугаечьего языка. Спрашивают ли они, какого черта вас сюда занесло? Или в качестве представителей местной птичьей торговой палаты втолковывают вам, как великолепны эти края, их климат и обитатели и какое несравненное будущее их ожидает? Возможно и то и другое, по раздельности и вместе. И тут вы с тоской представляете себе, что произойдет, когда сюда будет проведено шоссе и шумный комитет по встрече поспешит приветствовать туриста с ружьем.

Скоро выясняется, что вы — субъект непонятливый и скучный и даже свистом не отвечаете на приветствия, принятые по утрам в Сьерре. Да и целых шишек в лесу больше, чем вышелушенных, а потому — давайте продолжим завтрак! На этот раз они, возможно, опустятся на дерево под обрывом,

так что можно будет подкрасться и поглядеть на них сверху. И тут в первый раз вы различаете цвета: бархатисто-зеленые мундиры с малиново-желтыми эполетами и черные каски. Вся компания шумно перелетает с сосны на сосну, но обязательно строим и обязательно в четном числе. Мне только раз довелось видеть стаю, численность которой не была кратна двум.

Не знаю, так же ли шумливы гнездовые пары, как буйные стаи, приветствовавшие меня в сентябре. Но одно я знаю: если в сентябре на горе есть попугаи, вы не долго останетесь в неведении об этом. Как правоверный орнитолог, я, разумеется, должен описать их крик. Он несколько походит на крик шура, но музыка шуров нежна и исполнена неясной тоски, как туманная дымка их родных каньонов, а музыка гуакамайо гораздо громче и полна грубоватого веселья площадной комедии.

Весной, как мне рассказывали, супружеская пара отыскивает дупло дятла на какой-нибудь высокой сухой сосне и исполняет долг по отношению к своему виду во временном уединении. Но какой дятел выдалбливает достаточно большое дупло? Гуакамайо (такое красивое название дали местные жители этому попугаю) по величине не уступает голубю, и в каморку золотого дятла его не засунешь. Может быть, он сам расширяет дупло с помощью своего мощного клюва? Или он пользуется дуплами императорского дятла, который, по слухам, встречается в тех краях? Приятную задачу найти ответ на этот вопрос я завещаю какому-нибудь орнитологу будущего.

ЗЕЛЕННЫЕ ЛАГУНЫ

Мудрость учит: никогда не посещай дважды уголки нетронутой природы, ибо чем ярче блещет золотом лилия, тем яснее, что кто-то ее вызолотил. Вернуться — значит испортить себе не только поездку, но и воспоминания. Ведь лишь в памяти не тускнеют краски былых приключений. Вот почему я больше не возвращался в дельту реки Колорадо после того, как мы с братом объездили ее на каноэ в 1922 году.

Казалось, будто с тех пор, как Эрнандо де Аларкон высадился в дельте в 1540 году, там до нас никто не бывал. Обосно-

вавшись в эстуарии, где некогда укрывались его корабли, мы неделями не видели ни единого человека, ни единой коровы, ни единой изгороди, ни даже следов топора. Однажды мы наткнулись на старую колею фургона — кто и зачем ехал в нем, осталось неизвестным, но уж наверное намерения у него были самые зловещие. А один раз мы увидели консервную банку и тут же схватили ее, как бесценную утварь.

Зарю в дельте высвистывала перепелка Гэмбела с ветки прозописа над нашей стоянкой. Когда солнце выглядывало из-за гряды Сьерра-Мадре, его косые лучи ложились на сотню миль пленительного безлюдья, на огромную плоскую чашу нетронутой глуши, окаймленную зубчатыми гребнями. На карте главное русло реки делило дельту пополам, на самом же деле река была нигде и повсюду, так как не могла решить, которая из сотни зеленых лагун предлагает самый приятный и самый медленный путь к Калифорнийскому заливу. А потому она, как и мы, заглядывала в них во все. Она делилась и воссоединялась, она поворачивала и петляла, она блуждала по непроходимым джунглям, она только что не выписывала круги, она мешкала в прелестных рошах, она сбивалась с дороги, попадала совсем не туда и радовалась этому, как и мы. Если хотите побить все рекорды медлительности, отправляйтесь в путь с рекой, которая не торопится расстаться со своей свободой, воссоединившись с морем.

«Он водит меня к водам тихим» — для нас это была просто фраза из псалма, пока мы не начали плавания по зеленым лагунам. Не сочини Давид этих слов, нам пришлось бы сочинить их самим. Тихие воды были глубокого изумрудного оттенка — вероятно, из-за водорослей, но это не делало их менее зелеными. Душистая стена прозописа и ив отделяла протоку от пустыни, где не было ничего, кроме колючих зарослей. За каждой излучиной в заводях, точно статуи, стояли, отражаясь в воде, белые цапли. Флотилии бакланов резали рябь черными бушпритами, гоняясь за юркой кефалью. На отмелях, поджав одну ногу, дремали шилоклювки, перепончатые и желтоногие улиты. Кряквы, свиязи, чирки испуганно взмывали в воздух и собирались темным облаком впереди, чтобы опуститься там на воду или прорваться нам в тыл. Ког-



да вдали на зеленую иву садилась стая белых цапель, казалось, дерево раньше времени укрыл снег.

Все это изобилие птиц и рыб предназначалось отнюдь не только для нас. Нередко мы обнаруживали, что на полузатопленной коряге распласталась рыжая рысь, готовая подцепить лапой зазевавшуюся кефаль. По мелководью бродили семейства енотов, закусывая водяными жуками. С мысков за нами следили койоты, которые завтракали там стручками прозописа, иногда, я полагаю, разнообразя свое меню покалеченным куликом, уткой или перепелкой. У каждого брода виднелись следы чернохвостых оленей. Мы внимательно рассматривали эти следы в надежде обнаружить признаки присутствия владыки дельты, величавого ягуара — эль тигре.

Мы так и не увидели ни его самого, ни даже волоска с его шкуры, но его присутствие пронизывало все вокруг. Ни одно животное не забывало о его возможной близости, потому что

расплатой за беспечность была смерть. Ни один олень не обходил куста и не останавливался пощипать стручки с высокого прозописа, предварительно не втянув ноздрями воздух — не несет ли он запаха эль тигре. Ни один лагерный костер не угасал без разговоров о нем. Ни одна собака не свернулась на ночь хотя бы в трех шагах от ног своего хозяина: уж она-то знала, что царственная кошка все еще правит в ночном мраке, что ее массивные лапы могут свалить быка, а челюсти дробят кости, как нож гильотины.

Теперь дельту, по всей вероятности, сделали безопасной для коров, и она навеки утратила привлекательность для охотников, любящих риск. Страх развеян, но великолепие покинуло зеленые лагуны.

Когда Киплинг вдыхал в Амритсаре дым от огня, на котором готовился ужин, ему следовало бы описать его подробнее: ведь никакой другой поэт не воспел и не обонял горящие дрова нашей зеленой земли. Остальные поэты, видимо, довольствовались антрацитом.

В дельте жгут только прозопис — самое душистое из всех душистых топлив. Возле каждой стоянки искривленные негнущиеся скелеты этих древних деревьев, обработанные тысячами заморозков и наводнений, просушенные тысячами солнц, лежат, готовые закуриться в сумерках синим дымом, спеть песенку чайника, испечь лепешки, позолотить в котелке перепелок, согреть человека и зверя. Когда вы подгребаετε под жаровню горку этих углей, остерегитесь позже ненароком сесть на это место, не то вскочите с воплем, распугивая перепелок, устроившихся спать на ветках. Угли прозописа долго хранят жар.

Нам доводилось стряпать на углях белого дуба в кукурузном поясе, мы коптили наши котелки сосновым дымом в северных лесах, мы тушили олени ребра на аризонском можжевельнике, но мы не знали, что такое совершенство, пока не поджарили молодого гуся на прозописе дельты.

Эти гуси заслуживали самых лучших углей, потому что неделя ускользали от нас. Каждое утро мы наблюдали, как гогочащие стаи строем летят с залива куда-то в глубь дельты, а затем возвращаются сытые и безмолвные. Какое редкостное яство искали и находили они в зеленых лагунах? Мы вновь и

вновь переносили стоянку в ту сторону, куда летели гуси, в надежде увидеть, как они садятся пировать. И вот однажды около восьми часов утра мы увидели, как стая сделала круг, строй нарушился и гуси посыпались на землю, точно кленовые листья. Одна стая, другая, третья... Наконец-то мы нашли место, куда они устремлялись!

На следующее утро в тот же час мы лежали в ожидании у самой обычной на вид протоки, отмели которой были испещрены вчерашними гусиными следами. Мы уже проголодались — от стоянки до протоки путь оказался неблизким. Мой брат как раз поднес ко рту жареную перепелку, но тут гогот в небе парализовал нас. Перепелка так и висела в воздухе, пока стая неторопливо кружила, спорила, колебалась и в конце концов пошла на посадку. Перепелка упала на песок, заговорила ружья, и все гуси, каких мы могли съесть, забились в последних судорогах.

Прилетела и опустилась новая стая. Собака лежала дрожа от нетерпения, а мы неторопливо ели перепелку, выглядывая из укрытия и слушая болтовню гусей. Они глотали... гальку! На смену одной насытившейся стае клевать восхитительные камешки прилетала другая. В зеленых лагунах гальки было хоть отбавляй, но им требовались именно эти камешки с этой отмели. Ради них белые гуси готовы были без сожалений лететь за сорок миль, как и мы не жалели, что добрались за ними туда.

Мелкой дичи в дельте было столько, что она сама лезла под ружье. На каждой стоянке через несколько минут стрельбы мы уже развешивали вокруг полный рацион перепелок на следующий день. По правилам кулинарии перепелке перед тем, как попасть с веток прозописа на угли прозописа, полагалось провисеть холодную ночь на веревочке.

Вся дичь была невероятно жирна. Каждый олень накапливал столько сала, что в ложбинке вдоль его хребта, несомненно, уместилось бы ведро воды, но только ни один олень не позволил нам проверить это на опыте.

Источник такого благоденствия далеко искать не приходилось: каждый прозопис гнулся под бременем стручков. Мясистые семена трав, поднявшихся на илистых прогалинах, можно было черпать горстями, а стоило войти в заросли како-

го-то бобового растения, сходного с кассией, как вам в карманы из перезрелых стручков сами сыпались бобы.

А одна такая прогалина вся заросла дикими тыквами. Олени и еноты разломали замерзшие плоды, и над вывалившимися семенами кружили горлицы и перепелки, словно мухи над спелым бананом.

Мы не способны были есть то, чем объедались олени и перепелки, — во всяком случае, не пробовали, — но, подобно им, не могли нарадоваться этой первозданной глуши, текущей млеком и медом. Их праздничное настроение заражало нас, мы все наслаждались общим изобилием и общим благоденствием. В населенных краях я ни разу столь чутко не ощущал настроения природы.

Впрочем, бивачная жизнь в дельте не была сплошным блаженством. И все из-за воды. В лагунах она была соленой, а в реке, когда нам удавалось ее отыскать, — илистой. На каждой новой стоянке мы выкапывали очередной колодец. Однако чаще всего вода оказывалась чуть ли не соленей, чем в заливе. Мало-помалу, ценой тяжкого опыта, мы узнали, где следует копать. Проверая, годится ли новый колодец, мы опускали в него собаку, держа ее за задние лапы. Если она принималась лакать, значит, можно было вытаскивать каноэ на песок, разводить костер и ставить палатку. Затем мы благодумствовали, пока в жаровне шипели перепелки, а солнце тонуло в золоте за грядой Сан-Педро-Мартир. Потом, вымыв посуду, мы заново переживали события дня и слушали звуки ночи.

Планов на следующий день мы не строили, давно убедившись, что на лоне дикой природы еще до завтрака обязательно случается что-нибудь непредвиденное и неотразимо соблазнительное. Подобно реке, мы были вольны подчиняться только своим желаниям.

Путешествовать в дельте по плану — дело нелегкое. Мы убеждались в этом всякий раз, когда залезали на тополь для более широкого обзора.

Обзор оказывался настолько широким, что долго оглядываться по сторонам не хотелось, а особенно смотреть на северо-запад, где у подножия Сьерры вечным миражом висела белая полоса великих солончаков, где в 1829 году Александр

Патти погиб, убитый жадой, переутомлением и комарами. У Патти был план: добраться до Калифорнии через дельту.

Однажды мы составили план пройти пешком со всем снаряжением от одной зеленой лагуны до другой, еще более зеленой. Что она там есть, мы знали по тучам круживших над ней водных птиц. Расстояние равнялось тремстам ярдам, но идти надо было через заросли качинильи — высокого и словно щетинящегося копиями кустарника, густого до неимоверности. Разливы наклонили копыя, и они преграждали нам путь, точно македонская фаланга. Мы благоразумно отступили, решив, что наша лагуна все равно красивее.

Заблудиться в бесконечных фалангах качинильи было бы крайне опасно, хотя никто нас об этом не предупреждал, а вот с опасностью, о которой нам твердили, мы так и не столкнулись. Когда мы пересекли в своем каноэ мексиканскую границу, нам принялись пророчить страшную гибель. Куда более крепкие суда, убеждали нас, не выдерживали удара приливной волны — водяного вала, который во время некоторых приливов с бешеной скоростью мчится вверх по протокам. Мы без конца обсуждали эту волну, мы строили сложные планы, как ее перехитрить, мы даже видели ее во сне с дельфинами на гребне и с воздушным эскортом вопящих чаек. Добравшись до устья, мы подвесили каноэ на дерево и ждали двое суток, но волна нас подвела. Она так и не появилась.

Ни одно место в дельте не имело названия, и нам приходилось самим их придумывать. Одну лагуны мы окрестили Риллито, и именно там мы увидели жемчуга в небе. Мы лежали на спине, всей кожей впитывая ноябрьское солнце, и лениво следили за парящим в вышине сарычем. И вдруг высоко над нами появилось вращающееся кольцо белых пятен, по очереди то исчезающих, то возникающих. Дальний звук трубы подсказывал нам, что это журавли, которые озирают свою дельту и видят, что она хороша. В то время мои орнитологические познания были домашней варки, и мне хотелось думать, что это — американские журавли, ведь они были такие белые! На самом деле мы, конечно, наблюдали канадских журавлей, но это совершенно не важно. А важно то, что мы делили безлюдье дикой природы с самой дикой из ныне живущих птиц. Мы и они делили общий приют в самой уединенной крепос-

ти пространства и времени, вернувшись в плейстоцен. Если бы мы умели, то непременно ответили бы им трубным приветом. И теперь я через долгую вереницу лет все еще вижу, как они кружат в вышине.

Все это было давно и в дальних краях. Мне говорили, что на зеленых лагунах теперь выращивают мускусные дыни. Если так, они должны быть удивительно душистыми.

Человек всегда убивает то, что любит¹, и мы, первопоселенцы и первопроходцы, убили нашу дикую природу. Некоторые говорят, что у нас не было выбора. Пусть так, но я рад, что мне не придется быть юным на земле, где нет дикой природы, чтобы приобщить к ней свою юность. Зачем нужны сокроволь, если на карте нет ни единого белого пятна?

ПЕСНЯ ГАВИЛАНА

Песня реки — это мелодия, которую вода играет на камнях, корнях и в быстринах.

У Рио-Гавилана есть такая песня. Это приятная мелодия, повествующая о веселых быстринах и о жирных форелях, дремлющих под обомшелыми корнями белых кленов, дубов и сосен. А кроме того, она полезна: звон воды переполняет узкий каньон, так что олени и дикие индейки, спускающиеся с холмов напиться, не слышат шагов ни человека, ни лошади. Будьте внимательны, огибая очередной мысок: один удачный выстрел — и вам уже не придется карабкаться по крутым обрывам в поисках добычи.

Песня воды доступна каждому уху, но в этих холмах есть музыка, слышная далеко не всем. Чтобы уловить хотя бы несколько нот, надо долго прожить здесь и узнать язык холмов и рек. И вот в безветренную ночь, когда лагерные костры догорают, а Плеяды уже взошли над краем каньона, сядьте совсем тихо и, прислушиваясь, не завоет ли волк, припоминай-

¹ Перефразированная цитата из поэмы О. Уайльда «Баллада Редингской тюрьмы». (Примеч. перев.)

те все, что вы видели и пытались понять. Быть может, тогда она зазвучит для вас — необъятная гармония, партитура которой написана на тысячах холмов нотными знаками жизни и смерти растений и животных, а ритмы сливаются воедино секунды и века.

Жизнь каждой реки поет свою песню, но нередко эта песня уже давно искажена диссонансами бездумной порчи. Беспощадное истощение пастбищ губит сначала растения, а потом почву. Затем ружья, капканы и яды сводят на нет крупных млекопитающих и птиц, после чего создается национальный парк с дорогами и туристами. Парки создаются для того, чтобы музыку дикой природы могли услышать многие, но к тому времени, когда эти многие научатся слушать, не останется почти ничего, кроме нестройного шума.

Когда-то были люди, которые обитали у реки, не нарушая гармонии ее жизни. На Гавилане они, наверное, исчислялись тысячами, потому что следы их трудов сохранились повсюду. Поднимитесь по любой долине, смыкающейся с любым каньоном, и вы обнаружите, что карабкаетесь по маленьким террасам с каменными парапетами — верх одного парапета расположен на уровне основания следующего. За каждым парапетом — небольшой клочок земли, бывший некогда полем или огородом и получавший дополнительную влагу от ливней, хлеставших соседние крутые склоны. На гребне можно обнаружить фундамент сторожевой башни: наверное, земледелец некогда нес здесь дозор, охраняя лоскутки своих полей. Воду для домашних нужд он, по-видимому, брал из реки, а домашних животных у него как будто не было вовсе. Что он выращивал здесь? И как давно? Единственный намек на ответ дают трехсотлетние сосны, дубы и можжевельники, выросшие на его бывших полях. Во всяком случае, это было раньше, чем там пустили корни самые старые деревья.

Олени любят лежать на этих маленьких террасах, где ровная, без камней земля устлана дубовыми листьями и огорожена кустарником. Прыжок через парапет — и олень скрывается из виду, прежде чем непрощенный гость успеет его заметить.

Как-то раз при пособничестве ревушего ветра я подкрался сверху к оленю, лежавшему на парапете в тени огромного дуба, чьи корни оплели древнюю каменную кладку. Его рога и



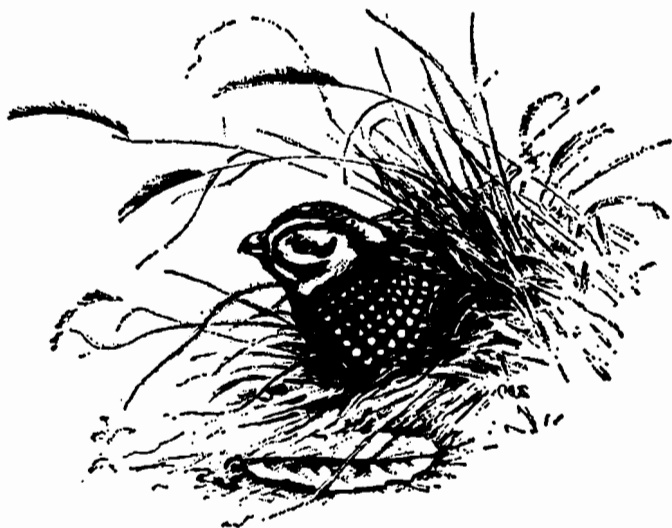
уши четко вырисовывались на фоне золотой травы бутелоа, среди которой виднелась зеленая розетка лофофоры Вильямса. Все вместе слагалось в удивительно гармоничную картину. Я промахнулся, и моя стрела, перелетев через оленя, разбилась о камни, уложенные древним индейцем. Вздернув на прощанье белоснежный хвост, олень умчался вниз по склону, и я вдруг понял, что мы с ним были актерами в аллегории. Прах — праху, каменный век — каменному веку, и во веки веков — погоня! И хорошо, что я промахнулся, ибо когда на месте моего нынешнего огорода вырастет огромный дуб, надеюсь, тогда тоже будут олени, чтобы лежать на его палых листьях, и охотники, чтобы выслеживать их, и промахиваться, и раздумывать, кто построил эту ограду и когда.

В один прекрасный день мой олень получит пулю в свой лоснящийся бок. Его ложе под дубом займет неуклюжий бык и будет жевать золотую бутелоа, пока ее не заменит бурьян. Затем после ливня бешеный поток разворотит старый парпет и сбросит его камни в кювет туристского шоссе у реки внизу. Грузовики будут пылить там, где вчера я видел на тропе следы волка.

Поверхностному взгляду берега Гавилана покажутся каменистыми и неприветливыми — почти отвесные склоны, мрачные обрывы, деревья, настолько искривленные, что не годятся в дело, крутые холмы, где скоту трудно пастись. Но древние строители террас не дали себя обмануть. Они по опы-

ту знали, что это край млека и меда. Эти искривленные дубы и можжевельники каждый год выстилают землю желудями и шишками, которые диким созданиям остается только подбирать. Олени, дикие индейки и пекари целыми днями занимаются тем, что, словно бычки на кукурузном поле, преобразуют этот корм в сочное мясо. А золотая трава прячет под колыхающимися плюмажами подземный огород луковиц и клубней, включая дикий картофель. Вскройте зоб жирной перестрой перепелки, и вы обнаружите самые разнообразные корма, выкопанные из земли, которую вы считали бесплодной. Эти корма можно уподобить воздуху, нагнетаемому растениями в великолепный орган, который мы называем фауной.

У каждой области есть свой деликатес, символизирующий ее изобилие. Гастрономическую эмблему холмов Гавилана можно получить так: убейте отъевшегося на желудях оленя не раньше ноября и не позже января. Подвесьте его к суку веч-



нозеленого дуба на семь морозных ночей и семь солнечных дней, затем вырежьте полузамороженные «ремни», укрытые слоем жира под седлом, и разрежьте их поперек на куски. Каждый кусок натрите солью, перцем и мукой, а затем бросьте в жаровню с кипящим медвежьим жиром, стоящую на дубовых углях. Выньте жаркое, едва оно покоричневает. Под-

сыпьте в жир немного муки, влейте ледяной воды, а потом молока. Положите жаркое на горячую лепешку из кислого теста и залейте их соусом.

Это сооружение символично. Олень лежит на своей горе, а золотой соус — это солнечный свет, в котором он купается даже после смерти.

Пища — вот мотив, непрерывно звучащий в песне Гавилана. Разумеется, я имею в виду не только вашу пищу, но и пищу для дуба, который кормит оленя, который кормит пуму, которая умирает под дубом и превращается в желуды для своей бывшей добычи. Это один из множества циклов питания, начинающихся с дубов и завершающихся ими же, ибо дубы, кроме того, кормят сойку, которая кормит ястреба-тетеревятника, который дал имя вашей реке. И медведя, чей жир пошел на ваш соус, и перепелку, которая преподавала вам урок ботаники, и дикую индейку, которая ежедневно натягивает вам нос. А общая цель всего этого — помочь источникам, питающим Гавилан, унести еще один комочек почвы с широкого бока Сьерра-Мадре, чтобы взрастить еще один дуб.

Есть люди, на которых возложен долг изучать структуру растений, животных и почв, то есть инструментов великого оркестра. Этих людей называют профессорами. Каждый выбирает один инструмент и тратит жизнь на то, чтобы разобрать его и описать по отдельности каждую струну и деку. Этот процесс потрошения называется научными исследованиями. А место, где потрошат, называется университетом.

Профессор пощипывает струны только своего инструмента, и если он даже слушает музыку, то никогда не признается в этом своим коллегам или студентам. Ибо все подчиняется железному табу, согласно которому конструкция инструментов — это область науки, а гармонию пусть выискивают поэты.

Профессора служат науке, наука служит прогрессу. И служит ему так хорошо, что в спешке распространить прогресс на все края, куда он еще не проник, многие из наиболее тонких инструментов оказываются растоптанными и сломанными. И одна за другой вычеркиваются части из песни песней. А профессор вполне удовлетворен, если успевает классифицировать каждый инструмент перед тем, как его ломают.

Наука приносит миру блага не только материальные, но и нравственные. Среди этих последних одно из самых великих — объективность, или научная точка зрения. Это означает: сомневайся во всем, кроме фактов. Это означает: обтесывай все до фактов, а щепки пусть летят куда попало. Один из фактов, вытесанных наукой, таков: каждой реке нужно больше людей, а всем людям нужно больше изобретений и, следовательно, больше науки. Хорошая жизнь зависит от бесконечного продолжения этой логической цепи. То, что хорошая жизнь на любой реке может зависеть и от восприятия ее музыки, а также от сохранения этой музыки, чтобы было что воспринимать, — такую идею наука еще не рассматривала, ибо подобные сомнения ей чужды.

Наука пока не добралась до Гавилана, а потому выдра еще играет в салочки на его быстринах и плесах и выгоняет жирную форель из-под мшистого берега, ни на секунду не задумываясь о наводнении, которое в один прекрасный день унесет этот берег в Тихий океан, или о рыболове, который в один прекрасный день явится оспаривать ее право на форель. Подобно ученым, выдра не сомневается в своем жизненном предназначении. Она твердо уверена, что для нее Гавилан будет петь вечно.

Орегон и Юта

КОСТЕР НАБИРАЕТ СИЛУ

Воров объединяет круговая порука, вредные растения и животные сотрудничают между собой и поддерживают друг друга. Если естественная преграда остановит вторжение одного вредителя, другой находит способ ее преодолеть. В конце концов каждая область и каждый источник питания получает свою квоту непрощенных экологических гостей.

Так, на смену домовому воробью, едва его обезвредило исчезновение лошади как главной тягловой силы, явился скворец, кормящийся возле тракторов. Вслед за эндотией, поражающей раком кору каштанов и не имевшей визы дальше западной границы их распространения, является голландская болезнь ильмовых, у которой есть все шансы до-

браться до западной границы распространения вязов. Пузырчатая ржавчина веймутовой сосны, чье наступление на запад остановили безлесные равнины, сумела высадиться в тылу и резво спускается со Скалистых гор из Айдахо к Калифорнии.

Непрощенные экологические гости начали прибывать на континент с первыми поселенцами. Шведский ботаник Петер Кальм еще в 1750 году нашел в Нью-Йорке и Нью-Джерси почти все европейские сорняки, какие существуют там теперь. Они распространялись с той быстротой, с какой плуг первопоселенца успевал подготовить почву для их семян.

Другие явились позднее с запада на огромные уже готовые для них площади, вытоптанные пасущимся рогатым скотом. В этих случаях распространение нередко бывало настолько молниеносным, что его не успевали заметить: просто в одну прекрасную весну оказывалось, что пастбище заполонил новый сорняк. Характерным примером может служить вторжение кровельного костра (*Bromus tectorum*) в северо-западные междугорья и предгорья.

Чтобы вы не отнеслись излишне снисходительно к этой новой добавке в общую мешанину, я хотел бы объяснить, что костер не образует живого дерна, как многолетние травы. Это однолетний травянистый сорняк, вроде лисохвоста или россички, погибающий каждую осень, чтобы весной взойти из прошлогодних семян. В Европе он растет на гниющих соломенных кровлях, и его латинское обозначение происходит от слова «тектум», что значит «крыша». Растение, способное существовать на крыше дома, будет благоденствовать на плодородной, хотя и сухой крыше континента.

И теперь медово-желтые холмы, окаймляющие северо-западные горы, получают свой цвет не от таких сочных и полезных трав, как спороболус или пырей, которые некогда их покрывали, но от вытеснившего их ни на что не годного костра. Автомобилист, не зная об этой замене, любит волнами холмов, уводящих его взгляд к горным вершинам. Ему не приходит в голову, что и холмы маскируют изъяны на своей коже экологической пудрой.

Замена же произошла из-за бездумного истощения пастбищ. После того как слишком уж большие стада и отары выщипали и вытоптали защитный покров холмов, что-то должно было укрыть обнаженную, выветриваемую почву, и это сделал костер.

Костер растет очень густо, и каждый стебель несет множество колючих остей, которые делают зрелое растение несъедобным для скота. Если хотите понять, что испытывает корова, пытаясь есть зрелый костер, попробуйте пройти через его заросли в туфлях. Все, кто работает под открытым небом в краях, где растет костер, носят сапоги. А в нейлоновых чулках там ходят только по дощатым мосткам или бетонным дорожкам.

Эти колючие ости укрывают осенние холмы желтым одеялом, которое воспламеняется с легкостью ваты. Обезопасить захваченный костром край от пожаров практически невозможно. В результате остатки хороших кормовых растений, вроде полыни и трехзубчатой пуршии, выгорают вплоть до верхних склонов, где их труднее заготавливать на зиму. Пожары отесняют все выше сосновые леса, которые служат приютом для оленей и птиц.

Несколько сгоревших в предгорьях кустов вряд ли покажутся большой потерей летнему туристу. Он ведь не знает, что зимой из-за снега горы недоступны ни для домашних, ни для диких животных. Домашний скот кормят в долинах хозяева, но олени и вапити либо находят корм в предгорьях, либо погибают от голода. Пригодный для зимовки пояс очень узок, и чем дальше на север, тем больше диспропорция между областью, пригодной для обитания зимой, и областью, пригодной для обитания летом. Вот почему разбросанные по предгорьям островки дубрав, полыни и трехзубчатой пуршии являются залогом выживания диких животных во всей этой области. Но их все больше и больше уничтожают пожары. К тому же они нередко укрывают последние остатки местных многолетних трав, и, когда их пожирает огонь, скот быстро приканчивает эти остатки. Пока охотники и скотоводы спорят о том, кто первый должен позаботиться о сохранении зимних пастбищ, костер продолжает набирать силу, и недалек тот день, когда спорить будет не о чем.

Костер оказывается причиной и многих других неприятностей, по большей части, пожалуй, менее важных, чем умирающие от голода олени или язвы во рту коров, однако заслуживающих упоминания. Костер вторгается в люцерновые луга и портит сено. Он не дает утиным выводкам спуститься от гнезда на склоне к воде в долине. Он пробирается в пояс лесов, душит там сеянцы сосны, а более старым деревьям угрожает пожаром.

Мне тоже было неприятно, когда при въезде в Северную Калифорнию карантинный чиновник обыскал мою машину и багаж. Он вежливо объяснил, что Калифорния рада туристам, но не может допустить, чтобы они в своем багаже ненароком ввозили в штат вредителей, будь то растения или насекомые. Я спросил, каких именно, и он долго перечислял возможных губителей огородов и садов, но не упомянул про желтое одеяло костра, которое уже простиралось во все стороны от его ног до холмов на горизонте.

Как это было с карпом, скворцом и поташником, области, пораженные костром, превращают необходимость в добродетель и пытаются извлечь пользу из непрошеного гостя. Молодые стебли костра — неплохой корм, но молодыми они остаются не долго. Вполне возможно, что барашек, которого вы ели за обедом, шипал костер в ласковые дни весны. Костер препятствует эрозии, которая иначе последовала бы за вытаптыванием пастбищ, открывшим дорогу костру. (Подобные хороводы экологических причин и следствий заслуживают серьезных размышлений.)

Я внимательно слушал, стараясь разобраться, смирились ли западные штаты с костром как с неизбежным злом, от которого нет избавления, или же костер вызывает желание исправить былые ошибки в использовании земли, но практически повсюду сталкивался с безнадежным равнодушием. Пока еще никто не испытывает гордости, опекая диких животных и дикие растения, и никто не стыдится, что его земля поражена недугом. Мы сражаемся в залах конференций с ветряными мельницами во имя сохранения природы, но когда дело доходит до дела, объявляем, что у нас даже и копья не было.

КЛАНДЕБОЙ

Боюсь, что получать образование — это значит учиться видеть одно, разучаясь видеть другое.

Так, очень многие из нас разучились видеть красоту болот. Я убеждаюсь в этом всякий раз, когда в качестве особой любезности везу гостя в Кландебой и замечаю, что для него это всего лишь болото, но только еще более унылое и вязкое, чем большинство болот.

Как странно! Ведь любой пеликан, лунь, веретенник или длинноклювая поганка знают, что Кландебой — особое болото. Иначе почему они предпочитают его всем другим? Почему мое появление там возмущает их так, словно я нарушаю не просто права их собственности, но и все приличия?

По-моему, дело в том, что Кландебой — болото особое не только в пространстве, но и во времени. Считать, будто 1941 год наступил одновременно во всех болотах, способны лишь те, кто некритически верит хрестоматийной истории. Но птицы знают истину. Стоит легкому ветру повеять с Кландебоя навстречу стае летящих на юг пеликанов, и они сразу ощущают, что внизу их ждет возвращение в геологическое прошлое, в убежище от самого безжалостного врага — от будущего. Испуская странное доисторическое кваканье, они величавыми спиралями спускаются в гостеприимные пределы давно ушедшей эры.

Другие беженцы уже там, и каждый по-своему воспринимает эту возможность передохнуть от неумолимого хода времени. Над ржавой водой, словно разыгравшиеся ребятишки, пронзительно кричат форстеровские крачки — так, как будто плавники евдошек подрагивают не в этой воде, а в первых холодных потоках, льющихся с отступающих ледников. Вереница канадских журавлей трубит вызов всему, чего опасаются и страшатся журавли. По заливу тихо и величаво плывут лебеди, оплакивая исчезновение всего, что дорого лебедям. С вершины разбитого грозой тополя там, где болото смыкается с большим озером, сапсан, балуясь, кидается на пролетающих птиц. Он по горло сыт утиным мясом, но ему нравится пугать

отчаянно вопящих чирков. Так же развлекался он и в те дни, когда прерии покрывало озеро Агассиз.

Понять настроение этих гостей болота нетрудно — они и не думают его скрывать. Но состояние духа одной беглянки, нашедшей приют в Кландебое, остается для меня тайной, потому что она не терпит присутствия людей. Пусть другие птицы легкомысленно поверяют свои секреты выскочкам в болотных сапогах, но длинноклювая поганка до этого не снизойдет! Как бы осторожно ни подкрадывался я к разделяющему нас тростнику, я вижу только блеск серебра, когда она беззвучно уйдет под воду, а затем из-за ширмы тростника на противоположном берегу она зазвенит колокольчиком, предупреждая о чем-то всех себе подобных. Но о чем?

Ответа я так и не нашел, потому что эту птицу и род человеческий разделяет какая-то стена. Кто-то из моих гостей закончил с поганкой, поставив галочку против ее названия в списке и изобразив сбоку буквами звон колокольчика — «клик-клик» или другую невнятицу в том же роде. Он не почувствовал, что это не просто птичий крик, что это тайная весть, которую нужно не воспроизводить неуклюжими искусственными средствами, но перевести и понять. Как ни горько, мне до сих пор не удалось этого сделать, и тайна останется для меня столь же темной, как и для него.

С каждым весенним днем колокольчик звенит все настойчивее: на рассвете и в сумерках он раздастся над всеми плесами, и я понимаю, что птенцы уже привыкают к жизни на воде и родители наставляют их в философии поганок. Но увидеть, как это происходит, очень непросто.

Однажды я улегся ничком возле жилища ондатры и зарылся в грязь. Пока моя одежда впитывала местный колорит, мои глаза впитывали жизнь болота. Мимо проплыла самка красноголового нырка со своим караваном утят — красноклювых шариков зеленовато-золотистого пуха. Виргинский пастушок чуть не задел меня по носу. Тень пеликана скользнула по заводи. На кочку с мелодичным свистом опустился желтоногий улит, и мне пришло в голову, что я могу написать стихотворение лишь ценой огромных умственных усилий, а он несколькими шажками создает куда более прекрасные стихи.

На берег позади меня змеиным движением выбралась норка — она задирала нос, кого-то выслеживая. Болотный крапивник то и дело нырял в густые тростники, откуда доносился настойчивый писк птенцов. Солнце припекало, и я начал было подремывать, как вдруг из заводи сверкнул дикий красный глаз и возникла птичья голова. Убедившись, что все спокойно, появилась и вся птица, большая, как гусь, с серебристо-серым туловищем-торпедой. Я не успел понять, когда и откуда взялась вторая поганка, но она уже плыла прямо напротив меня, а на ее широкой спине ехали два жемчужно-серебристых птенца, уютно устроившись в манеже из приподнятых крыльев. Семья исчезла за мыском прежде, чем я опомнился, и из-за завесы тростников донесся звон колокольчика, переливчатый и насмешливый.

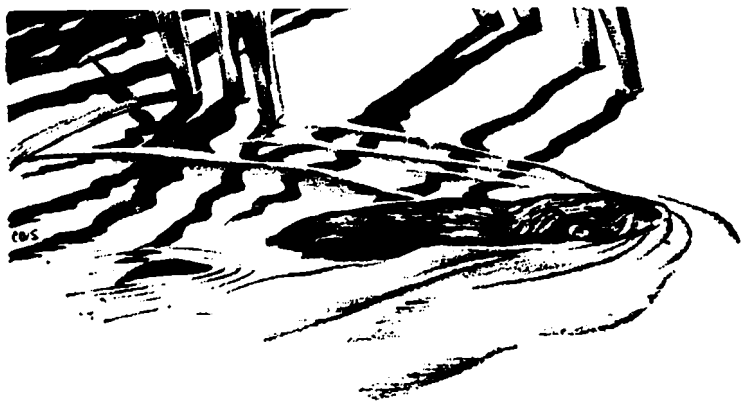
Ощущение истории — вот высший дар науки и искусства, но я подозреваю, что поганка, которая ничего от них не получает, лучше осведомлена в истории, чем мы. Ее смутный первобытный мозг не ведает, кто победил в битве при Гастингсе, но он словно бы ощущает, кто победил в битве времени. Если бы род человеческий был столь же стар, как род поганок, мы сумели бы постигнуть смысл их крика. Подумайте, сколько традиций, сколько мудрости, сколько новых причин для гордости и презрения приносят нам даже два-три осознающих себя поколения. Так какая же гордость непрерывной преемственности должна двигать этой птицей, которая была поганкой за миллионы лет до того, как на земле появился человек!

Но как бы то ни было, в крике поганки скрывается какая-то странная власть — он главенствует в болотном хоре и ведет его. Быть может, еще в незапамятные времена ей была вручена дирижерская палочка оркестра всей биоты. Кто задает такт озерным волнам, которые, накатываясь на берег, создают все новые и новые отмели для все новых и новых болот по мере того, как век за веком вода отступает все дальше? Кто велит ароннику и ситнику добросовестно пить солнце и воздух, чтобы зимой ондатры не вымерли от голода и болото не задушили безжизненные джунгли осоки? Кто днем учит терпению насидивающихся уток, а по ночам пробуждает кровожадность в охотящихся норках? Кто воодушевляет цаплю точнее бить пикой, а сокола — стремительнее бросаться на цель? Поскольку мы не слышим,

чтобы кто-нибудь обращался ко всем этим созданиям с увещеванием неустанно выполнять их различные обязанности, нам кажется, будто за ними никто не следит, будто умение их врожденное, а трудолюбие всегда механично, будто миру дикой природы неведомо утомление. Но может быть, утомление неведомо только поганкам, и, быть может, поганка напоминает им, что для того, чтобы все могли выжить, каждый обязан без усталости и драться, размножаться и умирать.

Болота, некогда простиравшиеся по прериям от Иллинойса до Атабаски, сжимаются, отступают к северу. Человек не может жить единым болотом, а потому он вынужден жить вовсе без болот. Прогресс не терпит, чтобы культурные поля и дикие болота существовали бок о бок во взаимной терпимости и гармонии.

И вот с помощью землечерпалок и дамб, дренажных труб и сварочных аппаратов мы досуха высосали кукурузный пояс,



а теперь взялись за пшеничный. Голубое озеро превращается в зеленую трясику, зеленая трясина — в спекшийся ил, спекшийся ил — в пшеничное поле.

Придет время, и мое болото, перекопанное и осушенное, будет погребено под пшеницей, как нынешний день и день вчерашний будут погребены под грядущими годами. И прежде, чем последняя евдошка забьется в последней лужице, крачки прокричат «прощай» Кландебою, лебеди в белоснежном величии поднимутся по спирали в небо и журавли протрубят последнее прости.



Часть III ВКУС К ПРИРОДЕ

ПРИРОДА

Существует некоторая путаница между понятиями «земля» и «природа». Земля — это то, на чем растут кукуруза, овраги и закладные. Природа — это личность земли, гармония ее почвы, жизни и климата. Природа не знает ни закладных, ни федеральных агентов, ни табачных дорог. Она остается спокойно равнодушной к подобным мелким досадам, которые чинят ей самозванные ее владельцы. То, что прежним хозяином моей фермы был бутлегер, нисколько не трогало рябчиков: они взмывали над чашей столь же гордо, как если бы были гостями короля.

Бедная земля может быть богата природой, и наоборот. Только экономисты принимают материальное изобилие за богатство. Природа бывает богатой вопреки внешней бедности, и ее красота не обязательно очевидна с первого взгляда и в любое время.

Я знаю, например, озерный берег, где над вымытым волнами песком в строгом спокойствии встают сосны. Весь день он для вас — просто то, на что накатываются волны, темная лента, теряющаяся вдаль, куда вам не доплыть, однообразная шкала, чтобы отмечать мили. Но перед закатом случайный



порыв ветра поднимает чайку над мысом, за которым вдруг закричат гагары, выдавая, что там спрятана бухта. И вас охватит неодолимое желание пристать там, ступить на ковер толокнянки, соорудить себе постель из веток бальзамической пихты, наворовать морских слив и черники, а может быть, и подстрелить куропатку в тихих приозерных кустах за дюнами. Бухта? Так, может, и ручей с форелью? Весла резко закручивают воронки, нос поворачивается прямо к берегу и, разрезая зеленеющую воду, устремляется к месту ночлега.

А позже над бухтой лениво повисает дым костра, язычки пламени мерцают под пологом ветвей. Это скудная земля, но богатая природа.

Лес может щеголять сочной зеленью и быть лишенным очарования. Высокие стройные дубы и тюльпанные деревья кажутся красивыми с шоссе, но стоит углубиться в них — и

подлесок окажется грубым, ручей — мутным, и нигде не будет видно следов диких животных. Я не могу объяснить, почему поток рыжей воды — это не ручей. И не могу путем логических выкладок доказать, что чаша, из которой никогда уже, как удар грома, не взлетит перепелиный выводок, — всего лишь скучный колючий кустарник. Но тот, кто жил на природе, знает, что это так. Считать, будто дикие животные созданы только для того, чтобы в них стреляли или на них смотрели, — непростительное заблуждение. Часто они знаменуют различие между богатой природой и всего лишь землей.

Есть леса невзрачные на вид, но совсем иные, когда в них войдешь. Что может быть невзрачнее рощицы в кукурузном поясе? Но в августе растертый между пальцами листик болотной мяты или перезрелый подофилл скажут вам, что это — настоящее. Октябрьское солнце на орехе гикори неопровержимо свидетельствует о красоте природы. Ты ощушаешь не только гикори, но и целую цепь следствий: быть может, дубовые угли в сумерках, молодую белку в темнеющей шубке и дальний хохот неясности над собственной шуткой.



Вкус к природе выявляет такое же индивидуальное разнообразие эстетического восприятия, как и вкус к опере или картинам. Есть люди, которые рады, чтобы их толпами знакомили с «прекрасными пейзажами», и находят горы величественными, если там, как положено, есть водопады, утесы и озера. Таким равнины Канзаса покажутся скучными. Они видят бесконечную кукурузу, но не замечают запряжек волов, трудолюбиво поднимающих целину. История для них произрастает в университетах. Они глядят на плоский горизонт, но не видят его под брюхом бизонов, как некогда видел де Вака.

Разные края, подобно людям, часто прячут под скромной внешностью редкие богатства, и, чтобы узнать их, нужно долго прожить в таком краю или с таким человеком. Нет ничего однообразнее заросших можжевельником предгорий, пока какой-нибудь патриарх, тысячу раз видевший наступление лета, обремененный сизыми ягодами, вдруг не выбросит синее облако тараторящих соек. Унылое кукурузное поле в марте сразу перестает быть унылым, едва ему пошлет с неба привет хотя бы один гусь.

ДОСУГ ЧЕЛОВЕКА

Текст этой проповеди взят из евангелия от Ариосто. Не знаю ни главы, ни стиха, но вот что говорит поэт: «Как жалки праздные часы невежественного человека!»

Не так уж много текстов я готов принять как евангельскую истину, но в этот я верю. Я готов встать и свидетельствовать, что он — сама правда, как его ни читай, с начала, с конца или даже перед завтраком. Человек, не находящий радости в своем досуге, — невежда, пусть даже для перечисления его ученых званий не хватит и пяти строк, а человек, ее находящий, уже образован, хотя бы он ни разу не переступил школьного порога.

По-моему, нет ошибки опасней, чем проповедовать свои увлечения людям, у которых их нет. Это значит навязывать их, а навязанное увлечение бессмысленно и бесполезно по самой своей идее. Не вы ищете для себя увлечения, оно находит вас. Рекомендовать увлечение столь же рискованно, как реко-

мендовать жену, — вероятность счастливого исхода в обоих случаях примерно равна.

А потому будем считать, что все дальнейшее — только обмен мыслями с теми, кем уже овладела, на радость иль на беду, страстная потребность делать то, что обычно считают чуждачеством. Остальные же пусть слушают, если хотят, и извлекают пользу из нашего поведения, если сумеют.

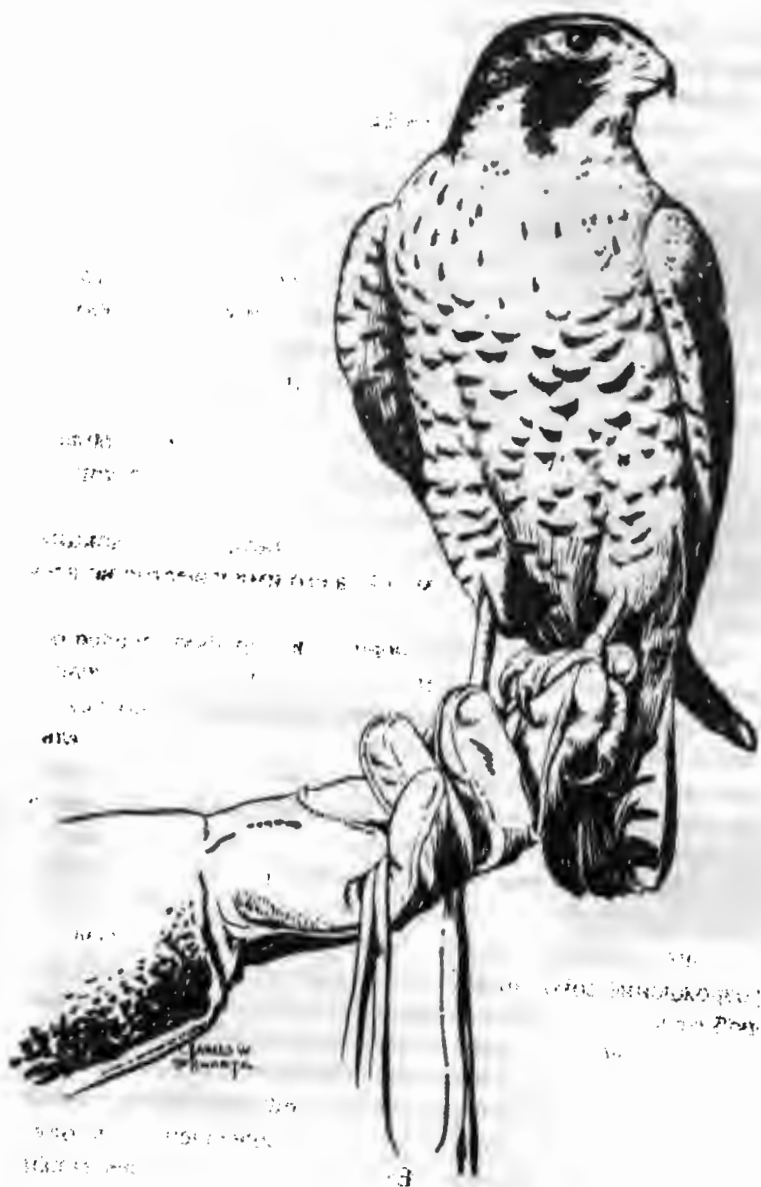
Но что такое увлечение? Где проходит демаркационная линия между увлечением и обычными занятиями? Сам я удовлетворительного ответа на этот вопрос не нашел. В первый момент напрашивается соблазнительное предположение, что увлечение обязательно должно быть в значительной степени бесполезным, непродуктивным, трудоемким или ни к чему не приложимым. Бесспорно, в наши дни большинство увлечений сводится к тому, чтобы своими руками изготавливать нечто такое, что машины, как правило, изготавливают быстрее, дешевле, а нередко и лучше. Тем не менее беспристрастие требует признать, что в иную эпоху конструирование машин могло быть весьма почтенным увлечением. Однако в наши дни изобретение новой машины, сколь ни полезна была бы она для промышленности, как увлечение не стоило бы ничего. Возможно, тут мы и нащупываем глубинную суть вопроса: увлечение — это бунт против современного положения вещей, это утверждение тех непреходящих ценностей, которые отвергаются или забываются в очередных завихрениях социальной эволюции. Если я прав, то отсюда следует, что каждый увлеченный человек обязательно радикал и всегда принадлежит к меньшинству.

Но это уже что-то серьезное, а серьезность, когда речь идет об увлечениях, вещь непростительная. Само собой разумеется, что увлечение не ищет рациональных оправданий и не нуждается в них. Желание что-то делать — уже достаточная причина. Всякое объяснение, почему увлечение полезно или благотворно, превращает его из страсти в профессию, низводит на унижительный уровень «упражнений», сулящих здоровье, силу или выгоду. Упражнения с гантелями — не увлечение. Это признание своей зависимости, а не подтверждение своей свободы.

Когда я был мальчишкой, на окраине нашего городка жил в маленьком домике старый лавочник-немец. По воскресеньям он имел привычку отбивать кусочки от известняковых пластов на высоком берегу Миссисипи, и у него набрались целые тонны этих осколочков, все снабженные ярлычками и записанные в каталог. Они содержали окаменевшие скелеты морских лилий — давно вымерших крохотных обитателей моря. Жители городка считали тихого старичка немного сумасшедшим, но безобидным чудаком. Однажды местная газета сообщила о приезде именитых гостей. Тут же пошли разговоры, что все это известные ученые. Среди них были иностранцы, и многие принадлежали к числу ведущих палеонтологов мира. Они приехали навестить безобидного старичка, послушать, что он скажет о морских лилиях, и принимали его слова как закон. Когда старый немец скончался, его сограждане вдруг поняли, что он был истинным светилом в своей области, собирателем новых знаний, творцом научной истории — великим человеком, рядом с которым местные промышленные магнаты выглядели тупой деревенщиной. Его коллекцию унаследовал национальный музей, а его имя известно во всех странах мира.

Я знал банковского президента, который увлекался розами. Благодаря розам он был счастливым человеком и лучше руководил своим банком. Я знаком с фабрикантом колес, который увлекается помидорами. Он знает о них все, и в результате он, кроме того, знает все о колесах — а может быть, и наоборот. Я знаком с водителем такси, влюбленным в сахарную кукурузу. Заведите с ним разговор на эту тему, и вы будете поражены не только тем, сколько он знает, но и тем, сколько тут можно узнать.

Самым романтичным из современных увлечений я считаю возрождение соколиной охоты. В Америке есть несколько ее любителей, да в Англии наберется их с десяток — поистине меньшинство! За два с половиной цента можно купить пулю и убить цаплю, которая стала бы трофеем сокола только после долгих месяцев, если не лет, тщательной подготовки и сокола и сокольничего. Смертоносная пуля — совершенный продукт индустриальных процессов. Ее смертоносное действие можно выразить точной формулой. Смертоносный сокол — это со-



вершенный цветок тех все еще окутанных тайной процессов, которые мы зовем эволюцией. Ни один человек не может и, вероятно, никогда не сможет постигнуть охотничий инстинкт, который мы делим с нашим хищным слугой.

Никакая созданная человеком машина не может и никогда не сможет синтезировать безупречную координацию глаз, мышц и крыльев сокола, пикирующего на свою добычу. Добытая им цапля несъедобна, а следовательно, и бесполезна (хотя в старину любители соколиной охоты, кажется, их ели — так современный мальчишка жарит на костре и ест блохастого кролика, который пал жертвой его рогатки, дубинки или лука). Кроме того, сокол из-за малейшей ошибки в обращении с ним может либо «стать домашним», либо навсегда исчезнуть в небесной синеве. Короче говоря, соколиная охота — идеальное увлечение.

Сюда же относится и страсть самому делать лук и стрелять из него. Среди непосвященных бытует крамольное убеждение, будто в руках специалиста лук — весьма эффективное оружие. Каждую осень около ста висконсинских опытных лучников берут разрешение и отправляются охотиться на оленей с боевыми стрелами. Быть может, одному из ста удастся, к собственному удивлению, вернуться с добычей. У охотников с ружьями оленя убивает один из пяти. А потому, как опытный лучник, я на основании нашей статистики с негодованием отвергаю все обвинения в эффективности и готов признать, только что изготовление лука служит веской ссылкой, когда приходится объяснять, почему ты опоздал на работу или не вынес мусорное ведро в четверг.

Человек не может сам сделать ружье — во всяком случае, я не могу. А вот луки я делать умею — и из некоторых даже можно стрелять. Да, кстати, наше определение, пожалуй, следует уточнить: в нынешнее время подлинное увлечение состоит в том, чтобы что-то изготовить — или изготовить орудие, чтобы изготовить что-то, — а затем использовать готовое изделие для какой-нибудь бесполезной цели. Когда нынешнее время останется позади, подлинное увлечение будет состоять в чем-нибудь совсем противоположном. То есть мы вновь возвращаемся к бунту против современного положения вещей.

Подлинное увлечение должно быть, кроме того, сопряжено с азартом и риском. Когда я гляжу на грубую, тяжелую, корявую, занозистую палку и мысленно вижу изящный, сияющий лаком лук, который в один прекрасный день возникнет из ее невзрачного нутра, вижу этот лук, изогнутый безупречной дугой, чтобы мгновение спустя рассечь небо сверкающей стрелой, я должен предвидеть и то, что вместо этого он, возможно, треснет и разлетится на куски, а передо мной развернется перспектива еще одного месяца усердного вечернего труда за верстаком. Иными словами, вероятное фиаско является неотъемлемым элементом всякого увлечения и гордо противостоит скучной уверенности, что с бесконечного конвейера обязательно будет сходить один «форд» за другим.

Подлинное увлечение может быть и мятежом одиночки против повседневности, и заговором группы единомышленников, например семьи. В любом случае это восстание, и если оно безнадежно, тем лучше. Какой отчаянный возник бы хаос, если бы политические институты вдруг «взяли на вооружение» все нелепые идеи, бродящие в счастливой неудовлетворенности под покровом общепринятого! Но этого можно не опасаться. Поиски оригинальности — это высочайшее эволюционное достижение социального животного, и развиваться они будут не быстрее всех остальных функций. Наука только сейчас начинает открывать, какой жестокой регламентации подчиняются «свободные» дикари и еще более свободные звери и птицы. Увлечение — это, быть может, первый протест против «иерархического порядка», который господствует в мире общественных существ и которому по-прежнему следует подавляющая часть человечества.

КРУГОВАЯ РЕКА

Одним из чудес давнего Висконсина была Круговая река, которая впадала сама в себя и потому струилась и струилась в нескончаемом круговороте. Нашел ее Поль Беньян, и беньяновская сага повествует о том, как он сплавлял плоты по ее беспокойным волнам.

За Полем не водилось склонности говорить притчами, но на этот раз он себе изменил. Висконсин не только имел Кру-

говую реку, он сам — такая река. Ее воды — поток энергии, который течет из почвы в растения, затем в животных, затем назад в почву в нескончаемом круговороте жизни. «Прах праху» — это засушенный вариант понятия Круговой реки.

Мы, принадлежащие к роду *Ното*, плывем на плотках, увлекаемые Круговой рекой, и мало-помалу выработали приемы, чтобы направлять их движение и контролировать скорость плота. Это последнее достижение дает нам право на видовое обозначение *sapiens* — «разумный». Приемы сплава называются экономикой, знание прежних путей зовется историей, выбор новых — государственной деятельностью, а разговоры о быстринах и порогах впереди — политикой. Кое-кто из плотогонов тщится вести не только свои плоты, но и весь сплав. Такое коллективное предъявление условий природе зовется национальным планированием.

Наша система школьного и высшего образования редко рисует биотическую непрерывность как единый поток. С самого нежного возраста нас пичкают фактами о почвах, флоре и фауне, которые составляют русло Круговой реки (биология), об их происхождении (геология и эволюция) и о приемах их использования (агрономия и механизация сельского хозяйства). Но понятие о потоке с разливами и засухами, заводями и перекатами оставляется в стороне — кто хочет, пусть выводит его сам. Чтобы изучить гидрологию биотического потока, мы должны направить ход наших мыслей под прямым углом к эволюции и исследовать коллективное поведение всего биотического материала. А для этого требуется вывернуть специализацию наизнанку: вместо того чтобы узнавать все больше и больше о все меньшем и меньшем, мы должны узнавать все больше и больше о биотическом ландшафте в целом.

Экология — это наука, которая вопреки всем трудностям пытается мыслить в плоскости, перпендикулярной плоскости дарвиновской теории. Экология — это ребенок, который только-только учится говорить и, подобно всем маленьким детям, увлеченно творит собственные звучные слова. Ее рабочие дни пока еще в будущем. Экологии суждено стать сводом сведений о Круговой реке, запоздалой попыткой претворить наше коллективное знание биотического материала в коллективную



мудрость биотической логики. Умение же плыть по Круговой реке — это в конечном счете научная охрана природы.

Охрана природы означает гармонию между человеком и землей. В понятие «земля» входит также все живое на ней, над ней и в ней. Гармония в отношениях с землей — это как гармония в отношениях с другом: нельзя нежно поглаживать одну его руку и рубить другую. Иными словами, нельзя любить дичь и ненавидеть хищников, нельзя беречь воды и вытаптывать холмы, нельзя растить лес и истощать ферму. Земля — единый организм. Ее органы, как и наши, конкурируют друг с другом и сотрудничают друг с другом. Конкуренция — столь же необходимая часть общей деятельности, как и сотрудниче-

ство. Их можно регулировать — с большой осторожностью! — но не отменить.

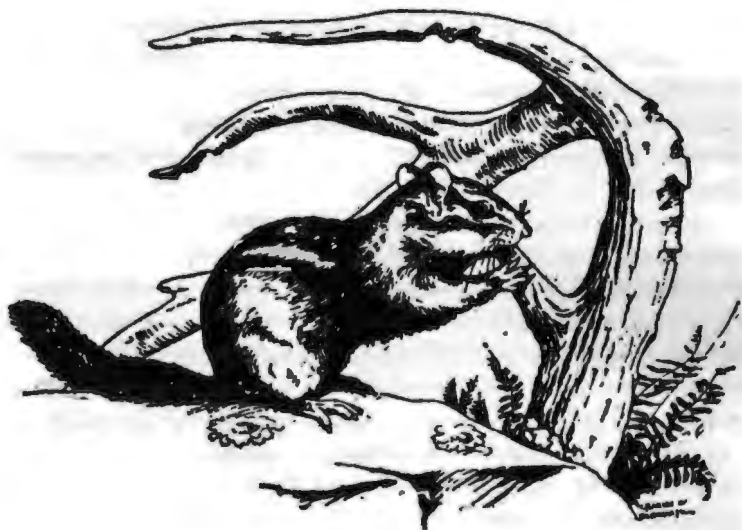
Крупнейшее открытие XX века — это не телевидение и не радио, а признание всей сложности организма земли. Только те, кому известно об этом больше, чем остальным, способны понять, как мало об этом известно.

Самый большой невежда — тот человек, который спрашивает про растение или животное: «А какой от него прок?» Если механизм земли хорош в целом, значит, хороша и каждая его часть в отдельности, независимо от того, понимаем мы ее назначение или нет. Если биота на протяжении миллионов лет создала что-то такое, что мы любим, не понимая, то кто, кроме дурака, будет выбрасывать части, которые кажутся бесполезными? Сохранять каждый винтик, каждое колесико — вот первое правило тех, кто пробует разобраться в неведомой машине.

Понят ли нами первый принцип сохранения дикой природы — беречь каждую часть механизма земли? Нет. Ведь даже ученые признают далеко не все эти части.

В Западной Германии есть гора Шпессарт. На ее южном склоне растут великолепнейшие дубы. Когда американские краснодеревщики хотят сделать вещь высшего качества, они пользуются шпессартскими дубами. На северном склоне, который, казалось бы, больше подходит для дубов, растут довольно чахлые сосны. Почему? Оба склона входят в один государственный резерват, оба в течение двухсот лет оберегались с одинаковой тщательностью. Откуда же такая разница?

Разворошите листья под дубом, и вы увидите, что они начинают гнить, едва упав. А под соснами хвоя лежит толстым слоем и гниет много медленнее. Почему? А потому, что в средние века епископы, любители охоты, ревниво следили, чтобы никто не тревожил оленей на южном склоне. А на северном крестьяне пасли скот, рубили деревья, распахивали землю — то есть делали то же, что сейчас делаем мы с нашими лесными участками в Висконсине и Айове. Только после этого периода беспощадной эксплуатации северный склон засадили соснами. Но тем временем что-то произошло с микрофлорой и микрофауной почвы. Число видов резко сократи-



лось — пищеварительный аппарат почвы утратил какие-то свои компоненты. Двухсот лет бережной охраны оказалось мало, чтобы вернуть потери. Понадобились современный микроскоп и сто лет научных исследований, чтобы обнаружить существование этих «винтиков и колесиков», от которых зависело, сохранится ли гармония между людьми и землей на Шпессарте.

Биотическое сообщество способно выжить, только если его внутренние процессы сбалансированы, иначе часть входящих в него видов исчезнет. Известно, что те или иные сообщества выживали в течение очень долгих сроков. Например, Висконсин в 1840 году имел практически ту же почву, фауну и флору, как и в конце ледникового периода, то есть 12 тысяч лет назад. Мы знаем это потому, что торфяники сохраняют кости тех животных и пыльцу тех растений. Последовательные слои торфа вели даже летопись погоды, так как количество пыльцы в них различно. Например, обилие пыльцы амброзии около трехтысячного года до нашей эры указывает либо на долгие засухи, либо на вытаптывание прерии большими стадами бизонов, либо на сильные пожары. Эти повторяющиеся невзгоды не помешали выживанию 350 видов птиц, 90 видов млекопитающих, 150 видов рыб, 70 видов пресмыкаю-

щихся и тысяч видов насекомых и растений. Тот факт, что все они выживали в едином внутренне сбалансированном сообществе на протяжении стольких веков, свидетельствует о поразительной стабильности изначальной биоты. Наука еще не может объяснить механизма этой стабильности, но даже профан способен заметить два ее следствия: 1) извлекаемые из коренных пород вещества, обеспечивающие плодородие, циркулировали по таким сложным цепям питания, что накапливались столь же быстро, если не быстрее, как уносились водой, 2) это геологическое накопление плодородия почвы шло параллельно с ростом разнообразия флоры и фауны. Стабильность и разнообразие были, по-видимому, взаимозависимыми.

Охрана природы в США все еще, боюсь, сосредоточена только на достопримечательностях. Мы пока еще не научились мыслить категориями винтиков и колесиков. Взгляните на наш задний двор — на прерии Айовы и Южного Висконсина. Что составляет главное сокровище прерии? Ее темная жирная почва — чернозем. Кто создал чернозем? Черную прерию создавали ее растения — сотни разных трав, злаков и кустов, ее грибы, насекомые и бактерии, ее млекопитающие и птицы. Все они составляли единое, полное жизни сообщество, скрепленное конкуренцией и сотрудничеством, — единую биоту. Эта биота, живя и умирая, горя и вырастая, охотясь и спасаясь, замерзая и оттаивая, за десять тысяч лет создала эту темную, напоенную кровью землю, которую мы называем прерией.

Наши деды не знали и не могли знать, как возникла прерия, которая теперь принадлежала им. Они истребили ее фауну, а флору оттеснили в последние убежища на железнодорожных насыпях и в кюветах шоссе. Для наших инженеров эта флора — всего лишь сорняки и кустарник. Они истребляют ее бульдозерами и косилками. По законам преемственности растений, известным любому ботанику, сад прерии превращается в питомник пырея. Когда сад исчезает, департамент шоссе-ных дорог нанимает специалистов по декоративным ландшафтам, чтобы они украсили царство пырея вязами, художественными купами сосен, японского барбариса и таволги. Члены комиссии по охране природы проносятся мимо на ка-

кую-нибудь важную конференцию и похваливают усердие, с каким создается придорожная красота.

В один прекрасный день флора прерии понадобится нам не только для того, чтобы любоваться ею, но и чтобы восстановить истощенную земледелием почву. Наверное, тогда мы недосчитаемся многих видов. Намерения у нас благие, но мы все еще не сознаем важности винтиков и колесиков.

Да и наши попытки спасти винты и колеса побольше все еще крайне наивны. Капелька раскаяния в момент, когда биологический вид вот-вот исчезнет безвозвратно, — и мы уже упиваемся собственным благородством. Когда вид исчезает, мы льем слезы, и все начинается сначала.

Примером может служить истребление гризли в большинстве западных скотоводческих штатов. Да, у нас еще есть гризли в Йеллоустоне. Но вид тяжело страдает от завезенных в страну паразитов, у границ всех заповедников медведей поджидают охотничьи ружья, новые псевдоранчо и новые шоссе непрерывно урезают еще сохраняющийся ареал, и каждый год гризли становится все меньше на все меньшем числе хребтов во все меньшем числе штатов. Мы утешаем себя удобной, но ошибочной мыслью, будто достаточно одного музейного экспоната, и отмахиваемся от недвусмысленного указания истории, что спасти вид можно, только если удастся спасти его во всех местах.

Необходимо, чтобы мы — все мы — сознавали важность винтиков и колесиков, но иногда мне кажется, что есть нечто не менее необходимое. Журнал *Forest and Stream* однажды определил это в подзаголовке редакционной статьи как «утонченное восприятие даров природы». Продвинулись ли мы хоть сколько-нибудь в развитии такого восприятия?

На севере озерных штатов почти не осталось волков. Каждый штат выплачивает премию за убитого волка. Кроме того, он всегда может прибегнуть к услугам специалистов по борьбе с волками из Службы рыбы и дичи США. Однако и это учреждение, и комиссии охраны природы жалуются, что во многих местах оленей становится больше, чем допускают кормовые ресурсы. Лесничество жалуются на вред, причиняемый расплодившимися кроликами. Зачем же в таком случае и

дальше проводить политику истребления волков? Мы обсуждаем эти вопросы с точки зрения экономики и биологии. Специалисты по млекопитающим утверждают, что волки осуществляют естественный контроль над ростом оленьих популяций. Охотники-спортсмены отвечают, что этот контроль они возьмут на себя. Еще десять лет таких дебатов, и уже не останется волков, чтобы о них спорить. Одна бумажная защита природы стимулирует другую.

Озерные штаты гордятся лесными посадками и успехами в попытке восстановить былые северные леса. Но в этих посадках вы не найдете ни восточной туи, ни лиственниц. Почему? Восточная туя растет слишком медленно, ее объедают олени, ее глушит ольха. Мысль о северных лесах без восточной туи несколько не огорчает наших лесничих. Другими словами, она изгнана как экономически невыгодная. По той же причине из будущих лесов юго-востока страны изгнан бук. К этим видам, сознательно исключенным из нашей будущей флоры, надо добавить те, которых мы лишаемся из-за завезенных болезней, — каштан, хурму, веймутову сосну. Так ли уж это экономически оправданно — рассматривать каждое растение отдельно, препятствовать или помогать ему только на основании его собственных качеств? Ну а воздействие на животных, на почву, на здоровье леса как единого организма? «Утонченное восприятие даров природы» подсказывает, что экономическая сторона дела прямого отношения к этому не имеет.

Мы, наследники и преемники Поля Беньяна, так и не поняли ни что река делает с нами, ни что мы делаем с рекой. Мы гоним плоты нашей политики весьма энергично, но без особой сноровки.

Биотический поток мы изменили радикально — иного выхода у нас не было. Цепи питания начинаются теперь с кукурузы и люцерны, а не с дубов и бородача, продолжаютс коровами, свиньями и домашней птицей, а не вапити, оленями и рябчиками и ведут к фермерам, школьникам и студентам, а не к индейцам. Течение нынешнего биотического потока очень сильно — это вы можете определить по телефонным книгам или по спискам государственных учреждений. Оно,



вероятно, гораздо сильнее, чем в добеньяновские времена, но, как ни странно, наука даже не пыталась его измерить.

Домашние животные и растения как звенья новой цепи питания очень хрупки: их существование поддерживается искусственно благодаря труду фермеров при содействии тракторов и подстрекательстве прежде невиданного зверя — ученого агронома. Поль Беньян гнал плоты по собственному разумению, а теперь на берегу стоит «профессор» и дает бесплатные наставления.

Каждая замена дикого животного или растения на домашнее, естественного водного потока на искусственный сопровождается соответствующими изменениями во всей циркуляционной системе земли. Мы не понимаем и не предвидим этих изменений, а замечаем их, только если последствия оказываются явно вредными. Президент ли переделывает Флориду ради судоходного канала, фермер ли Джонс переделывает висконсинский луг под пастбище для коров — мы слишком заняты наладками и подгонками, чтобы задумываться о конечных результатах. И если столько наладок и подгонок проходят безболезненно, это свидетельствует лишь о юности и эластичности организма земли.

За экологическое образование приходится, в частности, расплачиваться тем, что ты существуешь один в израненном

мире. Непосвященные просто не в состоянии заметить всего вреда, который причиняется земле. А экологу остается либо замкнуться в своей скорлупе и внушать себе, будто последствия научных потуг его не касаются, либо ощущать себя врачом, обнаружившим симптом смертельного недуга у общества, которое убеждено, что оно здорово, и ничего не желает слушать.

Власти штата объявляют, что необходимо бороться с разливами, а потому речка на нашем луту подлежит спрямлению. Закончив свою работу, инженер объясняет нам, что наша речка способна теперь унести гораздо больше полной воды. Однако мы лишились старых ив, на которых в зимние ночи ухала сова и в тени которых в полуденный зной коровы лениво отгоняли мух. Мы лишились крохотного болотца, где цвели наши горечавки.

Гидрологи доказали, что петляние реки необходимо для правильности гидрологических режимов. Пойма реки принадлежит ей. Эколог ясно видит, что по тем же причинам не следовало бы столь усердно спрямлять русло Круговой реки.

Теперь приложим к новому порядку вещей два критерия: 1) поддерживает ли он плодородие?; 2) поддерживает ли он разнообразие флоры и фауны? Первым стадиям эксплуатации почвы сопутствует взрыв растительной и животной жизни. Богатые урожаи, за которые первопоселенцы благочестиво благодарили Бога, — это исторический факт, но параллельно происходил взрыв и среди диких растений и животных. К местной флоре добавился десяток кормовых растений, почва оставалась жирной, а лоскуты полей и пастбищ внесли в ландшафт новое разнообразие. Оно-то отчасти и объясняло изобилие диких животных, о котором сообщали первопоселенцы.

Подобный усиленный обмен веществ весьма характерен для новоосвоенных земель. Он может отражать нормальную циркуляцию, а может и знаменовать сгорание запасов плодородия — то есть биотическую лихорадку. Биоте градусника не поставишь, и отличить жар от нормальной температуры у нее можно только задним числом, по воздействию на почву. Какое же было это воздействие? Ответ написан оврагами на тысячах полей. Урожай на акр остается более или менее неизменным. Гигантские технические улучшения в сельском хо-



зяйстве только-только компенсируют оскудение почвы. В некоторых районах, вроде Пыльной Чаши, биотический поток уже безнадежно обмелел, и наследники Поля Беньяна перебрались в Калифорнию растить гроздья гнева.

Что касается разнообразия, то остатки нашей исконной фауны сохраняются только потому, что у сельского хозяйства не дошли до них руки. Наш сельскохозяйственный идеал — сплошное земледелие. Сплошное земледелие подразумевает цепь питания, подчиненную только экономической прибыли и очищенную от всех непосредственно не необходимых звеньев — своего рода *Rax Germanica*¹ и в сельском хозяйстве. Разнообразие, наоборот, подразумевает цепь питания, служащую установлению гармонии между диким и домашним в общих интересах стабильности, продуктивности и красоты.

Бесспорно, сплошное земледелие стремится восстанавливать почву, но оно использует для этого все только импортированное — и растения, и животных, и удобрения. Исконные флора и фауна, некогда создавшие эту почву, ей не требуются. Можно ли синтезировать стабильность из импортированных

¹ Германский мир (*лат.*). Имеется в виду стремление немецкого фашизма полностью подчинить мир и установить в нем единый порядок. (*Примеч. перев.*)

растений и животных? Будет ли достаточно плодородия, доставляемого в мешках? Вот в чем вопрос.

А ответа не знает никто. В пользу сплошного земледелия свидетельствует опыт Северо-Восточной Европы, где, несмотря на полную переделку ландшафта, все-таки сохранилась в определенной степени биотическая стабильность (если не считать людей).

Против него свидетельствуют все другие земли, где его испробовали, включая и нашу собственную, а также безмолвные показания эволюции, в которой разнообразие и стабильность сплетены так тесно, что кажутся двумя названиями одного явления.

У меня был сеттер по имени Гас. Когда Гас не мог отыскать фазана, он вдруг проникался страстью к каролинским погонышам и луговым трупиалам. Притворный энтузиазм по поводу неудовлетворительной замены маскировал тот факт, что он не сумел найти настоящую дичь, и смягчал горечь его разочарования.

Мы, сторонники охраны природы, тоже такие. Еще при жизни прошлого поколения мы принялись убеждать американского землевладельца, что необходимо бороться с пожарами, сажать леса, беречь дикую природу. Он не очень к нам прислушивался. Частных землевладельцев не интересует правильное обращение с лесом и пастбищами, сохранение дичи и диких цветов, и мало кто из них добровольно принимает меры по борьбе с загрязнением окружающей среды или с эрозией. Во многих случаях с частной землей теперь обращаются даже хуже. Если не верите, поглядите, как горят скирды соломы в канадских прериях, как плодородная почва стекает в Рио-Гранде, как овраги грызут склоны холмов по берегам Пелузы, на плато Озарк, на водоразделах Южной Айовы и Западного Висконсина.

Чтобы смягчить горечь разочарования, мы отыскивали своего лугового трупиала. Не знаю, кто из сеттеров первым уловил его запах. Зато я знаю, что все сеттеры на лугу принялись с энтузиазмом делать стойки. И я тоже. Трупиалом явилась следующая идея: раз частный землевладелец не желает при-

нимать никаких мер, давайте создадим бюро, которое будет охранять природу за него.

Как и трупиял, эта замена имеет свои положительные стороны. Она приятно пахнет, словно суля успех. И скудная земля, на приобретение которой у бюро хватает средств, от нее безусловно выигрывает. Беда лишь в том, что эта замена никак не препятствует хорошей частной земле превращаться в скудную общественную землю. Смягчение горького, но справедливого разочарования таит в себе опасность: в результате мы забываем, что фазана-то мы так и не нашли.

А трупиял, боюсь, не станет напоминать нам об этом. Слишком уж льстит ему вдруг обретенная значимость.

Погоня за прибылью губила землю с такой энергией и целеустремленностью, что невольно начинаешь подумывать, нельзя ли использовать ее для восстановления земли. Я склонен считать, что мы преувеличиваем ее вездесущность. Прибыльно ли строить себе красивый дом? Прибыльно ли давать образование своим детям? Нет, прибыль из этого извлекается редко, однако мы делаем и то и другое. Собственно говоря, тут речь идет об этических и эстетических предпосылках, скрытых под экономической системой. И экономические силы имеют тенденцию приводить в соответствие с собой малейшие частности социальной организации.

Но пока еще не существует никаких этических и эстетических предпосылок, касающихся земли, на которой предстоит жить нашим детям. Наши дети — это наша подпись в свитке истории, наша земля — это просто место, где наживались наши деньги. Пока еще изъеденная оврагами ферма, погубленный лес или загрязненная речка не позорят их владельца в глазах общества, если дохода от них хватает, чтобы послать детей в колледж. А недуги земли пусть исцеляет правительство.

Вот тут, по-моему, и кроется суть проблемы. Пропаганда сохранения природы должна создать этическую подоплеку для экономики сельского хозяйства, а также всеобщее стремление понять механизмы жизни земли. Вот тогда сохранение дикой природы станет само собой разумеющимся.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Как-то вечером в субботу, не так уж давно, два фермера средних лет поставили будильник на предзвонный час воскресенья — как выяснилось, ветреного и снежного. Кончив доить коров, они вскочили в пикап и помчались в песчаные графства Центрального Висконсина — область, где произрастают дикие кормовые травы, лиственницы и налоговые уведомления. Когда они вернулись вечером, кузов пикапа был полон молоденькими лиственницами, а сердца фермеров — юношеским задором. Последнее деревце было посажено в ближнем болотце уже при свете фонаря, а коровы ждали недоенные.

В Висконсине сенсационное сообщение «человек кусает собаку» покажется куда как пресным в сравнении с известием, что «фермер сажает лиственницу». Фермеры корчевали, выжигали, засушивали и рубили лиственницы начиная с 1840 года. В местах, где живут наши фермеры, лиственницы уничтожены полностью. Так почему же им вздумалось вернуть это дерево на свое болото? А вот почему: они надеются, что в лиственничных посадках им удастся после двадцатилетнего перерыва восстановить сфагновый мох, а затем и венерины башмачки, и непентесы, и другие почти исчезнувшие исконные растения висконсинских трясин.

Никакое бюро не обещало этим фермерам премию за столь донкихотское предприятие. И разумеется, расчета на прибыль у них тоже не было никакого. Как же истолковать их поступок? Я называю его бунтом — бунтом против скучного, чисто экономического отношения к земле. Из-за того что мы вынуждены подчинять себе землю, чтобы существовать на ней, нам начинает казаться, будто лучшая ферма — всегда наиболее «одомашненная». А эти два фермера на опыте убедились, что совершенно «одомашненная» ферма не только плохо кормит своего владельца, но и обрекает его на однообразную рутину. Они заразились идеей, что возвращать дикие растения наряду с культурными — это удовольствие. Они намерены отвести уголок болота под местные цветы. Быть может, они хотят для своей земли того же, чего мы все желаем своим детям, — не просто возможности зарабатывать себе на

жизнь, но, кроме того, и возможности выражать и развивать разнообразные прирожденные способности, как полезные, так и просто украшающие жизнь. А что лучше выражает землю, как не ее исконные растения?

Я говорю здесь о радости, которую может дать дикая природа, об изучении естественной истории как о сочетании деятельного отдыха с наукой.

История ничего не сделала, чтобы облегчить мою задачу. Нам, натуралистам, есть чего стыдиться. Было время, когда господа и дамы прогуливались на лоне природы не столько для того, чтобы узнавать, как создан мир, сколько для того, чтобы собирать материал для салонных разговоров. Это была эпоха орнитологии, состоящей из певчих птичек, ботаники, изложенной скверными виршами, слащавого аханья «до чего же прекрасна природа!». Но если вы заглянете в дневники нынешних любителей орнитологии и ботаники, то убедитесь, что ими руководят иные побуждения. Однако это вряд ли можно считать заслугой нашей системы образования.

Я знаком с химиком-практиком, который посвящает свой досуг воссозданию истории странствующего голубя и его трагического исчезновения из списков нашей фауны. Странствующие голуби вымерли еще до его рождения, но он знает о них гораздо больше, чем кто-либо в мире и прежде и теперь. Как он раскопал столько сведений? Проштудировав все газеты, когда-либо выходившие в нашем штате, а также множество дневников, писем и книг тех лет. Думаю, в поисках упоминаний о голубях он прочел не менее ста тысяч документов. Этот колоссальный труд, который убил бы всякого, кто взялся бы за него по обязанности, ему приносит упоенную радость охотника, рыскающего по холмам в поисках почти исчезнувших оленей, или археолога, перекапывающего весь Египет в поисках скарабея. А ведь тут одного копания мало. Когда скарабей найден, требуется величайшее умение, чтобы правильно его истолковать, — умение, которое нельзя почерпнуть у других, а можно только развить самому в процессе копания. Этот человек обрел приключения, исследования, науку и азарт охоты на задворках современной истории, где миллионы людей калибром помельче не находят ничего, кроме скуки.



Еще одно исследование, проводившееся на заднем дворе в буквальном смысле слова, — это изучение певчей овсянки, которым занималась в Огайо одна домашняя хозяйка. Певчая овсянка, обыкновенная птичка, была научно описана лет сто назад, снабжена ярлычком и забыта. Любительница из Огайо полагала, что сведения о птицах, как и о людях, отнюдь не исчерпываются именем, полом и одеждой. Она начала отлавливать певчих овсянок в своем саду и метить их разноцветными целлулоидными кольцами. Таким образом она получила возможность различать их индивидуально, наблюдать и регистрировать их кочевки, поиски корма, драки, песни, ухаживание, гнездование и гибель — короче говоря, она получила возможность расшифровать внутренний механизм, управляющий сообществом овсянок. Через десять лет она знала об обществе овсянок, их политике, экономике и психологии

больше, чем кто-либо когда-либо знал об одной какой-то птице. Наука протоптала тропу к ее порогу. Орнитологи всех стран обращаются к ней за советами.

Эти два любителя обрели славу, но они о ней не думали и не искали ее. Слава пришла сама собой и уже потом. Однако я говорю не о славе. Они обрели внутреннее удовлетворение, которое важнее славы, и такое же удовлетворение находят в своих занятиях сотни других любителей. А потому я задаю вопрос: что делает наша система образования, чтобы поощрять самостоятельные поиски в области естествознания? Заглянем в типичную аудиторию на типичной кафедре зоологии. Студенты зубрят названия бугорков на костях кошки. Разумеется, изучать кости необходимо, иначе мы не смогли бы разобраться в эволюционных процессах возникновения животных. Однако зачем запоминать наизусть названия бугорков? Нам ответят, что это — часть биологической науки. Но неужели понятие о живом животном и его месте под солнцем менее важно? К несчастью, современная система зоологического образования практически игнорирует живых животных. В моем университете, например, нет ни курса орнитологии, ни курса маммологии.

С ботаникой дело обстоит примерно так же, хотя отсутствие интереса к живой флоре, пожалуй, выражено не столь ярко. Причина отказа от полевых занятий уходит корнями в прошлое. Лабораторная биология возникла в те времена, когда любительская естественная история сводилась к салонной болтовне, а профессиональная исчерпывалась определением видов и накоплением фактов о составе пищи без какого-либо их истолкования. Короче говоря, появившиеся тогда безусловно необходимые лабораторные методики вступили в соперничество с устарелыми методиками полевых исследований. Естественно, что на лабораторную биологию вскоре начали смотреть как на высшую форму науки, и она постепенно вытеснила естественную историю из системы образования.

И следствием этой абсолютно логической конкуренции стал нынешний студенческий марафон по запоминанию топографии костей. Конечно, у него есть и другие оправдания. Он нужен студентам-медикам, он нужен преподавателям зоо-

логии. Но я утверждаю, что обычному человеку гораздо нужнее понимание живого мира.

Тем временем полевые исследования обрели методики и идеи, в научном отношении не уступающие лабораторным. Любитель-натуралист уже не ограничивается приятными прогулками по полям и лесам, результаты которых исчерпывались составлением списка местных видов, миграционных дат и любопытных редкостей. Кольцевание, мечение перьев, учет численности, экспериментальное воздействие на поведение и среду обитания — это методики доступные всем, и методики вполне научные. Если у любителя хватит воображения и настойчивости, он может выбирать и разрешать еще никем не затронутые актуальные научные проблемы естественной истории.

В настоящее время лабораторные и полевые исследования не соперничают, а дополняют друг друга. Однако в учебных программах это новое положение еще не отразилось.



Чтобы расширить программу, нужны деньги, а потому студент, интересующийся естественной историей, не находит поддержки в своем университете. Вместо того чтобы учиться понимать и ценить родную природу, он учится кромсать кошек. Пусть он учится и тому и другому, но, если необходимо выбирать, лучше выбрать первое.

Чтобы яснее представить себе односторонность и бесплодность нынешнего биологического образования как средства воспитания гражданственности, отправимся за город с каким-нибудь типичным способным студентом-биологом и порасспрашиваем его. Несомненно, он знает, как растут растения и из чего состоят кошки, но проверим, понимает ли он, из чего состоит земля.

Мы едем по проселку на севере Миссури. Вот ферма. Поглядите на деревья во дворе, на почву в полях и скажите, обосновался ли первый поселенец в прерии или расчищал лес. Ел ли он в День благодарения степного тетерева или дикую индейку? Какие растения росли здесь прежде и не растут теперь? Почему они исчезли? Какое отношение имеют растения прерии к урожайности кукурузы на этой почве? Почему почва здесь ныне подвергается эрозии, а тогда не подвергалась?

Теперь предположим, что мы едем по Озарку. Вот заброшенное поле. Амброзия на нем редкая и чахлая. Можем ли мы, глядя на нее, сказать, почему бывший владелец больше не смог платить по закладной? Давно ли это произошло? Стоит ли поискать на этом поле перепелов? Имеет ли чахлая амброзия какое-нибудь отношение к истории людей, погребенных вон на том кладбище? Если бы вся амброзия на этом водоразделе была чахлой, какой вывод могли бы мы сделать относительно будущих разливов этой речки? И о будущем форели или окуня?

Многие студенты сочли бы такие вопросы идиотскими и были бы не правы. Всякий натуралист-любитель с зорким взглядом мог бы найти вероятный ответ на любой из них и извлечь из этого немало удовольствия. А вы, кроме того, убедились бы, что в современной естественной истории определение растений и животных, а также изучение их привычек и поведения играет второстепенную роль, главным же стали их отношения между собой и их отношения с почвой и водой,

которые их взрастили, их взаимоотношения с людьми, которые поют о «родной земле», но ничего или почти ничего не знают о ее внутренних механизмах. Наука об этих взаимоотношениях и взаимосвязях называется экологией, но дело не в названии, а в том, знает ли образованный человек, что он только винтик в экологическом механизме? Что, если он будет работать в лад с этим механизмом, его духовное богатство и материальное благополучие могут возрастать до бесконечности, но что в противном случае этот механизм в конце концов сотрет его в порошок? Если образование не объясняет нам всего этого, к чему тогда образование?

Мы никогда не обречем полной гармонии с землей, как не обречем абсолютной справедливости или абсолютной свободы. И тут важно не достижение, но стремление к нему. На быстрое или полное увенчание усилий, которое мы называем успехом, можно рассчитывать только в тривиальных предприяттиях.

Говоря о стремлении, мы с самого начала признаем, что потребность должна возникать изнутри. Никакое стремление к идеалу никогда не прививалось извне целиком.

Задача, следовательно, заключается в том, чтобы возбудить это стремление к гармонии у людей, большинство которых вообще позабыло о существовании земли, поскольку их образование и их культура стали почти синонимами безземельности. Это — задача «воспитания уважения к природе».

ДИКАЯ ПРИРОДА В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Культуры первобытных народов, как правило, опирались на дикую природу. Например, для индейцев прерий бизон был не просто пищей, но и в значительной степени определял характер их жилищ, одежды, языка, искусства и верований.

У цивилизованных народов культура меняет былую основу, но все же сохраняет часть своих диких корней. И здесь я рассмотрю, чем ценны эти корни.

Никто не может измерить или взвесить культуру, и я не стану тратить время на подобные попытки. Достаточно ска-

зять, что те развлечения, обычаи и действия, которые дают человеку возможность соприкоснуться с миром диких животных, обладают культурной ценностью. По моему мнению, ценность эта складывается из трех моментов.

Во-первых, ценно все, что напоминает нам о нашем национальном наследии и происхождении, то есть стимулирует ощущение истории. Подобное ощущение можно назвать национализмом в лучшем смысле этого слова. Этот момент, за неимением другого короткого названия, я здесь обозначу как «бревенчатый». Например, мальчишка изготовил себе шапку из енотовой шкуры и отправился играть в Дэниела Буна среди ивняка за железнодорожными путями. Он воссоздает американскую историю. И это соприкосновение с былой культурой готовит его ко встрече с настоящим. Или сынишка фермера является в школу, благоухая ондатрой: до завтрака он проверял свои ловушки. Он воссоздает романтику пушного промысла. Онтогенез повторяет филогенез не только в индивидуе, но и в обществе.

Во-вторых, ценно все, что напоминает нам о нашей зависимости от цепи питания почва — растение — животное — человек и об основах организации биоты. Цивилизация настолько замусорила первозданное взаимоотношение человек — земля всякими приспособлениями и посредниками, что оно утрачивает четкость. Мы воображаем, будто нас всем обеспечивает промышленность, забывая о том, чем обеспечивается промышленность. Было время, когда образование приближало к почве, а не уведило от нее. Детский стишок, герой которого несет домой кроличью шкурку, чтобы завернуть в нее птенчика, — это одно из многих сохранившихся в фольклоре напоминаний о том, что мужчина некогда охотился, чтобы кормить и одевать свою семью.

В-третьих, ценно все, что приводит в действие этические тормоза, которые в совокупности называются «честной игрой». Наши орудия истребления диких животных приближаются к совершенству много быстрее, чем мы сами, и «честная игра» — это добровольное самоограничение в использовании современного арсенала. Суть его в том, чтобы увеличить в спортивной охоте роль сноровки и уменьшить роль технических приспособлений.

Особое достоинство охотничьей этики заключается в том, что у охотника, как правило, нет зрителей, которые рукоплескали бы его поведению или осуждали бы его. Каковы бы ни были его поступки, они диктуются совестью, а не потребностью показать себя в выгодном свете. Значение этого факта трудно переоценить.

Добровольное подчинение этическому кодексу укрепляет самоуважение охотника-спортсмена, но не следует забывать, что, добровольно пренебрегая этим кодексом, он унижает и развращает себя. Например, общее правило всех кодексов спортивной охоты требует не убивать зря. Тем не менее висконсинские охотники на оленей обязательно убьют и бросят в лесу по меньшей мере одну самку, олененка или годовика на каждых двух самцов, отстрел которых разрешен. Другими словами, примерно половина охотников палит в любого оленя, прежде чем будет выслежена законная добыча. Незаконная же добыча остается там, где упадет. Такая охота на оленей не только не имеет никакой социальной ценности, но служит репетицией этической безнравственности при любых других обстоятельствах.

Таким образом, «бревенчатый» момент и момент «человек — земля» имеют либо позитивную, либо нулевую ценность, но этический момент, кроме того, может быть и негативным.

Вот, грубо говоря, три разновидности питания для диких корней нашей культуры. Однако отсюда не следует, что культура получает это питание. Извлечение ценностей никогда не бывает механическим: только здоровая культура способна принимать питание и расти. Питают ли культуру наши современные формы развлечений на лоне природы?

Период первопоселенцев породил две идеи, которые составляют суть «бревенчатого» момента в этих развлечениях. Во-первых, «ходи налегке», и, во-вторых, «одна пуля на одного оленя». Первопоселенцы шли на охоту налегке по необходимости. Они стреляли экономно и метко, потому что у них не было ни транспорта, ни денег, ни оружия, необходимых для скорострельной тактики. Таким образом, при их зарождении обе эти идеи были нам навязаны, и мы только превратили необходимость в добродетель.

Однако позже, эволюционируя, они стали принципами «честной игры», добровольными ограничениями спортивной охоты. На них опирается чисто американская традиция за-калки, знания леса, меткости и умения полагаться только на себя. Это не абстрактные представления, хотя они и не подразумевают конкретных действий или предметов. Теодор Рузвельт был истинным охотником-спортсменом не потому, что украсил свой кабинет многочисленными трофеями, но потому, что сумел выразить эту американскую традицию словами, понятными каждому школьнику. Более тонкое и точное ее выражение можно найти в ранних произведениях Стюарта Эдварда Уайта. Можно даже сказать, что подобные люди создают культурные ценности тем, что осознают их и открывают пути для их роста.

Затем явился торговец охотничье-спортивными товарами. Он обвесил американского охотника и туриста всевозможными приспособлениями, которые якобы дополняют за-калку, знание леса, меткость и умение полагаться только на себя, в действительности же, как правило, подменяют их. Приспособления оттягивают карманы, они болтаются на шее и на поясе. Избыток их заполняет кузов и багажник машины, а затем и прицеп. Каждый предмет туристской экипировки становится легче, а часто и лучше, но общий их вес тянет уже не на фунты, а на центнеры. Торговля этими приспособлениями приносит астрономические суммы, и их вполне серьезно считают выражением «экономической ценности дикой природы». Но как быть с культурными ценностями?

К чему это приводит, показывает, например, охотник на уток, который сидит в металлической лодке в окружении подсадных уток фабричной выделки. Подвесной мотор доставил его к месту засады без малейших физических усилий с его стороны. Под рукой у него консервированное тепло, чтобы согреться, если вдруг подует холодный ветер. Он взывает к пролетающим стаям с помощью фабричного манка, издавая, как он надеется, самые обольстительные звуки: он отработывал их дома при помощи проигрывателя и пластинки. Подсадные утки вопреки манку делают свое дело, и стая описывает круг над болотом. Стрелять нужно прежде, чем она пойдет на второй круг: болото щетинится ружьями других точно так же



экипированных охотников. Как бы они не выстрелили первыми! Он стреляет с расстояния 70 ярдов, ибо его оптический прицел настроен на бесконечность, а реклама заверила его, что патроны «суперзет», особенно если их не жалеть, очень дальнобойны. Стая рассыпается во все стороны, пара подранков кое-как улетает, чтобы умереть в другом месте. Приобщается ли этот охотник к культурным ценностям? Или просто кормит норок? Сосед открывает огонь с 75 ярдов. Чего вы хотите? Иначе и вообще ни разу не выстрелишь! Такова утиная охота последнего образца. Она типична для всех болот, принадлежат ли они штату или охотничьему клубу. Где же идея «ходи налегке»? Традиция одной пули?

Ответить на это непросто. Рузвельт не брезговал современными ружьями. Уайт пользовался алюминиевым котелком, шелковой палаткой, пищевыми концентратами. Но каким-то образом они не злоупотребляли этими приспособлениями, не становились их рабами.

Не берусь сказать, где начинается злоупотребление и где проходит граница между полезными и вредными приспособлениями. Ясно, однако, что воздействие приспособлений на культуру тесно связано с их происхождением. Самодельные приспособления для охоты и туризма нередко привносят новое очарование во взаимоотношения человека с землей, а не губят их. Тот, кто ловит форель на мушку собственного изготовления, торжествует вдвойне. Я сам пользуюсь многими фабричными приспособлениями. И все-таки существует предел, за которым купленные за деньги приспособления для спортивной охоты и туризма губят их культурную ценность.

Не все виды спортивной охоты выродились до такой степени, как утиная. Пока еще существуют защитники американской традиции. Быть может, возвращение к луку и стрелам и возрождение соколиной охоты знаменуют нарастающий протест. Однако господствует тенденция ко все большей механизации с соответствующим снижением культурных моментов, особенно «бревенчатого», а также этических тормозов.

По-моему, американский охотник-спортсмен растерян. Он не понимает, что с ним происходит. Если для промышленности полезно, что ее приспособления становятся «больше и лучше», то почему же тот же принцип неприменим к лесу и болоту? Ему еще не пришло в голову, что спортивная охота и туризм по самому своему духу атавистичны и требуют простоты, что их ценность — в контрасте с его обычным образом жизни и что механизация стирает контраст, ибо с ней в дикую природу вторгается промышленное производство.

У охотника-спортсмена нет руководителей, которые могли бы объяснить ему, что именно плохо и почему. Специальные журналы превратились в доску объявлений для фабрикантов всяческих приспособлений. Лесничие заняты тем, чтобы обеспечить охотников какой-нибудь дичью, и им некогда беспокоиться о культурной ценности охоты. Поскольку все знатоки, от Ксенофонта до Тедди Рузвельта, утверждали, что спортивная охота имеет духовную ценность, возникло твердое убеждение, будто иначе и быть не может.

Там, где порох не участвует, механизация сказывается по-разному. Современные полевые бинокли, фотоаппараты и алюминиевые кольца, безусловно, не разрушили культурной ценности орнитологии. Рыболовство, если не считать подвес-

ных моторов и алюминиевых лодок, как будто затронуто механизацией гораздо меньше, чем охота. С другой стороны, автотранспорт практически погубил путешествия по необжитой глуши, потому что благодаря ему от этой глуши остались лишь жалкие крохи.

Старомодная лисья травля дает яркий пример лишь частичного и, может быть, безобидного вторжения механизации. Это один из чистейших видов спортивной охоты. «Бревенчатый» момент проявляется в ней с достаточной силой, а также и весь драматизм взаимоотношений человека с землей. По лисце никогда не стреляют — следовательно, присутствуют и этические тормоза. Но теперь мы следуем за сворой в «фордах»! Лай гончих сливается с воплями клаксонов! Однако вряд ли кто-нибудь изобретет механическую свору или привинтит оптический прицел к носу гончей. Маловероятно и обучение собак с помощью проигрывателя или других средств, экономящих время и труд. Мне кажется, с собаками у фабриканта механических приспособлений все-таки ничего не получится.

Однако было бы несправедливо приписывать все беды спортивной охоты изобретателям механических приспособлений для нее. Рекламные агентства изобретают идеи, а идеи редко бывают столь же честными, как предметы, хотя и не уступают им в бесполезности. Одна такая идея заслуживает особого упоминания — отдел «Куда поехать». Сведения о хороших местах для охоты и рыбной ловли — сугубо личная форма собственности, вроде спиннинга, собаки или ружья, то, что можно одолжить из любезности или подарить в знак дружбы. Но торговать ими на рекламных страницах, чтобы поднять тираж журнала, — это нечто совсем другое.

Предлагать же их всем и каждому в качестве бесплатной социальной «услуги» — это уж и вовсе ни в какие рамки не укладывается. Даже департаменты охраны природы сообщают теперь любому желающему, где клюет рыба и где рискнула опуститься утиная стая, чтобы поискать корм.

Такая организованная неразборчивость подменяет казенностью один из сугубо личных элементов спортивной охоты, рыболовства и туризма. Я не берусь проводить границу между полезным и вредным, но убежден, что отдел «Куда поехать» лежит за пределами здравого смысла.

Если дичи или рыбы достаточно, этот отдел обеспечивает желаемый приток охотников или любителей рыбной ловли. Но если их мало, то в ход пускается более активная реклама. Например, рыболовная лотерея, когда несколько рыб с рыбозавода метятся, и рыболов, поймавший выигрышный номер, получает приз. Этот странный гибрид научных методов с нравами бильярдной приводит к полному обезрыбливанию многих уже истощенных озер и наполняет гражданской гордостью сердца членов торговых палат многих маленьких городов.

И напрасно охотоведы считают, что все это их не касается. Промышленный инженер и коммивояжер принадлежат к одной компании. Они одного поля ягоды.

Охотоведы пытаются разводить промысловых зверей и птиц в природе, воздействуя на среду их обитания, и тем самым превратить охоту из свободной эксплуатации природы в упорядоченный отстрел и отлов излишков. Если они преуспеют, как это повлияет на культурные ценности? Исторически «бревенчатый» момент всегда был связан со свободной эксплуатацией природы. Охотников былого времени не манила упорядоченность сельского хозяйства, а уж упорядоченная охота была бы для них и вовсе неприемлема. Быть может, упрямое нежелание охотников-спортсменов подчиняться правилам, разрешающим отстрел строго определенного числа зверей или птиц, унаследовано ими с «бревенчатых» времен. Эти правила для них неприемлемы, так как их нельзя совместить с одним из компонентов «бревенчатой» традиции — свободной охотой.

Механизация не предлагает никакой культурной замены для «бревенчатых» ценностей, которые она уничтожает, — во всяком случае, я не вижу ничего, что можно было бы счесть такой заменой. Охрана диких животных и отстрел их избытка такую замену предлагает, и, на мой взгляд, не менее ценную — управление дикой природой. Возращивание охотничьего урожая обладает той же ценностью, что и все виды земледелия, напоминая о взаимосвязи человек — земля. Присутствуют тут и этические тормоза: контроль над дичью без участия хищников требует этической сдержанности высочайшего порядка. Таким образом, упорядоченная охота ослабляет «бревенчатый» момент, но усиливает остальные два.

Если рассматривать спортивную охоту, рыболовство и туризм как поле битвы между невероятно динамичным процес-

сом механизации и абсолютно статичной традицией, то будущее культурных ценностей выглядит весьма мрачным. Но почему бы нашим представлениям о том, что хорошо и что дурно, не развиваться с той же стремительностью, с какой растет список механических приспособлений? Возможно, для спасения культурных ценностей необходимо перехватить инициативу. Я твердо убежден, что время для этого уже настало. Любители спортивной охоты могут сами определить облик грядущего.

Последнее десятилетие, например, открыло совершенно новую форму спортивной охоты, которая не губит дикую природу и ее обитателей, использует приспособления, не подчиняясь им, решает проблему браконьерства и заметно увеличивает число людей, которых без ущерба может обслужить данный участок. Для этой охоты не существует ни ограничения добычи, ни запретных сезонов. Она требует наставников, а не сторожей и подразумевает культурное воздействие высочайшего порядка. Я говорю об исследовании жизни дикой природы.

Начали его профессионалы. И наиболее сложные, трудоемкие проблемы должны, без сомнения, по-прежнему решаться профессионалами, однако остается еще множество проблем, которыми могут плодотворно заниматься любители всех категорий. В области механических изобретений любители подвижутся уже очень давно. В области биологии ценность любительских исследований только-только начинает осознаваться.

Так, Маргарет Морз Найс, любитель-орнитолог, изучала певчих овсянок у себя на заднем дворе. Она стала специалистом с мировым именем в вопросах поведения птиц и превзошла многих профессиональных исследователей и как практик, и как теоретик. Банкир Чарлз Л. Броули окольцовывал орлов ради развлечения. Он открыл прежде неизвестный факт: некоторые орлы гнездятся зимой на юге, а затем отправляются на каникулы в северные леса. Норман и Стюарт Криддлы, владельцы фермы в прериях Манитобы, стали признанными знатоками местной фауны и флоры, досконально изучив все их особенности и циклы. Эллиот С. Баркер, скотовод в горах штата Нью-Мексико, написал одну из двух лучших в мире книг о пумах. И не верьте, если вам скажут, что все они превратили развлечение в работу. Просто они поняли, что нет ничего интереснее, чем открывать и изучать неизвестное.

Орнитология, маммалогия и ботаника, какими их знают пока почти все любители, — это детские игрушки по сравнению с тем, что могли бы (и могут) предложить им эти области знаний. Отчасти это объясняется тем, что вся система биологического образования (включая и изучение дикой природы) нацелена на поддержание профессиональной монополии в научных исследованиях. Любителям предлагаются только туристические круизы по давно освоенным маршрутам, игрушечные открытия, подтверждающие то, что давно известно специалистам. А молодежи надо объяснить, что на ее умственных верфях строятся корабли, которым открыты все моря.

По моему глубокому убеждению, всем тем, кто профессионально связан с управлением дикой природой, следует всячески содействовать любительским ее исследованиям. Это их важнейшая задача. Устаив, как действует какая-то крохотная часть биоты, мы можем догадаться, как действует весь механизм. Выявлять этот скрытый смысл, критически оценивать его — вот охота будущего.

Итак, дикая природа некогда кормила нас и оформляла нашу культуру. Она все еще дарит нам удовольствие в часы досуга, но мы пытаемся пожинать плоды этого удовольствия с помощью современных машин и тем в значительной мере лишаем его ценности. Но если пожинать их с помощью современных интеллектуальных средств, они принесут не только радость, но и мудрость.

ОЛЕНЬЯ ПРОСЕКА

Как-то под вечер в жаркий августовский день я сидел, ничего не делая, под вязом, и вдруг увидел, что в полумиле к востоку в просвете между кустами мелькнул олень. Через нашу ферму проходит оленья тропа, и в этом месте короткий ее участок виден со стороны дома.

И тут я осознал, что полчаса назад поставил свой стул как раз так, чтобы видеть тропу, и что это давняя моя привычка, хотя прежде я ее не замечал. Затем мне пришло в голову, что, срубив часть кустов, я мог бы открыть для обозрения более длинный участок тропы. К ночи просека была закончена, и до



конца месяца я успел увидеть нескольких оленей, которые иначе прошли бы незамеченными.

Эту оленью просеку я всегда показывал моим гостям, чтобы проверить, какое впечатление она на них произведет. По большей части они тут же про нее забывали, но некоторые, как и я, при каждом удобном случае следили за ней. В результате я понял, что существуют четыре категории людей, вступающих в общение с дикой природой: охотники на оленей, охотники на уток, охотники на птиц и неохотники. Эти категории не имеют никакого отношения к полу, возрасту или снаряжению, но представляют четыре разные манеры смотреть. Охотник на оленей привычно наблюдает за ближайшими зарослями, охотник на уток наблюдает за горизонтом,

охотник на птиц наблюдает за своей собакой, неохотник не наблюдает вообще.

Охотник на оленей садится так, чтобы можно было смотреть вперед, и спиной к чему-нибудь. Охотник на уток садится так, чтобы можно было смотреть вверх, и позади чего-нибудь. Неохотник садится так, чтобы ему было удобно сидеть. И никто из них не следит за собакой. А охотник на птиц следит только за собакой и всегда знает, где она находится в каждую данную минуту, даже если ее не видит. Нос собаки — это глаза охотника на птиц. Многие охотники, отправляющиеся с дробовиком в лес после открытия сезона, так и не научились следить за собакой и истолковывать ее реакции на запахи.

Некоторые из людей, вступающих в общение с дикой природой, не подпадают ни под одну из этих категорий, что не мешает им быть вполне достойными людьми. Это орнитолог, который охотится с помощью ушей, а глазами пользуется, только чтобы проследить то, что обнаружили уши. Это ботаник, который охотится с помощью глаз, но на очень близких расстояниях. Он с поразительным умением отыскивает растения, но редко замечает птиц или зверей. Это лесовод, который видит только деревья и еще насекомых и грибы, если они опасны для деревьев, но больше ничего. И наконец, это любитель спортивной охоты, который видит только дичь, а все остальное считает ненужным и не заслуживающим ни малейшего интереса.

Существует еще один эфемерный способ, который нельзя связать полностью ни с одной из этих групп, — поиски следов, перьев, нор и тех мест, где обитатели леса ночевали, чесались, чистились, копали, кормились, дрались или хватали добычу. Все это на языке лесных следопытов носит общее название «чтение знаков». Такое умение крайне редко и как будто обратно пропорционально книжным знаниям.

Читать знаки животных можно и на растениях, но это искусство еще более редко и эфемерно. В качестве доказательства я сошлюсь на одного путешественника по Африке, который обнаружил царапины, оставленные львиными когтями на коре дерева в двадцати футах над землей. По словам этого человека, лев точил когти об это дерево, когда оно было еще молодым.

Мастер на все руки в биологии, который зовется экологом, пытается быть ими всеми и делать все, что делают они. Незачем говорить, что это у него не получается.

ГУСИНАЯ МУЗЫКА

Несколько лет назад гольф в нашей стране считался светской забавой, развлечением для богатых бездельников, которое не заслуживает даже любопытства, не говоря уж о внимании серьезных людей. А сейчас десятки городов сооружают муниципальные поля для гольфа, чтобы сделать эту игру доступной для самых скромных своих граждан.

Точно так же изменились взгляды и на другие спортивные развлечения на открытом воздухе: то, что пятьдесят лет назад считалось пустым легкомыслием, теперь превратилось в социальную потребность. Но, как ни странно, это изменение только-только начинает влиять на наше отношение к старейшим и наиболее распространенным из этих спортивных развлечений — к рыбной ловле и охоте.

Разумеется, мы смутно отдавали себе отчет в том, что усталому деловому человеку полезно погулять денек с ружьем. Мы понимали также, что уничтожение диких зверей и птиц лишает прогулки с ружьем всякого смысла. Но мы пока не научились ценить дикую природу как фактор социального благополучия. Одни утверждали, что дикую природу надо сохранить как источник мяса, другие — как источник денег, третьи, четвертые, пятые и так далее считали, что ее необходимо сохранять в интересах науки, воспитания молодежи, сельского хозяйства, искусства, здравоохранения и даже военной готовности. Но до сих пор мало кто ясно осознавал и высказывал всю истину целиком: что все это — лишь отдельные моменты более широкого социального явления, что дикая природа, подобно гольфу, служит интересам общества в целом.

Для тех же, чьи сердца бьются сильнее от свиста крыльев и криканья уток, дикая природа обретает особый смысл и важность. Это уже не благоприобретенный вкус: инстинкт, находящий радость в поисках и преследовании дичи, глубоко въелся в нервную ткань человечества. Гольф в конечном сче-

те — всего лишь полезное физическое упражнение и средство социального общения, но любовь к охоте можно назвать почти физиологическим свойством человека. Человек может быть равнодушен к гольфу и все же оставаться человеком, но тот, кто не любит наблюдать, фотографировать, выслеживать птиц и зверей или еще как-либо брать над ними верх, вряд ли может считаться нормальным. Он сверхцивилизован, и лично я просто не знаю, как с ним общаться. Ребятишки не дрожат от восторга, увидев мяч для гольфа, но мне не хотелось бы иметь сына, который не замер бы, затаив дыхание, при виде своего первого оленя. Следовательно, мы имеем тут дело с чем-то лежащим очень глубоко. Некоторые люди способны обходиться без возможности дать волю своему охотничьему инстинкту или сдерживать его, так же как, я полагаю, есть люди, способные жить без работы, игры, любви, дела или другого приложения своих сил и энергии. Но теперь мы считаем подобные лишения антисоциальными. Возможность свободно проявлять все нормальные инстинкты теперь причисляется к прирожденным правам человека.

Те, кто уничтожает дикую природу, отторгают у нас одно из этих прав и делают это с таким тщанием, что поправить уже ничего нельзя. Когда последний необжитый уголок застраивается, еще можно убрать застройку и превратить его в место отдыха и развлечений, но когда погибает последняя антилопа, никакие комиссии, заботящиеся об отдыхе и развлечениях, не могут возместить эту потерю.

Если дикие птицы и звери представляют собой актив в жизни нашего общества, то насколько этот актив важен? Можно, конечно, сослаться на то, что некоторые из нас, страдающие наследственной охотничьей лихорадкой, не способны без них получать от жизни полное удовлетворение, но это не критерий их сравнительной ценности, а в наши дни мы нередко вынуждены делать выбор между необходимым и необходимым. Короче говоря, чего стоит дикий гусь? У меня хранится билет на симфонический концерт. Он стоил дорого. Но доллары были истрачены не напрасно. И все-таки я отказался бы пойти на этот прекрасный концерт ради того, чтобы увидеть крупного гусака, который сегодня утром, на рассвете спустился к моим приманкам. Холодно было зверски, руки у

меня закоченели, и я блаженно по нему промазал. Но какое это имеет значение! Я видел его, слышал, как ветер свистел в его крыльях, когда он с гоготом возник из серости западного неба, и я ощутил его с такой полнотой, что и сейчас еще испытываю восторг при одном воспоминании. Я убежден, что этот же гусак принес десятку других людей не меньше радости, чем симфонический концерт.

Из моих записей следует, что за эту осень я видел тысячу гусей. Каждый из них на протяжении своего эпического путешествия из арктической тундры до Мексиканского залива, вероятно, не один раз давал людям радость, эквивалентную той, которую может дать платное развлечение. Какая-нибудь стая, например, могла зачаровать компанию младшеклассников, и они помчались домой рассказывать, какое им выпало приключение. Другая, пролетая в темных ночных небесах, одарила гусиной музыкой целый город и пробудила кто знает какие мечты, воспоминания и надежды. При виде третьей фермер остановился на пашне, и мысли о дальних странах, путешествиях, людях скрасили бездумное однообразие его труда. Я убежден, что эти гуси выплачивают людям дивиденды прекрасных чувств. Стоимость в долларах — это только обменная стоимость, вроде продажной цены картины или гонорара за стихи. Но заменяет ли стоимость предмета самый предмет? Что, если больше не будет ни картин, ни стихов, ни гусиной музыки? Страшный вопрос, и все-таки на него необходимо ответить. В крайнем случае кто-то мог бы создать другую «Илиаду» или написать еще один «Анжелюс»¹, но кто может сотворить гуся?

Не кошунство ли взвешивать гусятину и искусство на одних весах? Думаю, что нет: ведь истинный охотник — это не созидатель художник. Кто нацарапал первую картину на кости во французских пещерах? Охотник. Кто единственный в нашей современной жизни испытывает такой восторг при виде живой красоты, что готов терпеть голод, жажду и холод,

¹ «Анжелюс» — картина французского художника Жана Франсуа Милле (1814 — 1875). Сын крестьянина, Милле в «Анжелюсе» и ряде других полотен с глубоким сочувствием и реализмом рассказывал о нелегком крестьянском труде и стремился поэтически воплотить мысль о неразрывной связи человека и природы. (Примеч. перев.)

лишь бы напитать ею свои глаза? Охотник. Кто создал великую охотничью поэму о дивности ветра, града и снега, звезд, молний и облаков, львов, ланей и диких коз, воронов, ястребов и орлов, а главное — восторженную хвалу лошади? Иов, один из самых страстных художников всех времен. Поэты поют, а охотники взбираются на горы, в сущности, по одной и той же причине — ради упоения красотой. Критики пишут, а охотники состязаются в ловкости со своей дичью, в сущности, по одной и той же причине — чтобы овладеть красотой. Различия сводятся главным образом к степени, к осознанности и к тому, что мы называем языком, — к этому лукавому арбитру, классифицирующему человеческую деятельность по родам. Значит, если мы способны жить без гусиной музыки, с тем же успехом мы можем покончить со звездами, закатами и «Илиадами». Но суть в том, что мы были бы глупцами, если бы покончили с ними.

Как воздействуют охота и рыбная ловля на характер в сравнении с другими видами спорта? Я уже говорил, что любовь к ним заложена очень глубоко, что речь тут идет не только о духе соревнования, но и об инстинкте. Сын Робинзона Крузо, никогда в жизни не видевший теннисной ракетки, прекрасно обошелся бы без нее, но он, безусловно, начал бы охотиться и ловить рыбу, учили его этому или нет. Однако это еще не доказывает, что одно полезнее другого. Что больше способствует закалке характера? Об этом можно спорить без конца, как спорили мы на школьных диспутах, кто учится лучше, мальчики или девочки. Я не берусь дать ответа. Но на две особенности охоты все-таки следует указать. Во-первых, этика честной игры не занесена ни в какие кодексы и каждый человек должен сам ее сформулировать и следовать ей, не имея другого судьи, кроме совести. Во-вторых, охота подразумевает тесное общение с собаками и лошадьми, а отсутствие этого общения составляет один из наиболее серьезных недостатков нашей бензинной цивилизации. Старинное присловье, что человек, ничего не понимающий в собаках и лошадях, не может быть истинным джентльменом, несет в себе зерно истины. На американском Западе скверное обращение с лошадью по-прежнему влечет за собой всеобщий бойкот. Этот критерий проверки существовал в скотоводческих краях

задолго до того, как были придуманы всяческие «характерологические тесты», и, наверное, переживет их.

Однако всегда бессмысленно доказывать, что одно хорошее лучше другого хорошего. А важно то, что от шести до восьми миллионов американцев любят охотиться и ловить рыбу, что охотничья лихорадка у них в крови и что любой побудительный мотив для общения с природой полезен для всего общества, а уничтожение побудительного мотива в данном случае наносит обществу ущерб. Следовательно, борьба за сохранение дикой природы является общественным делом.

И в заключение: я болен наследственной охотничьей лихорадкой, и у меня есть три сына. Еще совсем малышами они играли с моими подсадными утками и рыскали по пустырям с деревянными ружьями. Я надеюсь, что оставлю им в наследство крепкое здоровье, образование, а может быть, и некоторый материальный достаток. Но зачем все это будет нужно, если среди холмов не останется оленей, а в кустах — перепелов? Если в лугах не будут свистеть бекасы, на ночном болоте не будут попискивать свиязи и бормотать чирки, а когда утренняя звезда померкнет на востоке, в воздухе не просвистят быстрые крылья? Предрассветный ветер зашелестит в старых тополях, серый свет скользнет с холмов к реке, бесшумно бегущей между широких бурых отмелей, — но что, если больше не зазвучит гусиная музыка?



Часть IV ВЫВОДЫ

Этика природы

РАЗВИТИЕ ЭТИКИ

Когда Одиссей богоравный вернулся с Троянской войны, он повесил на одной веревке десяток своих домашних рабынь, заподозрив, что в его отсутствие они позволяли себе лишнее.

Эта казнь не ставила никаких нравственных вопросов. Рабыни были собственностью своего хозяина. А тогда, как, впрочем, и теперь, собственностью распоряжались, сообразуясь с выгодой, а не с понятиями о дурном и хорошем.

В Греции времен Одиссея понятия о дурном и хорошем были развиты высоко — об этом свидетельствует хотя бы верность, которую жена хранила ему все долгие годы, прежде чем его черногрудые корабли направили свой бег по темно-пурпурным морям к родной Итаке. Этические понятия той эпохи включали жен, но еще не распространялись на двуногий скот. За три тысячи лет, протекавшие с тех пор, этические критерии распространились на многие области человеческого поведения, где прежде решающим фактором служила выгода.

Это расширение этики, которое до сих пор изучали только философы, на самом деле представляет собой один из про-

цессов экологической эволюции. Развитие этики можно выразить не только через философские, но и через экологические понятия. Этика в экологическом смысле — это ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика в философском смысле — это различие общественного и антиобщественного поведения. И то и другое — лишь два определения одного явления. Возникло же оно из тенденции взаимозависимых индивидов или групп развивать формы сотрудничества.

Сложность механизмов сотрудничества возрастала с увеличением плотности населения и с развитием орудий. Например, в дни мастодонтов было легче распознать антиобщественное применение палок и камней, чем пуль и рекламных щитов в век моторов.

Первоначальная этика касалась отношений между индивидами; дальнейшие добавления связаны уже с взаимоотношениями индивида и общества. Но этики, регулирующей взаимоотношения человека с землей, с животными и растениями, обитающими на ней, пока еще не существует. Земля, подобно рабыням Одиссея, все еще остается собственностью, и взаимоотношения с ней все еще остаются чисто потребительскими, подразумевающими только права без обязанностей.

Распространение этики на этот третий элемент в окружении человека является — если я правильно толкую все признаки — эволюционной возможностью и экологической необходимостью. Это третий этап непрерывного развития. Первые два уже осуществились. Отдельные мыслители со времен библейских пророков постоянно указывали, что опустошение земли не только вредно, но и дурно. Общество еще не приняло их точки зрения, но какой-то сдвиг в этом направлении уже есть, о чем, по моему мнению, свидетельствует нынешнее движение за охрану природы.

Этику можно считать руководством в экологических ситуациях, настолько новых, сложных и поздно обнаруженных, что разрешение их, наиболее выгодное для общества, не всегда понятно среднему индивиду. Индивид в подобных ситуациях руководствуется биологическими инстинктами. Воз-

можно, что этика — это своего рода зарождающийся общественный инстинкт¹.

ПОНЯТИЕ О СООБЩЕСТВЕ

Все сложившиеся до сих пор этические системы опираются на одну предпосылку — индивид является членом сообщества, состоящего из взаимосвязанных частей. Инстинкт побуждает его соперничать за место в обществе, но этика одновременно побуждает его к сотрудничеству (хотя бы для того, чтобы было из-за чего соперничать).

Этика земли попросту расширяет пределы сообщества, включая в него почвы, воды, растения и животных, которые все вместе и объединяются словом «земля».

Звучит это так просто! Разве мы уже не поем о своей любви к земле свободных и родине доблестных и о своих обязательствах по отношению к ней? Петь-то мы поем, но что и кого мы, собственно, любим? Во всяком случае, не почву, которую мы равнодушно сбрасывали в реки. Во всяком случае, не воды, за которыми мы не признаем иного назначения, кроме как вертеть турбины, носить суда и служить канализационным стоком. Во всяком случае, не растения, которые мы, и глазом не моргнув, уничтожаем целыми сообществами. Во всяком случае, не животных, среди которых мы уже истребили многие самые крупные и красивые виды. Этика земли, разумеется, не может воспрепятствовать тому, чтобы мы воздействовали на эти «ресурсы», управляли и пользовались ими, но она, по крайней мере, утверждает их право на дальнейшее су-

¹ Здесь и далее представление автора о философском смысле этики упрощено. Это не различие общественного и антиобщественного. Этика определяет место морали в системе других общественных отношений, структуру, происхождение и историческое развитие нравственности. Мораль, оставаясь классовой, формирует элементы общечеловеческой нравственности. Вопрос не в противоречии индивидуального общественному, а в преодолении этих противоречий. В полной мере это относится и к этике взаимоотношений природы и общества (см. предисловие). Следует также заметить, что автор в ряде случаев пользуется собственной терминологией. (*Примеч. ред.*)

существование и — хотя бы кое-где — на дальнейшее существование в естественных условиях.

Короче говоря, этика земли меняет роль человека, превращая его из завоевателя сообщества, составляющего землю, в рядового и равноправного его члена. Это подразумевает уважение к остальным сочленам и уважение ко всему сообществу.

Человеческая история научила нас (так, во всяком случае, мне хотелось бы верить), что завоеватель неизбежно сам обрекает себя на поражение. Почему? Потому что его роль подразумевает, будто он знает, чем живо сообщество, кто и что требуется для того, чтобы оно было живо, а кого и чего не требуется. Но обязательно выясняется, что ничего он не знает, — вот почему его завоевания обречены с самого начала.

Такое положение существует и в биотическом сообществе. Патриарх Авраам точно знал, для чего существует земля — для того, чтобы источать мед и млеко в его, Авраама, уста. В настоящее время вера в такую предпосылку обратно пропорциональна образованности.

Обыватель в наши дни убежден, что наука знает, чем живо сообщество, ученый же не менее твердо убежден, что ему это неизвестно. Он отдает себе отчет в невероятной сложности механизма биоты, который, возможно, так никогда и не удастся понять во всех частностях.

Тот факт, что человек — всего лишь один из членов биотического сообщества, доказывается экологическим толкованием истории. Многие исторические события, до сих пор объяснявшиеся исключительно человеческой предприимчивостью, в действительности представляли собой биотическое взаимодействие людей и земли. Особенности земли воздействовали на события с не меньшей силой, чем особенности живших на ней людей.

Рассмотрим для примера заселение долины Миссисипи. После провозглашения независимости Соединенных Штатов контроль над ней оспаривали три группы — местные индейцы, французские и английские торговцы и американские поселенцы. Историки гадают, что произошло бы, если бы англичане в Детройте добавили гирь на индейскую чашу тех весьма чувствительных весов, на которых решались последствия заселения тростниковых земель Кентукки. Пора пораз-

мыслить над тем обстоятельством, что тростник под объединенным воздействием скота, плуга, огня и топора первопоселенцев сменился бородачом. А что, если бы преемственность растений, заложенная в этой темной, напоенной кровью земле, дала нам под воздействием всех перечисленных сил какой-нибудь ни к чему не пригодный камыш, кустарник или сорняк? Удержались бы там Бун и Кентон? Хлынул бы поток поселенцев дальше, в Огайо, Индиану, Иллинойс и Миссури? Была бы куплена Луизиана? Возник бы союз штатов от океана до океана? Произошла бы война Севера с Югом?

Кентукки — всего лишь ремарка в драме истории. Нам обычно рассказывают о том, что пытались делать участвующие в ней люди, но редко сообщают, насколько их успех или неудача зависели от реакции данных почв на воздействие сил, характерных для данной формы их использования. В случае с Кентукки мы даже не знаем, откуда взялся бородач — был ли он местным растением или приплыл зайцем из Европы.

Теперь сравните судьбу тростниковых земель с тем, что произошло на юго-западе страны, где первопоселенцы были не менее мужественны, находчивы и упорны. Новые формы использования тамошних земель не принесли с собой ни бородача, ни других трав, способных выдержать бездумную и безжалостную эксплуатацию. Непрерывный и интенсивный выпас скота вызвал в этой области смену прежних трав, кустарников и других растений на все более и более бесполезные, так что возникло состояние неустойчивого равновесия. Каждое ухудшение растительного покрова несло с собой эрозию, каждое усиление эрозии влекло за собой новое ухудшение растительного покрова. В результате теперь происходит непрерывная деградация не только растений и почв, но и существующего на них сообщества животных. Первые поселенцы ничего подобного не предвидели — в болотах Нью-Мексико некоторые даже копали дренажные каналы, ускорившие этот процесс. Впрочем, он развивается столь незаметно, что мало кто из обитателей этой области осознает его. И разумеется, он не виден туристам, которые находят погубленный ландшафт красочным и живописным (да он и действительно таков, но мало напоминает тот, каким был в 1848 году).

Эту же область уже некогда «развивали», и совсем с другими результатами. Индейцы пуэбло заселили юго-запад в доколумбовы времена, но у них не было скота, вытаптывавшего пастбища. Их цивилизация погибла, однако не потому, что погибла их земля.

В Индии области, лишённые дерновинных трав, при заселении не истощались, по-видимому, благодаря очень простому средству: траву доставляли к коровам, а не наоборот. (Объясняется ли это мудрой предусмотрительностью или чистым везением? Не знаю.)

Короче говоря, изменения растительного покрова воздействовали на ход истории. Первопоселенцы просто выявляли — на радость или на беду, — какая преемственность растений заложена в земле. Такая история пока не преподается. Но она будет преподаваться, когда понятие о земле как сообществе, наконец, по-настоящему войдет в нашу интеллектуальную жизнь.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОВЕСТЬ

Охрана природы — это состояние гармонии между людьми и землей. Несмотря на почти сто лет пропаганды, развитие этой охраны идет черепашьям шагом и ограничивается главным образом благочестивыми вздохами на бумаге и красноречием на съездах и конференциях. Сейчас, на исходе сороковых годов, мы, сделав шаг вперед, все еще делаем два шага назад.

В качестве противоядия обычно рекомендуется «всемерно расширять экологическое просвещение». Спорить с этим не приходится, но достаточно ли только расширить его? Или в нем самом не хватает чего-то существенного?

Изложить вкратце суть нынешнего экологического просвещения непросто, но, насколько я понимаю, сводится она к следующему: выполняй требования закона, голосуй за подходящего кандидата, вступи в какое-нибудь общество и принимай необходимые и выгодные меры по охране природы на собственной земле, а остальное — дело правительства.

Не слишком ли легка такая панацея, чтобы принести сколько-нибудь заметную пользу? Она не определяет, что хорошо, а что дурно, не возлагает никаких обязательств, не требует жертв, не подразумевает никаких изменений в современном мировоззрении. Отношение к земле она рассматривает только с точки зрения просвещенной корысти. Много ли толку от такого просвещения? Возможно, ответом на этот вопрос отчасти может послужить следующий пример.

К 1930 году всем, кроме экологических слепцов, стало ясно, что на юго-западе Висконсина верхний слой почвы уносится в море. В 1933 году фермерам объявили, что, если они на протяжении пяти лет будут следовать определенным правилам в использовании земли, общество для принятия восстановительных мер предоставит им бесплатно труд Гражданского корпуса по охране лесов и мелиорации, а также необходимые машины и материалы. Предложение это принималось повсеместно, но по истечении пятилетнего контракта правила почти всюду были забыты. Фермеры продолжали следовать только тем из них, которые приносили непосредственную и видимую выгоду.

Тогда возникла мысль, что, может быть, фермеры станут более внимательными, если сами составят правила. И в 1937 году висконсинское законодательное собрание приняло закон о сохранении почв. По сути, он говорил фермерам: «Мы, общество, обеспечим вам бесплатную техническую помощь и одолжим необходимые машины, если вы напишете собственные правила пользования землей. Каждое графство может написать собственные правила, и они обретут силу закона». Почти все графства тотчас организовались, чтобы принять предложенную помощь, но прошло десять лет, а ни одно графство еще не написало ни единого правила. Определенный прогресс заметен, скажем, в введении ленточного посева, восстановлении пастбищ, известковании почвы, но об огораживании лесов от скота и запрете распахивать крутые склоны и пасти там коров все еще нет и речи. Другими словами, фермеры приняли те восстановительные меры, которые в любом случае были им выгодны, и уклонились от тех, которые были выгодны всему обществу, а им самим непосредственной выгоды как будто не приносили.

В ответ на вопрос, почему не были написаны правила, вам отвечают, что общество еще не готово их поддерживать: сначала просвещение, а потом уже правила. Однако нынешнее просвещение не включает никаких обязательств по отношению к земле помимо и сверх тех, которые диктуются своекорыстными интересами. В конечном итоге просвещения у нас больше, чем в 1937 году, почвы и здоровых лесов меньше, а паводков ровно столько же.

Удивительно то, что существование обязательств помимо и сверх своекорыстных интересов вполне признается сельскими общинами, когда речь идет об улучшении дорог, школ, церковных зданий и бейсбольных команд. Однако никто не признает каких бы то ни было обязательств, когда речь идет о том, чтобы улучшить поведение падающей на землю воды или сохранить красоту и разнообразие сельского ландшафта. Этика использования земли все еще управляется экономическими своекорыстными интересами — точно так же, как социальная этика сто лет назад.

Короче говоря, мы попросили фермера сделать для спасения его почвы то, что ему удобно, и он сделал только это, и ничего больше. Фермер, который сводит на склонах 75% леса, пасет там коров и допускает, чтобы дождевая вода, камни и почвы сбрасывались оттуда в общую речку, остается (при условии, что в остальном он человек порядочный) уважаемым членом своей общины. Если он вносит известь в свои поля и применяет ленточный посев, он имеет право на все выгоды и привилегии, предоставляемые ему законом о сохранении почв. Закон этот — прекрасная машина, служащая обществу, но она чихает и кашляет на двух цилиндрах, потому что мы были слишком робки, слишком жаждали быстрого успеха и не рискнули объяснить фермеру всю полноту его обязательств. Обязательства обретают силу лишь в сочетании с совестью, и перед нами стоит задача сделать объектом общественной совести не только людей, но и землю.

Любое заметное изменение в этике всегда сопровождается изменениями в нашем мышлении, привязанностях, убеждениях и чувстве долга. Идея сохранения природы еще не коснулась этих основ нашего поведения — доказательством служит тот факт, что она пока не нашла отражения ни в фило-

софии, ни в религии. Стремясь облегчить сохранение природы, мы свели самую идею к банальности.

СУРРОГАТЫ ЭТИКИ ПРИРОДЫ

Когда логика истории жаждет хлеба, а мы протягиваем ей камень, нас мучит потребность объяснить, что этот камень ужасно похож на хлеб. Ниже я опишу несколько камней, подменяющих этику природы.

Системе охраны природы, опирающейся только на экономические побуждения, присуща одна коренная слабость: очень многие члены природных сообществ не имеют никакой экономической ценности. Например, дикие цветы и певчие птицы. Из 22 тысяч висконсинских растений и животных вряд ли 5% могут быть проданы, скормлены, съедены или еще как-нибудь употреблены с экономической выгодой. Однако все они входят в биотическое сообщество, и, если (как я убежден) его стабильность опирается на его целостность, они имеют право на сохранение.

Когда под угрозой оказывается одна из этих неэкономических категорий, которая нам нравится, мы пускаемся на хитрости, чтобы подыскать для нее экономическое значение. В начале века считалось, что певчие птицы начинают исчезать. Орнитологи бросились им на выручку, приводя довольно-таки шаткие доказательства, будто нас сожрут насекомые, если птицы больше не будут их контролировать. Чтобы выглядеть убедительно, доказательства должны были носить экономический характер.

Сейчас больно читать эти красноречивые излияния. У нас пока еще нет этики природы, но мы хотя бы приблизились к признанию того факта, что птицы должны существовать в силу своего биотического права независимо от того, выгодно это нам экономически или нет.

В сходном положении оказались хищные млекопитающие, хищные и рыбацкие птицы. Было время, когда биологи злоупотребляли ссылками на то, что хищники поддерживают здоровье популяций промысловых животных, уничтожая слабых и больных, или что они истребляют грызунов,



уберегая тем самым поля фермера от вредителей, или же что они питаются только «ни к чему не пригодными» видами. Тут опять-таки доказательства, чтобы выглядеть убедительно, должны были носить экономический характер. И лишь в последние годы мы услышали более честный довод, что хищные животные — это члены сообщества, и ни у кого нет права уничтожать их из-за своекорыстной выгоды, реальной или воображаемой. К сожалению, этот просвещенный взгляд ос-

тается пока на стадии речей, а тем временем истребление хищников в природе бодро продолжается, о чем свидетельствует хотя бы окончательное истребление волков, неуклонно приближающееся с санкции конгресса, Бюро охраны природы и законодательных собраний многих штатов.

Некоторые виды деревьев вычеркиваются экономически мыслящими лесоводами, потому что они либо растут слишком медленно, либо дают слишком дешевую древесину, а потому экономически невыгодны. В таких изгоях числятся восточная туя, лиственница, кипарис, бук и тсуга. В Европе, где лесное дело занимает более передовые экологические позиции, некоммерческие виды деревьев признаются членами местного лесного сообщества и как таковые подлежат сохранению в пределах разумного. К тому же некоторые из них (например, бук), как выяснилось, играют важную роль в повышении плодородия почвы. Взаимозависимость компонентов леса — видов деревьев, напочвенного покрова и животных — считается в Европе само собой разумеющейся.

Экономической ценности могут быть лишены не только отдельные виды или группы, но и целые биотические сообщества — достаточно назвать болота, трясины, дюны и пустыни. Наш рецепт для таких случаев — возлагать их сохранение на государство в виде заказников, резерватов и национальных парков. Беда лишь в том, что они, как правило, перемежаются более ценными землями, принадлежащими частным лицам, и государство не в силах охранять и сберегать такие разбросанные лоскутки дикой природы. В результате многие из них мы оставляем на произвол судьбы и на верную гибель. Если бы частный владелец был просвещен экологически, он гордился бы ролью хранителя таких уголков, дарящих красоту и разнообразие не только его ферме, но и всему краю.

В ряде случаев мнение, будто от таких «бесполезных земель» нет никакой выгоды, оказалось неверным, но выяснилось это, лишь когда с большинством из них было покончено. Примером могут послужить нынешние торопливые попытки вновь обводнить ондатровые болота.

В подходе американцев к сохранению дикой природы существует явная тенденция перекладывать на государство исполнение обязанностей, о которых не желают думать частные

владельцы. В настоящее время в лесном деле, в сохранении пастбищ, почвы и водоразделов, в организации национальных парков и резерватов, в регулировании рыболовства и охране перелетных птиц все большую роль начинает играть государство, скупая земли, руководя необходимыми операциями, субсидируя их и устанавливая соответствующие правила. В значительной степени это полезно и логично, а во многом и неизбежно. Естественно, что я отношусь к этому одобрительно — ведь значительную часть своей жизни я сам принимал деятельное участие в подобных мероприятиях. Тем не менее встает вопрос: до какой степени может увеличиваться роль государства в охране природы? Хватит ли финансовых средств для поддержания подобной структуры? В какой момент государственная охрана природы, подобно мастодонту, окажется жертвой собственного гигантизма? Выходом, если тут вообще есть выход, может стать этика природы или аналогичная ей моральная категория, которая побудит частных землевладельцев выполнять лежащие на них обязательства.

Те, кто эксплуатирует природу и землю в промышленных целях, особенно лесопромышленники и скотоводы, имеют обыкновение громко и долго сетовать по поводу расширения государственной земельной собственности и правил, регулирующих пользование природными ресурсами, однако они (с определенными исключениями) не склонны прибегать, по-видимому, к единственной альтернативе — добровольному принятию мер по охране природы на своей собственной земле.

Когда частного землевладельца просят в наши дни сделать что-либо без выгоды для себя, но для блага общества, он соглашается, только подставляя ладонь. Если все упирается в деньги, это еще ничего, но если требуются предусмотрительность, заботливость или время, исход по меньшей мере сомнителен. В росте субсидий на пользование землей, столь стремительном за последние годы, в значительной мере повинны государственные агентства, задача которых — просвещать население в вопросах охраны природы: земельные бюро, сельскохозяйственные колледжи и тому подобное. Насколько мне известно, ни одно из них не учит этическим обязательствам по отношению к земле.

Короче говоря, система сохранения природы, опирающаяся только на своекорыстные экономические интересы, безнадёжно перекошена. Она имеет тенденцию игнорировать и в результате уничтожать многие элементы природного сообщества, если они лишены коммерческой ценности, хотя, насколько мы знаем, необходимы для его нормального функционирования. Такая система исходит из предпосылки — на мой взгляд, ложной, — что экономически важные части биотических часов будут функционировать и без экономически бесполезных частей. Эта система имеет тенденцию перекладывать на государство обязанности, которые становятся слишком многочисленными, слишком сложными и слишком разнообразными, так что государство перестает с ними справляться.

По-видимому, есть только один выход — частные землевладельцы должны признать свои этические обязанности.

ПИРАМИДА ЗЕМЛИ

Этика, дополняющая и контролирующая экономическое отношение к земле, предполагает существование мысленного образа земли как биотического механизма. Мы способны быть этичными только по отношению к тому, что можем видеть, чувствовать, понимать, любить или еще как-то дарить доверием.

В пропаганде сохранения земли широко фигурирует метафора «равновесие в природе». По причинам слишком сложным, чтобы объяснять их здесь, эта фигура речи не передает точно то небольшое, что нам известно о механизме земли. Гораздо ближе к истине образ, используемый в экологии, — биотическая пирамида. Сначала я объясню эту пирамиду, символизирующую землю, а затем подробно расскажу о том, как все это влияет на использование земли.

Растения поглощают энергию солнца. Эта энергия циркулирует в системе, которую мы называем биотой и можем изобразить в виде многоступенчатой пирамиды. Нижняя ступень — почва. Ступень, на которой располагаются растения, опирается на почву; ступень, на которой располагаются насекомые, —

на растения; птицы и грызуны — на насекомых и так далее, через различные группы животных, к вершине, на которой находятся крупные хищники.

Виды, составляющие одну ступень, объединены не происхождением или внешним сходством, но типом пищи. Каждая последующая ступень зависит от нижележащих, снабжающих ее пищей, а нередко убежищами и тому подобным, и в свою очередь обеспечивает пищей верхние ступени. Количественно ступени уменьшаются от нижней к верхней. Так, на каждого хищника приходится сотни особей его потенциальной добычи, тысячи особей добычи его добычи, миллионы насекомых, неисчислимы растения. Пирамидальная форма системы отражает это возрастание численности от вершины к основанию. Человек стоит на одной из промежуточных ступеней рядом с медведями, енотами и белками, которые едят как мясную, так и растительную пищу.

Линии зависимости, отражающие передачу заключенной в пище энергии от ее первоначального источника (растения) через ряд организмов, каждый из которых поедает предыдущий и поедается последующим, называются цепями питания. Так, почва — дуб — олень — индеец — это цепь питания, которая в настоящее время преобразилась в цепь почва — кукуруза — корова — фермер. Каждый вид, включая и нас, — это звено многих цепей питания. Оленя кормит сотня других растений, кроме дуба, а корову — кроме кукурузы. Следовательно, и олень и корова являются звеньями сотни цепей. Пирамида представляет собой столь сложное переплетение цепей питания, что оно кажется беспорядочным, однако стабильность системы доказывает ее высокую организованность. Функционирование системы зависит от сотрудничества и конкуренции ее различных частей.

Вначале пирамида жизни была низкой и непропорционально широкой, цепи питания — короткими и простыми. Эволюция добавляла ступень за ступенью, звено за звеном. Человек — это одно из тысяч добавлений, благодаря которым пирамида становилась выше и сложнее. Науке мы обязаны многими сомнениями, но и одной достоверной истиной: эволюции свойственна тенденция делать биоту все более дробной и разнообразной.

Земля, таким образом, — это не просто почва, но источник энергии, циркулирующей по системе, состоящей из почвы, растений и животных. Цепи питания — это живые каналы, подающие энергию вверх, а смерть и тление возвращают ее в почву. Система не замкнута — часть энергии теряется в процессе тления, часть добавляется поглощением из воздуха, часть накапливается в почве, торфе и долгоживущих лесах, но эта постоянно действующая система своего рода медленно накапливаемый и находящийся в постоянном обращении фонд жизни. Всегда какая-то часть утрачивается, уносясь с водой в море, но обычно такие потери невелики и компенсируются разрушением коренных пород. К тому же в океане утраченная почва осаждается на дно и в ходе геологических эпох поднимается над водой, образуя новую землю и новые пирамиды.

Скорость и характер подачи энергии вверх зависят от сложной структуры сообщества растений и животных, аналогично тому, как подача вверх древесного сока зависит от сложного клеточного строения древесины. Без этой сложности нормальная циркуляция, вероятно, не могла бы осуществляться. Структура требует конкретного количества составляющих ее видов, а не только их конкретных форм и функций. Взаимозависимость сложной структуры земли и ее нормального энергетического функционирования составляет одно из основных ее свойств.

Когда в одной части системы происходит изменение, многие другие части вынуждены приспосабливаться к нему. Изменение вовсе не обязательно препятствует подаче энергии или направляет ее в другую сторону. Эволюция представляет собой гигантскую серию самоиндуцированных изменений, в конце концов приведших к усложнению механизмов системы и к ее удлинению. Однако эволюционные изменения, как правило, происходят медленно и носят локальный характер. Придумав орудия, человек получил возможность производить изменения, беспрецедентные по силе, скорости и масштабам.

Одно такое изменение затрагивает состав флоры и фауны. С вершины пирамиды срезаны крупные хищники — впервые за всю историю эволюции цепи питания укоротились, вместо

того чтобы удлиняться. Одомашненные животные из других географических областей заменяют диких, а дикие оттесняются в новые места обитания. В результате такого всемирного смещения флор и фаун некоторые виды вырываются из-под контроля и превращаются во вредителей, другие вымирают. Такие последствия редко предвидятся заранее или вызываются умышленно. Они представляют собой непредсказуемые, а часто и непрослеживаемые попытки системы приспособиться к изменениям в ее структуре. Агробιология в значительной мере сводится к гонке между появлением новых вредителей и созданием новых средств борьбы с ними.

Другое изменение касается движения энергии через растения и животных и ее возвращения в почву. Плодородие — это способность почвы получать, накапливать и высвобождать энергию. Сельское хозяйство, слишком интенсивно эксплуатируя почву или слишком резко заменяя местные виды одомашненными, может нарушить каналы движения энергии или истощить ее запасы. Почвы, лишенные запаса энергии или хранящих ее органических веществ, смываются быстрее, чем образуются. Это и есть эрозия.

Воды, как и почвы, входят в систему циркулирования энергии. Промышленность, загрязняя воды или нарушая их движение плотинами, угрожает системе лишением растений и животных, необходимых для циркулирования энергии.

Современный транспорт вносит еще одно существенное изменение — растения и животные, выросшие в одной области, теперь используются и возвращаются почве в другой. Энергия, скрытая в породах и воздухе, забирается и используется в других местах. Так, мы удобряем свой огород гуано, то есть азотом, который птицы по ту сторону экватора извлекли из морских рыб. Короче говоря, прежние локальные и самодостаточные системы теперь воздействуют друг на друга в мировом масштабе.

В процессе изменения пирамиды для удобств человека высвобождаются запасы энергии, и в момент первичного использования часто создается обманчивое изобилие растительной и животной жизни, как дикой, так и одомашненной. Эта растрата биологического капитала нередко затемняет или отсрочивает губельные последствия насилия над природой.

Вышеприведенное краткое описание земли как энергетической системы подсказывает три основные идеи.

1. Земля — это не просто почва.

2. Местные растения и животные поддерживали энергетическую систему в действии, введенные же, возможно, сохраняют ее, а возможно, разрушат.

3. Изменения, вносимые человеком, отличаются от эволюционных изменений, и последствия их бывают гораздо опаснее, чем предполагалось или предвиделось.

В совокупности эти идеи порождают два жизненно важных вопроса. Может ли земля приспособиться к новому порядку? Нельзя ли добиться желаемых изменений без насилия над ней?

Биоты, по-видимому, обладают различной способностью выдерживать насильственные изменения. В современной Европе, например, пирамида очень не похожа на ту, которую в свое время нашел там Юлий Цезарь. Некоторые крупные хищники исчезли; болотистые леса сменились лугами или пашнями; было ввезено много новых животных и растений, причем некоторые вышли из-под контроля и стали вредителями; распределение и количество местных животных и растений заметно изменилось. Однако почва не исчезла и благодаря ввозимым удобрениям все еще плодородна, воды текут нормально — судя по всему, новая структура функционирует стабильно. Движение энергии не прервалось и заметно не нарушается.

Следовательно, Западная Европа обладает упругой биотой, внутренние процессы которой устойчивы, гибки и выдерживают значительные воздействия извне. Как ни насильственны были изменения, пирамида выработала новые способы существования и до сих пор в силах поддерживать человека и большинство других исконных своих членов.

Другим примером радикального преобразования без дезорганизации жизни земли может как будто служить Япония.

В большинстве других цивилизованных районов мира и в некоторых лишь чуть затронутых цивилизацией наблюдаются различные стадии дезорганизации, от первых симптомов до далеко зашедших потерь. В Малой Азии и Северной Африке диагноз затрудняется климатическими изменениями, которые могли быть как причиной, так и следствием значительных потерь. В Соединенных Штатах Америки степень дезор-

ганизации меняется от места к месту. Особенно плохо дело обстоит на юго-западе, на плато Озарк и кое-где на юге, а лучше всего — в Новой Англии и на северо-западе. Соблюдение правил использования земли еще может остановить дезорганизацию в менее затронутых ею районах. В ряде областей Мексики, Южной Америки, Южной Африки и Австралии идет бурный и все ускоряющийся процесс опустошения, но я не берусь предсказывать дальнейшее его течение.

Эту почти всемирную дезорганизацию жизни земли можно уподобить болезни животного, с тем лишь отличием, что она никогда не достигает заключительной своей стадии, то есть смерти. Земля оправляется, но на сниженном уровне сложности и со сниженной способностью поддерживать существование людей, растений и животных. Многие биоты, которые пока считаются «землями неограниченных возможностей», в действительности существуют за счет интенсивного сельского хозяйства, то есть они уже превысили свою способность поддерживать жизнь своих членов.

В засушливых районах мы пытаемся приостановить процесс опустошения с помощью восстановления земли, но вполне очевидно, что в большинстве своем проекты эти слишком кратковременны. На нашем собственном Западе даже лучшие из них рассчитаны не более чем на сто лет.

Объединенные свидетельства истории и экологии как будто приводят к одному общему выводу: чем менее бурны и насильственны производимые человеком изменения, тем больше вероятность успешной перестройки пирамиды. Степень насильственности, в свою очередь, зависит от плотности человеческого населения: чем выше плотность, тем более радикальные требуются преобразования. В этом отношении у Северной Америки, если она сумеет ограничить рост плотности своего населения, больше шансов на достижение устойчивости, чем у Европы.

Этот вывод противоречит нашим нынешним представлениям, будто бесконечный рост плотности населения будет обогащать человеческую жизнь бесконечно. Экологии не известно ни одной формулы, которая допускала бы бесконечное увеличение плотности. Все выгоды, получаемые от плотности, подчинены закону снижения возвратных поступлений.

Каким бы ни было уравнение для людей и земли, в настоящее время нам вряд ли известны все его условия. Недавние уточнения роли минеральных веществ и витаминов в питании обнаружили в движении энергии такие зависимости, о которых прежде никто и не подозревал: ценность почвы для растений и растений для животных определяется микроскопическими количествами тех или иных веществ. Ну а движение вниз? Какая роль принадлежит исчезающим видам, сохранение которых мы пока считаем лишь эстетической роскошью? Они помогали созданию почвы — так, может быть, хотя мы об этом не подозреваем, они абсолютно необходимы для ее сохранения? Профессор Уивер предлагает использовать цветы прерий для восстановления гибнущих почв Пыльной Чаши. Кто знает, для чего в один прекрасный день нам могут понадобиться журавли и кондоры, выдры и гризли?

ЗДОРОВЬЕ ЗЕМЛИ И РАСКОЛ А—Б

Следовательно, этика земли отражает существование экологической совести, а тем самым и убеждение в индивидуальной ответственности за здоровье земли. Здоровье земли заключается в ее способности к самообновлению. И охрана природы воплощает наши попытки понять и сохранить эту способность.

Сторонники охраны природы знамениты своими расхождениями. На первый взгляд тут как будто царит полный хаос, но при более внимательном рассмотрении легко заметить четкое направление раскола во многих специализированных областях.

В каждой из них одна группа (А) считает, что земля — это почва и что ее функция сводится к производству тех или иных продуктов человеческого потребления, а другая (Б) видит в земле биоту, функция которой много шире. Правда, насколько шире, пока совершенно неясно.

В моей собственной области, в лесоводстве, группа А удовлетворяется выращиванием деревьев, точно капусты, ради целлюлозы как основного продукта леса. Группа эта ничего не имеет против насильственных методов, ее мировоззрение — чисто агрономическое. Группа Б, наоборот, считает, что лесоводство коренным образом отличается от агрономии, по-

тому что оно использует местные биологические виды и управляет естественной средой вместо того, чтобы создавать искусственную. Группа Б принципиально предпочитает естественное воспроизводство. Потеря видов — например, каштана — и гибель, грозящая веймутовой сосне, беспокоят ее не только из-за экономических, но и из-за биотических последствий. Ее заботит целый ряд внутренних функций лесов: как приюта диких животных, как зон отдыха, как защитного покрова водоразделов, как охраняемых участков. На мой взгляд, группа Б испытывает угрызения экологической совести.

Аналогичный раскол существует и в отношении к диким животным. Группа А рассматривает их только с точки зрения спортивной и промысловой охоты и рыболовства. Производительность измеряется количеством добытых фазанов и форели. Искусственное разведение принимается не как временный выход из положения, а как постоянное средство, разумеется, если оно себя окупает. Группу Б, наоборот, беспокоит целый ряд побочных биотических следствий. Каким числом хищников оплачивается наличие дичи для отстрела? Надо ли нам и дальше прибегать к экзотике? Как можно с помощью регулируемого использования дичи восстановить исчезающие виды, вроде степного тетерева, который давно уже перестал быть промысловой птицей? Как можно восстановить редчайшие виды, вроде лебедя-трубача и американского журавля? Можно ли перенести эти принципы и на дикие цветы? И здесь, как в лесоводстве, мы, несомненно, сталкиваемся с тем же расколом между группами А и Б.

Я недостаточно компетентен, чтобы судить с этой точки зрения о сельском хозяйстве, но, по-видимому, и там наблюдается сходная картина. Наука о сельском хозяйстве активно развивалась задолго до рождения экологии, а потому проникновение в нее экологических идей идет медленно. Кроме того, фермер по самой природе своих методов должен изменять биоту гораздо более круто, чем лесничий или охотовед. Тем не менее и в сельском хозяйстве есть много недовольных, мечтающих о чем-то вроде «биотического земледелия».

Наиболее важны, пожалуй, новые доказательства того, что пищевую ценность урожая сельскохозяйственных культур нельзя измерять только тоннами — продукт плодородной

почвы может быть не просто количественно больше, но качественно лучше. Пусть мы, накачивая истощенную почву привозными удобрениями, количественно увеличиваем урожай, это вовсе не значит, что мы поднимаем его пищевую ценность. Если это действительно так, то следствия должны быть настолько сложными и далеко идущими, что я предпочту оставить их рассмотрение тем, чье перо способнее моего.

Экологические основы сельского хозяйства одинаково малоизвестны и широкой публике, и специалистам в других областях использования земли. Например, даже образованные люди лишь редко отдают себе отчет в том, что поразительные успехи в развитии методов сельского хозяйства за последние десятилетия представляют собой улучшение насоса, а не колодца. В целом успехи эти еле-еле уравнивают снижение плодородия.

Во всех этих расколах мы видим повторение одних и тех же парадоксов: человек-завоеватель против человека — члена биоты; наука, точащая его меч, против науки — прожектора, освещающего его вселенную; земля — рабыня и служанка против земли — коллективного организма. Призыв, с которым Робинсон обращается к Тристраму, можно в данный момент адресовать *homo sapiens*, как виду, существующему в геологическом времени:

Желаешь ли ты этого или нет,
Ты — царь, Тристрам. Ведь ты принадлежишь
К тем редким избранным, кто, уходя,
Мир оставляет не таким, как прежде.
Так взвесь, что за собой оставишь ты.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Я не представляю себе, что этическое отношение к земле может существовать без любви и уважения к ней, без благоговения перед ее ценностью. Я говорю здесь, разумеется, не об экономической ценности, а о ценности в философском смысле.

Пожалуй, наиболее серьезное препятствие на пути развития этики земли заключается в том, что наша образовательная и экономическая системы скорее уводят от подлинного понимания земли, чем способствуют ему. Сугубо современный че-

ловек отделен от земли множеством посредников и бесчисленными механическими приспособлениями. У него нет с ней связи, и он видит в ней лишь пространство между городами, производящее пищевые продукты. Оставьте его на день наедине с землей, и, если там не окажется поля для гольфа или какого-нибудь «красивого пейзажа», у него челюсти сведет от скуки. Его вполне устроит, если гидропоника заменит земледелие. Синтетические заменители дерева, кожи, шерсти и других естественных продуктов земли подходят ему больше, чем они сами. Короче говоря, земля — это то, из чего он «давно вырос».

Почти столь же серьезным препятствием этике земли остается мироощущение фермера, для которого земля — все еще противник или поработивший его суровый хозяин. Теоретически механизация сельского хозяйства должна освободить фермера от оков, но так ли это на самом деле — вопрос другой.

Для того чтобы понимать землю с позиций экологии, необходимо понимать экологию, а это отнюдь не обеспечивается «образованностью». Собственно говоря, высшее образование почти во всех областях словно бы сознательно избегает экологических понятий. И понимание экологии вовсе не обязательно дается учебными программами, снабженными экологическими ярлычками, — его с тем же успехом могли бы обеспечивать география, ботаника, агрономия, история или экономика. Но каков бы ни был ярлычок, экологическое образование — большая редкость.

Будущее этики земли выглядело бы безнадежным, если бы не существовало меньшинства, открыто восстающего против этих «современных» тенденций.

Чтобы открыть дорогу становлению этики, достаточно одного: просто перестаньте считать бережное обращение с землей чисто экономической проблемой. Рассматривая каждый вопрос, ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически. А хороша любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно.

Конечно, экономическая целесообразность ограничивает возможности того, что можно сделать или не сделать для зем-

ли. Так было и так будет всегда. Ошибка же, которую нам навязали экономические детерминисты и от которой необходимо избавиться, заключается в убеждении, будто экономика определяет любое использование земли. Это попросту неверно. Действия того, кто пользуется землей, и его отношение к ней в значительной мере определяются не его кошельком, а его вкусами и склонностями. Взаимоотношения с землей опираются главным образом на затрату времени, предусмотрительности, умения и веры, а не на вложение наличных.

Однако эволюция этики земли — процесс не только эмоциональный, но и интеллектуальный. Путь к сохранению дикой природы вымощен благими намерениями, которые на поверку оказываются невыполненными или даже опасными, потому что они лишены критического понимания либо земли, либо экономического ее использования. Само собой разумеется, что по мере того, как передовые этические взгляды из индивидуальных становятся общественными, растет и их интеллектуальное содержание.

Система воздействия та же, что и в любой этике, — общественное одобрение хороших действий, общественное порицание действий дурных.

В целом наша нынешняя проблема сводится к мировоззрению и орудиям. Мы переделываем Альгамбру с помощью экскаватора и гордимся его производительностью. От экскаватора мы вряд ли откажемся — в конце-то концов, он обладает рядом достоинств, однако для его успешного применения следует найти более тонкие и объективные критерии, чем кубометры.

Дикая природа

Дикая природа — это сырье, из которого человек выковал изделие, именуемое цивилизацией.

Дикая природа никогда не была однородным сырьем. Она крайне разнообразна, а потому разнообразны и изделия из нее. Эти различия в конечном продукте именуются культурами. Богатейшее разнообразие мировых культур отражает разнообразие породившей их дикой природы.

Впервые за всю историю рода человеческого вот-вот произойдут два кардинальных изменения. Во-первых, полное истощение дикой природы в наиболее населенных частях земного шара. Во-вторых, всемирная гибридизация культур, объясняющаяся развитием современных транспортных средств и индустриализацией. Ни тому, ни другому препятствовать невозможно, да, пожалуй, и не следует. Однако возникает вопрос, нельзя ли, кое-что смягчив, спасти некоторые ценности, которые иначе погибнут безвозвратно.

Для того, кто трудится в поте лица своего, сырье на накопительные — это противник, которого необходимо победить. Таким противником и была дикая природа для первопоселенцев.

Но для отдыхающего труженика, у которого есть минута, чтобы философски обозреть свой мир, то же сырье становится предметом любви и забот, потому что оно придает его жизни определенность и смысл.

Это — мольба о сохранении лоскутков дикой природы ради поучения тех, кто когда-нибудь захочет увидеть, почувствовать или познать истоки своего культурного наследия.

ОСТАТКИ

Дикая природа, из которой мы выковали нынешнюю Америку, во многих местах уже погибла безвозвратно. Поэтому выбранные для ее сохранения участки неизбежно должны заметно разниться в размерах и степени дикости.

Ни один человек никогда более не увидит высокотравную прерию, где море цветов било волнами по склонам первопоселенца. А нам лишь бы найти местечко там, местечко здесь, где удалось бы сохранить растения прерии как виды. Таких растений сотни, и многие удивительно красивы. Но те, кто унаследовал их владения, по большей части ничего о них не знают.

Однако низкотравная прерия, где Кабеса де Вака видел горизонт под брюхом бизона, еще сохранилась кое-где на площади около десяти тысяч акров, хотя ее и сильно пощипали овцы, рогатый скот и фермеры. Если первопоселенцы середины прошлого века заслужили увековечения на стенах за-



конодательных собраний штатов, неужели места их подвигов не достойны того, чтобы их увековечили в нескольких заповедных участках прерии?

Ни один человек больше никогда не увидит девственные сосновые боры озерных штатов, или хвойные леса береговых равнин, или гигантские лиственные леса. Тут придется довольствоваться несколькими акрами, напоминающими о былой красе и славе. Но есть еще отдельные леса кленов и тсуги площадью в тысячи акров, есть лиственные леса в Аппалачах,

есть лиственные леса на болотах юга страны, есть кипарисовые болота и адирондакские еловые боры. Редко какому из этих остатков не грозит пила, а будущие шоссе для туристов угрожают всем.

Особенно быстро дикая природа гибнет на побережьях. Летние дачи и шоссе практически уничтожили ее на берегах обоих океанов. А в настоящее время озеро Верхнее теряет последний большой участок диких берегов, еще сохранявшийся на Великих озерах. Нигде дикая природа не сплеталась так тесно с нашей историей, и нигде она так не близка к полному исчезновению.

Во всей Северной Америке к востоку от Скалистых гор есть только один большой участок, официально сохраняемый как заповедник дикой природы, — Международный парк Куэтико-Сьюпириор в Миннесоте и Онтарио. Значительная часть этого великолепного дикого края озер и рек лежит в Канаде, и общая величина его зависит от Канады, но пока его целостности угрожают два фактора: рост рыболовных курортов, обслуживаемых гидропланами, и юридический спор о том, должна ли миннесотская его часть быть национальным лесом или лесом штата. Всему району грозят энергетические сооружения, и злополучный раскол среди сторонников сохранения дикой природы может кончиться тем, что верх возьмут энергетики.

В Скалистых горах во многих национальных лесах штаты закрыли десятки участков площадью от сотни тысяч до полумиллиона акров для отелей, шоссе и других сооружений, враждебных дикой природе. Тот же принцип проводится и в национальных парках, но конкретные границы там не обозначены. Взятые вместе, эти федеральные участки представляют собой основу программы сохранения дикой природы, но положение их вовсе не так надежно, как выглядит на бумаге. Местные власти, заинтересованные в постройке шоссе для туристов, отщипывают кусочек там, отрезают лоскутик здесь. Не прекращаются требования постройки дорог для борьбы с лесными пожарами, но эти дороги постепенно открываются и для общего пользования. А опустевшие лагеря Гражданского корпуса так и соблазняют проводить новые и часто ненужные дороги. Нехватка лесоматериалов послужила поводом протя-

нуть дороги дальше — и законно, и незаконно. В настоящее время во многих горных районах, прежде отведенных под охраняемые территории, строятся отели и канатные дороги для лыжников.

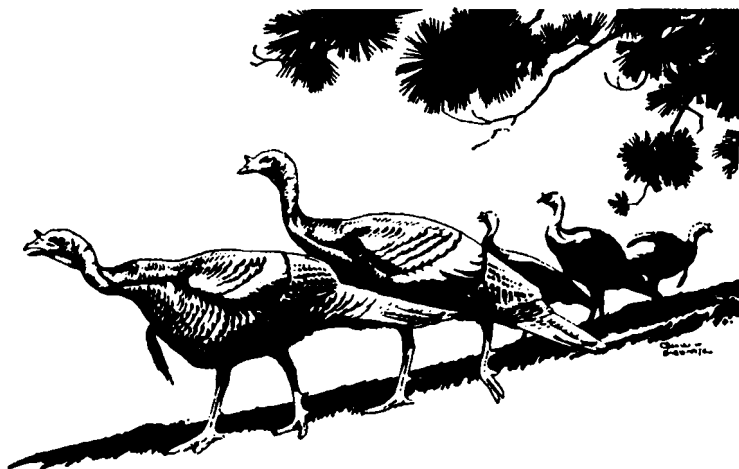
Одно из самых коварных вторжений в дикую природу осуществляется через контроль над хищниками. Происходит это следующим образом: ради сохранения крупной дичи определенные участки дикой местности очищаются от волков и пум. В результате численность оленей и лосей возрастает настолько, что им грозит бескормица. Для отстрела излишков приходится привлекать охотников. Однако нынешние охотники не желают расставаться со своими автомобилями, и приходится строить шоссе, открывающее доступ к крупной дичи. В результате этого процесса районы дикой природы все больше дробятся, и никто не кладет ему конец.

В Скалистых горах нетронутые участки дикой природы включают широкий спектр лесов — от можжевельников по ущельям юго-запада страны до «бескрайних лесов, где катит воды Орегон». Однако пустынные участки там нигде не охраняются — вероятно, потому, что подростковая эстетика ограничивает понятие «красивого пейзажа» озерами и сосновыми борами.

В Канаде и на Аляске пока еще сохраняются широкие пространства девственной природы,

где люди безымянные блуждают
у безымянных рек,
в неведомых лесах неведомую смерть
встречая одиноко.

Можно и нужно сохранить эту систему заповедных территорий, тем более что экономическая ценность большинства их очень мала или равна нулю. Существует, конечно, возражение, что для этого не нужно принимать никаких мер: значительные территории, мол, сохраняются сами собой. Но история последнего времени опровергает столь утешительное самовнушение. Если даже дикое приволье кое-где и сохранится, можно ли сказать то же о его обитателях? Лесные карибу, несколько рас снежного барана, лесные бизоны, гризли, пресноводная кольчатая нерпа, киты — всем им грозит близкое и полное исчезно-



вание. А что толку от участков дикой природы без их своеобразной фауны? Уже сейчас различные организации и группы освоения ведут активную индустриализацию арктических пустынь, и намечаются еще более широкие планы. Дикая природа Дальнего Севера пока еще лишена официальной защиты и несет все больший и больший ущерб.

В какой мере Канада и Аляска сумеют распознать и сбереечь свои возможности, покажет будущее. Первопоселенцы обычно жаждут только цивилизации.

ДИКАЯ ПРИРОДА ДЛЯ ОТДЫХА И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

На протяжении бесчисленных веков физическая борьба за средства существования обуславливалась экономическим фактором. Когда она отошла в прошлое, здоровый инстинкт помог нам сохранить ее идею в форме различных спортивных состязаний и игр.

Физическая борьба между людьми и зверями также обуславливалась экономическим фактором, а теперь она сохраняется как спортивная охота и рыболовство.

Заповедные участки дикой природы в первую очередь позволяют нам хотя бы в виде спорта поддерживать в дейст-

вии тот комплекс мужественных приемов, благодаря которым человек мог странствовать и существовать в не тронутой цивилизацией глуши.

Хотя в частности эти приемы были приспособлены к американским условиям, они остаются общечеловеческими — будь то охота, рыбная ловля или пешие походы с рюкзаком. Однако путешествия на каноэ или с вьючной лошастью по горам были исконно американскими, как гикори; им подражали и в других странах, но полного развития они достигли лишь на нашем континенте. Однако они быстро сходят на нет. У индейца Гудзонова залива есть теперь «тука-тука-тука», а у горца — «форд». Если бы мне приходилось добывать хлеб насущный с помощью каноэ или вьючной лошади, я последовал бы их примеру, так как это очень тяжелый труд. Но мы, отправляющиеся путешествовать по дикой глуши ради удовольствия, оказываемся в глупом положении, когда нас вынуждают конкурировать с механизированными суррогатами. Как-то нелепо тащить каноэ волоком под аккомпанемент проносящихся мимо моторок или пустить кобылу пастись на привале под окнами отеля. Лучше уж остаться дома.

Участки дикой природы — это и возможность сохранить искусство путешествий в его первозданном виде, особенно с помощью каноэ или вьючных лошадей.

Вероятно, кто-нибудь возразит, что вряд ли так уж важно сохранять это первобытное искусство. Не стану спорить. Либо оно у вас в крови, либо вы очень-очень стары.

Европейские спортивные охотники и рыболовы уже лишены того, что у нас можно было бы спасти, сохраняя участки дикой природы. Европейцы не разбивают лагеря, не стряпают и не обслуживают себя в лесу, если могут этого избежать. Черная работа остается на долю загонщиков и прислуги, так что охота больше напоминает пикник, чем разведку первозданной глуши. Состязание в сноровке ограничивается главным образом непосредственной добычей дичи или рыбы.

Есть люди, осуждающие подобное использование дикой природы, как «недемократичное», поскольку такие уголки могут безболезненно обслужить заметно меньше людей, чем поле для гольфа или туристический комплекс. Этот аргумент принципиально ошибочен, так как он прилагает философию

массового производства к тому, что предназначено быть противоядием против массового производства. Ценность отдыха и развлечений измеряется не в цифрах. Она пропорциональна полноте переживания, а также степени, в какой они отличаются от обычной жизненной рутины и контрастируют с ней. По этим критериям механизированные выезды на природу в лучшем случае — манная кашка.

Механизированный отдых уже завладел девятью десятиями всех лесов и гор, а потому элементарное уважение к меньшинству требует, чтобы оставшаяся одна десятая была отдана дикой природе.

ДИКАЯ ПРИРОДА ДЛЯ НАУКИ

Наиболее важное свойство организма — это способность к внутреннему самообновлению, которую мы называем здоровьем.

Есть два организма, процессы самообновления которых подверглись человеческому вмешательству и контролю. Во-первых, сам человек (медицина и здравоохранение); во-вторых, земля (сельское хозяйство и охрана природы).

Попытки контролировать здоровье земли оказались не слишком удачными. Теперь уже общеизвестно: если почва утрачивает плодородие или смывается быстрее, чем образуется, если уровень воды в реках то необычно повышается, то падает, значит, земля больна.

Известны и другие нарушения, но в них пока еще не распознали симптомов недуга земли. Исчезновение без видимой причины одних видов растений или животных вопреки всем усилиям сохранить их, стремительное вредоносное распространение других вопреки всем усилиям сдержать их должны, пока не найдено иного объяснения, рассматриваться как симптомы болезни, поразившей организм земли. Оба эти явления наблюдаются настолько часто, что их нельзя считать нормальным ходом эволюции.

Наше отношение к таким недугам земли воплощается в том факте, что мы все еще пытаемся лечить их локально — и только. Так, когда почва теряет плодородие, мы не жалеем

удобрений или в лучшем случае меняем ее окультуренную флору и фауну, забывая, что дикая флора и фауна, создававшие эту почву, возможно, необходимы ей и теперь. Например, недавно было установлено, что по какой-то неизвестной причине хороший урожай табака можно получить, если почву подготовит дикая амброзия. Нам не приходит в голову, что цепи столь же неожиданных зависимостей могут быть распространены в природе очень широко.

Когда луговые собачки, суслики и бурундуки вдруг начинают бурно размножаться, превращаясь в серьезных вредителей, мы травим их ядами, но не ищем причины такого взрыва, бессознательно считая, что во всех неприятностях, приносимых животными, повинны животные же. Последние научные открытия указывают, что подобные взрывы размножения, возможно, связаны с нарушением растительных сообществ, но исследования в этом направлении почти не ведутся.

Во многих лесных посадках деревья теперь заметно тоньше тех, которые росли на той же почве прежде. Почему? Вдумчивые лесоводы понимают, что причина, возможно, заключена не в деревьях, но в микрофлоре почвы и что для ее восстановления потребуется гораздо больше лет, чем понадобилось, чтобы ее уничтожить.

Методы лечения болезней земли нередко остаются чисто симптоматическими. Дамбы для борьбы с паводками не имеют никакого отношения к причинам паводков. Подпорные стенки и террасы не воздействуют на причины эрозии. Заказники и рыбоводческие хозяйства, которые должны обеспечивать достаточное количество дичи и рыбы, не объясняют, почему это количество приходится обеспечивать мерами извне.

Короче говоря, имеющиеся данные указывают, что болезни земли, как и болезни человека, могут поражать один орган, но проявляться в функциях другого. То, что мы сейчас называем методами охраны природы, в основном представляет собой локальное облегчение страданий биоты. Они необходимы, но их не следует считать лечением. Искусство врачевания земли практикуется с большим усердием, но наука о здоровье земли еще не родилась.

Для этой науки в первую очередь необходимы сведения о норме, то есть точное представление о здоровой земле, существующей как единый организм.

У нас есть два образчика нормы. Такой, когда физиология земли остается в целом нормальной, несмотря на долговременное человеческое обитание. Мне известно лишь единственное подобное место — Северо-Восточная Европа. И конечно, нам следует учесть этот пример.

Второй образчик нормы, и нормы идеальной, — это дикая природа. Палеонтология дает нам множество свидетельств того, что дикая природа поддерживала себя на протяжении колоссальных периодов, что составляющие ее виды редко утрачивались и не выходили из-под контроля, что климат и вода создавали почву столь же быстро, как она уносилась прочь, а возможно, и быстрее. Следовательно, уголки первозданной природы неожиданно приобретают особую важность в качестве лаборатории для изучения здоровья земли.

Нельзя изучать физиологию Монтаны на берегах Амазонки. Каждая биотическая область для сравнительного изучения использовавшейся и неиспользовавшейся земли требует своей дикой природы. Разумеется, сейчас для изучения дикой природы удастся спасти лишь довольно одностороннюю систему участков, причем большинство из них настолько малы, что не могли остаться нормальными во всех отношениях. Даже национальные парки, площадью до миллиона акров каждый, все же не настолько велики, чтобы сохранить исконных хищников и избежать болезней, которые разносит домашний скот. Йеллоустон потерял своих волков и пум, и теперь вапити губят его флору, особенно на зимних пастбищах. Падает численность гризли и снежных баранов — этих последних косят эпизоотии.

Таким образом, даже крупнейшие участки дикой природы терпят невозместимый ущерб. Однако Д. Э. Уиверу хватило нескольких нетронутых акров, чтобы установить, почему исконная флора прерий была более устойчива к засухам, чем вытеснившие ее сельскохозяйственные культуры. Уивер обнаружил, что растения прерий распределяют свою корневую систему по всем уровням почвы, тогда как виды, входящие в севооборот, истощают один уровень, не затрагивая остальных, и таким образом вызывают нарастающее оскудение. Так исследования Уивера выявили важный агрономический принцип.

Тогда же тоже потребовалось лишь несколько акров, чтобы выяснить, почему сосны на бывших пашнях никогда не достигают мощи и ветроустойчивости сосен, растущих на нерасчищенных лесных почвах. Корни последних используют прежние корневые каналы и в результате проникают глубже.

Нередко мы в буквальном смысле слова не знаем, чего следует ждать от здоровой земли, если у нас нет нетронутых участков, чтобы сравнить их с больными. Так, первые путешественники чаще всего описывают горные реки юго-западной части страны как совершенно прозрачные, однако считать это неопровержимым свидетельством нельзя — ведь они могли наблюдать их в особо благоприятное время года. Специалисты по борьбе с эрозией не имели исходных данных, пока не выяснилось, что точно такие же реки в горах Сьерра-Мадре в Чиуауа, которые из-за страха перед индейцами никогда не использовали и по берегам которых не пасли скот, в наихудшие периоды приобретают лишь слегка молочный оттенок и достаточно прозрачны, чтобы форель брала на мушку. Их берега поросли мхом до самой воды, тогда как берега большинства аналогичных рек в Аризоне и Нью-Мексико каменисты, лишены мха, лишены почвы и почти лишены деревьев. Создание международной экспериментальной лаборатории для сохранения и изучения дикой природы Сьерра-Мадре, чтобы помочь лечению больной земли по обе стороны границы, было бы добрососедским начинанием, о котором следует подумать.

Короче говоря, еще сохранившиеся участки дикой природы, и большие и маленькие, очень ценны, как контрольная норма для науки о земле. Отдых и развлечения — это не единственная и даже не главная польза, которую они могут принести.

ДИКАЯ ПРИРОДА ДЛЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ

Национальные парки бессильны сохранить крупных хищников, о чем свидетельствует критическое положение гризли и тот факт, что эти парки уже лишились волков. Не спасают они и снежных баранов, численность которых почти повсеместно сокращается.

Причины этого в одних случаях ясны, в других — нет. Парки, несомненно, слишком малы для таких видов, как волки с их огромными охотничьими территориями. А многие виды по неизвестным причинам начинают хиреть, если популяция оказывается разделенной на отдельные изолированные группы.

Когда я впервые попал на Запад в 1909 году, там во всех горных массивах водились гризли, но можно было путешествовать месяцами, не встретив никого из службы охраны дикой природы. Теперь там «за каждым кустом» можно наткнуться на какое-нибудь официальное лицо, оберегающее дикую природу, но от этого выигрывают бюро охраны природы, а самое великолепное из наших крупных млекопитающих непрерывно отступает к канадской границе. Из 6 тысяч гризли, которые, по официальным сведениям, еще сохраняются в пределах Соединенных Штатов Америки, 5 тысяч обитают на Аляске. Ими могут похвастать всего пять штатов. И ни у кого словно бы нет сомнений, будто вполне достаточно, если гризли сохраняются в Канаде и на Аляске. Но мне этого не достаточно. Аляскинские медведи — особый подвид. И довольствоваться гризли на Аляске — все равно что довольствоваться счастьем, обещанным в раю. Ведь туда можно и не попасть!

Для спасения гризли требуется несколько больших территорий без шоссе и домашнего скота или таких, где ущерб, наносимый скоту, компенсировался бы. Создать такие территории можно только скупая скотоводческие ранчо, однако бюро охраны природы, хотя они и располагают полномочиями скупать или обменивать земельные участки, в этом отношении не сделали буквально ничего. Служба леса создала резерват гризли в Монтане, но она же поощряет овцеводство в горном резервате в Юте, хотя именно там обитают последние гризли этого штата.

Неприкосновенные резерваты для гризли и неприкосновенные участки дикой природы — это, разумеется, разные обозначения одной и той же проблемы. Борьба за них требует широкого взгляда на вопросы сохранения природы и исторической перспективы. Лишь те, кто способен видеть праздничное шествие эволюции, могут оценить ее театр — дикую природу и выдающееся ее творение — гризли. Но если образова-

ние — это действительно просвещение, то все больше и больше будет возрастать число людей, понимающих, что остатки былого Запада сообщают особый смысл и ценность современному. Еще нерожденная молодежь будет подниматься вверх по Миссури с Льюисом и Кларком или взбираться к вершинам Сьерры вместе с Джеймсом Кейпеном Адамсом, и каждое поколение будет по очереди спрашивать: «Где же большой белый медведь, описанный этими путешественниками?» И каким жалким и стыдным будет ответ, что он исчез, пока ревнители природы смотрели в другую сторону!

ЗАЩИТНИКИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Дикая природа — это ресурс, который истощается, но не восстанавливается. Можно прекратить вторжение в нее или ограничить использование данного участка, предоставив его либо для отдыха и развлечений, либо для науки, либо для диких животных, но создать заново нетронутую глушь в полном смысле этого слова невозможно.

Отсюда следует, что любая программа охраны или восстановления дикой природы — это арьергардный бой в попытке свести потери при отступлении до минимума. Общество защиты дикой природы было организовано в 1935 году «с единственной целью — спасти остатки необжитой глуши в Америке». Сьерра-Клуб трудится ради того же.

Однако горстка таких обществ ничего не решает, как недостаточно и того, что конгресс принял закон о сохранении дикой природы. Если у добровольных обществ не будет единомышленников в каждом бюро охраны природы, они не смогут вовремя узнавать о новых в нее вторжениях. И необходимо, чтобы отряд активных любителей природы нес бдительную охрану по всей стране, оставаясь в постоянной готовности для решительных действий.

В Европе, где дикая природа отступила в Карпаты и в Сибирь, все мыслящие сторонники ее сохранения оплакивают эту потерю. Даже в Англии, где сберегать нетронутые уголки еще труднее, чем в других цивилизованных странах, началось

энергичное, хотя и запоздалое движение, чтобы спасти последние небольшие участки полудикой земли.

Способность видеть культурную ценность дикой природы в конечном счете сводится к интеллектуальной скромности. Поверхностный суперсовременный человек, полностью утративший связь с землей, считает, будто он точно знает, что важно, а что нет. Только истинный ученый понимает, что нетронутая дикая природа придает определенность и смысл человеческой деятельности.

Эстетика сохранения природы

Если не считать любви и войны, мало найдется занятий, которым с таким самозабвением предавались бы настолько разные люди, подчиняясь столь парадоксальной смеси алчных желаний и альтруизма, как занятия, связанные с отдыхом на лоне природы. Людям полезно общаться с природой — это ни у кого не вызывает возражений. Но в чем заключается польза и как можно обеспечить наилучшее ее достижение? Ответы на эти вопросы весьма противоречивы, и от сомнений свободны лишь самые неkritичные умы.

Отдых на лоне природы превратился в проблему в начале века, когда железные дороги, изгнавшие эту природу из городов, начали массами доставлять горожан на ее лоно. Вскоре стало ясно, что чем больше желающих приобщиться к ней, тем меньше приходящийся на душу рацион безмятежного покоя, безлюдья, диких животных и красивых пейзажей.

Автомобиль распространил это прежде не слишком опасное и местное явление повсюду, где есть сносные шоссе, — и глушь лишилась того, чем была богата еще недавно. А это толкает на новые поиски. По пятницам из каждого города во все стороны уносятся орды отдыхающих. Туристическая промышленность гарантирует постель и стол, чтобы новые орды устремлялись все быстрее и все дальше. Рекламы на скалах и над ручьями объясняют всем и каждому, где найти новые уединенные уголки, пейзажи, охотничьи угодья и рыбные озера взамен тех, которые уже заполонила толпа отдыхающих. Бюро строят дороги через новую нетронутую глушь, а затем скупают

новые участки глуши, так как новые дороги означают новое нашествие. Промышленность выпускает все новые и новые приспособления, спасающие от шишек при соприкосновении с неприрученной природой, и жизнь в дикой глуши превращается в игру. И вот теперь венец всех приспособлений — прицепной домик! Для человека, ищущего в лесах и в горах только то, что дают путешествия с удобствами и гольф, нынешнее положение вещей более чем сносно. Но для тех, кому нужно другое, отдых оборачивается мучительным процессом поисков недостижимого, тягостным обманом механизированного общества.

Отступление дикой природы под натиском механизированных туристов — отнюдь не местное явление. Гудзонов залив, Аляска, Мексика, Южная Африка уже рушатся. Очередь за Южной Америкой. *Homo sapiens* больше не ухаживает за своим вертоградом под своей смоковницей, он залил в бензобак неумное стремление бесчисленных существ, которые на протяжении бесчисленных веков жаждали добраться до новых угодий. Он и ему подобные кишат на континентах как муравьи.

Таков новейший образец «отдыха на лоне природы».

А кто отдыхающий и чего он ищет? Достаточно нескольких примеров.

Во-первых, взгляните на любое утиное болото. Вокруг него бампер в бампер стоит застава из автомашин. На каждой кочке в прибрежном тростнике какой-нибудь столп общества держит палец на спусковом крючке автоматического ружья, готовый нарушить любые законы общества и общественного блага, лишь бы убить утку. Тот факт, что он уже перекормлен, нисколько не умеряет его жадного желания вырвать кус мяса и у природы.

В соседнем лесу прогуливается другой столп общества, высматривая редкие папоротники или новых певчих птиц. Его род охоты не часто толкает на кражи и грабеж, и потому он презирает убийцу уток. Но в юности и он почти наверное грешил тем же.

На курорте поблизости отдыхает еще один любитель природы — из тех, кто пишет на коре деревьев скверные вирши. И повсюду — неспециализированный автомобилист, для ко-

того отдыхать значит накручивать мили: за лето он объехал все национальные парки, а теперь поворачивает на юг и мчится в Мехико.

И наконец, профессионал, который тшится с помощью бесчисленных организаций по охране природы дать ее любителям то, чего они хотят, или заставить их хотеть, что он может им дать.

Почему же столь разнообразные типы объединяются в одну категорию? А потому, что каждый из них по-своему охотник. Но почему каждый называет себя сторонником охраны природы? А потому, что дикие создания, на которых он охотится, ускользнули от него, и он надеется с помощью некромантии законов, субсидий, региональных планов, реорганизации департаментов или иных форм массовых благих пожеланий заставить их вернуться.

Отдых принято рассматривать как экономический ресурс. Сенатские комиссии благоговейно сообщают нам, сколько миллионов тратят люди, гоняясь за ним. И экономической стороны отрицать никак нельзя — дачка на рыбном озере или даже кочка на утином болоте могут стоить столько же, сколько вся соседняя ферма.

Существует и этическая сторона. В толчее схватки за нетронутые места вырабатываются свои кодексы и заповеди. Нам толкуют о том, «как вести себя на природе». Мы прививаем какие-то взгляды молодежи. Мы печатаем определение «Что такое истинный любитель спортивного отдыха?» и vessаем экземпляр на стенке всякого, кто готов заплатить доллар за распространение веры.

Тем не менее ясно, что такие экономические и этические проявления — лишь следствия мотивации, а не породившие ее причины. Мы ищем соприкосновения с природой, потому что оно доставляет нам удовольствие. Как в опере, экономические механизмы используются для того, чтобы создавать и поддерживать необходимые условия. Как в опере, профессионалы зарабатывают на жизнь, создавая и поддерживая их, но было бы неверно утверждать, будто сама причина существования оперы носит экономический характер. Охотник на уток в укрытии и оперный певец на сцене, несмотря на различия в экипировке, делают одно и то же. Каждый играет, воскрешая

драму из реальной жизни прошлого. В конечном счете оба предаются эстетическим упражнениям.

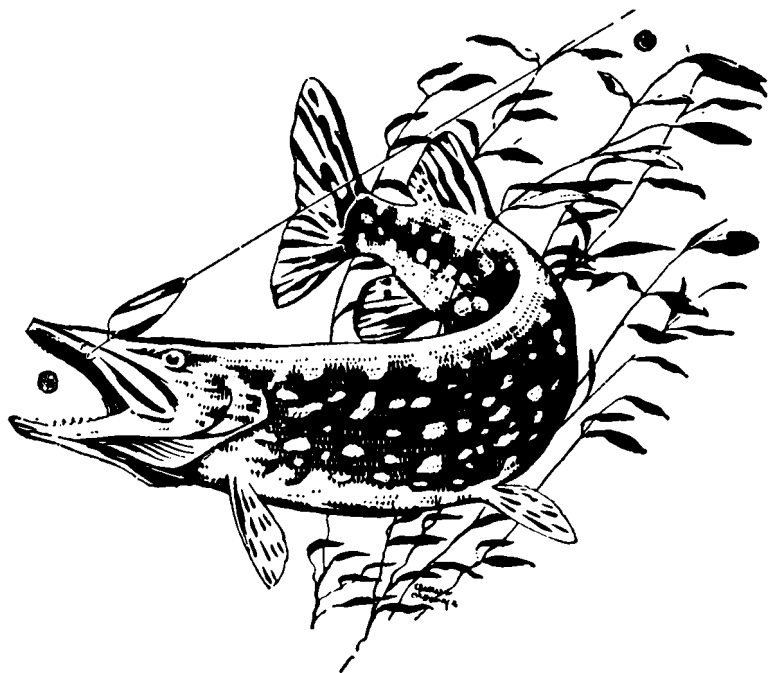
Отношение общества к отдыху на природе весьма противоречиво. Равно серьезные люди придерживаются прямо противоположных взглядов на то, в чем он заключается и что следует предпринять для сохранения возможности такого отдыха. Так, общество защиты дикой природы добивается запрещения проводить шоссе в лесной глуши, а торговая палата стремится их строить — причем и то и другое делается во имя отдыха на природе. Егерь убивает ястребов, чтобы уберечь от них дичь, любитель птиц защищает их — один ради охоты с дробовиком, другой ради охоты с биноклем. Подобные противники не жалеют друг для друга кратких и выразительных эпитетов, но в действительности каждый заботится о каком-то компоненте одного процесса — процесса отдыха. Только эти компоненты заметно отличаются по своему характеру и свойствам. Каждая данная программа может способствовать одному и вредить другому.

По-видимому, пора разделить эти компоненты и рассмотреть свойства каждого в отдельности.

Начнем с самого простого и очевидного — с того, что любитель отдыха на природе может искать, находить, добывать и увозить с собой. В эту категорию входят непосредственно добыча, вроде дичи или рыбы, и еще символы, знаки победы, такие, как головы, шкуры, фотографии и коллекции.

Все это охватывается идеей трофея. Удовольствие от такой добычи заключается (или должно заключаться) не только в обретении, но и в поисках. Трофей — будь то птичье яйцо, крупная форель, корзина грибов, фотография медведя, засушенный цветок или записка, засунутая в расселину горного пика, — это свидетельство. Оно подтверждает, что его владелец побывал там-то и сделал то-то, что он проявил сноровку, настойчивость или сообразительность в вековой задаче взять верх, перехитрить или завладеть. Эти ассоциации, связанные с трофеем, обычно намного превосходят его материальную ценность.

Однако массовая погоня за трофеями влияет на их притягательность по-разному. Количество дичи и рыбы с помощью искусственного разведения и охраны можно увеличить в та-



кой степени, что на каждого охотника ее придется больше или же больше охотников получают прежнее количество. В последнее десятилетие появилась новая профессия — охотовед. Десятки университетов преподают методы ведения охотничьего хозяйства, ведут научные исследования, чтобы получать дичи «больше и лучше». Однако такое ускоренное повышение «урожайности» подчинено закону снижения возвратных поступлений. Слишком интенсивное управление дичью или рыбой снижает ценность каждого отдельного трофея, делая его в какой-то мере искусственным.

Взять, например, форель, выращенную в садке и только что выпущенную в обезрыбленный ручей. Естественным образом форель в этом ручье размножаться не может. Его воды либо загрязнены промышленными отходами, либо перегреты и мутны, потому что лес по берегам сведен и они истоптаны скотом. Разве можно считать, что эта форель ни в чем не уступает рыбе, которую вы поймали в ее родном чистом ручье в

Скалистых горах? Эстетические ассоциации такой форели заметно беднее, пусть даже ее поимка требовала большой сноровки. (По утверждению одного специалиста, печень вскормленной в садке форели настолько испорчена, что обрекает ее на преждевременную смерть.) Тем не менее несколько обезрыбленных штатов теперь почти полностью рассчитывают на эту возрожденную человеком форель.

Искусственность бывает разная, но с ростом массовости методы сохранения дикой природы начинают все больше опираться именно на искусственность, и ценность трофеев снижается.

Ради безопасности этой дорогой, искусственной и весьма беспомощной форели комиссия по охране природы считает себя вправе уничтожать всех цапель и крачек, навешающих садок, где ее выращивают, и всех крохалей и всех выдр, обитающих у ручья, куда ее выпускают. Рыболова, быть может, и не огорчает, что одни дикие создания приносятся в жертву ради других, но орнитолог готов от злости грызть не только собственные ногти, но и чужие глотки. По сути, искусственное зарыбление ставит рыболовство в привилегированное положение за счет других и, может быть, более высоких форм активного отдыха. Оно выплачивает дивиденды одному любителю, хотя акции принадлежат всем. Такого же рода биологические махинации практикуются и в охотничьих хозяйствах. В Европе, где статистические данные об упорядоченной охоте охватывают длительные сроки, известен даже «курс обмена» дичи на хищников. Так, в Саксонии на каждые семь добытых промысловых птиц отстреливается один ястреб и один какой-нибудь хищник на каждые три головы мелкой дичи.

Искусственное разведение дичи, как правило, наносит ущерб растительности — например, олени портят леса. Это наблюдалось на северо-востоке Пенсильвании, на плато Кайбаб и в десятках других областей, судьба которых не получила столь громкой огласки. В каждом случае размножившиеся олени, которым уже не грозили их естественные враги, полностью уничтожали свои обычные кормовые растения. Бук, клен, тис в Европе, канадский тис и восточная туя в восточных штатах США, желтая береза и армерия на Западе — все это олений корм, который грозят уничтожить искусственно



разводимые олени. Состав лесной флоры, начиная от цветов и кончая деревьями, постепенно беднеет, и олени, в свою очередь, хиреют от недоедания. В современных лесах уже нет великанов, рога которых украшали стены феодальных замков.

Расти деревьям на английских вересковых пустошах мешают кролики, чьи естественные враги истребляются, поскольку они угрожают также фазанам и куропаткам. На десятках тропических островов и флора и фауна были уничтожены козами, которых ввозили туда ради мяса и как дичь для спортивной охоты. Невозможно представить себе ущерб, который причиняют друг другу млекопитающие, лишенные естественных врагов, и бывшие пастбища, лишенные исконных кормовых растений. Сельскохозяйственные культуры, оказавшиеся между этими двумя жерновами экономических просчетов, удастся спасти только с помощью бесконечных компенсаций и колючей проволоки.

Итак, обобщая, можно сказать, что массовое использование дикой природы снижает качество таких трофеев, как дичь и рыба, а также вредит другим ресурсам — например, промысловым животным, исконной растительности и сельскохозяйственным культурам.

Добывание «косвенных» трофеев, вроде фотографий, не сопряжено со снижением качества и причинением вреда. Красивый пейзаж, ежедневно запечатляемый десятком туристских фотокамер, в общем никакого физического ущерба от этого не несет, как не пострадает он, даже если его шелкнут сотни раз. Производство фотоаппаратов принадлежит к немногим безобидным отраслям промышленности, паразитирующим на дикой природе.

Таким образом, воздействие массового использования может быть столь же принципиально различным, как и две категории объектов, которые добываются в качестве трофеев.

Теперь рассмотрим еще один компонент активного отдыха, более тонкий и сложный, — ощущение уединенности среди природы. О том, что оно приобретает ценность дефицита, весьма высокую для некоторых людей, свидетельствует спор, ведущийся из-за дикой природы. Неожитую глушь официально определяет бездорожье, и шоссе проводится только до ее границ. А потому участки такой глуши рекламируются как нечто уникальное, и они действительно уникальны. Но вскоре все тропы уже забиты, растут требования установить воздушное сообщение, а может быть, неожиданный пожар заставляет рассечь участок пополам дорогой для подъезда пожарных. Или же из-за наплыва туристов, вызванного рекламой, проводники и владельцы выючных лошадей взвинчивают цены, после чего кто-то приходит к выводу, что сохранение первозданной глуши недемократично. Или же местная торговая палата, вначале не освоившаяся с такой новинкой, как лесная глушь с официальным ярлычком «дикая», распробует вкус туристских денег и возжелает их побольше. Тут уж ей будет не до глуши. Джип и самолет — порождения все нарастающего напора людской массы — положат конец всякой надежде на уединенность среди природы.

Короче говоря, именно редкость дикой глуши в сочетании с рекламой и предприимчивостью сводит на нет все усилия помешать ей стать еще большей редкостью.

И без дальнейших объяснений ясно, что массовое использование кладет конец уединенности, и, когда мы говорим о шоссе, туристических лагерях, тропах и санитарных удобствах как о «развитии» возможностей для отдыха, мы лжем, ес-

ли имеем в виду этот компонент. Подобные удобства для толпы ничего не развивают — в том смысле, что они ничего не добавляют и не создают. Наоборот, все это вода, которую льют и в без того уже жидкий суп.

Теперь сопоставим с компонентом уединенности другой компонент, очень простой и четкий, который назовем «чистым воздухом и переменной обстановки». Массовое использование не уничтожает и не снижает его ценности. Тысячный турист, звякающий калиткой национального парка, вдыхает примерно тот же воздух, что и первый. Как и первый, он оказывается в мире, несколько не похожем на привычный мир контор. Пожалуй даже, столь дружное вторжение в мир природы усиливает контраст. Следовательно, можно сказать, что компонент свежего воздуха и перемены обстановки, как и фотографическая охота за трофеями, без ущерба выдерживает массовое использование.

Но перейдем к следующему компоненту — восприятию естественных процессов, благодаря которым земля и все живое на ней обрели свои особые формы (эволюция), а также поддерживают свое существование (экология). Так называемое наблюдение природы вопреки мурашкам, которые тут же начинают ползать по спинам избранных, представляет собой первые робкие попытки массового сознания обрести такое восприятие.

Главное свойство восприятия заключается в том, что оно не сопряжено ни с потреблением, ни со снижением ценности каких бы то ни было ресурсов. Стремительное падение сокола на добычу, например, один человек воспринимает как драму эволюции, а другой видит в нем просто угрозу своему ужину. Драма может снова и снова волновать еще тысячи зрителей, а угроза взволнует одного-единственного, потому что он тут же схватится за дробовик.

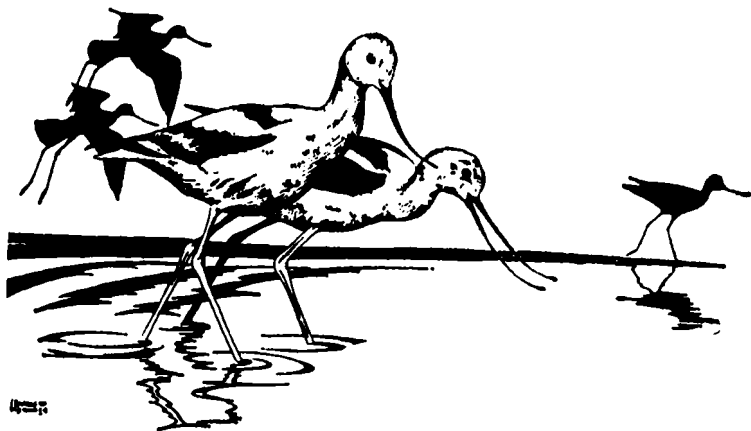
Развитие восприятия — вот единственная истинно творческая сторона обеспечения отдыха на природе.

Этот факт очень важен, а его потенциальные возможности для улучшения «хорошей жизни» пока еще мало кому ясны. Когда Дэниел Бун впервые вступил в леса и прерии «темной, напоенной кровью земли», он превратил в свою собственность чистейшую суть американской природы. Сам он

таких слов не употреблял, но он обрел то, что теперь ищем мы, а дело ведь в явлении, а не в его наименовании.

Отдых, однако, — это не сама природа, а наша реакция на нее. Реакция Дэниела Буна зависела не только от свойств того, что он видел, но и от свойств мысленного взора, каким он это видел. Экологическая наука изменила свойства мысленного взора. Она открыла происхождение и функции того, что Бун воспринимал только как факты. Она открыла механизмы того, что Бун воспринимал только как свойства. У нас нет мерки для такого изменения, но можно твердо сказать, что по сравнению с современным экологом Бун видел только внешность вещей. Невероятная сложность сообщества растений и животных, врожденная красота организма, называемого Америкой, которая была тогда в полном цвету своей юности, оставалась для Буна столь же невидимой и непонятной, как для нынешнего преуспевающего дельца. По-настоящему развивать американские ресурсы для активного отдыха на лоне природы — значит развивать у американцев восприятие. А все остальные действия, которые мы именуем развитием активного отдыха на лоне природы, в лучшем случае сводятся к попыткам замедлить или замаскировать процесс снижения ценности.

Однако не нужно торопиться с выводом, будто преуспевающий делец должен получить университетский диплом, чтобы научиться «видеть» свою страну. Наоборот, дипломированный биолог может относиться к таинствам, с которыми он соприкасается, столь же равнодушно, как гробовщик. Подобно всем истинным сокровищам духа, восприятие может раздробиться на мельчайшие частицы, не став ни на йоту хуже. Бурьян на городском пустыре учит тому же, что и дремучий лес. Фермер может увидеть на своем пастбище то, в чем будет отказано ученому, странствующему по Южным морям. Коротче говоря, восприятие нельзя купить ни за ученый диплом, ни за доллары. Оно развивается дома точно так же, как за границей, и тот, у кого возможности невелики, может распорядиться ими несколько не хуже того, чьи возможности больше. Для восприятия природы вакханалия активного отдыха и бессмысленна и не нужна.



И наконец, пятый компонент — ощущение деятельного соприкосновения с землей. Оно незнакомо тем, кто лишь голосует за сохранение природы, но не способствует ему трудами своих рук. Оно возникает, только когда человек, наделенный восприятием, применяет свое умение для блага земли. Другими словами, оно доступно только землевладельцам, слишком бедным, чтобы покупать себе отдых на лоне природы, а также заботящимся о земле профессионалам с острым зрением и экологическим мышлением. Турист, покупающий доступ к красотам природы, ничего подобного не знает, как и охотник, нанимающий себе в егеря государство или какого-нибудь профессионала. Государство, которое заменяет частное управление землей, предназначенной для активного отдыха, управлением общественным, отдает, само того не зная, своим служащим львиную долю того, что предназначалось для всех его граждан. Мы, лесничие и охотоведы, по логике вещей должны были бы сами платить, а не получать плату за вмененное нам в обязанность деятельное соприкосновение с дикой природой.

В сельском хозяйстве до некоторой степени признается, что ощущение деятельного соприкосновения с землей в процессе выращивания урожая может быть не менее важным, чем сам урожай. Сказать то же об охране природы никак нельзя. Американские охотники-спортсмены без всякого ува-

жения относятся к интенсивному разведению дичи на шотландских вересковых пустошах и в центральноевропейских лесах. И в чем-то они правы. Однако они совершенно не принимают во внимание ощущение деятельного соприкосновения с природой, которое европейский землевладелец получает, разводя дичь. Этого у нас пока нет, а это очень важно. Когда мы соблазняем фермера субсидиями, чтобы он посадил лес или развел дичь, мы тем самым признаем, что радости деятельного соприкосновения с дикой природой еще не известны ни фермеру, ни нам самим.

В науке существует формула: онтогенез повторяет филогенез. Другими словами, развитие каждого индивида повторяет эволюционную историю всего рода человеческого. Это верно в отношении не только физического, но и духовного развития. Охотник за трофеями — это возродившийся пещерный человек. Охота за трофеями — это прерогатива юности, как родовой, так и личной, и не требует оправданий.

Тревогу внушает тот современный охотник за трофеями, который так и не взрослеет, у которого потребность в уединенности, восприятию или деятельном соприкосновении с природой так и не развилась, а может быть, утратилась. Это моторизованный муравей. Вместе с себе подобными он кишит на континентах, не научившись видеть собственный задний двор, и потребляет дары природы, ничего не создавая взамен. Это ради него организаторы активного отдыха обесценивают глушь и готовят искусственные трофеи в глубоком заблуждении, будто этим они оказывают услугу обществу.

Любитель трофеев из-за определенных своих особенностей рубит сук, на котором сидит. Чтобы получать радость, он должен владеть, вторгаться, хватать. А потому нетронутая глушь, которую он сам увидеть не может, не имеет для него никакой ценности. Отсюда возникает весьма распространенное убеждение, будто нетронутая глушь ничего не дает обществу. Для людей, лишенных воображения, белое пятно на карте знаменует бессмысленное расточительство, хотя для других оно обозначает высшие ценности. (Неужели Аляска ничего для меня не значит из-за того, что я никогда туда не поеду? Неужели мне нужны шоссе, чтобы узнать арктическую тунд-

ру, гусиные угодья на Юконе, кодыякского медведя, пастбища снежных баранов на Мак-Кинли?)

Короче говоря, примитивные формы активного отдыха на природе пожирают собственную базу, тогда как высшие формы хотя бы в некоторой степени обеспечивают удовлетворение почти или вовсе без вреда для земли и жизни. Развитие транспортных средств без соответствующего развития восприятия грозит нам качественным банкротством активного отдыха на природе. И развивать возможности такого отдыха нужно не исчерчивая дорогами прекрасный край, а пробуждая восприятие в пока еще далеко не прекрасном человеческом сознании.

РОБЕРТ МАК-КЛАНТ

Исчезающие животные Америки



Robert McClung

LOST WILD AMERICA

The story of our extinct and vanishing wildlife

New York 1969

...В зрачках оленей призрачных
Горит, как дальний свет,
Та дикая Америка,
Которой больше нет.

С. Бенет. Дэниел Бун

ВСТУПЛЕНИЕ

Считалось, что дикая природа так же вечна, как ветры и солнечные закаты, но вот она начала исчезать под натиском прогресса. И теперь мы столкнулись с вопросом, оправдывает ли еще более высокий «уровень жизни» связанную с ним гибель зверей и птиц, свободных и прекрасных.

Олдо Леопольд

В Соединенных Штатах полное вымирание грозит в настоящее время не менее чем семидесяти восьми видам млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб, как свидетельствует список, представленный зимой 1967 года министром внутренних дел Стюартом Юдоллом. Будущее их обещает быть очень унылым, а вернее, у них и вовсе не будет будущего, если не принять решительных мер для их восстановления. Человек и его деятельность привели их на край гибели, и только человек может найти для них спасение.

«Информированная общественность поможет уменьшить опасность, угрожающую этим редким животным», — сказал мистер Юдолл в связи с принятием в 1966 году закона о сохранении видов, которым грозит вымирание. И действительно, в настоящее время принимается немало эффективных мер, которые должны им помочь. Но пока ряды сторонников сохра-

нения дикой природы растут, области, пригодные для обитания диких животных, продолжают угрожающе сокращаться. С каждым годом требуется все больше домов, все больше промышленных предприятий, все больше дорог, все больше продовольствия. И давление на исчезающие виды неизбежно продолжает возрастать.

По данным Департамента охоты и рыболовства, в Америке за последние 150 лет вымерло почти сорок различных видов млекопитающих и птиц. И почти половина из них — после 1900 года. Нельзя сказать, чтобы эти цифры были утешительными. А какими они будут в 2000 году?

Ниже будет рассказано, как мы обходились с дикой природой нашей страны, начиная с дней Колумба. Как мы полностью истребили некоторые виды, как поставили другие почти на край гибели и лишь в самый последний момент попытались хоть немного поправить дело, как охотой и преследованием довели третьи до их нынешнего жалкого состояния и, наконец, какие меры мы теперь принимаем, чтобы спасти тех, кто еще уцелел.

Опыт прошлого ясно показывает, каким образом деятельность человека может оказаться опасной для дикой природы и привести к ее уничтожению. Но этот же опыт дает примеры того, как правильно поставленная и последовательно проводимая охрана может спасти исчезающие виды.

Но хорошо ли мы усвоили уроки, которые преподает нам история? И — что еще важнее — достаточно ли мы любим природу нашей страны, чтобы приложить необходимые усилия для ее спасения?



Часть I ЖЕРТВЫ ПРОШЛОГО

Жизнь была прекрасна, потому что ощущение дружбы и родства с живыми существами вокруг тебя приносит глубочайшее удовлетворение. Белые смотрят на всех животных, словно бы как на врагов, а мы видим в них друзей и благодетелей. Они были одно с Великой Тайной, как и мы. Мы умели ощущать силу и покой Великой Тайны в мягкой траве под нашими ногами и в голубом небе у нас над головой.

Ота К'те (Вздыбленный Медведь) — вождь сиу

Глава I ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ (Америка до 1800 года)

И Я ввел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром ее, а вы вошли и осквернили землю Мою, и достояние ее сделали мерзостью.

Иеремия, 2, 7

Племя первобытных охотников странствовало по травянистой равнине, продвигаясь навстречу восходящему солнцу. Они не знали, что их путь ведет в неведомые края — туда, где до них не бывал еще ни один человек. Позади остались необъятные просторы Северной Сибири, впереди лежал Новый

Свет, судьбу которого им предстояло определить. Это были первые люди, ступившие на землю Северной Америки.

Когда? Может быть, пятнадцать тысяч лет назад, а может быть, и тридцать тысяч, и сорок пять. В ту эпоху значительную часть Североамериканского континента еще покрывали гигантские ледники, сковавшие в своей толще огромное количество воды. А потому уровень Мирового океана был ниже, чем теперь, и Азию соединял с Америкой широкий перешеек. И не только человек, но и многие животные перешли по этому мосту из Сибири на Аляску, а некоторые, наоборот, с Аляски в Сибирь.

Первые кочевники постепенно уходили все дальше на юг через горные перевалы, а по их следам двигались новые племена. Эти первобытные американцы охотились на карибу, овцебыков и волосатых мамонтов с палками, обожженными в пламени костра. Они свежевали добычу, пользуясь кремневыми орудиями. Они оборонялись от нападений гигантских пещерных медведей, могучих волков, саблезубых тигров и многих других хищников ледникового периода. И некоторые ученые считают даже, что именно первобытные охотники сыграли роковую роль в исчезновении многих крупных млекопитающих, которые водились в Северной Америке в ледниковый период, — мамонта, длиннорогого бизона, гигантского ленивца, саблезубого тигра смилодона и других. Все эти животные исчезли уже после того, как в Новый Свет явился человек.

Одно поколение сменяло другое, а по перешейку на Аляску перебирались все новые и новые первобытные племена. На протяжении жизни сотен поколений первые американцы продолжали заселять новую землю, продвигаясь все дальше на юг и на восток. Не меньше пятисот поколений сменило друг друга, прежде чем люди вышли к Атлантическому побережью Северной Америки и начали перебираться на острова Карибского моря.

Первобытные краснокожие охотники, продвигаясь по Североамериканскому континенту, попадали в области с самым разным рельефом и климатом. На севере тянулись необъятные просторы полярной тундры, на юге лежали сухие

пустыни, прорезанные глубокими каньонами, которые ветер за долгие тысячелетия украсил причудливыми изваяниями. А между тундрой и пустынями искрились снежные шапки гор, по густой траве необозримых равнин бродили многомиллионные стада бизонов. Дремучие леса на востоке давали приют оленям, лосям и разным пушным зверям. Реки кишели рыбой, небо над озерами и болотами закрывали тучи гусей, уток и других водоплавающих птиц. Приспосабливаясь к этим различным условиям, первобытные американцы пошли разными путями и создали много своеобразных культур.

Образ жизни племен Севера определялся передвижением огромных стад северных оленей карибу. Обитатели Тихоокеанского побережья, изобиловавшего лососем и всякими другими дарами моря, занялись рыболовством. Кочевые племена Великих равнин следовали за стадами бизонов, а на юго-западе люди начали строить глинобитные дома и возделывать поля под кукурузу, бобы и дыни.

В Мексике сначала майя, а затем ацтеки создали высоко развитые цивилизации. Эти народы добывали золото, серебро и другие металлы и создавали замечательные произведения искусства. Они строили величественные города с дорогами, парками, храмами и общественными зданиями. В лесах восточной части континента индейцы создали культуру, опиравшуюся на охоту и примитивное земледелие. К 1492 году племена воинственных ирокезов были близки к образованию военного союза или федерации.

К этому времени в Америке жили сотни племен, отличавшихся друг от друга языком и культурой. Но общая численность всех племен к северу от Рио-Гранде едва превышала миллион человек. К югу от этой реки, в Мексике и южнее, жило около четырех миллионов человек.

Но в 1492 году в Новый Свет вторглись новые пришельцы — европейцы, «цивилизованные народы», представителем которых оказался Христофор Колумб. Встреча белых и краснокожих ознаменовала начало коренных перемен для первоначальных обитателей Северной Америки, а также для ее животного и растительного мира и для самой ее земли.

Ради золота, славы и империй

Едва Колумб показал путь, как европейцы ринулись в Новый Свет. Орды предприимчивых испанских конкистадоров отправлялись туда открывать новые земли, завоевывать их, искать сокровища. В 1521 году неустрашимый Кортес покорил могущественное государство ацтеков в Мексике и разграбил его богатую столицу. В 1542 году Коронадо и его отряды побывали на севере и западе завоеванной страны. Некоторые из его солдат с благоговейным страхом заглядывали в величественные глубины Большого каньона, а другие в тщетных поисках семи мифических золотых городов Сиболы добрались до той области, которую в наши дни занимает штат Канзас.

Прочие европейцы также не оставляли своим вниманием новый континент. Уже в 1497 году, всего через пять лет после первого плавания Колумба, английский мореплаватель Джон Кабот обследовал берега Ньюфаундленда. В 1534 году француз Жак Картье побывал там же и рискнул подняться вверх по реке Святого Лаврентия, открыв путь во внутренние области континента. Проплывая мимо знаменитых Птичьих скал у берегов Ньюфаундленда, он записал: «Эти острова были покрыты гнездящимися там птицами, точно луга травой... Если бы загрузить ими все корабли Франции, никто даже не заметил бы убыли».

Изобилие зверей, птиц и рыб поражало всех мореплавателей, посещавших эти северные воды и берега. Они наблюдали, как киты резвились в реке Святого Лаврентия далеко от ее устья, и видели там большие стада моржей. Рыбные богатства Большой Ньюфаундлендской банки были известны смелым европейским морякам задолго до появления там официальных исследователей. К 1550 году, согласно некоторым оценкам, на этих отмелях ежегодно занимались ловлей трески, палтуса и другой рыбы до тысячи судов. На суровых скалистых берегах возникло много временных поселений, где коптили рыбу. Эти лагеря были столь многочисленны, что некий наблюдатель пророчески заметил: «Леса по берегам совсем разорены рыбаками, так что горько смотреть, и, если ничего сделано не будет, этот прекрасный край ждет полная гибель».

Французы не искали там золота и не грабили открыто, как испанцы. Они богатели, выменивая у местных жителей меха. Год за годом они по многочисленным рекам все глубже проникали в северные леса. К 1603 году Шамплен и другие французские исследователи поднялись по реке Святого Лаврентия до Великих озер и прошли еще дальше. Французские торговцы там нередко селились у индейцев и жили, как те. Они оставляли девственные дебри такими же, какими нашли их, если не считать постройки торговых постов в наиболее удобных для этого местах. Их интересовала только торговля пушниной и сохранение этого огромного края под номинальной властью Франции для вящей ее славы.

Зато англичане приезжали в Новый Свет, чтобы поселиться там навсегда. Они стремились «преобразить» эту землю по своему, чтобы жить на ней так, как они привыкли жить на старой своей родине. Артур Барлоу, исследовавший Вирджинию по поручению сэра Уолтера Рэли в 1584 году, убедился, что она идеально подходит для такой цели: «Олени, кролики, зайцы и водяная дичь... в неописуемом изобилии... Такой богатой, плодородной и благодатной почвы во всем мире не найдется». К 1607 году англичане закрепились в этом райском крае, построив город Джеймстаун.

«Отцы-пилигримы», высадившиеся в Массачусетском заливе в 1620 году, посмотрели вокруг более желчным взглядом, чем Барлоу. Многим из них земля обетованная показалась «глушью, полной диких зверей, диких людей и всяких ужасов». Да, конечно, это была глушь, но плодородная земля сторицей вознаграждала за вложенный в нее труд, в чем крепкие, упрямые пуритане не замедлили убедиться, как только они приспособились к ней и научились брать то, что она предлагала.

Реки Новой Англии кишели лососями, сельдью и всякой другой рыбой, на речках и ручьях повсюду водились бобры. Стаи диких голубей затемняли небо. Вообще пернатой дичи было необыкновенно много, уток, гусей, степных тетеревов и индеек можно было брать чуть ли не руками.

Голландцы построили торговый пост на острове Манхэттен и к 1626 году настолько там обосновались, что чиновник Петер Схаган мог доложить нидерландским Генеральным штатам: «Герб Амстердама»... отплыл из Новых Нидерландов

и вышел из устья реки Маврикия (Гудзон) 23 сентября. Сообщают, что наши люди купили остров Манхэттен у дикарей за товары на 60 гульденов (около 24 долларов. — Р. М.)... Груз указанного корабля состоит из 7246 бобровых шкур, 178 шкур мелкой выдры, 675 шкур выдры, 48 шкур норки, 36 рысьих шкур, 33 — норки, 34 шкурок водяных крыс¹».

В 1664 году англичане отобрали у голландцев Новый Амстердам и переименовали его в Нью-Йорк. Усиленно заселяя восточное побережье, они начали оспаривать у французов господство над Канадой. В 1670 году англичане учредили Торговую Компанию Гудзонова залива; ей суждено было стать неслыханно преуспевающей торговой империей, могущество которой опиралось на пушнину.

Руби, выжигай, засевай, губи, иди дальше

Повсюду на восточном побережье от Массачусетса до Джорджии первобытные дебри медленно отступали под натиском пионеров. Поселенцы покидали приморские города и форты и все дальше углублялись внутрь страны, заводя там торговые посты и расчищая лес под поля и луга. И, осваивая этот дикий край, они, как всегда бывало в подобных случаях, нисколько не заботились о сохранении хотя бы части окружавших их природных богатств. Все их время было занято тяжелым трудом — рубкой деревьев, выжиганием пней, сбором первых скудных урожаев. А нередко им приходилось и защищаться от коренных обитателей этого края, в которых они успели возбудить ненависть и вражду.

Чтобы земледелие стало возможным, вековые леса необходимо было свести, и поселенцы безжалостно валили лесных великанов и сжигали их, а из стволов деревьев поменьше сооружали свои бревенчатые хижины. «Руби, выжигай, засевай, губи, иди дальше» — так охарактеризовал жизненную программу первых поселенцев один историк, занимающийся вопросами охраны природы. Но это было неизбежно: пионеры должны были усмирить и покорить лес, если хотели выжить.

¹ Имелись в виду ондатры. (Примеч. ред.)

Разумеется, никаких законов об охоте тогда не существовало, если не считать премий за убитых хищников. Пионеры объявили беспощадную войну волкам, пумам, рысям и всем прочим «вредным тварям». Больше всего хлопот почти всюду доставляли волки. Этих хищников было особенно много, а свиньи, овцы и прочий домашний скот были для них легкой и соблазнительной добычей. Вот почему уже в 1630 году Массачусетская колония назначила за каждого убитого волка премию в один пенни, что в ту эпоху было вовсе не так уж мало.

Леса изобиловали и всевозможной дичью вроде оленей. Оленина составляла основу пищевого рациона первых поселенцев, а оленин шкуры были основным материалом, из которого шились мокасины, кожаные штаны и другая одежда. Некоторое представление о размахе охоты на оленей может дать следующий факт: только через порт Саванна в штате Джорджия за короткий промежуток с 1764-го по 1773 год было вывезено более двух миллионов фунтов оленьих шкур, что означало около полумиллиона убитых оленей.

Многие пионеры считали, что дикие животные существуют только для того, чтобы их убивать. Переселенцы нередко устраивали большие облавы, целью которых было истребление всех четвероногих обитателей окрестных лесов. Во время одной такой облавы, организованной в Пенсильвании в 1760 году неким Джеком Шварцем по прозвищу Дикий Охотник, были убиты, как сообщает полковник Шумейкер, летописец колониальной Пенсильвании, «41 пума, 109 волков, 112 лисиц, 114 рысей, 17 черных медведей, 1 белый медведь, 2 лося, 98 оленей, 111 бизонов, 3 фишера¹, 1 выдра, 12 росомых, 3 бобра и более 500 мелких зверьков».

«Лучшие шкуры были сняты, — продолжает Шумейкер, — а у бизонов вырезаны языки. Затем всю добычу уложили в кучу «высотой с дерево» вперемешку со смолистыми сосновыми сучьями и подожгли. Зловоние было такое, что поселенцы вокруг форта в трех милях оттуда были вынуждены покинуть свои хижины».

¹ Ф и ш е р — крупная кунница, примерно в два раза больше обыкновенной, с густым темно-бурым мехом. (*Примеч. ред.*)

При подобных методах воздействие на дикую природу Северной Америки скоро уже начало сказываться. Уже к 1639 году олени в Род-Айленде стали такой редкостью, что колония запретила охоту на них между 1 мая и 1 ноября. Массачусетс ввел сезонное запрещение оленьей охоты в 1684 году. К 1776 году оно существовало уже во всех колониях, кроме Джорджии.

Однако те, кто отправлялся в глубь страны, за пояс поселений, видели как будто прежнее изобилие оленей и прочей дичи. Канада и внутренние области континента все еще оставались поистине раем для трапперов и торговцев мехами. Только в 1743 году французские торговцы выменяли у индейцев около 170 тысяч шкур бобров, кунниц, выдр и фишеров. А процветающая Компания Гудзонова залива всего за одну распродажу сбыла 26 750 бобровых, 14 730 кунных и 1850 волчьих шкур.

С 1755-го по 1763 год заклятые соперники Франция и Англия вели между собой войны (получившие название Французской и Индейской) за владычество над внутренними областями континента. Победительницей стала Англия, но к югу от реки Святого Лаврентия американские колонисты скоро отобрали этот приз у своей старой родины, одержав верх в Войне за независимость. И сразу же после этой победы бывшие колонисты двинулись на запад. Они перевалили через Аппалачские горы и спустились по Огайо к Миссисипи. Они явились в Кентукки, следуя по Дикой тропе, проложенной через Камберлендский перевал прославленным следопытом Дэниелом Буном. О Кентукки тогда ходили легенды, и область эта действительно изобиловала зверями, птицами и всякими другими природными богатствами.

Джон Джеймс Одюбон, известный натуралист и художник, вспоминал о своей встрече с Дэниелом Буном в начале XIX века. Бун, против обыкновения разговорившись, принялся рассказывать Одюбону про Кентукки, описывая, как там все было, когда он впервые посетил эти места — когда юг Кентукки «все еще был в руках Природы... Но только подумать, сэр, как тридцать лет могут изменить страну! Да ведь в те времена, когда меня там захватили индейцы, и мили пройти было нельзя, чтобы не подстрелить оленя или медведя. Би-

зоны по кентуккским холмам бродили тысячами, и казалось, что краю этому никогда не обеднеть. А уж охота в те дни была одно удовольствие. Ну а когда я остался один на берегах Грин-Ривер — и уж, наверное, в последний раз в моей жизни, — так я еле разыскал хоть какие-то оленьи следы, а самих-то оленей и вовсе не видел».

Как с грустью заметил Бун, разграбление американской девственной природы к 1800 году уже шло вовсю. Однако впереди было еще открытие Дальнего Запада и куда более жестокое разграбление.

Глава 2 РЫВОК НА ЗАПАД (1800 — 1880 годы)

Вначале наши земли были превосходными, но от такого их употребления они истощились. Мы губим земли уже расчищенные, а потом либо сводим новый участок леса, если он еще остался, либо перебираемся на Запад.

Джордж Вашингтон

На взгляд Дэниела Буна, страна к востоку от Миссисипи была уже безнадежно погублена. Но оставался еще Запад! Огромные просторы там были еще нетронутыми и в значительной степени неисследованными, когда в 1803 году президент Томас Джефферсон закончил переговоры с Францией о покупке Луизианы. В результате Соединенные Штаты приобрели колоссальную территорию, охватывавшую бассейн Миссури и западных притоков Миссисипи.

Джефферсон немедленно снарядил знаменитую экспедицию капитанов Мериветера Льюиса и Уильяма Кларка, поручив им исследовать западные земли, установить, каковы их природные богатства, а кроме того, если удастся, отыскать удобный путь в Орегон и к Тихоокеанскому побережью. Кто знает, в этой далекой глуши они, возможно, обнаружат даже живых мамонтов!

Правда, мамонтов во время своего исторического путешествия Льюис и Кларк так и не увидели, но они наблюдали немало других редкостных животных, а также «огромнейшие стада бизонов, оленей и антилоп, которые паслись на холмах и равнинах повсюду, куда ни обратишь взгляд». Они раздобыли немало еще неизвестных науке видов животных и пережили опаснейшие приключения, сталкиваясь с раздражительными «белыми» медведями, то есть гризли. Что касается ценных пушных зверей, то Кларк сообщал: «Бобровые плотины следуют одна за другой вверх по этим речкам, насколько удавалось проследить их течение».

Именно бобры явились главной приманкой для первой волны пионеров, двинувшихся по следам Льюиса и Кларка. Это были охотники, превыше всего ставившие личную независимость, — люди вроде Кита Карсона, Джима Бриджера, Джона Колтера, Уильяма Саблетта, Джедидии Смита. В период наибольшего их благоденствия (грубо говоря с 1820-го по 1840 год) они на несколько лет исчезали в необжитых просторах Запада, ловили там бобров, мерились силой и сметкой с индейцами и — самое главное — наслаждались упойтельной, ничем не стесненной свободой.

За ними явились агенты пушных компаний, а затем на Запад двинулись и другие переселенцы — фермеры и скотоводы, дельцы, земельные спекулянты, бандиты, трактирные певички, молодежь и старики, терпеливые многострадальные жены и дети. Все они искали богатства, или приключений, или просто лучшей жизни. Они пробирались на Запад кто как мог — в фургонах, верхом и пешком. И каждый, обретя уголок земли обетованной, обосновывался там, чтобы оставить свой след.

Однако Тихоокеанское побережье к 1840 году все еще осталось относительно нетронутым, если не считать нескольких русских торговых факторий и горстки испанских миссий и селений. Но в 1848 году там было найдено золото, и вспыхнула калифорнийская «золотая лихорадка». Теперь наконец на Дальний Запад, совершенно его затопив, ринулись неисчислимые орды искателей счастья. Повсюду как грибы вырастали бревенчатые и глинобитные хижины, и железные дороги начали быстро протягивать на Запад свои серебристые шу-

пальца. Лавину эту несколько задержали сначала война Севера с Югом, а затем индейцы прерий, отчаянно сражавшиеся, чтобы защитить свои родные равнины. Но после краткого перерыва поток эмигрантов вновь покати́л на Запад с прежней силой.

Этим пришельцам гигантские стада бизонов на западе казались столь же неистощимыми, как стаи странствующих голубей на востоке. Людям приходилось ждать по несколько дней, пока последние ряды пересекшего их путь кочующего стада темных косматых быков не проходили, наконец, мимо. Полковник Р. Додж, наблюдавший такое стадо в 1871 году в долине реки Арканзас, подсчитал, что в ширину оно имело по меньшей мере 40 километров, а в длину — 80 километров, то есть всего в нем было около четырех миллионов бизонов.

Подобные стада не могли не привлечь охотников за бизонами, и вскоре в прериях началось истребление диких животных, какого еще не знал мир. Железные дороги позволяли доставлять шкуры на восточные рынки без особых затруднений, и в 1872 — 1873 годах из одного только Канзаса их было отправлено миллион с четвертью.

В 70-х и 80-х годах достигла небывалого размаха и коммерческая охота на водоплавающую птицу, оленей и другую дичь. Лавки больших городов были завалены дичью, словно Америка задалась целью как можно скорее истребить всех своих диких зверей и птиц.

«Соединенные Штаты в 80-х годах прошлого века переживали период роста, — замечает Джеймс Трефтен, историк, занимающийся вопросами сохранения природы. — Страна, как юный здоровый силач, интересовалась только радостями настоящего и не задумывалась о будущем. Получив в свое распоряжение неслыханное изобилие природных богатств, она словно стремилась пустить их по ветру единым махом. Первобытную природу Америки не покоряли, ее в буквальном смысле слова забивали насмерть».

Что-то должно было уступить такому натиску. И уступило. Его не выдержали ни леса, ни тучная почва прерий, ни мелкие реки, ни болота... ни звери и птицы. Некоторые виды истреблялись с такой беспощадной жестокостью — на продажу, ради их меха, просто для забавы, — что от бывшего их обилия

остались лишь воспоминания. И всё же им повезло: они хотя бы уцелели. Но для других эта бойня оказалась роковой: они исчезли навсегда и теперь значатся лишь в списках вымерших животных.

Глава 3 МЕРТВЫ, КАК ДРОНТ

...Когда последний представитель той или иной семьи живых существ испускает дух, еще одно небо и еще одна земля должны будут кануть в небытие, прежде чем снова можно будет увидеть ему подобного.

Уильям Биб

В английском языке существует идиоматическое выражение «мертв как дронт», которое подразумевает утрату всякой связи с жизнью. Дронты, вымершие около 1681 года, были первым документально засвидетельствованным видом, который исчез в результате воздействия человека. Вот почему их историю следует рассказать, хотя произошло все это далеко от Америки.

Дронты, крупные нелетающие птицы, родственные голубям, водились только на острове Маврикия, одном из Маскаренских островов, расположенных в Индийском океане. По размерам дронт вдвое превосходил гуся, он был плотно сложен и обладал мощными, как у куриных, ногами, короткими, словно обрубленными, крыльями и небольшим загнутым хвостом. Оперение у него было светло-серое или пепельное. Большой клюв заканчивался крючком, а кожа над ним и вокруг глаз была голой.

Эти неуклюжие птицы с трагической судьбой сооружали на земле громоздкие гнезда, в которых насиживали за сезон только одно яйцо. Дронты питались растительной пищей и благоденствовали, пока условия жизни на их родном острове оставались неизменными.

Португальцы открыли Маврикий в 1507 году, но не стали на нем селиться. Однако в 1598 году там высадились голланд-

цы и объявили остров своим владением. В числе прочих благ цивилизации поселенцы привезли с собой свиней и ручных обезьян. Поселенцы убивали дронтов палками и ели их мясо, а также яйца. Свиньи и обезьяны в поисках корма разоряли гнезда дронтов и тоже ели их яйца. Нелетающие дронты были совершенно беззащитны перед лицом этих новых врагов, и их численность начала стремительно сокращаться. Последняя птица, насколько известно, погибла в 1681 году. И теперь лишь несколько скелетов и лоскутков кожи в музеях подтверждают, что этот вид птиц действительно когда-то существовал.

Таким образом, уже без малого триста лет назад первая подтверждаемая документально жертва беззаботности и жадности человека ушла в небытие. Два ближайших родственника дронта — на Реюньоне и на Родригесе, двух других островах Маскаренской группы, — вскоре последовали за ним.

Несомненно, человек и до дронта губил какие-то виды диких животных, однако о последних днях большинства из них нам ничего конкретного не известно. Среди них можно назвать эпиорниса, бескрылого гиганта, который жил на Мадагаскаре и весил около полутонны, а также динорнисов — гигантского, ростом три с половиной метра моа и его более мелких родичей, обитавших на островах Новой Зеландии.

Дронт, эпиорнис и моа все были крупными нелетающими птицами. Их отдаленные предки умели летать, но постепенно утратили эту способность, потому что жили среди изобилия корма на островах, где им не угрожали никакие хищники. Но когда к ним туда явился человек, условия изменились, и это решило их судьбу.

Многие островные виды исчезли точно таким же образом уже относительно недавно; на одних только Гавайских островах вымерло более десяти видов птиц. Всего, по оценкам зоологов, с момента гибели последнего дронта (то есть менее чем за 300 лет) по всему миру исчезло 75 видов птиц, если не больше. Что же касается млекопитающих, пресмыкающихся, земноводных, рыб и беспозвоночных, то установить хотя бы примерно, сколько видов их вымерло в результате воздействия человека, попросту невозможно.

Истребление человеком

Человек повинен в исчезновении многих животных в исторический период. Как заметил Роберт Портер Аллен, «между медленным исчезновением вида в результате естественного отбора и мгновенным, бессмысленным и бездумным истреблением руками человека существует огромная разница».

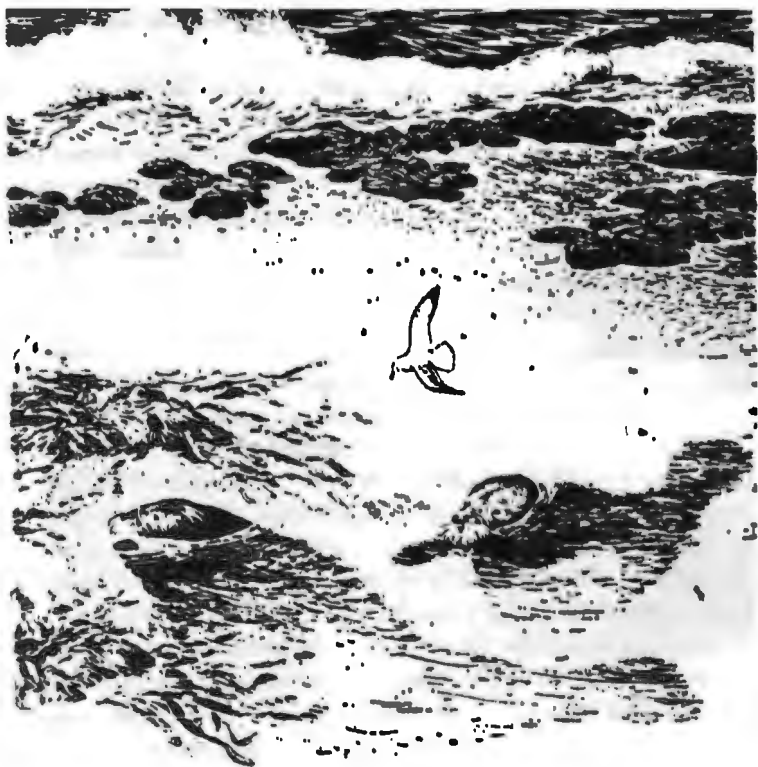
Неблагоприятное воздействие человека на дикую природу выражается в разных формах. Некоторые виды диких животных он обрекает на гибель, меняя привычные условия их жизни — вырубая леса, осушая болота, обрабатывая ядохимикатами те места, где они живут или добывают корм. Он ввозит новых хищников, против которых они беззащитны, как это было с дронтом, ставшим жертвой свиней и обезьян. Иногда, как будет рассказано ниже, он губит целые виды животных, безжалостно их истребляя — ради мяса, ради меха, ради перьев или просто ради развлечения.

Стеллерова морская корова (Hydrodamalis stelleri)

Летом 1741 года командор Витус Беринг, офицер русского флота, отправился из Петропавловска-Камчатского в плавание, занявшее одно из виднейших мест в истории географических открытий. Сам Беринг держал флаг на корабле «Святой Петр», вторым кораблем экспедиции, «Святым Павлом», командовал капитан Алексей Чириков. Им предстояло отыскать и исследовать Большую землю, которая, по предположениям некоторых русских географов, должна была находиться где-то к востоку от Сибири.

Летний шторм разлучил корабли, плывшие на восток навстречу неведомому, и команде «Святого Павла» выпала честь первой увидеть неизвестную землю. 15 июля 1741 года был открыт остров Ситка. Буквально на следующий день Беринг на «Святом Петре» увидел берег Аляски в окрестностях мыса Святого Ильи.

Чириков на «Святом Павле» возвратился на Камчатку в ту же осень, но Беринга и его корабль ждала совсем другая судьба. Четыре долгих месяца «Святой Петр» вел неравную борьбу с бурями, пытаясь вернуться к берегам Сибири. Провиант



и вода подходили к концу, цинга и другие болезни косили моряков. 4 ноября «Святой Петр» наткнулся на подводный риф вблизи неизвестного острова. Теперь он носит название остров Беринга в честь открывшего его мореплавателя и входит в группу Командорских островов. Оставшиеся в живых моряки выбрались на берег, соорудили землянки, и началась отчаянная борьба за жизнь в условиях лютой арктической зимы. Они питались мясом каланов и морских птиц. Изредка им удавалось убить тюленя. Их зимовку буквально осаждали стаи голубых песцов, которые рыскали между землянками, как изголодавшиеся собаки. Песцы, столкнувшиеся с людьми впервые, вели себя настолько дерзко, что даже забирались в землянки, хватали все, что там лежало, и кусали спящих и больных.

Командор Беринг умер 8 декабря 1741 года и был погребен на острове, носящем его имя. Многие его товарищи также не выдержали этой зимы, но другие выжили, и в их числе был натуралист экспедиции Георг Вильгельм Стеллер.

Стеллер запечатлел ужасы этой зимы в своем дневнике. Кроме того, опытный зоолог подробно описал многие виды животных, тогда еще неизвестных науке. И теперь в их официальное наименование входит фамилия человека, первым давшего их описание: стеллерова сойка, стеллерова гага, стеллеров баклан, стеллерова морская корова. Все они сохранились до наших дней — за одним исключением: стеллерова корова, крупное морское млекопитающее, на которое охотились голодавшие матросы Беринга, уже давно исчезла.

Это интересное животное внешне несколько напоминало огромного тюленя. В длину оно достигало девяти метров и должно было весить около четырех тонн. Задние конечности у морских коров отсутствовали, а хвост был уплощен горизонтально, как у кита. Относительно небольшие передние лапы сгибались внутрь, и животное, так сказать, опиралось на «костяшки пальцев». Кожа толщиной два с половиной сантиметра была темно-коричневой или почти черной, очень морщинистой и крепкой, а на губах и щеках топоршилась густая щетина. «До пупа это животное похоже на сухопутных, — писал Стеллер, — а далее до хвоста — на рыбу».

Морская корова, ведя стадный образ жизни, «не заходит далеко в море, — указывал Стеллер, — а держится у берега. Спину она держит над водой и с приливом подплывает к берегу и кормится морской капустой. Когда начинается отлив, морская корова отплывает от берега, чтобы не остаться на отмели, такое это большое животное». Все сообщения указывают, что ареал морской коровы был очень невелик и ограничивался небольшим участком — в основном районом Командорских островов. Стеллер, правда, упоминал, что животное это известно жителям Камчатки, которые называют его «капустник».

Медлительные беззащитные стеллеровы коровы оказались истинным спасением для спутников Беринга. Моряки охотились на них с гарпунами, подкрадываясь к ним на вельботе, пока те паслись на отмелях. Потом гигантскую тушу вы-

таскивали на берег во время отлива и свеживали. Описывая это мясо, Стеллер не скупится на похвалы: «когда приготовлено, оно, хотя его и приходится долго варить, удивительно сочно и почти неотличимо от говядины».

К концу лета 1742 года оставшиеся в живых моряки, и в их числе Стеллер, построили из обломков своего разбитого корабля двенадцатиметровую лодку. Погрузив в нее около семисот шкур каланов, которые им жаль было бросить на пустынном берегу, они 3 августа подняли парус и после двадцати трех дней тяжелейшего плавания добрались до Петропавловска. Их встретили как воскресших из мертвых: никто не сомневался, что они давно погибли.

Возвращение спутников Беринга с драгоценным грузом шкур ознаменовало начало деятельности русских промысловых судов в Северной Америке. Шкуры каланов охотно покупались китайцами, и во второй половине XVIII века остров Беринга и его ближайшие соседи постоянно видели в своих водах охотников на каланов. Охотники эти очень ценили огромных морских коров как легкий и, казалось бы, неисчерпаемый источник продовольствия. В результате стеллерова корова стремительно пошла по пути вымирания.

В 1755 году на островах Берингова моря побывал русский геолог Яковлев, который сразу понял, какая судьба ожидает морскую корову, если не будут приняты меры для ее сохранения. Он убеждал чиновников на Камчатке в необходимости таких мер, но ничего сделано не было. И вот в 1768 году, всего через 26 лет после того, как Стеллер открыл и описал этот вид, была убита последняя морская корова. Утверждают, что несколько особей дожило до начала XIX века, но документально это не подтверждено. Почти бесспорно, что стеллерова корова была первым животным, истребленным человеком, когда он в исторические времена приступил к исследованию Североамериканского континента и к использованию его природных богатств.

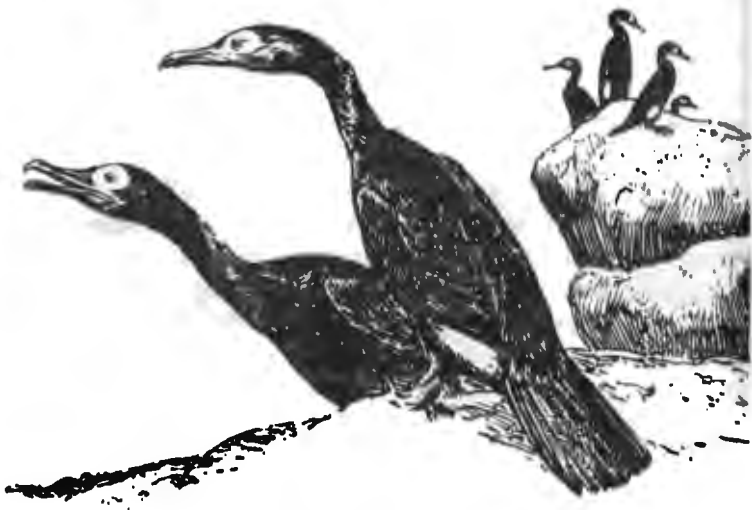
Любопытное примечание к истории морской коровы было добавлено не далее как в 1963 году, когда русское китобойное судно «Буран» сообщило, что его команда видела на мелководье у мыса на северо-востоке Камчатки нескольких крупных морских млекопитающих. Эти животные достигали

шести-семи метров в длину и паслись среди морских водорослей.

Зрение иногда обманывает нас, однако китобои прекрасно знают таких морских млекопитающих северного полушария, как моржи, котики и прочие. Но с другой стороны, если бы стеллерова корова после двухсотлетнего перерыва вновь появилась в своих родных водах, это было бы еще более странно¹.

Очковый баклан (Phalacrocorax perspicillatus)

Потерпевшей кораблекрушение команде «Святого Петра» помог выжить еще один вид — очковый, или стеллеров, баклан. Ареал этой крупной, почти нелетающей птицы был



очень ограничен. По-видимому, очковые бакланы обитали только на Командорских островах.

Зеленоватое оперение этих красавцев, весивших добрых шесть килограммов, отливало бронзой, на голове и на шее оно было серо-голубым, а по бокам располагались большие

¹ Эти сведения в дальнейшем не подтвердились. (Примеч. ред.)

белые пятна. Голову венчали два кокетливых хохолка. Крылья были невелики, и, насколько можно судить, очковые бакланы пытались взлететь лишь в крайне редких случаях.

Гнездились они, вероятнее всего, на крохотных прибрежных островках — иначе песцы, которыми кишел остров Беринга, разделались бы с ними задолго до появления там Стеллера. Потерпевшие крушение моряки без труда ловили этих больших неуклюжих птиц, и, как сообщает Стеллер, одного баклана «с избытком хватало на троих измученных голодом людей».

После 1741 года приезжавшие на остров Беринга охотники за каланами систематически истребляли очковых бакланов ради их мяса. Птиц становилось все меньше, а около 1850 года они исчезли совсем. В наши дни единственным доказательством того, что этот вид действительно существовал, остались шесть чучел в музеях.

Бескрылая гагарка (Pinguinus impennis)

Примерно тогда же, когда вымер очковый баклан, у восточного берега Северной Америки завершилось истребление бескрылой гагарки. В отличие от очкового баклана, бескрылая гагарка имела широкую область распространения, и люди уже давно знали о ее существовании.



В мае 1534 года путешественник Жак Картье причалил к островку Фанк — скалистому клочку суши у северо-восточного побережья Ньюфаундленда — и обнаружил там огромные стаи бескрылых гагарок. Его матросы, обрадовавшись случаю запастись свежого мяса после долгого плавания, увезли на корабль две шлюпки убитых птиц, а потом засолили их в бочках.

На суше бескрылую гагарку можно было ловить буквально руками, так как летать она совершенно не могла. Птица достигала в высоту трех четвертей метра и очень походила на пингвина, а потому ранние авторы нередко называют ее «северным пингвином». Спина и голова у бескрылой гагарки были глянцевито-черными, а грудь и брюшко — белыми. У самца в брачном оперении под глазами красовалось по большому белому пятну. Неуклюжие на суше, эти птицы умели нырять и плавать с поразительной быстротой, загребая воду крыльями, напоминавшими короткие ласты.

В доисторические времена, как свидетельствуют палеонтологические находки, бескрылая гагарка обитала в прибрежных водах Атлантики от берегов Северной Америки до Исландии, Британских островов, Скандинавии и даже Испании. Единственное крупное, до 15 сантиметров, яйцо самка обычно откладывала прямо на камнях какого-нибудь прибрежного островка. Однако ко времени плавания Картье ареал бескрылой гагарки уже сильно сократился. Остров Фанк служил приютом одной из крупнейших еще сохранившихся гнездовых колоний. Другие колонии находились на островках у берегов Исландии.

После того как Новый Свет был заселен европейцами, на Большой Ньюфаундлендской банке начали все чаще появляться рыбаки, китобои и котиколовы. Их суда часто заходили на остров Фанк, чтобы пополнить запасы провианта бескрылыми гагарками. Капитан Ричард Уитборн, англичанин, побывавший в этих местах в начале XVII века, упоминает, какой легкой была эта охота. «...Матросы загоняют их по доске в шлюпку сразу по сотне, — рассказывает он, — будто Господь сотворил это жалкое существо столь простодушным, дабы оно служило человеку превосходным подкреплением его сил».

Ко времени американской Войны за независимость (в конце XVIII века) на острове Фанк каждое лето два-три месяца жили промысловики, добывавшие гагарок. Они сложили там из камней несколько загонов, где отрезанных от моря птиц можно было спокойно глушить дубинками. Убитых гагарок ощипывали, а затем из тушек вытапливали жир. В результате такой хищнической эксплуатации от колонии бескрылых гагарок на острове Фанк к началу XIX века осталось одно воспоминание.

Последние известные гнездовья бескрылой гагарки находились на островках у южной оконечности Исландии. Наиболее крупный из них — голый каменный утес вблизи мыса Рейкьянес — назывался Гейрфугласкер (Гагаркины шхеры). Около 1830 года в результате сильнейшего подземного толчка Гейрфугласкер ушел под воду, и с тех пор бескрылая гагарка сделалась поистине редкой птицей. Последнее ее гнездовье находилось на острове Элдей.

Элдей, вулканическое нагромождение скал, встает из холодных зеленых вод Северной Атлантики как грозная крепостная башня. Только его западный склон в одном месте довольно полого спускается к морю — и лишь там к нему может пристать лодка. Именно туда на заре 4 июня 1844 года пристал вельбот, и трое исландцев начали карабкаться вверх по вулканическому склону в поисках бескрылых гагарок. В Рейкьявике некий коллекционер обещал 100 крон за каждый доставленный ему экземпляр.

Вскоре охотники заметили впереди пару гагарок — птицы неуклюже прыгали с камня на камень, балансируя крыльями. Быстро догнав драгоценную добычу, люди пустили в ход дубинки. Один из них нашел яйцо, но оно было надтреснуто, и он разбил его о скалу.

Таковы последние достоверные сведения о бескрылой гагарке. Этот вид, тысячи лет обитавший на Атлантическом побережье, исчез с лица земли. Еще лет десять—двенадцать после 1844 года время от времени приходили сообщения, что на том или ином пустынном берегу кто-то видел бескрылую гагарку. Но даже если такие сообщения и соответствовали действительности, проверить их не удалось.

В наши дни Американский орнитологический союз назвал свой официальный орган «Гагарка» в память первой из обитавших в Америке птиц, которая была истреблена человеком.

*Пенсильванский бизон (*Bison bison pennsylvanicus*)*

В 1612 году английский мореплаватель сэр Сэмуэл Аргалл поднялся по реке Потомак «на добрых шестьдесят пять лиг», а затем отправился дальше в глубь страны уже по суше. Там он увидел «большие стада рогатых быков, и индейцы, которые были у меня в проводниках, убили двух; мясо их мы нашли очень вкусным и полезным...».

В эпоху возникновения американских колоний пенсильванские бизоны водились там повсюду, начиная от западной части штата Нью-Йорк, в Пенсильвании, в Вирджинии и дальше на юг до самой Джорджии. Судя по сообщениям очевидцев, внешне они несколько отличались от степных бизонов и, возможно, составляли особый подвид. У них, по-видимому, почти не было горба, а задние ноги отличались по длине от передних гораздо меньше, чем у их степных сородичей. Их окраска была очень темной, а рога круто загибались кверху. Исходя из этих изустных сведений, полковник Шумейкер выделил их в подвид, который назвал пенсильванским.

Пенсильванские бизоны ежегодно откочевывали с зимовий на летние пастбища и обратно, следуя по истоптанным тропам большими стадами, насчитывавшими до семисот голов. Эти тропы нередко проходили мимо соленых источников, где бизоны, напившись, лизали солонцы.

На западе Пенсильвании некий поселенец построил хижину неподалеку от соляного источника, куда имели обыкновение приходить бизоны. По словам английского путешественника Томаса Эша, бизоны «не паслись там, а только купались и пили три-четыре раза на дню и катались по земле... За первый и второй год этот старик с помощниками убил около семисот этих благородных созданий ради только их шкур, которые стоили всего лишь два шиллинга штука...

То, что происходило у этого источника, происходило в этом заселявшемся краю повсеместно — избиение зверей повсюду было одинаковым».



В другой главе своего «Путешествия по Северной Америке» Эш замечает, что «первые поселенцы, не довольствуясь таким кровавым истреблением этих животных, кроме того, уничтожали их любимый корм — сладкий тростник, растущий в лесах, и папоротники, заросли которых были поистине необозримы. И вот эти-то заросли безжалостные негодяи поджигали в сухое время года, чтобы выгнать из чаши все живые существа, а затем затравить их насмерть».

В результате численность пенсильванских бизонов к последним десятилетиям XVIII века резко сократилась. К 1799 году их популяция в Пенсильвании была сведена к четыремстам животным, зимовавшим среди гор в графстве Юнион.

Зима 1799/1800 года была на редкость суровой, и бизоны, вынужденные оставаться высоко на склонах, так как в долинах теперь повсюду были поселения, не могли найти корма. Обезумев от голода, они в декабре спустились с гор. Вожаком их был огромный черный бык, которого поселенцы звали Старым Логаном по имени известного индейского вождя.

Полковник Шумейкер рассказывает, что стадо вломилось во двор некоего Мартина Бергстрессера и ворвалось в загон, где вокруг стога сена стоял домашний скот. Бизоны, устремившись к сену, затоптали нескольких телят и овец. Затем, напуганные выстрелами Бергстрессера, они в панике рину-

лись к соседней ферме. Макклennen, ее хозяин, начал стрелять в стадо. Обезумевшие от ужаса животные вышибли дверь его дома и ввалились внутрь, раздавив жену и детей Макклennen, которым некуда было бежать. После этого трагического происшествия стадо вернулось в горы.

Взбешенные фермеры решили покончить с бизонами. Сильнейший буран задержал их на несколько дней, но в конце концов пятьдесят охотников с собаками отправились по следам стада в горы. Местная легенда утверждает, что это произошло 31 декабря 1799 года, в последний день столетия.

Охотники отыскивали стадо в узкой долине, которая называлась Провалом, примерно там, где теперь находится город Уэйкерт. Ослабевшие от голода, замерзшие животные стояли по грудь в снегу, не в силах сделать ни шагу. Некоторых охотники застрелили, но большинству просто перерезали горло ножами. Когда бойня кончилась, снег в долине был багровым. Вырезав языки, охотники оставили туши в долине. С тех пор это место стали называть Бизоньим Полем.

Это было последнее стадо пенсильванских бизонов. На следующий год осенью полковник Джон Келли увидел трех бизонов — быка, корову и теленка. Теленка он застрелил, но взрослые животные спаслись. Зимой он снова увидел быка и застрелил его. Насколько известно, это был последний пенсильванский бизон, которого убили или хотя бы видели в Пенсильвании.

В менее заселенных штатах пенсильванские бизоны держались еще несколько лет, но постепенно и они были перебиты. К 1832 году на восток от Миссисипи не осталось ни одного бизона. Но к западу от нее по необъятным прериям еще бродили огромные стада степных бизонов. Их черед наступил позднее.

Морская норка (Mustela macrodon)

Морская норка, размерами чуть ли не вдвое превосходившая обыкновенную и отличающаяся более рыжим мехом, обитала на суровых скалистых берегах и прибрежных островках от Ньюфаундленда до Массачусетса. Вероятно, наиболее изобиловали норками острова штата Мэн, так как именно там на месте старых индейских поселений было найдено особенно много останков этого животного.



Сто с лишним лет назад тамошние охотники и трапперы с большим усердием преследовали морских норок, так как скупщики платили за их шкурки дороже, чем за более мелких материковых норок. Застигнутый врасплох гибкий рыжевато-коричневый зверек обычно искал спасения в норе или в какой-нибудь узкой расселине. Охотники сначала пытались извлечь его оттуда с помощью ломов и лопат. Если это им не удавалось, они нередко стреляли в убежище перцем или бросали туда куски горячей серы, чтобы выкурить добычу. Выбежавшую на открытое место норку тотчас хватали собаки или убивали охотники.

Вот так, вероятно, вскоре после завершения войны Севера с Югом нашла смерть и последняя морская норка.

Морская норка никогда не была многочисленной, и, пока она не попала в список вымерших животных, ею интересовались только торговцы пушниной. Как самостоятельный вид морская норка была впервые описана лишь в 1903 году по скелету, найденному под Бруклином в штате Мэн. К этому времени в живых не осталось уже ни одного экземпляра.

Лабрадорская гага (Camptorhynchus labradorius)

Сегодня, как и в незапамятные времена, холодный Атлантический океан катит на зимние пляжи Лонг-Айленда седые валы, и они, разбиваясь, взлетают к небу фонтанами соленых брызг. И не страшщийся непогоды любитель птиц все еще



может увидеть, как за линией прибоя качаются на зыби самые разные утки — гаги, турпаны, гоголи. Но он уже никогда не увидит их близкую родственницу — лабдорскую гагу. Она исчезла почти сто лет назад.

Это была одна из самых красивых морских уток. В оперении самца изящно сочетались белый и черный цвета — черное туловище, на фоне которого эффектно выделялись белые зеркальца на крыльях. Голова и шея у него тоже были совсем белыми, если не считать бархатисто-черного галстучка и темной полоски на темени и затылке. Самки же и птенцы были коричневато-серыми.

Лабдорские гаги всегда были довольно редкими птицами. Осенью и зимой они встречались на восточном побережье Северной Америки повсюду от Новой Шотландии до Нью-Джерси и даже южнее, вплоть до Чесапикского залива. Они предпочитали неглубокие бухточки, где выискивали в песчаном дне рачков и других морских животных. Охотники и рыбаки иногда ловили их на крючок с насаженной на него мидией. Они были очень пугливы и, если к ним подходили слишком близко, стремительно улетали. Иногда они странствовали небольшими стайками от пяти до десяти птиц, но чаще — в одиночку или парами.

Лабдорские гаги были слишком соблазнительной мишенью, и никакой охотник не упускал случая подстрелить их.

Хотя мясо этих гаг было не особенно вкусно, они постоянно появлялись на рынках Нью-Йорка и других восточных городов. Нередко они подолгу висели в лавках, пока не портились, и тогда их выбрасывали.

Об образе жизни лабдорских гаг известно очень мало — мы даже точно не знаем, где находились их гнездовья. Предполагается, что они выводили птенцов на южном берегу Лабрадора. Возможно, они гнездились на прибрежных островках, как и по сей день делают обычные гаги, их близкие родственницы.

Еще до Войны за независимость из Новой Англии на Лабрадор летом ежегодно отправлялось много кораблей за яйцами и перьями уток и других морских птиц. Люди являлись туда во время гнездового сезона или непосредственно после него, когда птицы линяли и были особенно беззащитны. Это систематическое ограбление гнездовий продолжалось и в первую половину XIX века, а ко времени войны Севера с Югом лабдорская гага стала уже большой редкостью.

Последняя зарегистрированная лабдорская гага была убита осенью 1875 года на Лонг-Айленде, и ее шкурка находится теперь в коллекции Смитсоновского института в Вашингтоне. Сообщалось также, что три года спустя какой-то подросток застрелил еще одну гагу на реке Чеманг в штате Нью-Йорк, но она не была сохранена. С тех пор никто не видел живой лабдорской гаги.

Каролинский попугай (Conuropsis carolinensis)

В колониальные времена фермерам на юге были хорошо знакомы эти пестрые птички, которые стремительно проносились над вершинами деревьев, то взмывая повыше, то исчезая за ветвями. Большая стая каролинских попугаев кружила над каким-либо фруктовым садом, оглашая воздух пронзительными криками «кви-кви-кви!». Затем, опустившись на облюбванное дерево, попугайчики — величиной они были не больше горлицы — принимались лазать по веткам и расклевывать зреющие плоды. Тут фермер обычно уходил за ружьем.

Но каролинского попугая убивали не только потому, что он был грозой садов. И индейцы и белые равно ценили его перья, а яркая окраска превращала его в легкую мишень. Тулови-



ще птицы было ярко-зеленым, а голова — желтой с оранжево-красными пятнышками у клюва, на темени и за глазами.

«Когда они спустились на землю, — писал в 1808 году натуралист Александр Уилсон, — издали могло показаться, будто там расстелили пышный зеленый ковер с оранжево-желтым узором, а затем вся стая взлетела на ближнее дерево... усеяв не только сучья, но и самые тонкие ветки... Когда я выстрелил, убив и поранив несколько птиц, стая некоторое время кружила над погибшими сородичами, а потом вновь опустилась на невысокое деревце шагах в двадцати от того места, где я стоял. При каждом новом выстреле на землю падало все больше птиц, но остальные тем не менее никак не хотели от них улетать...»

Эта манера собираться вместе, это нежелание покидать раненых членов стаи превращали попугаев в легкую добычу, когда фермеры устраивали на них охоту, опасаясь за свои сады. Впрочем, каролинские попугаи очень ценились и как комнатные птицы, а потому их часто ловили живыми. Первые поселенцы называли их «говорящими», потому что они, как и многие другие попугаи, иногда выучивались произносить два-три слова. Нередко стая устраивалась на ночлег в дуплах, и, чтобы изловить их, достаточно было накрыть отверстие большим мешком.

Каролинские попугаи были способны жить намного севернее остальных членов семейства попугаев, и когда-то их

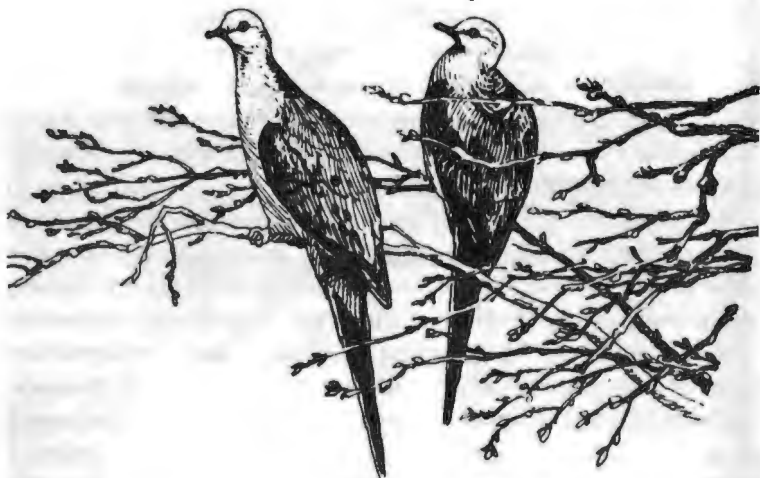
ареал охватывал Флориду, Вирджинию, Техас, Канзас и Небраску. Отдельные стайки забирались еще дальше на север — в Пенсильванию и даже к берегам Великих озер. Гнездились они в заросших густым лесом речных долинах, а также в кипарисовых болотах. В сооруженное в дупле гнездо откладывалось обычно от двух до пяти яиц.

По мере того как эти области все больше заселялись, число каролинских попугаев неуклонно шло на убыль — по-видимому, не столько вследствие изменения и уничтожения привычной среды обитания, сколько из-за охоты. К началу XX века эти яркие маленькие попугаи исчезли уже почти повсюду. Известный орнитолог Фрэнк Чапмен в 1904 году зарегистрировал последнюю стайку — тринадцать птиц, которых он наблюдал на северном берегу озера Окичоби в штате Флорида. Еще одну маленькую стайку предположительно видели в том же штате в 1920 году, но, насколько это сообщение соответствовало действительности, установить не удалось. Однако нам твердо известно, что в неволе последний каролинский попугай умер в 1914 году, в том же самом году, когда умер и последний на земле странствующий голубь.

В 1936 году всех, кому дорого сохранение дикой природы, обрадовало было сообщение группы опытных орнитологов, как будто обнаруживших стайку каролинских попугайчиков в болотистых лесах на реке Санти в штате Южная Каролина. Однако большинство ученых полагает, что произошла какая-то ошибка — во всяком случае, эту стаю больше никто не видел. К тому же значительная часть лесов в долине Санти была вскоре вырублена при прокладке линий высокого напряжения.

Странствующий голубь (Ectopistes migratorius)

Множества их казались столь же неистощимыми, как капли воды в океане, как песчинки на его берегах. Когда их гигантские стаи взмывали ввысь, они заслоняли солнце, и неисчислимые крылья поднимали настоящий ветер. Час за часом они проносились в вышине, возбуждая благоговение перед изобилием природы, какого нам уже никогда не увидеть. Вот что такое были странствующие голуби в былые дни.



Орнитолог Александр Уилсон в 1810 году наблюдал в Кентукки перелет стаи, ширина которой, по его оценке, достигала полутора километров, а длина — 380. Исходя из скорости их полета и времени, которое прошло, прежде чем последние птицы пронеслись над его головой, Уилсон высчитал, что только одна эта стая состояла более чем из двух миллиардов странствующих голубей! Это и другие сообщения дают основание полагать, что в те времена странствующий голубь был наиболее многочисленным видом среди всех американских птиц. И тем не менее к концу века эта, казалось бы неистощимая, популяция была полностью уничтожена.

Первые поселенцы называли эту птицу просто голубем или лесным голубем. Наррагансетские индейцы дали ей имя «мускован» (скиталец) из-за ее постоянных кочевок. По этой же причине она получила научное название *migratorius* — «странствующий», под которым мы и вспоминаем ее сегодня.

У странствующего голубя было изящное тело строго обтекаемой формы, длинный, сужающийся к концу хвост и узкие крылья, приспособленные для быстрого полета. Глаза этой красивой и грациозной птицы были ярко-красными, голова — глянцеви́то-голубой, а оперение отливало радужными металлическими оттенками. Верхняя часть туловища была графит-

но-серой, горло и грудь — красновато-бурыми, но к брюшку этот цвет переходил в чисто белый.

Первоначально ареал странствующего голубя охватывал большую часть востока Северной Америки, от Южной Канады до Дикси, и простирался на запад до нынешних штатов Южная Каролина и Северная Дакота. Эти птицы обитали в старых лиственных лесах, где находили обильный корм — буковые орешки, каштаны, желуди, всякие ягоды и семена. Каждый год они огромными стаями возвращались с южных зимовий на северные гнездовья. Их огромные гнездовые колонии имели четкие границы — на протяжении многих километров на каждом дереве можно было насчитать десятки и сотни гнезд, а затем внезапно начинались деревья без единого гнезда, словно колонию ограждала невидимая стена. На непрочной гнездовой площадке, сооруженной в развилке высоко над землей, откладывалось обычно одно яйцо.

Эти голуби не обязательно выводили птенцов в одной и той же местности из года в год. Когда запасы корма истощались, они перебирались куда-нибудь еще. После окончания гнездового периода они разбивались днем на небольшие стайки и отправлялись на далекие расстояния в поисках корма, а вечером вновь собирались там, где привыкли проводить ночь. Одобон описал такой голубиный ночлег: «Голуби слетались со всех сторон тысячами и опускались на ветки повсюду друг над другом, пока на каждом дереве вокруг не образовались сплошные плотные массы величиной с бочонок».

Эта привычка держаться стаями, потребность строить гнезда и ночевать в тесном соседстве с себе подобными превращала странствующих голубей в легкую добычу для охотников. И там, где они гнездились или ночевали, устраивались поистине невероятные бойни. Охотники с ружьями и сетями окружали гнездовье, а потом разводили под деревьями костры и бросали в них серу, чтобы одурманить свои жертвы. Затем они сшибали птиц на землю шестами и дубинками. Их стреляли, накрывали сетями, так что голуби гибли миллионами. Когда люди кончали свою кровавую работу, в лес нередко выпускали свиней, чтобы они жирели, объедаясь трупиками взрослых птиц и выпавшими из гнезд беспомощными птенцами.

С самого начала голуби были ходким товаром на рынках почти всех городов. А их многочисленность и легкость, с какой их можно было добывать, обеспечивали их дешевизну. «В августе 1736 года цена на голубей в Бостоне упала до двух пенсов за дюжину, и все-таки много их осталось непроданными». Год за годом продолжалась эта бойня, но число птиц как будто не убывало. Весной 1851 года, например, в Нью-Йорк по железной дороге было доставлено 74 тонны голубей, убитых только в двух графствах на севере штата. «Все равно их всех не перебить!» — таково было отношение широкой публики к происходящему.

То же считал и сенат штата Огайо, когда в 1857 году он отклонил законопроект, который обеспечивал некоторую защиту этим птицам. «Странствующий голубь не нуждается в охранительных мерах, — решительно объявили мудрые законодатели. — Поразительная плодовитость... Никакая обычная охота не может уменьшить их числа или как-нибудь отразиться на неисчислимом ежегодном приросте».

Но охоту на странствующих голубей нельзя было назвать обычной даже по масштабам той эпохи. Через каких-нибудь 20 лет птицы устроили свое последнее крупное гнездовье в штате Мичиган вблизи городка Петоски; оно занимало участок около 25 километров в ширину и 120 километров в длину. Весной 1878 года под Петоски обитало около 136 миллионов странствующих голубей, и туда, потирая руки, отправились промысловые охотники, чтобы устроить последнюю большую бойню.

Десять лет спустя дикие странствующие голуби практически исчезли с лица земли. Однако в 1881 году их еще хватило для того, чтобы охотники забрали из гнезд 20 тысяч четырехнедельных птенцов и отправили их в Нью-Йорк, где они послужили живыми мишенями для участников голубиной охоты в увеселительном парке Кони-Айленд. Как ни странно, это «спортивное» состязание проходило под эгидой тогдашней Ассоциации защиты рыбы и дичи штата Нью-Йорк!

К 1890 году дикие странствующие голуби превратились в редкость — да и неудивительно! Время и перемены наконец доконали их. Но многие люди никак не могли поверить, что странствующие голуби действительно погибли. Некоторые ут-

верждали, что они все улетели в Австралию, другие предполагали, что они переселились в Канаду или в Южную Америку. Последний дикий странствующий голубь, насколько известно, был подстрелен в 1899 году или в самом начале 1900 года, а последний странствующий голубь в мире — старая самка по имени Марта — умер в Цинциннатском зоопарке 1 сентября 1914 года. Но даже и тогда некоторые оптимисты не могли поверить, что странствующего голубя больше нет. В течение нескольких лет предлагались награды тем, кто укажет гнездовья диких странствующих голубей или сообщит о пролете их стай. Но награды эти так и остались невостребованными.

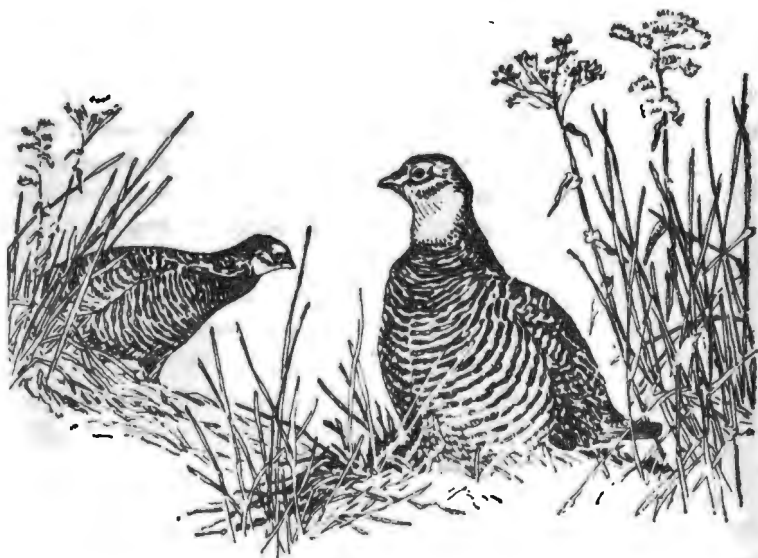
Но что же послужило причиной вымирания этих птиц? Промысловая охота? Исчезновение корма? Эпидемия? Вырубка лиственных лесов? Несомненно, тот факт, что они собирались в большие стаи и гнездились колониями, должен был способствовать их вымиранию, но само оно явилось прямым результатом их беспощадного истребления из года в год.

В штате Висконсин местное орнитологическое общество установило в Вайльюзинском парке бронзовую мемориальную доску с надписью: «В память последнего висконсинского странствующего голубя, убитого в Бабкоке в сентябре 1899 года. Этот вид вымер из-за алчности и легкомыслия человека».

Печальный и постыдный для нас конец неисчислимых множеств! Но может быть, он послужит делу охраны природы в будущем. Во всяком случае, А. Шаргер, чья книга стала еще одним памятником странствующему голубю, верит в это. «Безжалостное истребление и гибель этого вида, — пишет он, — больше всех законов, вместе взятых, помогло американскому народу осознать, насколько необходимо взять под защиту, пока не поздно, то, что у нас еще остается».

Восточный степной тетерев (Tympanuchus cupido cupido)

Эта плотная, с квадратным хвостом и длинными пучками перьев по бокам шеи птица, обитавшая на востоке Североамериканского континента, внешним видом и поведением очень походила на своего западного родственника, который все еще встречается на сохранившихся участках прерий.



В колониальные дни ареал восточного степного тетерева простирался от Новой Англии до Вирджинии, а может быть, и до Южной Каролины. Каждую весну во время брачного сезона самцы собирались на токовище и выполняли сложный ритуал ухаживания, красуясь перед самками. Они надували оранжевые подкожные мешки, расположенные на шее под пучками перьев, и «гремели», резко выжимая воздух, отчего получался звук, напоминающий глухую барабанную дробь.

В те времена степные тетерева были очень многочисленны. Вокруг Бостона они водились в таком количестве, что «слуги при найме ставили своим будущим господам условие, чтобы тетерева подавались к столу не каждый день недели». Однако, несмотря на подобное ограничение, за этой вкусной дичью велась такая интенсивная охота, что к началу Войны за независимость во многих областях степные тетерева почти перевелись. В штате Нью-Йорк их число сократилось настолько, что в 1791 году был предложен закон «Об охране степных тетеревов и другой дичи».

Тем не менее число тетеревов по всему востоку страны продолжало неуклонно идти на убыль в результате нескольких неблагоприятных факторов: ничем не ограниченной

спортивной охоты, промысловой охоты и гибели их гнездовий и привычной среды обитания под натиском топора и плуга. К 1850 году почти всюду на материке степные тетерева стали большой редкостью. А в начале 70-х годов они были истреблены уже повсеместно, кроме острова Мартас-Винъярд. Но даже и там подсчет, проведенный в 1890 году, выявил только 200 птиц. А в 1906 году их осталось только 77. Степной тетерев доживал последние дни.

В 1907 — 1908 годах на острове для гибнущих птиц был устроен резерват площадью 650 гектаров. Под охраной егеря, оберегавшего степных тетеревов от кошек и других хищников, их популяция начала медленно, но верно увеличиваться. К 1916 году на острове было уже около 2000 птиц, и казалось, что началось возрождение подвида.

Но той же весной произошла катастрофа. Почти 50 квадратных километров леса, где находились лучшие гнездовья, пожрал пожар, и в огне погибли гнезда с кладками, а также много птенцов и взрослых птиц. А следующей весной на остатки популяции обрушились необыкновенно размножившиеся ястребы-тетеревятники, которые нанесли ей серьезный ущерб. Из 2000 птиц, обитавших на острове всего год назад, осталось менее ста.

Восточный степной тетерев так и не оправился от этих роковых ударов. Поскольку его ареал ограничивался теперь небольшим участком леса, существование вида зависело от одной-единственной колонии. Уцелевшая популяция была слишком малочисленна, слишком беззащитна перед болезнями и стихийными бедствиями. Благодаря строжайшей охране она все-таки возросла к 1920 году почти до 600 птиц, но затем, несмотря на все усилия и заботы, их число начало неуклонно уменьшаться. В 1925 году осталось примерно 25 птиц, причем главным образом самцы. Степной тетерев был обречен.

Одна-единственная птица — старый петух — дожила до 1932 года. Последний раз ее видели 11 марта этого года. А потом — ничего.

Генри Битл Хау, редактор местной «Винъярд газет», посвятил степному тетереву редакционную статью-некролог, которая затем неоднократно цитировалась по всему миру. И

отрывок из нее может послужить эпитафией не только этой птице, но и всем другим исчезнувшим видам:

«Мы стали свидетелями безвозвратности, заглянули в тьму, которая никогда уже не осветится ни единым лучом света. Мы соприкоснулись с реальностью полного вымирания».

Глава 4

НЕКОТОРЫЕ ВЕРНУЛИСЬ

(первые шаги охраны природы — с 1880-го по 1920 год)

Страна поступает как должно, если видит в своих природных богатствах драгоценное имущество, которое нужно передать следующему поколению, приумножив, а не уменьшив его стоимость.

Теодор Рузвельт

В эпоху, непосредственно следовавшую за войной Севера с Югом, то есть в 70-х и 80-х годах, массовое истребление диких животных в Северной Америке достигло, пожалуй, наивысшей точки. По всему западу страны гремели выстрелы охотников на бизонов, и огромные стада стремительно таяли. Профессиональные охотники благоденствовали, как никогда раньше, отправляя в большие города целые вагоны диких голубей, уток, гусей, бекасов, кроншнепов и другой пернатой дичи. Охотники за перьями разоряли все гнездовья цапель, какие только им удавалось отыскать.

И тогда же эта нескончаемая бойня впервые пробудила тревогу за будущее. Горстке дальновидных людей уже стало ясно, к чему она неизбежно должна привести, и они начали кампанию за сохранение диких животных и других естественных богатств страны. Им удалось добиться в некоторых западных штатах сезонного запрещения охоты на крупную дичь — бизонов, оленей, лосей и вилорогов, и по их инициативе в 1872 году был создан первый национальный парк — Йеллоустонский. Четыре года спустя был утвержден первый закон о сохранении лесов вокруг речных истоков. В 1872 году штаты Калифорния и Нью-Гемпшир создали первые охотничьи департаменты, а в следующем году конгресс учредил комиссию по обществен-

ным землям для приведения в порядок и систематизации бесчисленных и противоречивых законов о собственности на землю. Все это были полезные, но лишь предварительные шаги, если рассматривать проблему сохранения природных богатств во всей ее совокупности.

В 1883 году группа орнитологов, встревоженная массовым истреблением птиц в коммерческих целях, основала Союз американских орнитологов. Эта организация (сокращенно САО), созданная для того, чтобы способствовать изучению и сохранению диких птиц, непрерывно укреплялась и приобретала все большее влияние.

Именно САО на заре своего существования в значительной мере содействовал созданию при министерстве сельского хозяйства отдела экономической орнитологии и маммалогии. Это государственное учреждение было предшественником Бюро биологической службы, которое, в свою очередь, превратилось в Департамент охоты и рыболовства.

В 1885 году Джордж Бэрд Гриннел — известный ученый, охотник, издатель и ревностный сторонник охраны природы — призвал к созданию общества для борьбы с истреблением птиц. Так возникло Национальное одюбоновское общество, которое уже много лет является одним из самых активных и бдительных бойцов в сражении, ведущемся за сохранение диких животных и других природных богатств.

В декабре 1887 года Гриннел вместе с Теодором Рузвельтом создал Клуб Буна и Крокетта, который сразу поднял голос в защиту диких животных, и особенно крупной дичи, а также широко пропагандировал идею создания системы национальных парков и резерватов.

В 90-х годах прошлого века все эти организации вместе с другими им подобными вели чуть ли не рукопашный бой с силами разрушения. К этому времени популяция оленей в Соединенных Штатах упала до наиболее низкого уровня за все время своего существования, и еще так недавно казавшиеся неистощимыми стаи странствующих голубей и стада бизонов почти исчезли. Когда крохотное, всего в две сотни голов, бизонье стадо Йеллоустонского парка — единственное дикое стадо, еще сохранившееся в Соединенных Штатах, — подверглось нападению браконьеров, даже широкая публика

начала понемногу осознавать опасность происходящего. В результате в 1894 году был принят закон Ласи, подкреплявший действенными мерами запрещение охоты в национальных парках. В 1900 году был издан первый общий закон об охране диких животных и регулировании промысловой и спортивной охоты.

Наконец-то прилив повернул вспять. Но усилия эти были предприняты слишком поздно и оказались недостаточными для того, чтобы спасти странствующего голубя и каролинского попугая. Однако они в конечном счете спасли других животных от почти неизбежного вымирания.

В 1901 году президентом Соединенных Штатов стал Теодор Рузвельт, и у сторонников защиты животных появился влиятельный друг. Сам большой любитель охоты, Рузвельт принадлежал к числу тех немногих людей своего времени, которые понимали взаимозависимость лесов, вод, почвы и диких животных, которые понимали также, что этим последним требуется не только защита от истребления, но и привычные условия жизни.

В 1903 году Рузвельт создал наш первый постоянный национальный заказник — Пеликан-Айленд, небольшой участок мангровых зарослей и песка в одной из лагун Индиан-Ривер в штате Флорида, где находились гнездовья бурых пеликанов. Два года спустя по его инициативе была создана Служба охраны лесов США, которую возглавлял Гиффорд Пинчот, ученый лесовод и тоже горячий сторонник сохранения дикой природы.

Вслед за Пеликан-Айлендом были созданы и другие национальные заказники, послужившие основой нашей нынешней широкой системы национальных заказников. В 1905 году в штате Оклахома был создан лесной и охотничий резерват Уичито (который теперь называется заказником Уичито-Маунтинз), а в 1908 году — Национальный бизоний резерват в штате Монтана.

Дело сохранения дикой природы продолжало развиваться и укрепляться все второе десятилетие XX века. В 1911 году Соединенные Штаты, Англия, Россия и Япония подписали соглашение о контроле над промыслом котиков и каланов в северной части Тихого океана. Пять лет спустя было заключе-

но еще одно важное соглашение, на этот раз с Англией, — о защите перелетных птиц на территории Канады и Соединенных Штатов. И после многолетней борьбы всякая торговля перьями была, наконец, запрещена.

Таким образом, сторонники сохранения дикой природы добились значительных успехов, и благодаря их усилиям было спасено немало зверей и птиц, которые уже находились под угрозой вымирания.

Бобр (Castor canadensis)

Пожалуй, ни одно животное не способствовало исследованию и заселению Северной Америки в такой степени, как бобр. Его густой бархатистый мех, который шел на изготовление кастровых¹ шляп, ценился очень высоко.

Этот долговечный, удобный и красивый головной убор был в большой моде по всей Европе в период колонизации Америки.

Первые поселенцы в Новой Англии находили многочисленные бобровые плотины буквально на всех речках и ручьях. Уильям Брэдфорд в своей «Истории Плимутской плантации» упоминает, что между 1631-м и 1636 годами из колонии на нескольких кораблях было отправлено в Старый Свет около 12 500 фунтов бобровых шкур общей стоимостью около 10 тысяч фунтов стерлингов. Голландцы в Новом Амстердаме не отставали в этом отношении от своих более северных соседей.

В Канаде французы, отправляясь во все стороны по неисследованным речкам, ловили бобров сами или выменивали их шкуры у индейских охотников. Они устроили торговые фактории в Квебеке, Детройте, Макинаке и во многих других удобных местах, ведя очень выгодную торговлю этим ценным мехом. И мощную пушную Компанию Гудзонова залива Англия учредила в значительной степени для той же цели. В те времена бобровый мех нередко с успехом заменял в торговых сделках звонкую монету. Двенадцать бобровых шкур составляли цену хорошего ружья, за шесть шкур на фактории компании можно было купить красное одеяло.

¹ Материал для этих шляп делался из бобрового подшерстка. (Примеч. ред.)

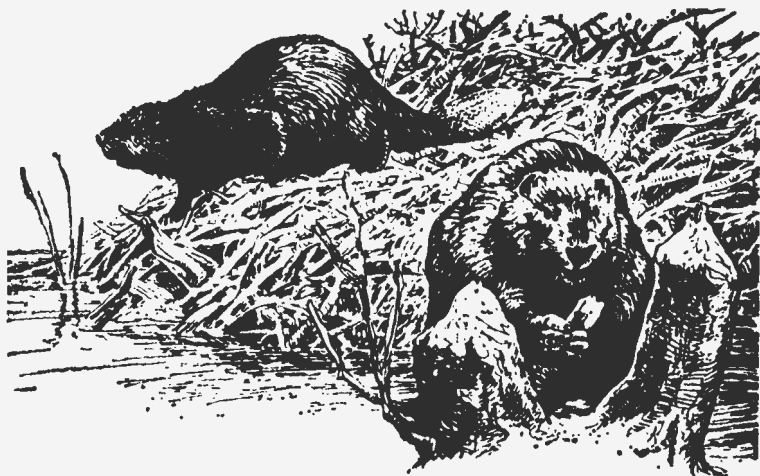
В 1800 году бобры, за которыми так долго и упорно охотились по всей восточной части континента, во многих областях уже почти исчезли. Но на западе их оставалось еще много. Льюис и Кларк убедились, что эта огромная новая территория «богаче бобрами и выдрами, чем любая другая страна в мире». Вполне понятно, что охотники на бобров не замедлили отправиться в эти благословенные края.

Опорой западных пушных компаний были закаленные трапперы; пренебрегая опасностью лишиться скальпа, который затем украсил бы пояс какого-нибудь индейского воина, они часами бродили по грудь в ледяной воде, расставляя и проверяя капканы в речках Скалистых гор. Но к 1840 году краткий период их благоденствия окончился. С одной стороны, Запад был теперь заселен куда больше, чем это им нравилось, а с другой — на смену касторовой шляпе в качестве эмблемы хорошо одетого человека уже шел шелковый цилиндр. В результате спрос на бобровые шкуры упал, и каприз моды подарил бобру некоторую передышку.

И вовремя! Несколько веков интенсивной охоты тяжело сказались на численности бобров Северной Америки. В Пенсильвании пушистые строители плотин были почти совсем истреблены к 1865 году. В 1895 году во всем штате Нью-Йорк их, по самой оптимистической оценке, набралось бы не больше десятка. К этому времени бобр почти совсем исчез на востоке страны и быстро исчезал во многих западных штатах.

Наконец спохватившись, законодательные собрания многих штатов утвердили законы, устанавливавшие строго ограниченные сезоны ловли бобров, а также то количество шкур, которое разрешалось добывать каждому охотнику. Это был слишком ценный пушной зверь, чтобы позволить ему совсем вымереть. К тому же некоторые люди поняли, что бобровые плотины играют немаловажную роль в регулировании разливов. И вот очень медленно и постепенно бобр начал возвращаться во многие места, где его уже давно никто не видел.

Для ускорения этого процесса в последние годы применяется следующий метод: там, где бобры водятся в изобилии, избыточных животных отлавливают, а затем перевозят в сохранившиеся дикие уголки бывшего бобрового царства и там выпускают. В труднодоступные местности — например, в горы — их нередко доставляют на самолетах и спускают на па-



рашютах в клетках, сконструированных так, что при ударе о землю дверца открывается. Эти программы переселения дали желаемые результаты, и в настоящее время бобры встречаются почти везде, где они обитали в прошлом, хотя, разумеется, далеко не в былом количестве.

Благодаря систематической охране и правильному контролю бобр пока остается с нами, сохраняя при этом промысловое значение. Только в 1966 году по всем Соединенным Штатам было добыто свыше 185 тысяч бобров. А самое главное, во время далеких лесных прогулок мы все еще можем, если нам повезет, полюбоваться на лесной речке или озерце бобровой плотиной и хатками. И, наблюдая, как эти большие пушистые грызуны плавают в своем пруду, слушая, как они с громким всплеском ударяют по воде плоским хвостом, мы на минуту можем вообразить себя трапперами, впервые проникшими в первобытную глушь.

*Степной бизон (*Bison bison bison*)*

В те дни, когда шло освоение Дальнего Запада, одним из самых гордых и воинственных племен юго-западных равнин было племя индейцев кива. В своей книге «Американский бизон» Мартин Гарретсон приводит легенду о сотворении ми-

ра, которую индейцы киова рассказали старому трапперу в те далекие годы, когда по прериям еще бродили миллионные стада бизонов.

«В первый день Великий Дух посадил на берегу вод Дерево Великого Пути, возносившее свои ветви к небу. И по ним сошли вниз на землю все живые существа, а также мужчина и женщина киова, которые весь день гуляли по новому миру, а вечером вернулись к Дереву Великого Пути, и там они увидели бизонов, и Великий Дух спустился к ним и сказал: «Вот бизоны. Они будут давать вам пищу и одежду, но в тот день, когда вы увидите, что они исчезли с лица земли, знайте — конец киова близок и солнце закатится».

Зловещее пророчество этой легенды оказалось даже слишком верным — и не только для киова, но и для команчей, шайеннов, сиу и всех других племен, живших в прериях. Эти «бизоньи» племена добывали себе все необходимое для жизни, следуя за стадами бизонов. Когда бизоны исчезли, мир индейцев прерий рухнул.

Индейцы ели мясо бизонов сырым и жареным, они вялили его впрок на зиму. Свои типи и одежду они изготавливали из бизоньей кожи, а мохнатые шкуры служили им постелями и коврами. Из рогов они делали половники, из костей — орудия и оружие. В дело шла буквально вся туша убитого животного.

До появления белых индейцы охотились на бизонов пешком и убивали их только стрелами и копьями. Иногда опытные охотники закутывались в бизоньи шкуры и так подкрадывались к стаду. Или же, если местность была подходящей, большая группа охотников окружала стадо и загоняла его к обрыву, так что обезумевшие от ужаса животные срывались вниз, сразу обеспечивая племя большим запасом мяса и шкур. Однако с прибытием испанцев у индейцев появились лошади. Теперь индейские всадники стремительным галопом врывались в гущу стада и без труда поражали стрелами наменченное животное.

Вероятно, первыми европейцами, увидевшими американского бизона, были Кортес и его бледнолицые конкистадоры. Когда в 1521 году они захватили столицу ацтеков, то, согласно преданию, побывали в зверинце Монтесумы, их верховного правителя, и описали все, что там увидели: «Мек-



сиканский бык, удивительно сложенный из самых разных животных. У него кривые плечи и горб на спине, как у верблюда... его шея покрыта гривой, как у льва. Копыта у него раздвоенные, а на голове рога, как у быка, на которого он походит свирепостью не менее, чем силой и быстротой».

Затем испанцы, добравшись до юго-западных равнин, увидели бизонов на свободе и были поражены их многочисленностью. А ведь они видели лишь ничтожную часть всей популяции. В ту эпоху не менее 60 миллионов этих могучих животных бродило по континенту от Северной Мексики до Центральной Канады и от Скалистых гор почти до самых берегов Атлантического океана.

За бизонами следовали не только индейцы, но и стаи волков, добычей которых становились отбившиеся от стада телята или больные и старые животные. Зимние бураны вносили со стад немалую дань, как и засухи, эпидемии и весенние разливы, когда бизоны массами тонули, пытаясь переплыть вздувшуюся реку. Но, несмотря на все эти потери, число бизонов не убывало.

Положение изменилось после окончания войны Севера с Югом, когда на запад потянулись караваны эмигрантов. Бескрайние прерии начали очень быстро покрываться селениями, и их наводнили искатели счастья всех мастей. И повсюду, где появлялись эти пришельцы, они стреляли бизонов — из-за мяса и шкур, для себя и на продажу, а то и просто забавы ради. А когда через страну бизонов потянулись нити железных дорог, огромные стада начали таять с невероятной быстротой.

Знаменитый Баффало Билл Коли (Бизоний Билл) начал свою карьеру в качестве охотника, которого Канзасская тихо-

океанская железная дорога наняла, чтобы снабжать мясом своих строительных рабочих, и за полтора года убил 4120 бизонов. Первые поезда в этих местах нередко часами простаивали, пока через пути переходило большое бизонье стадо, а потому железнодорожные компании всячески поощряли охоту на бизонов. Вскоре по прериям начали рыскать тысячи профессиональных охотников, и бизоньи шкуры на время стали основой экономики этой области. Как правило, охотники, освежевав свою жертву, забирали шкуру и, может быть, вырезали язык, а тушу бросали. Много лет спустя предприимчивые люди наживали состояния, собирая побелевшие кости и продавая их на фабрики удобрений.

К началу 70-х годов прошлого века миллионные стада бизонов на юго-западе страны ушли в область преданий. Пророчество индейской легенды сбылось: вскоре киова были вынуждены поселиться в резервациях и вести жалкое существование в полной зависимости от сомнительной щедрости белых.

Стремясь избежать такой же судьбы, индейцы северных равнин — сиу, шайенны и их союзники — беззаветно сражались с белыми, тщетно пытаясь остановить их вторжение. В 1876 году индейские вожди Бешеная Лошадь и Сидящий Бык, объединив северные племена, одержали над отрядами генерала Джорджа Кастера блистательную победу в знаменитой битве у Литл-Бигхорна. Однако этот успех индейцев оказался бесплодным: не прошло и года, как почти все рассеянные по равнинам племена были усмирены и загнаны в резервации. Теперь белые охотники получили возможность истреблять бизонов, не опасаясь возмездия. На то, чтобы завершить эту бойню, потребовалось всего пять лет.

Последнее большое стадо — примерно 75 тысяч голов — было уничтожено в районе Йеллоустона летом 1883 года. И с этого времени бизоны, если не считать горстки животных, еще бродивших кое-где по прериям, уже действительно принадлежали прошлому. А в следующие несколько лет и последние остатки стад были в большинстве выслежены и истреблены.

В 1890 году утратившие всякую надежду индейцы устраивали у себя в резервациях ритуальные пляски и взывали к Великому Духу, чтобы он вернул бизонов на землю, но тщетно. К этому времени на всей территории Соединенных Штатов

осталось лишь несколько сотен бизонов, большинство которых держалось в пределах Йеллоустонского парка. Теоретически охота на них там была запрещена, но запрещение это не подкреплялось никакими практическими мерами. Браконьеры продолжали убивать бизонов и в парке; некоторые таксидермисты неплохо наживались на доходной, хотя и противозаконной торговле выделанными бизоньими шкурами и головами, которые приобретали богатые любители трофеев. К 1894 году в Йеллоустоне осталось не больше 21 животного; это были последние дикие бизоны в Соединенных Штатах, если не считать такого же крохотного стада в Лост-Парк (штат Колорадо).

И тут наконец широкая публика не то устыдилась, не то осознала необходимость сохранения исчезающих животных, и конгресс издал закон, вводивший суровые наказания за убийство бизонов в Йеллоустонском национальном парке. Однако закон этот не препятствовал любителям трофеев и дальше уничтожать бизонов в Колорадо. Последние четыре бизона — два быка, корова и теленок — были убиты там в феврале 1897 года. В это время численность бизонов в Соединенных Штатах достигла своего низшего предела.

К счастью, в неволе еще жило немало бизонов, а в Канаде, в почти недоступных дебрях вокруг Большого Невольничьего озера, обитало несколько сотен животных. И это давало некоторую надежду на спасение вида. А потому группа энтузиастов организовала в 1905 году Американское бизонье общество, председателем которого стал Уильям Темпл Хорнедей, ревностный защитник дикой природы. Хорнедей был, кроме того, директором Нью-Йоркского зоологического общества, которому, в частности, принадлежали 40 бизонов, живших в неволе. В 1907 году 15 из них были переданы правительству для только что организованного оклахомского лесного и охотничьего резервата Уичито. В 1908 году Американское бизонье общество способствовало созданию в штате Монтана Национального бизоньего заказника и снабдило его тридцатью четырьмя животными. В течение следующих десяти лет такие же охраняемые стада были созданы в Уидкейвском национальном парке в штате Южная Дакота и в резерва-

ции Форт-Найоберера в Небраске. В судьбе бизонов наступил перелом.

В настоящее время число животных в этих и созданных позже стадах уже превышает 10 тысяч. Даже Аляска может похвастать стадом в 500 голов, которое произошло от двадцати трех бизонов, доставленных туда в 1928 году. Кроме того, канадские бизоны, обитающие в диких дебрях вокруг Большого Невольничьего озера, где теперь создан Национальный парк Вуд-Баффало, тоже размножились, и число их достигает 10 — 12 тысяч голов. Эти бизоны образуют особый подвид лесных бизонов (*Bison bison athabascae*)¹.

Двадцать тысяч бизонов, которые теперь бродят по диким дебрям и национальным паркам Канады и Соединенных Штатов, отличаются такой плодовитостью, что почти повсюду ежегодно приходится проводить отстрел некоторого их количества на мясо, чтобы численность стада не превышала возможностей предоставленных ему пастбищ. В Канаде охотники получают разрешение на отстрел ограниченного числа диких бизонов почти так же, как в прежние дни.

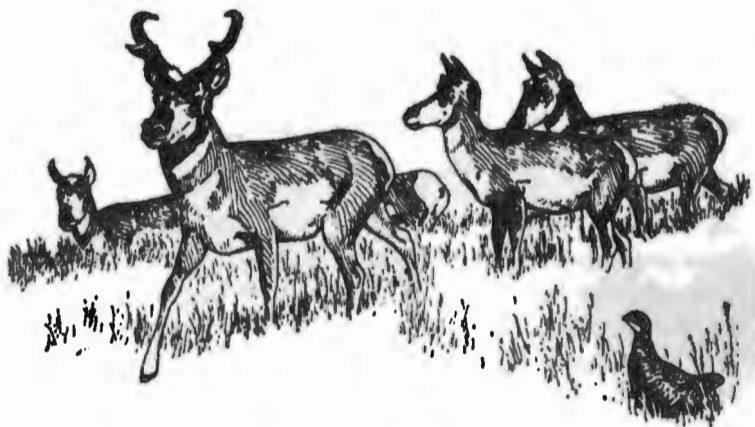
Равнины и прерии Дальнего Запада уже никогда больше не увидят многомиллионных бизоньих полчищ, но благодаря мерам, принятым в самый последний момент, бизон был все-таки сохранен, и дальнейшее выживание вида можно пока считать обеспеченным.

Вилорог (Antilocapra americana)

«Да здравствуют прерии и стремительные антилопы! — восторженно записал в своем дневнике Одюбон, когда увидел этих животных во время своего путешествия вверх по Миссиссиппи в 1843 году. — Они проносятся мимо охотника подобно молниям или метеорам...»

И действительно, вилорог — самое быстроногое животное Америки. Взрослые животные способны развивать скорость около 90 километров в час. Стройные, хотя и мощные ноги, изящное туловище, палево-коричневая окраска, белоснеж-

¹ Из 20 тысяч бизонов, обитающих в настоящее время в Канаде, только около 250 голов принадлежит к лесному подвиду. (Примеч. ред.)



ное «зеркало» и своеобразные рога делают вилорога и одним из самых красивых животных нашего континента.

Это единственный сохранившийся представитель особого семейства копытных — *Antilocarpidae*, которое существовало только в Северной Америке. Когда первые белые появились там, число вилорогов, возможно, достигало многих миллионов. Они обитали на равнинах, в прериях и пустынях Запада повсюду от Северной Мексики до Канады. В отличие от истинных антилоп Африки и Азии, вилорог обладает полыми разветвленными рогами, которые осенью ежегодно сбрасывает, после чего к весне они опять отрастают.

Подобно бизонам, вилороги процветали, пока в их края не вторглись белые. Поселенцы убивали быстроногих животных ради их мяса и для развлечения, на их пастбища они выпускали коров и овец, а затем начали огораживать свои фермы вместе с пастбищами. В результате численность вилорогов постепенно уменьшалась, и в 1908 году к северу от Мексики их оставалось не более 20 тысяч.

Но к этому времени трагедия бизонов уже многому научила людей. Почти все западные штаты дали своим уцелевшим вилорогам некоторую передышку, запретив охоту на них в определенные сезоны. В 1931 году Клуб Буна и Крокетта вместе с Одюбоновским обществом приобрел на северо-западе Невады участок в 14 тысяч гектаров и превратил его в заказник, носящий теперь название Шелдоновского национального ан-

тилопьего заказника. Пять лет спустя президент Франклин Делано Рузвельт отвел по соседству с этим заказником 200 тысяч гектаров общественных земель под заказник, также названный в честь Чарлза Шелдона, члена Клуба Буна и Крокетта, человека, внесшего большой вклад в дело сохранения дикой природы. Тогда же Рузвельт создал еще один заказник неподалеку от двух первых, на юго-востоке штата Орегон — Национальный антилопий заказник Харт-Маунтин. Эти три заказника обеспечивают местным вилоорогам достаточно места для спокойного размножения и зимовок.

Защитные меры дали поистине невероятные результаты: к 1939 году только в Соединенных Штатах популяция вилооров возросла до 200 тысяч животных. А в настоящее время эта цифра, возможно, удвоилась. Четырнадцать западных штатов и две канадские провинции разрешают теперь ежегодную ограниченную охоту на вилооров. Около 80 тысяч охотников на антилоп выходят в поле каждую осень, и только в Вайоминге и Монтане их ежегодная добыча составляет более 50 тысяч животных. Неизменный уровень популяции вполне допускает такой отстрел. Если же численность вилооров начнет заметно снижаться, охота на них будет ограничена.

В настоящее время опасность угрожает только сонорскому подвиду вилоорога (*Antilocapra americana sonoriensis*). Этот подвид, обитающий на самом юге штата Аризона и на северо-западе Мексики, в обеих странах строго охраняется.

*Американский благородный олень, или вапити
(Cervus canadensis), и его родственники*

Европейские поселенцы, впервые столкнувшись с крупными американскими оленями, называли их лосями. Однако на самом деле это был подвид благородного оленя. Индейцы шаупи называли этих оленей вапити, что на их языке значило «светлое пятно у хвоста». В колониальные дни подвиды благородного оленя были широко распространены по всему Североамериканскому континенту от Южной Канады до Мексики и от Тихоокеанского побережья почти до самых берегов Атлантики.



Поселенцы охотились за восточными вапити с таким рвением, что к началу войны Севера с Югом этот подвид к востоку от Миссисипи был почти совершенно истреблен, а через несколько лет после ее окончания его уже можно было занести в список вымерших животных. Быстрое заселение Скалистых гор и Тихоокеанского побережья обещало ту же судьбу и благородным оленям этих областей.

Болотный вапити (*Cervus canadensis nannodus*), довольно мелкий олень, обитавший в долинах калифорнийских рек Сан-Хоакин и Сакраменто, был безжалостно истреблен в годы калифорнийской «золотой лихорадки». К 1885 году было зарегистрировано только 28 этих оленей — небольшое стадо, еще сохранившееся на ранчо Миллер-Лаке в графстве Керн. Аризонский вапити, или вапити Мерриэма (*Cervus canadensis merriami*), подвид с более бледной окраской и большими рогами, обитавший в горах Аризоны и Нью-Мексико, оказался не столь удачливым: он исчез к 1906 году, когда последнее стадо было истреблено в горах Чирикауа.

К 90-м годам прошлого века более или менее крупные стада вапити сохранились только в районе Йеллоустонского парка и Джексон-Хоул в штатах Вайоминг и Монтана. Этот обитавший в Скалистых горах подвид, ареал которого прежде охватывал горы и плато всех западных штатов, теперь также стремительно исчезал почти повсюду, кроме таких глухих

уголков, как Йеллоустон. Да и там вапити явно доживали последние дни.

Йеллоустонские вапити прежде проводили лето на сочных альпийских лугах и склонах у самых вершин. После осеннего гона, когда самцы собирали гаремы из нескольких самок, эти отдельные группы соединялись в стада, которые спускались на зиму в открытые долины и луга Джексон-Хоул или уходили еще дальше на юг.

Но по мере заселения Вайоминга и Монтаны стада каждую осень встречали все большее число охотников. Тысячи вапити были убиты только ради их клыков, которые иногда приносили охотнику десять долларов за пару. В те дни члены общества, носящего пышное название «Благодетельный и охранительный Орден Лосей», исчислялись миллионами, и среди них считалось особым шиком носить на часовой цепочке как брелок зуб вапити («американского лося») в золотой оправе, служивший неофициальным знаком ордена.

Однако вапити страдали не только из-за интенсивной охоты. Главная причина утасания вида заключалась в том, что в долинах, где они зимовали, появлялось все больше изгородей и хозяйственных построек. Дикие степи превращались в пахотные земли или в огороженные выпасы, а фермеры и скотоводы, естественно, не собирались мириться с тем, что вапити покушаются на корм их коров и овец.

Лишенные своих исконных зимних угодий, вапити Скалистых гор в суровые зимы гибли тысячами. Уже в 1892 году, в самом начале их трагедии, только в районе Джексон-Хоул их пало от голода не меньше пяти тысяч. Отдельные скотоводы и представители местных властей из жалости пытались подкармливать их сеном.

Однако такая помощь ничего в конечном счете не решала, и для спасения вапити потребовались объединенные усилия федеральных, штатных и местных властей. В результате в 1912 году в штате Вайоминг, в долине реки Титон, к северу от города Джексон, был создан Национальный заказник вапити площадью около 1100 гектаров. Для вапити, которые тысячами собирались там на зиму, была организована систематическая подкормка. В настоящее время благодаря добавочному

финансированию, обеспеченному Лигой Исаака Уолтона, Орденом Лосей, а также штатом и федеральным правительством, площадь Национального заказника вапити расширена до 9500 гектаров.

Каждую осень туда устремляется до семи тысяч вапити, и любители диких животных с восторгом наблюдают, как в зимние месяцы по заказнику ежедневно разъезжают сани, чтобы разбросать там сено для голодных стад.

Но каким бы эффектным ни было это зрелище, оно наглядно подтверждает тот факт, что вапити Джексон-Хоул живут, несомненно, в крайне неблагоприятных условиях. «В настоящее время подкармливание диких животных совершенно справедливо считается последним средством, — утверждает Олдос Мюри. — Это означает, что все усилия обеспечить достаточную территорию для зимовки оказались тщетными».

Действительно, вапити, которых приходится подкармливать, перестают быть дикими животными в полном смысле слова, они уже начинают превращаться в домашний скот. В настоящее время число вапити в районе Йеллоустона и Джексон-Хоул слишком велико для оставшихся им зимних пастбищ. В Йеллоустоне их зимует столько, что они давно уже угрожают уничтожить траву и подлесок во многих частях национального парка.

Департамент национальных парков много лет энергично ищет разрешения этой проблемы. Еще в 1892 году начался отлов вапити, которых затем выпускали в тех местах, где они уже давно исчезли. С того времени и по 1939 год таким образом было переселено свыше 10 тысяч вапити. В результате в тридцати шести американских штатах и в некоторых других странах появились свои стада, которые могли послужить основой будущих популяций. И многие из них отлично прижились на новом месте.

Однако отлов в Йеллоустоне и в Национальном заказнике вапити в Джексоне ни в малейшей степени не решает проблемы избыточных животных. И то же можно сказать о выборочном отстреле, который проводят егеря. Возможно, ограниченная охота в Йеллоустоне и в Национальном парке

Грэнд-Титон могла бы способствовать приведению популяции вапити в равновесие с площадью оставленных им пастбищ. В качестве временной меры осенью 1968 года Вайомингскому охотничьему обществу было выдано 2500 специальных разрешений на охоту в Национальном парке Грэнд-Титон, которые распределялись по жребию. Охотники, вытянувшие счастливый номер, на время охоты числились егерями парка. Такая процедура не нова: для уменьшения численности стад в последние годы не раз использовались подобные методы. Если бы в глухих уголках заказника можно было развести таких природных врагов вапити, как волки, они, несомненно, также способствовали бы установлению равновесия, однако местные скотоводы, конечно, стали бы возражать против этого.

Вапити Скалистых гор являются в настоящее время наиболее многочисленным подвидом, о чем неоспоримо свидетельствует рост популяции в Йеллоустоне. Численность канадского подвида — манитобских вапити, обитающих в Манитобе и Саскачеване, — заметно ниже. Рузвельтовские, или олимпийские, вапити, крупные животные с темной окраской и тяжелыми рогами, встречаются на Тихоокеанском побережье от Северной Калифорнии до острова Ванкувер. Им обеспечена охрана в Олимпийском национальном парке в штате Вашингтон и в калифорнийском заказнике Мэдисон-Грант-Форест. Эти олени были также выпущены на остров Афогнак у берегов Аляски, где хорошо прижились.

Болотных вапити сохранилось в настоящее время три стада, и общее число их достигает почти трехсот голов. Одно из этих стад ведет полудомашний образ жизни в вольерах парка Тьюл-Элк под Тапменом в Калифорнии. Еще одно бродит на свободе в заказнике Оуэнс-Вэлли, созданном по постановлению Лос-Анджелесского муниципалитета в 1967 году. Но даже это маленькое стадо оказывается нежелательным конкурентом домашнего скота, лишая его какой-то доли корма, и местные фермеры настойчиво требуют его уменьшения.

Как ни грустно, но приходится признать, что в Соединенных Штатах нигде, кроме Аляски, нет места даже для средней величины стада таких крупных травоядных, как бизоны и вапити.

После гибели «Святого Петра» у острова Беринга в ноябре 1741 года натуралист Георг Вильгельм Стеллер увидел из шлюпки, в которой потерпевшие кораблекрушение добирались до берега, что к ним «приближалось несколько морских бобров¹, которых одни издалека приняли за медведей, а другие — за росомах».

Зимуя на пустынных берегах прежде никому не известного арктического острова, голодающие моряки «Святого Петра» часто убивали каланов, или «морских медведей», как они их называли, ради их мяса. Оно отнюдь не отличалось приятным вкусом, но все-таки поддерживало слабеющие силы истощенных людей. А главное, добывать его было легко. На острове Беринга каланов было очень много, а догнать их на суше и прикончить дубинкой не составляло большого труда.

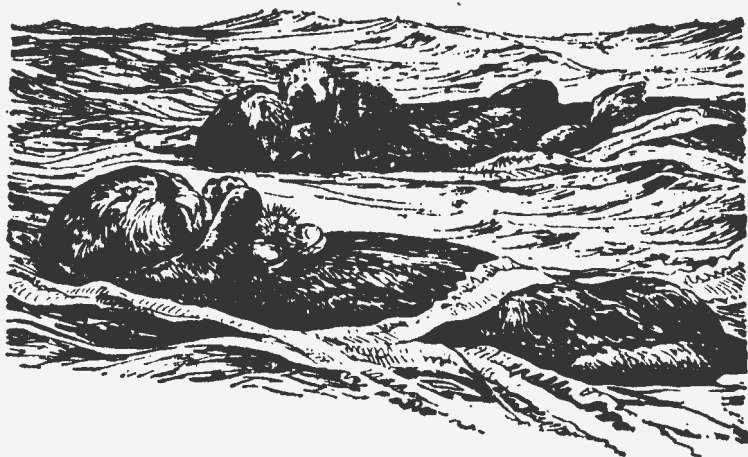
Но если на суше калан медлителен и неуклюж, то в своей родной стихии он удивительно ловок и грациозен. Его гибкое, идеально обтекаемой формы тело быстро скользит по воде, когда он гребет задними, похожими на ласты лапами, вытянув передние вдоль боков. Взрослые самцы достигают в длину полутора метров и весят до 35 килограммов. Самки заметно мельче.

Самка обычно приносит только одного детеныша. Этот тридцатисантиметровый малыш, с рождения пушистый и ясноглазый, выглядит удивительно симпатичным. Мать держит детеныша на груди передними лапами и в минуты опасности покидает его с большой неохотой.

Питаются каланы моллюсками, крабами и морскими ежами. В калифорнийских водах они всему предпочитают морские ушки. Нырять за добычей, калан нередко захватывает со дна плоский камень. Находчивый зверь кладет камень себе на живот и, плавая на спине, разбивает об него твердую раковину моллюска.

В мире, пожалуй, нет другого такого красивого глянцевого меха, как у каланов. Блестящий черновато-коричневый

¹ Морские бобры — старинное торговое название каланов.
(Примеч. ред.)



подшерсток мягок и шелковист, как лучший бархат. Седина более длинных волос придает меху серебристый отлив. Добыча бесценных шкур каланов принесла богатство лишь горстке охотников, другим же — несчастья и смерть.

Когда в 1742 году Стеллер и его спутники добрались до Камчатки, они привезли с собой несколько сот каланьих шкур, а также рассказы о баснословном изобилии этих животных на открытых ими островах. Эта новость распространилась очень быстро, и вскоре промысловые суда одно за другим начали отправляться по бурным водам северных морей на остров Беринга и к Алеутским островам.

Промышленников вела туда страсть к наживе, и они, где могли, уговаривали или заставляли местных жителей добывать для них каланов. Охотники-алеуты иногда ловили каланов сетями на рифах, но чаще били гарпунами с байдарок из моржовых шкур. В результате такой неистовой охоты к 80-м годам XVIII века каланы практически исчезли и на Командорских и на Алеутских островах. Теперь внимание промышленников привлекли каланы на прибрежных островах Аляски. Чтобы вести на Аляске выгодный промысел каланов, русские создали в 1783 году Русско-Американское общество для торговли мехами. К тому времени эта область заинтересовала также испанцев и англичан. Когда знаменитый английский мореплаватель капитан Джеймс Кук в 1778 году посетил остров

Ванкувер, он и его команда быстро поняли, какой доходной может быть скупка каланых шкур у местных индейцев. «Дюжины больших стеклянных бусин хватило, чтобы заплатить за шесть отличных шкур», — писал один из его спутников.

Ровно через десять лет бостонский шкипер Роберт Грей отправился на своем судне «Колумбия» в аляскинский залив Нутка и также завел меновую торговлю с местным населением. Во время одной стоянки, сообщает историк Джордж Бэнкрофт, «Грей выменял 200 каланых шкур, стоивших не меньше 8000 долларов, на старую железную стамеску». Отправившись с Аляски в Кантон, Грей обменял свой драгоценный груз на шелк, пряности и другие экзотические восточные товары. Затем он отплыл на родину, навстречу славе и богатству.

Эта лихорадочная охота продолжалась несколько десятилетий, и популяция каланов постепенно сходилась на нет по всей области их распространения. К 1867 году, когда Соединенные Штаты купили Аляску у России, этот промысел совсем захирел. Но американские охотники, не сдерживаемые никакими правительственными мерами, принялись преследовать каланов с новой энергией. С 1881-го по 1890 год было добыто почти 48 тысяч шкур.

Однако после этого промысловые суда уже тщетно высматривали заманчивую добычу, так как каланы теперь действительно находились на грани вымирания. В 1900 году вся добыча составила ровно 127 шкур. Цена каланых шкур взлетела до небес, но выяснилось, что взять их неоткуда, какие бы деньги за них ни сулили. В 1910 году за единственную шкуру было уплачено 1703 доллара 33 цента. В следующем году Соединенные Штаты, Англия, Россия и Япония подписали договор, запрещающий какую бы то ни было охоту на каланов. Однако в тот момент это выглядело как попытка запереть дверь конюшни, из которой лошадь давно уже увели.

Прошло несколько десятилетий, но о каланах никто ничего больше не слышал и никто их больше не видел, хотя теперь они и были «взяты под охрану». Пессимисты считали каланов окончательно вымершими, а оптимисты надеялись, что несколько животных могли все-таки выжить в какой-нибудь глухой бухте Алеутских или других дальних островов. Одна

шкура, под шумок мелькнувшая на лондонском пушном рынке, пошла без малого за 2500 долларов.

Затем 19 марта 1938 года парочка, прогуливавшаяся возле устья Биксби-Крик на Монтерейском полуострове в Калифорнии, заметила в море неподалеку от берега каких-то странных животных. Они позвали егерей, и те, разглядев подпрыгивающие на волнах глянцевиные головы, опознали каланов и насчитали их целых 94 штуки. Итак, хотя бы в калифорнийских водах этот ценнейший промысловый зверь еще не перевелся.

Уцелели каланы и в районе Алеутских островов. И к настоящему времени, через 50 с лишним лет после запрещения охоты на них, каланы постепенно вновь заселили значительную часть своего прежнего ареала. Теперь в прибрежных водах Тихого океана, от исхлестанных бурями островов Прибылова и Алеутских островов до побережья Калифорнии, по подсчетам, обитает более 40 тысяч каланов. Значительное их число живет в Национальном заказнике Алеутских островов, занимающем площадь 120 тысяч гектаров и включающем 70 островов и островков.

Но даже и в этом далеком убежище цивилизация все еще угрожает каланам, хотя опасность принимает теперь несколько иные формы. Осенью 1965 года комиссия по атомной энергии США провела подземный взрыв на Амчитке, одном из главных островов заказника. Были приняты необходимые меры для защиты каланов и других диких животных, но кто может точно предсказать все отдаленные последствия атомных взрывов? Тем не менее запланированы дальнейшие испытания.

Еще одну угрозу для каланов и других морских животных представляет дизельное топливо и другие нефтепродукты, которые спускают за борт проходящие в тех водах суда. Растекшаяся по поверхности воды нефть образует смертоносную пленку на мехе каланов и на оперении морских птиц. Эта пленка мешает им свободно плавать и уничтожает теплоизолирующие свойства меха и перьев, отчего животные вскоре погибают. Когда какой-то танкер в 1965 году спустил нефть неподалеку от острова Грейт-Ситкин, там после этого удалось

обнаружить всего шесть каланов, хотя весной их было зарегистрировано в этих водах более шестисот.

Однако, выжив после полутора веков истребительной охоты, каланы доказали свою биологическую стойкость. Возможно, раз уж их не погубило алчное стремление человека завладеть их шелковистым мехом, они выдержат опасности, которые создаст рост техники и сопутствующее ему загрязнение окружающей среды. Но это будет очень нелегко, поскольку в 1967 году Аляска возобновила промысел каланов, объявив его монополией штата, и в начале следующего года выбросила на рынок 826 шкур, лучшие из которых были проданы по 2300 долларов за штуку¹.

Северный морской котик (Callorhinus ursinus)

Примерно в 400 километрах севернее Алеутских островов из курящихся туманами вод Берингова моря встают пять небольших скалистых островков. Это острова Прибылова, где каждую весну в период размножения собираются сотни тысяч северных морских котиков.

Первыми туда являются секачи — самцы-производители в возрасте от семи до пятнадцати лет, вес которых достигает 270 килограммов и более. Выбравшись на берег, каждый секач немедленно захватывает участок пляжа в полную свою собственность, воинственно ревет и вступает в драки с другими секачами, оберегая свои владения. Недели через две приплывают молодые самцы, еще не достигшие полной зрелости. Это «холостяки». Они не рискуют вступать в конфликт с секачами и покорно отправляются на свободную часть пляжа или на склон за ним. Последними в конце июня приплывают беременные матки.

Когда они появляются у берегов, каждый секач старается собрать на отвоеванном участке как можно больше подруг. Он ревниво следит за своим гаремом, не позволяя самкам забредать на чужую территорию и отражая посягательства других

¹ К середине 70-х годов XX века общая численность каланов, обитавших на Командорских островах, южной оконечности Камчатки и Курильских островах, составляла около 10 тысяч. (Примеч. ред.)

секачей. В течение первых четырех дней после выхода на берег матка рождает одного черного детеныша весом четыре-пять килограммов, а еще через несколько дней самец с ней спаривается. Следующего своего детеныша эта матка принесет через пятьдесят одну неделю.

В июле каменистые берега усеиваются тысячами вопящих детенышей. Кормящие матери порой уплывают в море на полтора-два километра в погоне за рыбой. Вернувшись, каждая самка безошибочно находит в скопище детенышей своего отпрыска. Секачи, однако, продолжают нести стражу на берегу большую часть лета. Полтора месяца, пока длится лежбищный сезон, они не едят и не пьют.

В конце лета гаремы начинают распадаться. Самки перестают кормить детенышей молоком, и молодые котики следуют за ними в море, где быстро выучиваются самостоятельно ловить рыбу. Секачи также уходят в море, и к началу ноябрьских штормов прибыловские пляжи совсем пустеют и остаются пустынными до следующей весны.

Взрослые самцы иногда всю зиму проводят в открытых водах северной части Тихого океана, но самки и молодые котики отправляются дальше на юг, вплоть до прибрежных вод Калифорнии.

Лежбища северного морского котика стали известны только в 1786 году, когда Гавриил Прибылов, штурман русско-



го военного флота, открыл острова, названные затем его именем. Популяция котиков в ту эпоху там, вероятно, достигала четырех-пяти миллионов, и вскоре на острова Прибылова обрушились орды котикологов. К 1834 году, то есть за полвека после их открытия, на них было добыто два миллиона шкур. Стада заметно уменьшились, и русские ввели ограничения на береговую охоту — строжайше запрещалось убивать маток. В результате за следующие 30 лет было добыто только 600 тысяч шкур. В 1867 году, когда Соединенные Штаты вместе с Аляской получили и острова Прибылова, на их лежбищах все еще собиралось каждый год около трех миллионов котиков.

Но котиколовы из Соединенных Штатов принялись истреблять их с еще небывалым рвением. Правительство продавало право охоты на берегу частным фирмам, которые в общей сложности добывали по 100 тысяч шкур в год вплоть до 1890 года. Одновременно котиколовы разных стран выслеживали котиков в открытом океане. В 1892 году на севере Тихого океана этим промыслом занималось около 120 судов.

При охоте в море не соблюдалось никаких ограничений, и в результате было истреблено множество беременных и кормящих самок. На пляжах умирали от голода тысячи осиротевших детенышей. Не выдерживая такого натиска на суше и на море, стада год от года стремительно уменьшались. К 1910 году на пляжах островов Прибылова собирались весной вместо прежних миллионов всего 130 тысяч котиков. Только принятие каких-то действенных мер могло предотвратить полное вымирание северного морского котика.

Спасение пришло к нему в 1911 году вместе с тем же Международным договором, который запрещал охоту на каланов. Охота на котиков в открытом море была запрещена, а все лежбища на пять лет объявлены заповедными, чтобы дать котикам передышку для восстановления их численности. По истечении этого срока каждой стране, владеющей лежбищами, предоставлялось право оберегать стада и регулировать охоту на собственных островах.

В результате этих мер численность северных морских котиков на островах Прибылова возросла до полутора миллионов — цифра, которую специалисты по котикам считают оптимальной для тамошних лежбищ. Каждый год Департамент

промыслового рыболовства получает с этих островов от 60 до 100 тысяч шкур трех-четырёхлетних «холостяков». России принадлежат два лежбища поменьше с общим числом животных около 200 тысяч¹.

Одно из русских стад размножается на Командорских островах, а другое — на крохотном Тюленьем острове в Охотском море. Канада и Япония, также подписавшие договор о котиках, каждый год получают оговоренный процент американских и русских котиков. Если такой контроль сохранится и дальше, будущее северного морского котика можно считать обеспеченным.

Северный морской слон (Mirounga angustirostris)

Турист, отправившийся на остров Гуадалупе у берегов Мексики, почти наверняка сможет полюбоваться стадом огромных тюленей, мирно дремлющих на песчаном берегу. Их жесткие шкуры покрыты лохмотьями лупящейся кожи, и у каждого самца над пастью, словно пустой кожаный мешок, свисает дряблый «хобот». Чтобы поверить, какими большими они бывают, их надо увидеть собственными глазами. Крупные экземпляры достигают в длину 4,5—4,8 метра, рекордная же их длина приближается к 6,5 метра, а их вес нередко превышает три тонны.

Полтора века назад тысячи морских слонов плавали в прибрежных водах Калифорнии. Каждую весну они выбирались на пляжи островков Ченнел у берегов Южной Калифорнии, чтобы дремать там, спариваться и рождать сорокакилограммовых детенышей. Они ревели, дрались, нежились на солнце, а затем возвращались в море искать рыб, кальмаров и другие морские лакомства.

Русские промышленники, исследуя воды к югу от Аляски, открыли морских слонов и обнаружили, что это легкая добыча. А за ними в этом убедились и испанцы, и предприимчивые английские моряки, а также американцы. Китобойи всех стран

¹ В настоящее время численность котиков в Советском Союзе достигла 400 тысяч. (Примеч. ред.)



тоже заходили на эти островки, чтобы охотиться на огромных тюленей. Ворвань, полученная из их жира, считалась даже лучше кашалотовой, а один самец давал до 1500 литров такой ворвани. В результате интенсивной эксплуатации северный морской слон к концу XIX века почти совершенно исчез.

В 1892 году на остров Гуадалупе, последнее прибежище северного морского слона, прибыла группа американских ученых. Они обнаружили там девять животных и незамедлительно убили семерых из них — пусть хотя бы музеи будут обеспечены изученными и этикетированными экземплярами. В течение следующих пятнадцати лет северный морской слон считался вымершим, правда еще неофициально.

Однако в 1907 году Ротшильдовская научная экспедиция, посетившая Гуадалупе, к великому своему изумлению, обнаружила на пляже сорок морских слонов. Четырнадцать из них были тотчас убиты — опять-таки для музеев. Четыре года спустя следующая научная экспедиция обнаружила там стадо голов в полтораэта. В том же году мексиканское правительство полностью запретило охоту на морских слонов. С тех пор число их продолжает медленно, но неуклонно увеличиваться.

К настоящему времени популяция северного морского слона достигла более 10 тысяч животных. Растущие стада вновь занимают некоторые из прежних своих лежищ, включая острова Ченнел, а также остров Саут-Коронадо всего в 34 километрах от города Сан-Диего в штате Калифорния.

Лебедь-трубач (*Olor buccinator*)

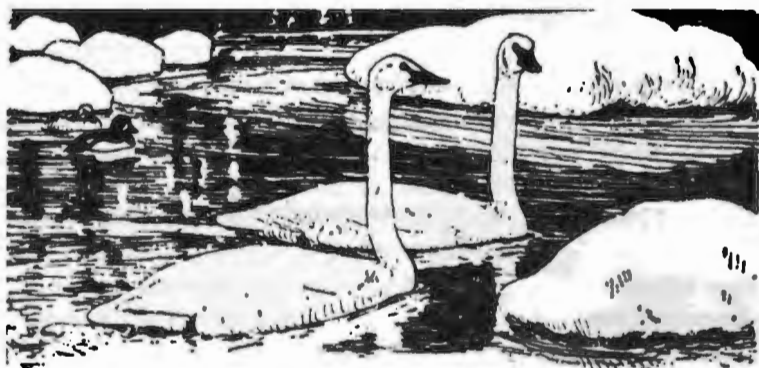
Крупнейшая из водоплавающих птиц мира, лебедь-трубач, весит более двенадцати килограммов и взмывает к небу на крыльях, размах которых превышает два метра. У него глянцево-белое оперение и клюв глубокого черного цвета. Его громкий низкий крик напоминает торжественные звуки валторны.

В эпоху первых поселенцев лебедь-трубач был распространен почти повсюду во внутренних областях континента. Каждую весну он улетал на север, к местам своих гнездовий, и каждую осень возвращался к удобным зимовьям в долинах рек Огайо и Миссисипи, а также в Скалистые горы. По мере того как места обитания этих лебедей все больше заселялись, их число соответственно шло на убыль. Большая белая птица была соблазнительной мишенью, тем более что такая добыча обещала приятное дополнение к надоевшей оленине, говядине или жаркому из бизона. Их маховые перья были очень удобны для письма, а нежный пух шел на изготовление лучших перин, подушек и пуховок для пудры.

Между 1853-м и 1877 годами только Компания Гудзонова залива продала свыше 17 тысяч лебединых шкурок. Добавьте еще птиц, убитых другими профессиональными охотниками, а также любителями, и вы получите примерное представление, какое огромное количество лебедей было истреблено за эти годы. Среди них было немало американских лебедей (*Cygnus columbianus*), принадлежащих к не столь крупному и более многочисленному виду. Но трубачи ценились особенно высоко.

К началу XX века трубачи исчезли в Соединенных Штатах почти повсюду. Этот вид, казалось, был обречен, как с грустью указывал известный орнитолог Хоу Форбуш: «Лебедь-трубач не выдержал непрерывного преследования по всему своему ареалу, и через несколько лет мы станем свидетелями его окончательного исчезновения».

Договор об охране перелетных птиц 1918 года впервые поставил под защиту закона и американского лебедя, и трубача, но браконьеры продолжали охотиться на них. К 1930 году вся популяция лебедя-трубача в Соединенных Штатах сосредото-



чивалась в районе Йеллоустона в штате Вайоминг и в прилегающем районе озер Ред-Рок на юго-западе Монтаны. Там во многих местах бьют горячие ключи, и образованные ими озера не замерзают даже в самые суровые зимы.

В 1933 году в этой области было убито не менее 17 трубачей, а в следующем году к югу от канадской границы было зарегистрировано всего 73 птицы. Но тут на сцену выступил новый энергичный глава Биологической службы США Дж. Н. (Динг) Дарлинг, известный политический карикатурист и убежденный сторонник охраны природы. Во многом благодаря его настойчивости в районе озер Ред-Рок, где обитали лебеди-трубачи, в 1935 году был создан национальный заказник площадью около 16 тысяч гектаров. Впервые за всю историю гнездовья лебедей были взяты под строгую охрану.

На трубачей это оказало столь благотворное влияние, что в 1958 году к югу от Канады было зарегистрировано 735 этих белоснежных красавцев, причем 310 из них — в заказнике. Это число полностью исчерпывает возможности озер Ред-Рок, так как каждой паре трубачей требуется обширный гнездовой участок. Как же увеличить их численность? Для этого был начат отлов лебедей на озерах Ред-Рок и переселение их в другие охраняемые участки.

Отлов обычно производился в конце лета в период линьки, когда лебеди теряют маховые перья и некоторое время не могут летать. На новых местах им подрезали крылья и зиму держали в вольерах, а весной выпускали. Если все шло, как

предполагалось, они привыкали к новому месту, оставались там и выводили птенцов.

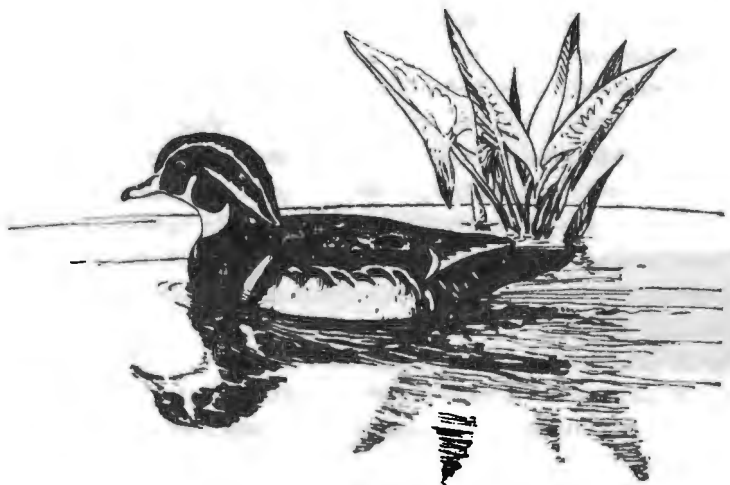
Таким способом лебеди-трубачи были водворены во многие заповедные участки, подходящие для их обитания, в том числе в Малур (Орегон), Национальный заказник вапиту (Вайоминг), Руби-Лейк (Невада), Тернбул (Вашингтон) и Лекрик (Южная Дакота). Повсюду там они вывели птенцов. Кроме того, пары лебедей были разосланы примерно в 50 зоопарков. Они построили гнезда и успешно вывели птенцов в Филадельфийском зоопарке и в городском парке в Грейт-Бенде (Канзас).

В настоящее время лебедю-трубачу опасность вымирания, по-видимому, не грозит, и число этих птиц продолжает увеличиваться. При подсчете с воздуха осенью 1968 года были зарегистрированы 799 диких лебедей-трубачей в восьми штатах к югу от Канады и 2842 птицы на Аляске. По оценке специалистов, общая их численность, считая и канадских птиц, достигает четырех-пяти тысяч.

Каролинская утка (Aix sponsa)

Многие считают, что среди водоплавающих птиц нет никого красивей селезня каролинской утки. Его увенчанная хохлом голова и спина отливают темно-зелеными, синими и лиловыми тонами и расчерчены белыми полосками. Грудь у него глубокого винного цвета, а глаза — как два маленьких рубина. Его подруга носит изящный, но скромный наряд — серо-коричневый с белым.

Еще сто лет назад каролинские утки были широко распространены почти по всей умеренной зоне Северной Америки. Охотились на этих птиц весьма усердно, так как мясо их нежно и вкусно, а перья — идеальный материал для изготовления искусственной приманки, на которую хорошо идет форель, а также для отделки шляпок и тому подобного. Чучело селезня украшало викторианские гостиные. В те дни каких-либо эффективных ограничений охоты на водоплавающую птицу не существовало, и красивую утку стреляли круглый год.



Однако охота была лишь одним из неблагоприятных факторов, приводивших к уменьшению численности каролинских уток. Этот вид гнездится в дуплах, и повсеместная вырубка лесов и расчистка земли под пашню в сочетании с интенсивным осушением болот приводили к уничтожению значительной части ее излюбленных мест обитания. В первом десятилетии XX века каролинская утка повсюду исчезала с роковой быстротой.

Чтобы спасти ее, Бюро биологической службы в 1901 году призвало установить для этого вида сезоны запрещения охоты. Ряд штатов откликнулся на этот призыв, но общий для всей страны закон об охране каролинской утки появился лишь в 1916 году, когда Соединенные Штаты и Великобритания заключили соглашение, регулирующее охоту на всех перелетных водоплавающих птиц. Оба правительства полностью запретили всякую охоту на каролинскую утку в 1918 году, и запрет этот сохранялся вплоть до 1941 года, когда был открыт ограниченный осенний охотничий сезон, так как охрана дала свои плоды и число уток резко пошло вверх.

В настоящее время каролинская утка вновь стала обычной птицей во многих районах страны, но ей по-прежнему требуется наша всемерная помощь. Так, многие энтузиасты

изготавливают и устанавливают дуплянки, чтобы каролинские утки могли жить и гнездиться в тех местностях, где естественных дупел уже не хватает.

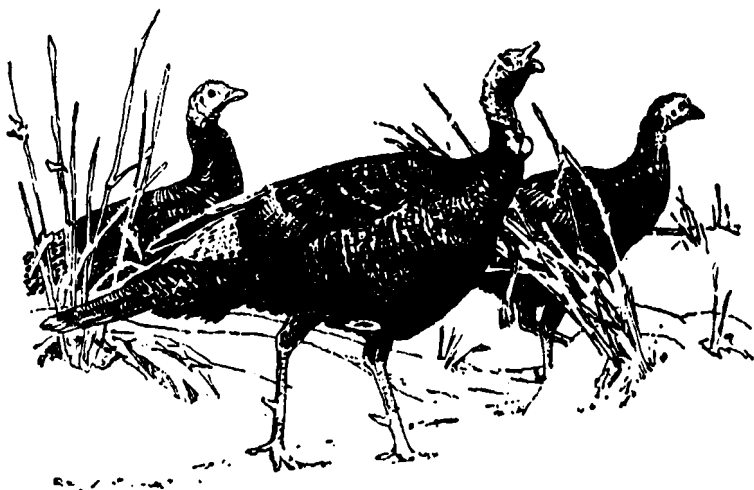
Дикая индейка (Meleagris gallopavo)

Когда конкистадоры Кортеса в 1521 году захватили столицу ацтеков, они, в частности, увидели стаи индеек, которых местные жители держали как домашнюю птицу. О том же сообщали и солдаты Коронадо, которые несколько лет спустя проникли на юго-запад Северной Америки. По их словам, индейцы пуэбло держали «петухов с болтающейся бородой».

Вместе с другими сокровищами конкистадоры отправили в Испанию и несколько этих одомашненных птиц.

Там они настолько понравились, что лет через полтора ста их уже разводили в большинстве европейских стран. Их происхождение было известно далеко не повсюду, и в Англии, например, считалось, будто родина индеек находится где-то в пределах Турецкой империи, что и отразилось в английском названии этой птицы — *turkey* (турецкая).

Первые английские поселенцы в Америке привезли туда с собой и домашних индеек, не подозревая, что там в изоби-



лии водятся их дикие собратья. «Отцы-пилигримы» нашли на берегах Массачусетского залива «множество диких индеек», и, согласно легенде, украшением пиршества в первый День благодарения были жареные индейки, отчего в Соединенных Штатах и по сей день сохраняется обычай отмечать День благодарения именно этим традиционным блюдом. В первые трудные годы существования массачусетской колонии дикие индейки служили большим подспорьем для переселенцев; редкий охотник не возвращался из леса с одной-двумя птицами.

Некоторое представление и об изобилии диких индеек, и о стремительном сокращении их численности дает следующий отрывок из воспоминаний человека, путешествовавшего по Новой Англии в 1674 году: «Доводилось мне видеть, как поутру шесть десятков индюшачьих выводков грелось на солнышке у болота. Но это было тридцать лет назад, а с тех пор англичане и индейцы совсем повывели эту птицу, и встретить в лесу дикую индейку — большая редкость». Хотя эта область только-только начала тогда заселяться, на северо-востоке страны дикая индейка была уже почти истреблена. Однако в других местах эта птица еще сохраняла прежнюю численность.

«По дремучему лесу проносится крик этих часовых стай, — писал в 1770 году натуралист Уильям Бартрем после путешествия по Флориде. — Одна за другой птицы подхватывают этот сигнал, напоминающий крик домашнего петуха, и передают его на сотни миль вокруг...»

В ту эпоху ареал диких индеек охватывал значительную часть континента — от Новой Англии, Мичигана и Колорадо на севере до Флориды, Южной Мексики и Аризоны на юге. Среди тогдашних птиц не редкостью были великолепные экземпляры; петухи, если верить свидетельствам современников, часто весили больше двадцати килограммов. Основным кормом диким индейкам служили желуди, каштаны и буковые орешки, однако к ним в зоб попадали также клубни, луковицы, личинки и семена. В поисках корма индейки проходили много километров. Эти осторожные и ловкие птицы устраивались на ночлег высоко на дереве, а по земле

они бегали хотя и не очень быстро, но все-таки чуть быстрее, чем человек.

«Я жалею, что символом нашей страны был выбран белоголовый орлан,— вздыхал Бенджамин Франклин.— Ведь индейка в сравнении с ним куда более почтенная птица... это блестящая птица». Возможно, такое предубеждение против орлана несправедливо, но история достаточно почтила их обоих. Если орлан остается нашей национальной эмблемой, то жареная индейка украшает стол в День благодарения.

Под безжалостной пятой цивилизации дикая индейка вскоре начала исчезать во многих местностях как в результате интенсивной охоты, так и потому, что вырубка леса лишала ее и приюта и корма. Если в 1730 году дикая индейка была настолько обычной птицей, что ощипанных и выпотрошенных птиц продавали в Массачусетсе по полтора цента за фунт, то сто лет спустя ее там уже нельзя было достать ни за какие деньги, потому что на северо-востоке страны она исчезла почти совсем. Коннектикут потерял свою последнюю дику индейку в 1813 году, а Массачусетс — в 1851-м.

К 1920 году этот вид полностью исчез в восемнадцати штатах, то есть в трех четвертях прежнего ареала. Этому способствовало и заболевание каштанов, лишившее индеек их основного корма.

Тогда судьба индейки начала привлекать внимание специалистов по охране природы, и одним из первых к разрешению этой проблемы приступил пенсильванский департамент. Дикие индейки, выращенные в государственных хозяйствах, выпускались в подходящих для их обитания местностях, но они были слишком ручными и недостаточно закаленными, чтобы зимовать в естественных условиях. Тогда пенсильванские лесничие предприняли следующий эксперимент — полудомашние самки с подрезанными крыльями помещались в проволочных вольерах в горных лесах, где еще сохранились дикие индейки. Дикие петухи перелетали через ограждение и спаривались с обитательницами вольер, обеспечивая более жизнестойкое потомство. Так постепенно уничтожалась неженность, вызванная одомашниванием.

Однако наилучшие результаты дает следующий метод: с помощью сетей, снабженных пороховыми ракетами, накрываются целые стаи диких индеек, подманенных на корм. Пойманных птиц перевозят в подходящие новые места и там выпускают. Этот метод применяется теперь почти по всему прежнему ареалу диких индеек, и таким образом удастся поселить птиц даже там, где прежде они никогда не водились.

В настоящее время в горах Пенсильвании бродит около 40 тысяч диких индеек. Многие птицы перебрались и в штат Нью-Йорк, где, кроме того, выпускаются и свои дикие индейки. Коннектикут и Массачусетс также возродили свои стаи. Совсем недавно двенадцать птиц были выпущены в охраняемом лесу под Плимутом, где когда-то высадились «отцы-пилигримы». Та же программа проводится по всей стране от Новой Англии до Аризоны и штата Вашингтон. Окруженные такой заботой, индейки быстро увеличиваются в числе.

Белые цапли и спрос на перья

В первые годы XX века дамские шляпы было чрезвычайно модно украшать перьями. И речь шла отнюдь не об одном-двух перышках, нет, на шляпах сплошь да рядом красовалась целая птица, которая, пожалуй, вносила заметную диспропорцию в фигуру модницы, если была достаточно крупной.

Центрами шляпной промышленности были в те дни Лондон, Париж и Нью-Йорк; в эти города поступали миллионы птичьих шкурок — цапель, попугаев, колибри, райских птиц и еще многих и многих других. Любая птица с пышным оперением была желанной добычей. Всего за один сезон в 1892 году один-единственный «торговец перьями» из Джэксонвилла во Флориде отправил в Нью-Йорк 130 тысяч птичьих шкурок. В том же году не меньшие партии этого модного товара поступили на мировой рынок из других областей Северной Америки, а также из Южной Америки, из Африки, Азии, Австралии и с Новой Гвинеи. Торговля перьями была очень обширна, хорошо организована и привлекала значительные капиталы.

Главными ее жертвами в Северной Америке были снежная цапля (*Leucophoyx thula*) и большая белая цапля (*Casmerodius albus*) — очень красивые птицы, одно время широко распространенные там повсюду. Эти два вида селились колониями, невысокие деревья в болотах Юга бывали усеяны сотнями гнезд. Брачный наряд этих птиц включает особые хохлы, так называемые эгретки, которые особенно ценились модницами. Охотники за перьями, найдя гнездовую колонию, совершенно разоряли ее за день-два. Взрослых птиц они убивали и забирали с собой, а яйца и птенцов оставляли на произвол судьбы. Естественно, что популяция белых цапель катастрофически уменьшалась.

На рубеже XX века белые цапли почти совсем исчезли во Флориде — главном месте их обитания в Соединенных Штатах. В других южных штатах положение было таким же, за исключением Луизианы, где довольно большая стая белых цапель еще гнездилась в относительной безопасности в частном заказнике Эйвери-Айленд, который содержал на свои средства богатый любитель природы Э. Макилenni. Он и горстка его единомышленников делали все, что было в их силах, чтобы сохранить цапель.

Эту борьбу возглавляли Одюбоновские клубы, с 1885 года возникавшие по всей стране. Первого крупного успеха они добились в 1901 году, когда во Флориде был введен закон, охраняющий неохотничьих птиц, и в том числе все виды, перья которых особенно ценились. В следующем году клубы утвердили свои позиции, объединившись в Национальную ассоциацию одюбоновских обществ, первым председателем которой стал Уильям Датчер, энергичный борец за сохранение дикой природы.

Вмешательство Одюбоновских клубов было более чем своевременным; в 1903 году по всей Флориде удалось обнаружить только восемнадцать белых цапель — в гнездовье Катберт в болотах Эверглейдс.

Одюбоновское общество немедленно наняло четырех служащих для охраны гнездовий в этом штате. Территория одного из них, молодого Гая Брэдли, в частности, включала прибрежные островки Лоуэр-Кис.



Восьмого июля 1905 года Брэдли услышал выстрелы на Ойстер-Ки — острове, ближайшем к его дому. Он отправился на лодке посмотреть, в чем дело, — и больше никто не видел Брэдли живым, кроме убивших его браконьеров, которые не понесли никакого наказания, так как юридически веских улик против них найти не удалось. Но убийцы были известны, и постепенно их собутыльники узнали, что произошло. Брэдли подъехал к стоявшей на якоре шхуне браконьеров в ту минуту, когда двое из них возвращались на нее в шлюпке, нагруженной убитыми птицами. Брэдли попытался их арестовать, но его застрелил третий браконьер с палубы шхуны. Трое негодяев поспешили поднять якорь и убраться прочь, а тело Брэдли с пробитым пулей затылком было найдено только несколько часов спустя в его дрейфующей шлюпке.

«У каждого благородного начинания бывают свои мученики... — объявил Уильям Датчер, когда узнал о его гибели, — и Гай Брэдли — первый мученик дела охраны птиц».

Это убийство вызвало в стране всеобщее негодование против охотников за перьями, которое еще более усилилось в 1908 году, когда второй одюбоновский служащий был убит при попытке защитить гнездовье в Южной Каролине. Обществен-

ное возмущение и порожденная им широкая кампания в печати, начатая Национальной ассоциацией одюбоновских обществ, помогли в 1910 году провести в нью-йоркском законодательном собрании «Одюбоновский билль о перьях». Этот закон запрещал какую бы то ни было торговлю перьями в пределах штата, включая и Нью-Йорк — американский центр производства дамских шляп. В 1913 году был введен федеральный закон, запрещающий ввоз перьев диких птиц в Соединенные Штаты. После этого один штат за другим последовали примеру Нью-Йорка, вводя запрет на торговлю перьями. И битва была выиграна.

Восстановление чуть ли не полностью истребленной популяции белых цапель в Соединенных Штатах было почти чудом. Но теперь в период гнездового сезона их можно встретить повсюду на юге и большей части востока страны, а во время перелетов и по всем Соединенным Штатам.

Глава 5

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Охрана природы обеспечивает гармонию между человеком и землей. «Земля» тут означает совокупность всего, что есть на ней, над ней и в ней. Гармоничные отношения с землей подобны гармоничным отношениям с другом: нельзя ласково поглаживать его правую руку и одновременно рубить топором левую. Иными словами, нельзя любить дичь и одновременно ненавидеть хищников, нельзя беречь воду и одновременно оголять горы, нельзя восстанавливать лес и одновременно истощать пашню. Земля — единый организм.

Олдо Леопольд

В начале 20-х годов нашего века активные сторонники сохранения природы уже могли с законной гордостью указать на достижения последних двух десятилетий. Худшие эксцессы промысловой охоты были в какой-то мере взяты под кон-

троль, а добыча перьев запрещена вовсе. Международный договор обеспечивал охрану котиков, а также водоплавающих и других перелетных птиц. Некоторые виды крупных животных под защитой более строгих законов об охоте тоже начали почти чудом восстанавливать свою численность.

Примером этому могли служить олени: на рубеже веков их численность упала до наиболее низкого уровня, и во многих областях они были и вовсе истреблены, но их охрана дала немедленные результаты — поголовье оленей восстанавливалось почти повсеместно в пределах прежнего ареала. И уже казалось, что любому виду для нормального существования требуется только защита закона и правильное регулирование охоты, а также уменьшение количества опасных для него хищников. Во всяком случае, так полагали очень многие.

Однако кое-какие темные тучки омрачали горизонт, бросая тень сомнения на эту простенькую философию. Наука о сохранении диких животных была еще в пеленках, и многие факторы, определяющие состояние диких популяций, либо были неизвестны, либо ими пренебрегали. Но практика доказала, что наиболее очевидный путь не всегда бывает самым верным. Об этом, например, свидетельствует история оленей, обитавших на плато Кайбаб.

В 1906 году президент Рузвельт объявил Национальным охотничьим резерватом Кайбабское плато — засушливое плоскогорье площадью примерно 400 тысяч гектаров у северной границы Большого каньона на севере Аризоны. Сделано это было главным образом для того, чтобы сохранить трехтысячное стадо чернохвостых оленей, обитавших в этом районе. Сразу же была начата энергичная кампания по истреблению хищников, и к 1920 году на Кайбабском плато было уже убито в общей сложности 674 пумы, 120 рыжих рысей, 11 волков (эти хищники были практически истреблены уже давно) и около 3000 койотов. Олени, не тревожимые ни двуногими, ни четвероногими охотниками, начали стремительно размножаться, и к 1924 году их число достигло 30 тысяч, а по мнению местных жителей, так и целых 100 тысяч. Но каким бы ни было это число, в любом случае оленей оказалось намного боль-

ше, чем могло прокормить Кайбабское плато, особенно в тяжелые зимы. От постоянного недоедания олени слабели. Начались эпизоотии, и в течение нескольких зим животные гибли тысячами.

Излишняя плотность популяции имела и другое вредное последствие: голодающие олени уничтожили на плато всю съедобную растительность. «У плоскогорья был такой вид, словно его опустошила саранча, — писал один очевидец. — И оно лежало... изуродованное, серое, объеденное и умирающее».

Несмотря на это наглядное доказательство, «любители животных» по-прежнему протестовали против всякой попытки контролировать рост численности оленей с помощью выборочной охоты. И что еще хуже, официальная политика истребления хищников продолжалась.

Однако были люди, понимавшие пороки подобной программы, и они упорно боролись за более научный подход к разрешению проблемы. Среди них особенно выделялись Гриннел и Шелдон, члены Клуба Буна и Крокетта. И еще Олдо Леопольд, помощник окружного лесничего в Альбукерке в штате Нью-Мексико. Его уже давно интересовало сложное взаимодействие факторов, влияющих на популяции диких животных, и он наблюдал судьбу кайбабских оленей непосредственно на месте. В 1925 году он изложил некоторые свои теории в статье «Новое в управлении крупной дичью», которая появилась в бюллетене Американской ассоциации защиты дичи. «Мы убедились, что для успешного сохранения промысловой дичи ей нужно обеспечить возможность активного размножения, а не пассивную охрану... — отмечал он. — Короче говоря, мы убедились, что дичь — это своего рода урожай, который Природа взрастит, и взрастит обильно при условии, что мы обеспечим семена и подходящую среду».

Леопольд понял, что решающим моментом в ситуации была именно «подходящая среда». Все, что нарушало экологическое равновесие в данной местности, одновременно оказывало воздействие (полезное или вредное) на обитающих в ней различных диких животных. И в тех случаях, ког-

да происходил избыточный рост популяции, это неизменно вело к беде.

В 1929 году Висконсинский университет пригласил Леопольда прочесть курс лекций об охране дичи. Четыре года спустя вышла его книга «Управление дичью», которая и по сей день признается основополагающим трудом охотоведения. В 1934 году Леопольд стал первым в Висконсинском университете — и во всей стране — профессором, читающим подобный курс. С тех пор теории Леопольда получили широкое признание, и в наши дни его называют отцом «современных методов охотоведения».

К настоящему времени с помощью методов, рекомендованных Олдо Леопольдом, популяция чернохвостых оленей на Кайбабском плато постепенно была приведена в соответствие с имеющимися запасами корма.

Кризис земли и воды в 30-х годах

В конце 20-х годов специалистам по охране природы пришлось столкнуться с целым рядом проблем, помимо тех, которые создал избыток чернохвостых оленей на Кайбабском плато. Так, численность водоплавающих птиц в стране без видимых причин стала резко сокращаться. В начале 20-х годов утки и гуси начали было размножаться весьма многообещающе. Договор об охране перелетных птиц защищал их в течение решающего брачного сезона и регулировал отстрел во время осенней охоты. И все-таки к концу 20-х и началу 30-х годов последовал крутой спад. Почему? Казалось, вновь возникла та же проблема, что и с кайбабскими оленями, только наоборот.

Однако обнаружить причины уменьшения численности водоплавающих птиц оказалось вовсе нетрудно. Ежегодно мелиоративные работы в северных штатах и в Канаде отнимали у них все новые и новые участки их гнездовых территорий, превращая их родные болота в луга и пахотные земли. Каждый год оросительные каналы забирали все больше и больше воды из западных рек, так что птичьи озера и болота пересы-

хали. Именно так были погублены в штате Юта болота реки Бэр, некогда самые богатые водоплавающими птицами на всем континенте.

Недостаток жизненного пространства скоро начал сказываться на утках и гусях: возникала скученность, а это приводило к развитию эпизоотических заболеваний. Год за годом миллионы птиц гибли в загнивающих болотах реки Бэр; они становились жертвами ботулизма, смертельной болезни, вызываемой анаэробными бактериями, которые заражают только загрязненную или бедную кислородом воду.

Признав, что эти болота превратились в смертоносную ловушку для водоплавающих птиц, федеральное правительство в 1928 году объявило весь их район заказником и приняло срочные меры по строительству водохранилища, чтобы болота вновь стали пригодными для обитания уток и гусей. А весной конгресс утвердил закон об охране перелетных птиц, выделявший, в частности, средства на приобретение по всей стране болотистых участков как убежищ для водоплавающих и других перелетных птиц. Это были шаги в правильном направлении.

Но осенью 1929 года произошел мировой экономический кризис, повлекший за собой долгие годы тяжелейшей депрессии. Экономика страны расползлась по швам, и правительству было не до убежищ для птиц. Теперь речь шла о людях, которые нуждались во всем — в работе, в уверенности, в надежде.

Депрессия сковала страну, как хроническая болезнь. Но этим беды еще не исчерпывались; теперь природа в свою очередь сыграла жестокую шутку с людьми. В 1931 году в прериях и на равнинах дождя выпало гораздо меньше обычного. Так началась великая засуха, которая длилась четыре долгих года. Горели на корню хлеба, верхний плодороднейший слой почвы превращался в пыль, и ее уносил ветер. Над миллионами гектаров кружили огромные пылевые смерчи. Из года в год эту почву вспахивали, траву на ней уничтожал пасущийся скот, и никто не заботился о ее сохранении. Прерии, бывшая житница страны, превращались в бесплодную пустыню.

В марте 1933 года в должность вступил тридцать второй президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт. Он сразу же начал проводить в жизнь множество программ, которые должны были положить конец депрессии, поддержать разоряющихся фермеров, а также помочь иссушенной, загубленной земле. «К 1934 году, — пишет историк Артур Шлезингер, — были наконец предприняты массовые национальные усилия, чтобы остановить эрозию, укрепить почву и очистить реки, то есть чтобы обеспечить физическую основу американской цивилизации».

К этому времени популяция водоплавающих птиц страны, страдавших сначала от мелиоративных работ, а затем от засухи, достигла самого низкого уровня за всю свою историю. Согласно наиболее оптимистическим оценкам, по всей Северной Америке сохранилось лишь 27 миллионов водоплавающих птиц всех видов, то есть меньше одной пятой популяции 1900 года.

Понимая серьезность положения, президент назначил особую «утиную комиссию», в которую вошли Олдо Леопольд, Динг Дарлинг и Томас Бек, издатель еженедельника «Кольерс уикли». Их задачей было изучить ситуацию и найти какой-нибудь выход. Очень скоро они пришли к тому же выводу, который уже был сделан в 1929 году: водоплавающей птице нужно больше болот, где она могла бы гнездиться, а также находить корм и отдыхать во время перелетов. Но на этот раз практические шаги для разрешения этой проблемы были предприняты немедленно.

Президент назначил Дарлинга начальником Бюро биологической службы, а Дарлинг поставил во главе отдела заказников своего помощника, молодого энтузиаста Кларка Сейлера, который видел цель своей жизни в том, чтобы спасти гибнущие виды диких животных. Он без усталости колесил по всей стране в поисках местностей, подходящих для заказников. Много лет спустя он заметил: «Есть старинная квакерская поговорка, утверждающая, что для самых великих и благородных начинаний нужно только, чтобы это кого-то заботило. Ну, так нас всех это заботило».

Конгресс внес свою лепту, проведя в 1934 году закон о введении платных разрешений на охоту за водоплавающей дичью, с тем чтобы эти средства шли на устройство заказников. Вскоре в 32 новых заказниках, да и в большинстве прежних уже приступили к работе члены только что организованного Гражданского корпуса по охране лесов и мелиорации. Они строили подъездные дороги и административные здания, возводили плотины и дамбы, рыли каналы и рыбные пруды, сооружали водохранилища. Они сажали деревья и травы, которые обеспечивали диких животных кормом — короче говоря, выполняли множество работ, жизненно важных для сохранения дикой природы, которыми тем не менее так долго пренебрегали. Этот корпус имел двоякое значение: давал работу голодающим безработным и помогал сохранять природные богатства страны.

Еще раз государство оказало помощь водоплавающей птице в 1937 году, когда договор об охране перелетных птиц был заключен и с Мексикой. В том же году конгресс провел закон Питтмена Робертсона, вводивший налог на продажу охотничьего снаряжения. С тех пор доход от этого налога распределяется между штатами, Департаментом охотничьих резерватов и заказниками и используется для улучшения последних.

Новые организации по охране природы

Под руководством Дарлинга Бюро биологической службы непрерывно разрабатывало все новые идеи и проекты. Так, была создана Программа сотрудничества в изучении дикой природы, координировавшая научную работу в этой области, которую вели разные высшие учебные заведения. В ряде колледжей и университетов в те дни вводились курсы по охране природы и охотоведению. Наука о природных богатствах и их сохранении наконец-то приобретала права гражданства.

«За одно десятилетие охрана природы превратилась в профессию сотен молодых специалистов, — указывал несколько лет спустя Олдо Леопольд. — Многие из них были

плохо подготовлены, большинству ставило рогатки бюрократическое начальство, но почти все они были беззаветно преданы своему делу».

Одновременно с развитием науки об охране природы возникло множество соответствующих новых организаций, которые часто носили сходные названия, что приводило к большой путанице. В 1934 году было организовано Общество защиты дикой природы, указавшее в своей программе, что «дикая природа является ценнейшим естественным богатством, принадлежащим народу, и ее сохранение ради образовательных, научных и развлекательных целей представляет существенную часть программы сохранения природного равновесия, имеющей жизненно важное значение для нашей цивилизации...». В 1935 году начал свою деятельность Американский институт охраны природы, который к настоящему времени преобразовался в весьма уважаемый и влиятельный Институт охраны дикой природы и охотоведения. В том же 1935 году появилось общество «Утки — неограниченно», которое посвятило себя сохранению и восстановлению гнездовий водоплавающей дичи. К настоящему времени оно приобрело и успешно сохранило более 400 тысяч гектаров птичьих болот, по большей части в Канаде.

В следующем 1936 году возникла Национальная федерация охраны дикой природы — детище первой Североамериканской конференции по охране природы, созванной в Вашингтоне по инициативе Динга Дарлинга. В настоящее время эти конференции происходят ежегодно, и федерация принадлежит к крупнейшим в мире организациям такого рода.

В 1937 году было организовано Общество охраны дикой природы, в которое входят профессиональные лесничие, охотоведы и деятели охраны природы. Оно выпускает свой журнал «Джорнел оф Уайдлайф менеджмент», который с самого начала стал ценнейшим пособием по методам и результатам научно-исследовательской работы в области охраны и использования охотничьих животных.

Благодаря деятельности всех этих организаций и обществ за последнюю четверть века было собрано большое количество важнейших практических сведений. Было выявлено мно-

жество взаимозависимых факторов, которые воздействуют на дикую природу и нередко оказываются совершенно различными для разных видов животных и разных типов местности. В настоящее время эти сведения и новые методы по всей стране приходят на помощь животным, которым угрожает опасность. Однако для некоторых видов помощь, возможно, пришла слишком поздно.

Глава 6 НА ГРАНИ

И солнца свет, и ветер — не для них.
Их нет в лесах, нет в дали голубой.
Их время погребло в песках своих —
Сражавшихся и проигравших бой.

А. Кьюлик

Полвека назад по меньшей мере пять видов диких американских животных, сохраняющихся и теперь, находились уже на грани вымирания. Это эскимосский кроншнеп, белоклювый дятел, черноногий хорек, калифорнийский кондор и американский белый журавль. В настоящее время численность всех живущих представителей этих видов, взятых вместе, возможно, не превышает и трехсот особей. Все они по-прежнему на волоске от гибели, и не исключено, что мы уже опоздали, и никакие самые решительные меры не смогут их спасти.

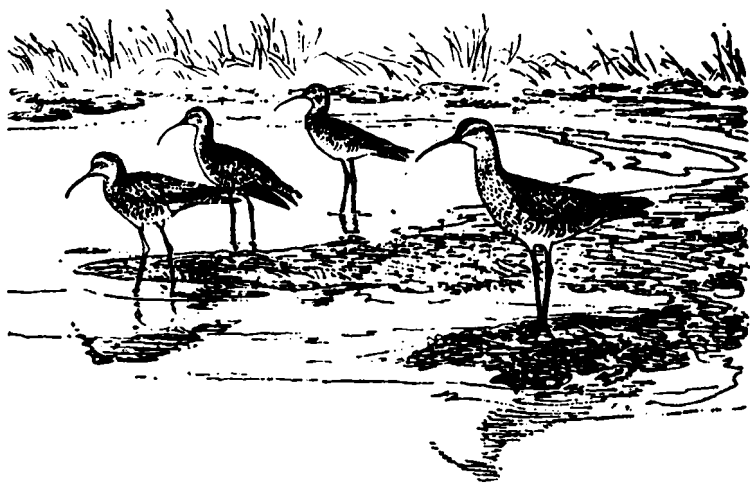
На стене обезьянника в Нью-Йоркском зоопарке висит зеркало, снабженное следующей надписью, которую посетитель читает, посмотрев на себя: «Вы смотрите на самое опасное животное в мире. Только оно за все время существования Земли было способно истреблять — и истребляло! — целые виды».

Как это верно! Но при этом человек отличается от всех прочих обитателей Земли тем, что он обладает особым, высоко развитым мозгом. Только он один может понять уроки прошлого и извлечь из них пользу — если захочет. А пока есть жизнь, есть и надежда.

Эскимосский кроншнеп (*Numenius borealis*)

Эскимосский кроншнеп — изящная коричневая птица из отряда куликов — еще сто лет назад ошеломлял своей многочисленностью. Гнезвился он в тундре на северо-западе Канады, а каждую осень улетал на восток, на Лабрадор, откуда большими стаями отправлялся на юг вдоль восточного побережья и через открытое море в Южную Америку. Там он зимовал в аргентинской и чилийской пампе. Весной он возвращался на север в родные гнездовья уже другим путем — через Южную Америку и Мексиканский залив, и дальше через прерии Соединенных Штатов и Канады.

По пути огромные стаи кроншнепов опускались на только что вспаханные поля в поисках насекомых и становились добычей профессиональных охотников, которые нередко одним выстрелом из дробовика убивали десяток и больше птиц. Убитых кроншнепов отправляли целыми фургонами на рынки, где они нередко шли всего по шесть центов за штуку. С не меньшей жадностью на эскимосских кроншнепов охотились и во время осеннего перелета, когда они были особенно жирными благодаря ягодной пище. Обитатели Новой Англии даже называли эскимосского кроншнепа «сдобной птичкой».



Джон Джеймс Одюбон писал, что мясо эскимосского кроншнепа «нежно, сочно и обладает изысканным букетом».

К 1890 году эскимосский кроншнеп стал уже редкостью. Год за годом численность его сокращалась, и наконец в 1932 году на Лабрадоре была убита одна-единственная одиноко летевшая птица. Затем время от времени еще сообщалось о том, что где-то видели эскимосского кроншнепа. А потом в течение семи лет — ничего.

И вдруг в 1945 году поступило сообщение, что на острове Галвестон у побережья Техаса были замечены два эскимосских кроншнепа. Ошибка? Неизвестно. Во всяком случае, прошло еще четырнадцать лет, а эскимосского кроншнепа никто нигде не видел. Казалось, этот вид вымер.

Однако в 1959 году группа опытных орнитологов наблюдала на острове Галвестон одного эскимосского кроншнепа. В 1960-м и в 1961 годах там опять была зарегистрирована одна птица. Зато на следующий год их появилось две. Численность известной популяции удвоилась.

В 1963 году во время весеннего перелета один эскимосский кроншнеп был замечен близ Рокпорта, тоже в Техасе. В ту же осень кулик, подстреленный во время осеннего перелета на острове Барбадос, был затем опознан как эскимосский кроншнеп; впервые с 1932 года представитель этого вида стал жертвой охотника. Был ли он последним? Дать ответ на этот вопрос может только время¹.

Белоклювый дятел (Campephilus principalis principalis)

Этот крупнейший из американских дятлов — удивительно красивая птица. И у самцов и у самок клюв белый с чуть желтоватым отливом, как слоновая кость, а оперение глянцеви́то-черное с большими белыми пятнами на крыльях. Самца украшает алый хохол. За белоклювого дятла иногда принимают более мелкого хохлатого дятла. Но у этого последнего бе-

¹ В 1964-м и 1965 годах отмечали единичных птиц в том же районе. (Примеч. ред.)



лые пятна на крыльях значительно меньше, а клюв почти весь черный.

Некогда белоклювый дятел обитал в кипарисовых болотах и лесах южных штатов от Северной Каролины до востока Техаса. Основной его корм составляли насекомые-древоточцы, которых он отыскивал в коре старых засохших деревьев. Вот почему белоклювый дятел мог жить только в диких нерасчищенных лесах, и каждой паре требовалась большая кормовая территория.

Белоклювый дятел с самого начала был довольно редкой птицей и, как писал Одюбон, особенно ценился охотниками «из-за своей красоты и пышного хохла, который вместе с верхней челюстью используется в боевом наряде большинства наших индейцев или же как украшение патронташей наших поселенцев и охотников».

Но роковой для белоклювого дятла оказалась систематическая вырубка и расчистка лесов, лишавшая его корма. К 1885 году белоклювый дятел совершенно исчез в северной части своего прежнего ареала. А через тридцать лет лишь отдельные птицы еще сохранялись кое-где в Южной Каролине, Луизиане и Флориде. В 1925 году многие орнитологи уже счи-

тали этот вид вымершим, но затем несколько экземпляров были зарегистрированы на севере Луизианы в Сингер-Трэке, а также в болотах реки Санти в Южной Каролине.

Когда белоклювый дятел оказался на грани вымирания, Национальное одюбоновское общество поручило Джеймсу Тэннеру заняться подробным изучением биологии этой птицы в надежде, что полученные сведения помогут разработать меры, которые спасут вид. К тому времени сохранилось, по видимому, не более 25 белоклювых дятлов: пять-шесть в Сингер-Трэке, где с 1935-го по 1939 год вел свои наблюдения Тэннер, а большинство остальных — во Флориде. Во время Второй мировой войны леса в Сингер-Трэке были вырублены, и белоклювые дятлы исчезли.

Флоридская популяция также сошла на нет после Второй мировой войны, и начиная с 1950 года никаких надежных сообщений о белоклювых дятлах оттуда не поступало, так что почти все считали этот вид вымершим. Однако, по слухам, этих птиц еще иногда видели, а в 1961-м и 1962 годах пришли более или менее достоверные сообщения о нескольких белоклювых дятлах, которые были замечены на востоке Техаса. В 1966 году сначала Всемирный фонд охраны дикой природы, а затем Бюро спортивной охоты и рыболовства поручили Джону Деннису, профессиональному орнитологу и специалисту по дятлам, обследовать возможные места обитания белоклювого дятла, чтобы установить, действительно ли эти птицы еще сохранились. Обследовав леса на востоке Техаса зимой 1966/1967 года, Деннис сообщил, что наблюдал минимум одного белоклювого дятла в долине реки Нечес и обнаружил признаки того, что в этой местности обитает их не менее пяти пар.

Многих орнитологов такие доказательства не убедили. У других они пробудили надежду, что уцелевшие леса Юга действительно еще прячут редких белоклювых дятлов.

Черноногий хорек (Mustela nigripes)

В 1851 году Джон Джеймс Одюбон и Джон Бахман, работавшие тогда над рисунками и текстом своего фундаментального труда «Живородящие четвероногие Северной Америки»,



были очень обрадованы, получив шкуру какого-то похожего на хорька животного, убитого вблизи реки Платт неподалеку от Ларамы в нынешнем штате Вайоминг. Они убедились, что это еще неизвестный вид, и первыми описали животное, которое стало затем называться черноногим хорьком.

Этот хорек, величиной примерно с норку, был кремово-желтого цвета, но лапы и кончик хвоста у него были черными, как и широкая «маска» вокруг глаз. Прошло еще 25 лет, прежде чем появилось новое сообщение об этом зверьке. В 1896 году, когда маммолог Харт Мерриэм, глава Бюро биологической службы, начал подробное изучение куньих Северной Америки, в его распоряжении были четыре-пять шкурок черноногого хорька. По-видимому, в исторические времена он всегда встречался нечасто. В настоящее время он — одно из самых редких животных Северной Америки, если вообще не самое редкое.

Первоначально ареал этого хорька включал равнинные местности от Северного Техаса и Нью-Мексико до Монтаны и Северной Дакоты, причем животные эти попадались иногда и в горах на высоте до трех тысяч метров. Находили их почти всегда поблизости от поселений луговых собачек. По-види-

мому, именно эти грызуны составляют главную добычу черноногого хорька, а их норы он использует как готовое жилье.

Лет сто назад численность луговых собачек была поистине астрономической. По оценке известного натуралиста Эрнеста Сетон-Томпсона, она достигала минимум пяти миллиардов. Орды этих грызунов оспаривали корм у домашнего скота, а потому в течение пятидесяти с лишним лет их систематически истребляли на большей части их первоначального ареала. В настоящее время их поселений осталось очень мало, и сами луговые собачки превратились в вид, которому грозит вымирание. По мере того как их численность убывала, черноногий хорек, и без того очень редкий, исчез почти совсем.

Исчерпывающее обследование, проведенное Американским комитетом Международной организации охраны дикой природы, обнаружило только 42 сообщения о черноногих хорьках в Соединенных Штатах за период с 1946-го по 1953 год. В этих сообщениях в общей сложности упоминалось 50—70 хорьков.

С тех пор сообщения о черноногих хорьках поступали еще реже, причем все из Южной Дакоты. В этом штате сохранилось больше луговых собачек, чем где-либо еще в стране, и там для контроля над ними проводится наиболее обширная программа применения ядов. При этом часть поселений этих зверьков обязательно оставляется необработанной. Кроме того, по требованию Бюро спортивной охоты и рыболовства любое поселение луговых собачек перед обработкой должно осматриваться с тем, чтобы проверить, нет ли там хорьков. В тех случаях, когда удастся обнаружить хорьков, поселение не трогают, а хорьков по возможности вылавливают и перевозят в охраняемые участки. Это требование выполняется, но многие считают, что подобные поиски хорьков бесполезны, поскольку они производятся днем, когда хорьки прячутся в норах. Однако хорьки оставляют следы на почве, и по ним, а также по другим признакам специалисты могут обнаружить присутствие этих животных.

О биологии черноногих хорьков до сих пор почти ничего не известно. Чтобы меры по их спасению оказались эффек-

тивными, необходимо узнать гораздо больше. И в настоящее время в Южной Дакоте предполагается начать подробное исследование биологии черноногого хорька по Программе сотрудничества в изучении дикой природы.

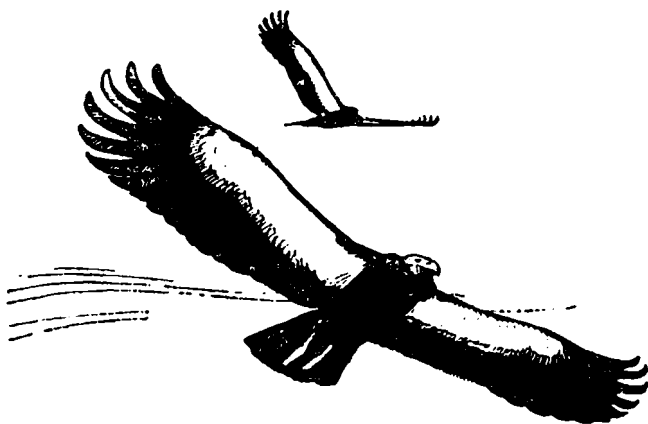
*Калифорнийский кондор (*Gymnogyps californianus*)*

Паря в высоте на распростертых крыльях, размах которых достигает почти трех метров, огромная хищная птица высматривает корм на расстилающейся внизу земле. Оперение у нее черное, но на внутренней стороне крыльев тянутся широкие белые полосы; кожа на голой голове и шее оранжевая. И вот, заметив далеко внизу тушу оленя, кондор (потому что речь идет именно о нем) стремительно планирует к ней.

Если посетителю заказника этих птиц на юге штата Калифорния повезет, он может увидеть парящего кондора и испытать благоговейное удивление, какое охватывало первобытного человека, когда он тысячелетия назад следил за полетом такой «птицы-грома». Судя по палеонтологическим находкам, в доисторическую эпоху ареал кондора, по-видимому, простирался до Флориды, но в исторические времена эта птица встречалась только на Тихоокеанском побережье от Нижней Калифорнии до бассейна реки Колумбия в нынешних штатах Вашингтон и Орегон.

В дни калифорнийской «золотой лихорадки» старатели имели обыкновение хранить золотой песок в полых стержнях маховых перьев кондора. Скотоводы и фермеры стреляли кондоров ради развлечения или опасаясь за свой скот. К 1860 году в северной части своего ареала эти птицы были совершенно истреблены. А к 1910 году кондоры исчезли практически повсюду; несколько экземпляров сохранилось в Нижней Калифорнии и около шестидесяти птиц в долине Сан-Хоакин на юге штата Калифорния. Вскоре кондоров не стало и в Нижней Калифорнии. Теперь осталось лишь шестьдесят кондоров в штате Калифорния.

Чем объяснялось такое сокращение численности кондоров? По-видимому, роковую роль сыграли сразу несколько факторов. Во-первых, хотя эти кондоры доживают до сорока



с лишним лет, они дают относительно немногочисленное потомство. Половозрелыми эти птицы становятся в шесть лет и размножаются только раз в два года. Кладка содержит обычно одно яйцо, которое насиживается на каком-нибудь каменистом уступе. Насиживание длится около сорока двух дней, и покрытый пухом беспомощный птенец требует родительской заботы по меньшей мере еще семь месяцев. К тому же кондоры пугливы и, если их что-нибудь встревожит, могут покинуть кладку.

Во-вторых, число кондоров, несомненно, снизилось из-за того, что они поедали отравленную приманку, которая применяется для борьбы с хищниками. Немало их также пало жертвами беззаботных стрелков, которые либо считают, что всех хищных птиц следует истреблять, либо просто не могут удержаться от искушения при виде такой заманчивой мишени, как огромная птица, парящая высоко в воздухе. А между тем вопреки всевозможным местным легендам кондоры питаются только падалью и никогда не нападают на живых животных.

К 1950 году подавляющее большинство калифорнийских кондоров (их все еще было около шестидесяти) гнездились на двух небольших горных участках Национального лесного резервата Лос-Падрес примерно в 110 километрах северо-за-

паднее Лос-Анджелеса. В конце 40-х годов орнитолог Карл Кофорд по поручению Национального одюбоновского общества подробно изучил там весь жизненный цикл этих птиц. В результате Служба охраны леса США отвела 22 тысячи гектаров под заказник Сеспе, где кондорам обеспечена полная неприкосновенность. Несколько позже второй заказник, поменьше, был учрежден километрах в восьмидесяти к западу от первого.

В течение многих лет Национальное одюбоновское общество возглавляло борьбу за спасение калифорнийского кондора. Вместе с Национальным географическим обществом и Калифорнийским университетом оно предприняло еще одно изучение этих птиц в 1963-м и 1964 годах. Тут выяснилось, что, несмотря на все усилия, сохранилось всего около сорока кондоров, за пятнадцать лет их число сократилось на треть, что внушало серьезные опасения.

В 1965 году кондорам начала угрожать новая опасность — проект постройки плотины и организации зоны отдыха у северной границы заказника Сеспе, а также прокладки шоссе непосредственно через весь заказник. Этот проект подписывал птицам смертный приговор. «В который раз,— писал один горячий защитник кондоров,— проблема охраны природы сводится к простому выбору между спасением вида, находящегося на грани вымирания, и отдыхом на воде в сочетании с местной политикой».

Пока верх в этой схватке, по-видимому, взяли защитники кондора, и для плотины подыскивали другое место. Два служителя бдительно охраняют заказник, а сотрудники Патуксентского центра научного исследования дикой природы в Мэриленде изучают группу кондоров, пойманных в Андах, надеясь найти новые пути спасения их диких родичей в Калифорнии.

Американский журавль (Grus americana)

История американского белого журавля за последнюю четверть века, пожалуй, ярче всего демонстрирует проблемы охраны природы и положение всех видов, которым в современном мире грозит вымирание. На нем уже более пятидеся-

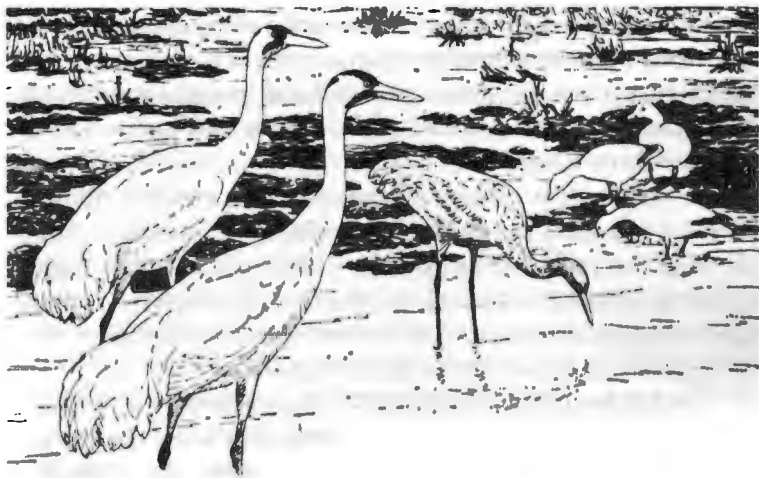
ти лет назад был поставлен крест, но эта великолепная птица завоевала всеобщую симпатию тем мужеством, с каким она выдерживает все превратности в борьбе за возможность выжить. Отчасти такое благожелательное внимание объясняется ее царственным видом.

Американский журавль, достигающий роста в полтора метра и весящий около одиннадцати килограммов, — несомненно крупнейший из пернатых обитателей наших болот. Он весь снежно-белый, если не считать черных кончиков крыльев, алой шапочки и лихих черных «усов». Взрослые самцы и самки по внешнему виду неразличимы.

Прежде американские журавли были широко распространены во внутренних областях Североамериканского континента от Мексики до тундры и от Скалистых гор до некоторых восточных штатов, хотя их численность всегда была относительно невелика.

Когда после окончания войны Севера с Югом на Запад хлынул поток переселенцев, весенние и осенние перелеты стали для американских журавлей чрезвычайно опасными. Какой охотник мог устоять перед искушением выстрелить в большую белую птицу? Но еще губительнее для них оказалось стремительное вторжение человека в область их гнездований. Озерки и болотца в прериях осушались и распахивались, на местах первозданных травянистых равнин теперь тянулись обработанные поля.

Число журавлей, гнездящихся в прежних местах, непрерывно уменьшалось; последнее гнездо в Айове было зарегистрировано в 1883 году, в Миннесоте — в 1889-м. После 1907 года на территории Соединенных Штатов не удалось обнаружить ни одного гнезда американского журавля. Такое же положение сложилось и в Канаде после 1922 года, когда поступило последнее сообщение о единственном гнезде в Саскачеване. После этого в течение тридцати лет никто не видел ни одного гнезда американского журавля. Еще сохранившиеся 30—40 птиц, несомненно, где-то выводили птенцов, но никто не знал, где именно. Специалисты по охране природы с горечью готовились внести американского журавля в список вымерших видов.



В 1937 году, когда организация заказника для водоплавающих птиц была в самом разгаре, на техасском побережье Мексиканского залива вблизи устья реки Сан-Антонио был создан еще один национальный заказник — Арансас. Он охватывал около 19 тысяч гектаров прибрежных болот и островков, и на нем находилось зимовье последней крохотной стаи американских журавлей; по оценке первого директора заказника, число птиц в ней весной 1938 года не превышало 14—18.

Кроме этих техасских птиц, имелась еще небольшая стая примерно в десяток американских журавлей, которые круглый год жили в Луизиане, на берегах озера Уайт-Лейк. Местность эта, в отличие от Арансаса, не была заказником, и в течение десяти лет журавли там исчезли.

Но и будущее их техасских собратьев также, казалось, не обещало ничего хорошего. Хотя в Арансасе они находились под охраной, условия их жизни там были далеки от идеальных. В заказнике разрешалось проводить бурение нефтяных скважин, а на пересекающем его Береговом канале велись работы по расчистке. В довершение всего расположенный поблизости остров Матагорда служил учебной целью для летчиков военно-воздушных сил, практиковавшихся в прицельном

бомбометании. В 1942 году численность американских журавлей достигла своего низшего предела: весной этого года из Арансаса в полет к неведомому гнездовью отправилось только пятнадцать птиц.

Однако к концу Второй мировой войны число журавлей, несмотря ни на что, увеличилось до 22. Тогда же Департамент охоты и рыболовства США в сотрудничестве с канадским Департаментом охраны природы и Национальным одюбоновским обществом приняли совместную программу помощи американским журавлям, целью которой было оказание содействия этим птицам в их борьбе за жизнь.

Для этого в первую очередь требовалось узнать как можно больше о жизненном цикле и потребностях этого вида, а также отыскать их неведомое гнездовье. За выполнение этих задач взялся Роберт Аллен, орнитолог Одюбоновского общества. Для начала он обосновался в Арансасе и приступил к изучению журавлей. Кроме того, он попробовал получить потомство от двух птиц в большой вольере (их пришлось поместить туда, потому что обе были покалечены). Из яйца вывелся птенец, но вскоре исчез — по-видимому, он стал жертвой енотов.

В следующие несколько лет численность американских журавлей то падала до 21 птицы, то поднималась до 28. Все это время активные поиски их гнездовья не приносили результатов. Затем летом 1954 года удача улыбнулась исследователям: канадский противопожарный патруль, облетающий леса на небольшом самолете, заметил пару американских журавлей с птенцом в глухом уголке Национального парка Вуд-Баффало, там, где он заходит в Северо-Западные территории. Так, наконец, было найдено заветное гнездовье.

Роберт Аллен отправился туда на следующий же год и подробно изучил гнездовые привычки птиц и условия окружающей местности. Парк Вуд-Баффало — это настоящий рай для диких зверей и птиц, еще не тронутый человеком, где обитают последние дикие бизоны Северной Америки. И там американские журавли находили уединение, которое необходимо им, чтобы выводить птенцов.

В 1956 году, когда цели упомянутой выше программы были в основном достигнуты, состоялась посвященная американским журавлям конференция, которой предстояло разработать наилучшие способы охраны и восстановления этого вида. Мнения разделились: одни утверждали, что для решения проблемы достаточно поймать несколько пар диких журавлей и начать их разведение в неволе, другие (в том числе представители Национального одюбоновского общества) считали, что сохранение вида только в неволе лишь немногим лучше полного его вымирания.

В 1957 году пришло замечательное известие, что Жозефина и Крип — самка и самец американского журавля, содержащиеся в Новоорлеанском зоопарке, — вывели двух птенцов, которые, правда с помощью людей, благополучно выросли. В 1958 году у Жозефины и Крипа появился еще один птенец, а их дикие сородичи также внесли свою лепту в восстановление вида, вернувшись осенью в Арансас с девятью молодыми птицами. Дела американского журавля как будто пошли на поправку.

Весной 1962 года арансасская стая насчитывала 38 диких журавлей, а в зоопарках содержалось еще семь птиц. Но тут их количество роковым образом вновь сократилось. Дикая стая в этом году потеряла десять взрослых птиц, и впервые за много лет уцелевшие вернулись осенью в Арансас без единого молодого журавля.

Но вид снова доказал свою жизнестойкость: осенью 1963 года с родителями в Арансас прилетело 7 птенцов, а в 1964 году их прилетело 10 — рекордное число. В арансасской стае было теперь 42 птицы.

В 1965 году конгресс под впечатлением мужественной борьбы американского журавля за жизнь выделил 350 тысяч долларов на проведение научных исследований для помощи видам, которым угрожает вымирание, поручив организацию их Бюро спортивной охоты и рыболовства. В Патуксентском научно-исследовательском центре в Лореле (штат Мэриленд) был создан специальный отдел для изучения вымирающих видов, список которых возглавляли американские журавли. Этот отдел немедленно разработал широкую программу полу-

чения птенцов от содержащихся в неволе канадских журавлей. Эксперимент уже два года проводился в колорадском заказнике Монте-Виста. Наблюдения над канадскими журавлями могли помочь в выработке методов выращивания их близких родственников — американских журавлей.

В 1967 году события начали развиваться бурно. Исследования в Патуксенте показали, что канадские журавли вполне благополучно размножаются и растут в неволе, и решено было испытать те же методы на американских журавлях. В мае в парке Вуд-Баффало началась давно задуманная операция «Похищение яиц», в которой участвовали и представители канадского Департамента по охране природы. Канадец Эрни Кайт обнаружил с вертолета восемь гнезд американских журавлей, и в июне Эриксон и его канадские помощники собрали шесть яиц — по одному из шести разных гнезд. Обычно американские журавли откладывают по два яйца, но выращивают только одного птенца, и, забирая яйца, люди рассчитывали, что самка отложит еще одно яйцо и начнет насиживание, словно ничего не произошло.

Шесть собранных журавлиных яиц были срочно отправлены в Патуксент на самолете. Один птенец проклюнулся в самолете и погиб. Остальные пять яиц были помещены в Патуксенте в инкубатор, и из всех вывелись птенцы. Четверо из них благополучно выросли.

Пара журавлей в зоопарке Сан-Антонио также вырастила в 1967 году одного птенца. Таким образом, в неволе теперь имелось уже 12 птиц, а это позволяло надеяться и на их дальнейшее размножение. А главное, в ноябре 1967 года из Канады в Арансас прилетело 48 американских журавлей — в том числе 9 подросших птенцов. Итак — 60 американских журавлей! Самая высокая цифра за полвека!

Однако в 1968 году одного самца в Арансасе подстрелил возле заказника охотник. К счастью, в марте осиротевшая самка приняла одинокого самца, не имевшего пары, и вскоре они вместе с остальной стаей отправились к своему гнездовью в Вуд-Баффало, где вновь повторилась операция похищения яиц. В конце мая из десяти гнезд изъяли девять яиц и одного птенца и сразу же отправили на реактивном самолете

в Патуксент. Из всех яиц вывелись птенцы, и в середине лета восемь из них чувствовали себя прекрасно. Число американских журавлей в неволе достигло теперь двадцати, так что вся популяция насчитывала не меньше шестидесяти семи птиц, причем она могла еще увеличиться, если диким журавлям и паре в Сан-Антонио также удалось бы благополучно вырастить птенцов.

Опыт 1967-го и 1968 годов показал, что американский журавль сделал большие успехи в борьбе за жизнь. Если у американских журавлей и у людей, которые стремятся им помочь, дела и дальше пойдут так же хорошо, этот вид еще долго останется с нами.

Глава 7

НАРАСТАЮЩИЙ КРИЗИС ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (с 1940 года по настоящее время)

Америка теперь достигла вершины своего богатства и мощи, и все же мы живем в стране, где красота утрачивается, безобразие растет, просторов остается все меньше, а природа повсюду терпит ежедневный ущерб от загрязнения, шума и безразличия. Таков, короче говоря, развившийся в 60-х годах тихий кризис окружающей нас среды.

Стюарт Юдолл

В декабре 1941 года Соединенные Штаты стали участником Второй мировой войны, и задачи охраны природы вместе с другими гражданскими интересами временно отошли на задний план.

Однако за предыдущие восемь лет рузвельтовского «Нового курса» было сделано очень многое. Президент Франклин Рузвельт, как в свое время Теодор Рузвельт, считал охрану природных богатств страны — земли, вод, лесов и диких животных — одной из важнейших своих обязанностей. В 1936 го-

ду, закладывая первый камень нового здания министерства внутренних дел, он выразился так: «Это целесообразное сооружение представляется мне символом огромных природных богатств нашей страны, которые мы присягали сберечь, а этот камень — краеугольным камнем той политики охраны природы, благодаря которой будущим американцам будет обеспечена вся полнота их наследия».

Вторая мировая война наконец окончилась осенью 1945 года, и страна, которую теперь возглавлял президент Трумэн, вступила в атомный век. Началась тревожная эпоха «холодной войны», которая для Соединенных Штатов скоро перешла в «горячую», когда в 1950 году они приняли участие в военных действиях, развернувшихся в Корее. В 1953 году на пост президента был избран Дуайт Эйзенхауэр, виднейший американский военный деятель времен Второй мировой войны. Политика Эйзенхауэра по сравнению с двумя его предшественниками была чисто консервативной, он стремился только сохранять, а не развивать дальше социальные достижения предыдущих лет. Первым министром внутренних дел в его правительстве был Дуглас Мак-Кей, бывший губернатор Орегона. Подобно многим и многим министрам во всех американских правительствах, Мак-Кей был только политиком и имел довольно слабое представление о практической важности сохранения природных богатств. Он враждебно относился к идее государственного контроля над ними и был убежденным сторонником частной инициативы в их разработке и использовании. За короткие два года пребывания Мак-Кея на посту министра внутренних дел в коммерческую аренду было сдано больше площадей государственных заказников, чем за все годы со времени их основания, вместе взятые. В Департаменте охоты и рыболовства многие сотрудники были заменены политически полезными людьми. В результате министерство лишилось лучших своих специалистов.

«Покончим с охраной природы раз и навсегда!» — так была определена политика Мак-Кея в статье, опубликованной «Харперс мэгезин» в августе 1954 года. И далее: «За полтора года дельцы на административных постах полностью изменили ту последовательную политику сохранения природы, кото-

рую Соединенные Штаты вырабатывали более семидесяти лет, стремясь ввести разумное использование природных богатств, вместо бездумного их разграбления во имя прибылей тех или иных корпораций. Все действия нашего нынешнего правительства в области охраны природы шли вразрез с общественными интересами — другими словами, с интересами будущего — и благоприятствовали только некоторым частным интересам».

Мак-Кей ушел с поста министра внутренних дел в 1955 году, и при его преемнике положение улучшилось. В 1956 году конгресс принял закон об охоте и рыболовстве, учреждавший пост заместителя министра внутренних дел по вопросам охоты и рыболовства. Департамент охоты и рыболовства получил особые Бюро промыслового рыболовства и Бюро спортивной охоты и рыболовства. В таком виде он сохраняется и по сей день.

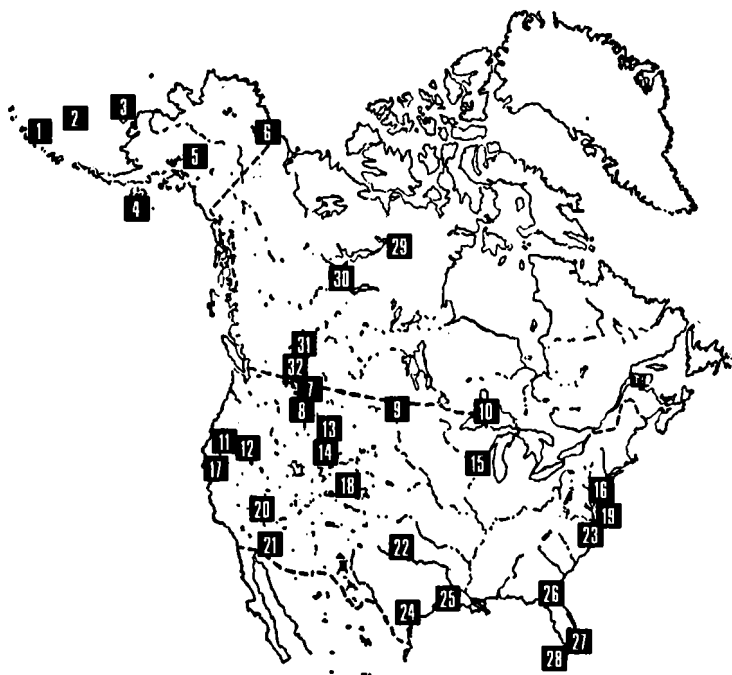
Тихий кризис

Новая эра в охране природы началась в 1961 году, когда президентом стал Джон Кеннеди. Кеннеди, подобно Теодору Рузвельту и Франклину Рузвельту, был глубоко убежден в жизненной важности сохранения природных богатств. Министром внутренних дел в его правительстве стал Стюарт Юдолл, чьи энергичные усилия и умение видеть далеко вперед открыли глаза многим американцам на необходимость охраны природы и на сопряженные с этим трудности.

Положение с охраной природы в начале 60-х годов во многом могло показаться вполне удовлетворительным. Беспощадному истреблению дичи был почти полностью положен конец, и общественное мнение неизменно поддерживало введение любых правил, необходимых для сохранения тех или иных диких животных. Система государственных заказников была расширена. Теперь их стало более трехсот на пространстве от Аляски и Алеутских островов до Гавайев и островов Флорида-Кис с общей площадью свыше 11 милли-

онов гектаров. И каждый год экология и охотоведение обогащались все новыми и новыми сведениями, необходимыми для сохранения различных животных, которым грозит вымирание.

И, несмотря на все это, дикая американская природа еще никогда не находилась в таком критическом положении, как именно в 60-х годах. Как нетрудно догадаться, виновником этого был человек. Дикой природе и ему самому угрожали теперь четыре новые опасности — радиоактивные осадки, массовое применение смертоносных ядохимикатов, загрязнение промышленными отходами и рост населения, в результате че-



Расположение некоторых наиболее важных резерватов, заказников и национальных парков в Соединенных Штатах и Канаде

го оставалось все меньше мест, где естественная среда еще сохраняла свою первозданность.

В результате испытаний нового, ядерного оружия на землю повсюду с дождями выпадали радиоактивные осадки. Каков будет конечный результат этого для жизни на земле, предсказать невозможно, но во всяком случае хорошим он вряд ли окажется.

Суша и море после 1945 года систематически получают и другие, не менее страшные «осадки» — ядохимикаты. ДДТ и его смертоносные производные, разработанные после Второй мировой войны, применяются все шире по всему миру для

Соединенные Штаты

1 — Алеутские о-ва (Аляска), 2 — о-ва Прибылова (Аляска), 3 — о. Нунавик (Аляска), 4 — о. Кодьяк (Аляска), 5 — Национальный парк Маунт-Маккинли (Аляска), 6 — Арктик (Аляска), 7 — Национальный парк Глейшер (Монтана), 8 — Национальный бизоний резерват (Монтана), 9 — Аппер-Сури (Северная Дакота), им. Кларка Сейлнера (Северная Дакота), 10 — Айл-Ройал (Мичиган), 11 — Лоуэр-Кламат (Калифорния), 12 — им. Чарльза Шелдона (Невада), 13 — Национальный парк Йеллоустон (Вайоминг), 14 — Национальный парк Грэнд-Титон (Вайоминг), Национальный резерват вапити (Вайоминг), 15 — Аппер-Миссисипи (Иллинойс, Айова, Миннесота, Висконсин), 16 — Бригантин (Нью-Джерси), 17 — Сакраменто (Калифорния), 18 — Национальный парк Роки-Маунтин (Колорадо), 19 — Чинкотиг (Мэриленд), 20 — Дезерт (Невада), 21 — Кофа (Аризона), 22 — Уичито-Маунтинз (Оклахома), 23 — Маттамаскит (Северная Каролина), 24 — Арансас (Техас), 25 — Сабин (Луизиана), 26 — Окафеноки (Джорджия), 27 — Национальный парк Эверглейдс (Флорида), 28 — Национальный резерват виргинского оленя (Флорида)

Канада

29 — Телон (Северо-Западные территории), 30 — Вуд-Баффало (Альберта), 31 — Национальный парк Банф (Альберта), Национальный парк Джаспер (Альберта), 32 — Национальный парк Глейшер (Британская Колумбия), Национальный парк Кутеней (Британская Колумбия), Национальный парк Йохо (Британская Колумбия), 33 — Гаспези (Квебек)

борьбы с вредными насекомыми. Онй «разливаются страшным губительным дождем по земной поверхности», как выразился один эколог, и злоупотребление ими может стать одной из самых серьезных угроз для диких животных за всю историю. Джордж Уоллес, одним из первых изучавший воздействие ДДТ на певчих птиц, еще в 1958 году предсказал, что, если употребление подобных ядов не будет ограничено, «мы станем свидетелями того, как за одно десятилетие животный мир Земли понесет больше непоправимых потерь, чем за всю предыдущую историю человечества».

В 1962 году Рашел Карсон выступила с тем же предостережением в своей знаменитой книге «Безмолвная весна». Фабриканты ядохимикатов, а также многие видные и преданные своему делу ученые объявили подобную точку зрения неоправданно панической и заявили, что такие яды — необходимые и полезные союзники человека в его борьбе за высокие урожаи. Этот спор продолжается по-прежнему, хотя доказательства вреда, который причиняют диким животным и самому человеку ядохимикаты, становится все больше. И опять-таки неизвестно, каким может оказаться конечный результат их применения. Но во всяком случае значительные количества ДДТ были обнаружены в организмах антарктических пингвинов и арктических карибу, а также бесчисленных других животных на всем пространстве между этими крайними точками земного шара.

Дикой природе и человеку угрожает еще одна опасность, и, пожалуй, самая грозная. Она связана со стремительным ростом населения.

В 1800 году население Соединенных Штатов равнялось примерно 5 миллионам человек. В 1900 году оно составляло уже 75 миллионов, а в настоящее время превышает 200 миллионов человек. Если темпы роста останутся теми же, то в 2000 году эта цифра перевалит за 350 миллионов человек. Население других стран растет так же быстро или еще быстрее. Современные 3,5 миллиарда народонаселения Земли за ближайшие тридцать лет могут удвоиться. А если вспомнить, что половина людей на Земле ведет полуголодное существование,

нетрудно представить себе, какой может оказаться обстановка в мире к началу XXI века¹.

По мере того как число людей растет, неизбежно увеличивается и их давление на дикую природу. Все больше земли требуется под новое жилье, новые промышленные предприятия, аэропорты и автострады. Каждый год в Америке бульдозеры уничтожают по 400 тысяч гектаров еще нетронутой земли, и города все больше и больше вторгаются в сельскую местность. Болота уменьшаются, превращаясь в пашни или в новые городские районы.

Миллионы автомобилей на улицах и шоссе выбрасывают в атмосферу отработанные газы, проносясь мимо унылых пустырей, занятых кладбищами машин и городскими свалками. Промышленные отходы загрязняют и отравляют наши ручьи и реки и воздух наших городов. Это еще одна серьезная угроза для существования всего живого.

В 1963 году вышла книга Стюарта Юдолла «Тихий кризис», в которой рассматривается все усиливающееся губительное воздействие человека на природу. Юдолл предостерегает, что наши леса, болота и культурные земли — все то, что составляет среду нашего обитания, подвергается смертоносному натиску со всех сторон.

Это, естественно, приводит к тому, что дикие животные оттесняются на отдельные островки дикой природы, которые все уменьшаются и уменьшаются. Уже намечается стремление приспособить эти островки для отдыха и иных «цивилизованных» нужд, и скоро нашим диким животным некуда будет отступать. И что тогда — зоопарки для горстки наиболее «удобных», остальные же присоединятся к странствующему голубю и дронту в музейных витринах.

Чтобы подчеркнуть эту опасность, Бюро спортивной охоты и рыболовства опубликовало в 1964 году список диких американских животных, которым грозит вымирание. На следующий год министр внутренних дел Юдолл в своем ежегодном отчете предостерег, что мы «по-прежнему проигрываем битву за спасение тех американских рыб, зверей и птиц,

¹ На этот счет мнения ученых разделяются (см. послесловие). (*Примеч. ред.*)

которым угрожает вымирание... Если вся страна не осознает нынешнего кризиса окружающей среды, мы можем не только окончательно погубить эти виды, но и поставить под угрозу многие другие».

В ответ на это конгресс провел в 1966 году закон об охране животных, которым грозит вымирание, предоставив министру внутренних дел необходимые полномочия для разработки и проведения широкой программы охраны, сохранения и восстановления дикой природы в Соединенных Штатах и их владениях.

Однако денежных средств на осуществление этой программы выделено практически не было. Сведутся ли все эти добрые намерения к столь частому «слишком мало и слишком поздно»? Нет, если Бюро спортивной охоты и рыболовства и другие официальные и частные организации по охране природы сумеют этому воспрепятствовать. Однако, как станет ясно из следующих глав, времени для помощи многим и многим видам остается уже очень мало.



Часть II ВОЗМОЖНЫЕ БУДУЩИЕ ЖЕРТВЫ

Горный склон, лишенный лесного покрова, воздух, отравленный смогом, животные, погибшие из-за злоупотребления ядохимикатами, — это тоже мрачные знамения, предрекающие темное и опасное будущее всему живому на Земле. Если человек не превратится из хищника в дальновидного хранителя своей планеты, он может оказаться в одном списке с американским журавлем, синим китом и беркутом, как вид, которому грозит вымирание.

Из редакционной статьи «Нью-Йорк таймс»

Глава 8 НЕСКОНЧАЕМАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ХИЩНИКОВ

Волки, выведившие жуткие рулады вокруг костра одинокого путника, пали жертвой мышьяка, и их дикая музыка смолкла навсегда... Горный лев [пума] пугливо прячется, завидя человека, и даже угрюмый «Старик Ефраим» — медведь-гризли — ищет уединения в своих берлогах и пещерах.

Фрэнсис Паркмен

Человек на протяжении долгих веков вел непримиримую войну против хищников: ведь они охотились на дичь, которую человек считал своей, и — что еще хуже — они иногда по-

сягали на его домашний скот или даже нападали на него самого. Неудивительно, что еще в доисторические времена человек видел в них заклятых врагов.

В наши дни мало кому из нас приходится по-настоящему опасаться ущерба, который способны причинить хищники. Но старые предрассудки живучи, и очень многие по-прежнему убеждены, что все плотоядные животные — это «вредные твари», и ничего больше. Фермер ненавидит лисиц, забывая о том, что они оберегают его поля от кроликов, сурков и других грызунов. Скотоводы считают, что любой медведь, волк или пума в радиусе сотен километров представляет непосредственную опасность для их овец, коров и быков. И многие охотники все еще видят в каждом хищнике бессовестного разбойника, незаконно истребляющего дичь, убивать которую (видимо, по божественному предначертанию) имеет право лишь человек. Такое отношение к хищникам никак не меняется, хотя после катастрофы с кайбабскими оленями в 20-х годах исследователи собирают все новые доказательства того, насколько больше приносят хищники пользы, чем вреда, регулируя численность животных, на которых охотятся.

Уже много лет специалисты-биологи выступают против системы премий, назначаемых за убитых хищников. Эти премии превращаются для охотников в побочный заработок, открывают возможность для всяческого рода обманов, не способствуют сохранению природы и не приносят ощутимой пользы сельскому хозяйству. И все же не далее как в 1960 году 33 штата выплатили более двух миллионов долларов как премии за уничтожение хищников и других «вредных животных». В настоящее время эти цифры, к счастью, уменьшаются, так как за последние годы в ряде штатов система премий была вовсе отменена или же многие животные были изъяты из списка подлежащих уничтожению.

Был у хищников и еще один враг — Отдел контроля над хищниками и грызунами при Бюро спортивной охоты и рыболовства. Только в 1965 году этот отдел израсходовал около шести миллионов долларов, чтобы истребить 90 тысяч койотов и несколько меньше других хищников. Во многих райо-

нах эти операции потребовали расходов, значительно превышающих ущерб, якобы причинявшийся этими хищниками.

По мнению многих специалистов, федеральное правительство в конечном счете стремится тут не столько к «контролированию» популяций хищников и грызунов, сколько к полному их уничтожению. Эта точка зрения получила новое подтверждение в 1964 году, когда Совет по охране природы при министерстве внутренних дел представил министерству доклад, резко критиковавший деятельность Отдела контроля над хищниками и грызунами.

В этом докладе пять самых видных и уважаемых специалистов по охране природы в Америке указывали, что «контроль постепенно превращается в самоцель, и, согласно закону Паркинсона, его аппарат увеличивается вне всякой зависимости от реальных потребностей». Совет рекомендовал изменить программу работ отдела так, чтобы его деятельность отвечала интересам всего народа, а не только скотоводов и сельскохозяйственного капитала. Он подчеркивал неотложную необходимость разработки репеллентов, которые могли бы использоваться вместо ядов, убивающих не только вредных животных, но и полезных. В заключение Совет настаивал на полном изменении задачи и способов действия отдела с тем, чтобы операции по контролированию производились только в строго определенные сезоны и только там, где в них возникает реальная необходимость.

В ответ министр внутренних дел Стюарт Юдолл весной 1967 года изложил новые принципы контролирования популяций хищников и грызунов: полный отказ от системы премий, проведение контрольных операций только там, где они действительно необходимы, и в определенное время, а также выдвижение на первый план борьбы с животными — разносчиками инфекций, с птицами, стаи которых представляют опасность для аэродромов, и с городскими грызунами. В ознаменование этой новой программы деятельности Отдел контроля был переименован в Службу охраны дикой природы.

«Наша задача теперь, — заявил Джон Готтшалк, директор Бюро спортивной охоты и рыболовства, — заключается в том,

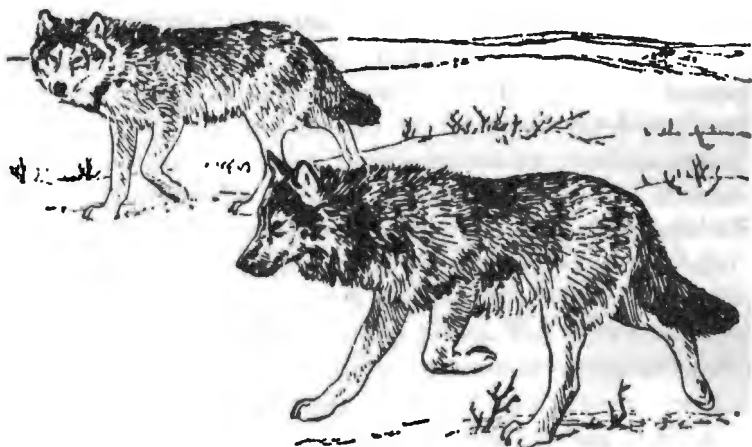
чтобы претворить принципы в конкретную рабочую программу». Пожалуй, это легче сказать, чем сделать, так как прочно укоренившиеся идеи и привычные программы имеют большую власть над человеческим сознанием.

Но все-таки новые принципы контроля над популяцией хищников в масштабе страны наконец сформулированы, и вытекающие из них методы постепенно вытесняют прежние. Исследователи в Денверском центре охраны природы, например, проводят эксперименты с ограничением рождаемости у койотов: в брачный сезон в местностях, где обитают койоты, разбрасываются приманки со стилбестролом, синтетическим женским гормоном, и самки, съевшие такую приманку, обычно не беременеют. Этот гормон открывает возможности безопасного контроля над ростом популяций не только койотов, но и других видов, которые сейчас изучаются.

Серый волк (Canis lupus)

Дни серого волка в 48 штатах к югу от Канады практически сочтены. Только три-четыре штата могут похвастать еще уцелевшими остатками последних популяций в лесной глуши у канадской границы. Мичиган отменил премию за убитого волка в 1961 году, и в его пределах, возможно, наберется 25 этих животных. В Висконсине волков почти сто, и они значатся в списке охраняемых животных этого штата. Больше всего их в Миннесоте, в северных лесных графствах, где сохранилось триста, а то и четыреста этих хищников. Премия за убитого волка была в Миннесоте недавно отменена, несмотря на бурные возражения некоторых фермеров и охотников-любителей. Эти последние утверждали, что волки там угрожают оленьим стадам, хотя на самом деле олени Миннесоты — одни из самых здоровых в стране, да и вообще наиболее удачной оленья охота, как правило, бывает в тех местах, где водятся волки.

Кроме этих штатов на берегах Великих озер волки встречаются еще в Монтане в Национальном парке Глейшер, куда десятка два их периодически заходит из Канады.



Еще в одном национальном парке, занимающем остров Айл-Ройал на озере Верхнем, вместе с шестью сотнями лосей живет около 25 волков. Впервые они появились на острове в 1949 году, забежав туда по льду из канадской провинции Онтарио. С тех пор их численность остается поразительно стабильной. Исследование взаимоотношений лосей и волков, которое проводит на острове Айл-Ройал известный знаток диких животных Деруорд Аллен со своими аспирантами из университета Пардью, с достаточной убедительностью показывает, что волки благотворно воздействуют на лосей, контролируя их численность. В 30-х годах, когда волков еще не было, лоси на Айл-Ройал излишне размножились, что привело к вытаптыванию пастбищ и ухудшению растительности на острове.

Во многих областях Канады и Аляски волки все еще встречаются не так уж редко, и популяция их там исчисляется тысячами. И там их по-прежнему часто считают виновниками в сокращении численности карibu, лосей, снежных баранов и других копытных, несмотря на научные доказательства обратного. В Канаде и на Аляске до сих пор выплачивается премия за убитого волка. В 1966 году за каждого из убитых на Аляске 1350 волков было выплачено по пятьдесят долларов. Год за годом в Северной Америке становится все меньше мест,

где еще можно услышать волчий вой — этот истинный голос первозданной глуши¹.

Рыжий волк (Canis niger)

Рыжий волк, занимающий по росту промежуточное положение между серым волком и койотом, некогда встречался повсюду от Флориды до Техаса и на север до Индианы. Долгое время рыжий волк считался особым видом, однако последние исследования дают основания полагать, что, возмож-



но, это особая форма койота. Почти на всем протяжении своего прежнего ареала рыжие волки истреблены и сохраняются теперь лишь в очень небольших количествах кое-где в глухих местностях на юге Арканзаса и в соседних с ним штатах.

Оценить хотя бы приблизительно современную численность рыжих волков очень трудно потому, что их нередко пу-

¹ В настоящее время в США только на Аляске еще сохранилось более пяти тысяч волков; численность волков заметно упала и в Канаде. Создано Канадско-Американское общество по охране волка, которое издает свой журнал «Howl» (вой). Рабочая группа по волку Международного союза охраны природы и природных ресурсов разработала программу совместных исследований экологии этого вида. (Примеч. ред.)

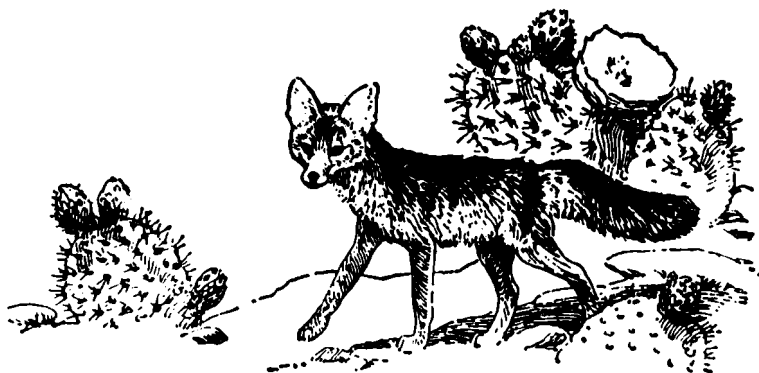
тают с койотами. Но какой бы ни была его нынешняя популяция, рыжему волку грозит полное вымирание из-за мер, которые принимаются против него так же, как и против койотов.

В 1967 году очередная конференция Американского общества маммологов обратила внимание на критическое положение рыжего волка и призвала полностью прекратить операции по контролированию популяций этих хищников в Арканзасе и на востоке Техаса или хотя бы свести эти операции до минимума. Кроме того, конференция подчеркнула необходимость немедленного экологического изучения рыжего волка.

Во всяком случае, эта последняя рекомендация выполняется. И Департамент спортивной охоты и рыболовства и Всемирный фонд охраны дикой природы выделили средства на изучение рыжего волка в природных условиях.

Карликовая и проворная лисица
(*Vulpes macrotis* и *Vulpes velox*)

Очень хорошенькая, величиной с кошку, карликовая лисица обитает в западных пустынях и предгорьях. Шерсть у нее золотисто-коричневая, уши очень большие, а кончик хвоста черный. Эти лисицы днем прячутся в норах, которые выкапывают в песчаной почве, и выходят только по ночам охо-



тяться на грызунов и других мелких зверьков пустыни. Другой вид маленькой лисицы, очень похожей на карликовую, только немного крупнее, — проворная лисица — водится на плоскогорьях от Канады до Мексики.

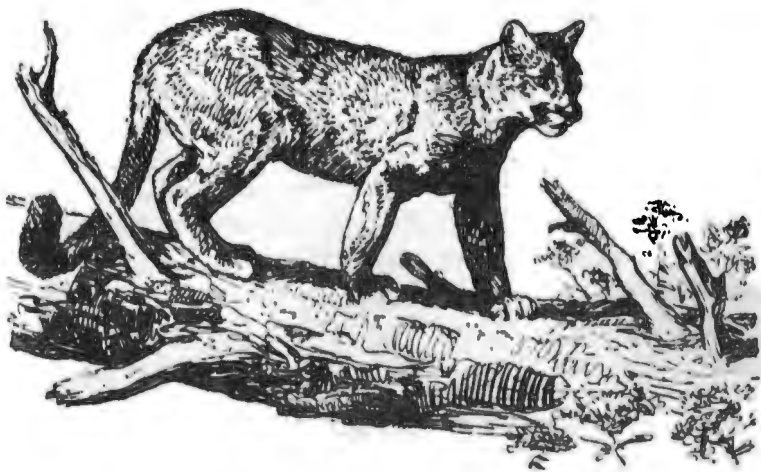
Симпатичные и безобидные карликовые и проворные лисицы лишены той изворотливости и хитрости, благодаря которым рыжие лисицы и койоты прекрасно приспосабливаются к самым неблагоприятным условиям. В течение многих лет эти маленькие лисицы постоянно погибали, съев отравленную приманку, предназначавшуюся для грызунов или койотов, и на большей части своих прежних ареалов либо исчезли вовсе, либо стали очень редкими.

Еще одной форме — сан-хоакинской карликовой лисице — тоже грозит серьезная опасность полного вымирания. Она водится лишь в прославленной своим плодородием калифорнийской долине Сан-Хоакин и становится жертвой не только планомерных кампаний уничтожения грызунов с помощью ядов, но и охотников, а также превращения мест ее обитания в культурные земли. Калифорнийская комиссия охоты и рыболовства поместила эту лисицу в список охраняемых животных, и ее популяция к настоящему времени, возможно, насчитывает несколько сот животных.

Пума (Fells concolor)

До появления на Американском континенте европейцев пумы водились во всех лесных и горных областях Нового Света — от Северо-Западной Канады до Магелланова пролива. Первые поселенцы называли ее по-разному — пантерой, горным львом, американским львом, кутуаром, пумой и так далее. Охотились пумы главным образом на оленей и дичь поменьше, но при случае не брезговали и домашним скотом. Поселенцы боялись и ненавидели пум и рьяно их преследовали.

Задолго до 1900 года большая песочно-коричневатая кошка была на восточном побережье истреблена почти повсюду. В Пенсильвании, где прежде их водилось очень много, последняя документально зарегистрированная пума была убита в 1893 году, в штате Нью-Йорк — в 1900-м. Вскоре после



этого восточный подвид пумы был признан вымершим. Небольшая популяция другого подvida — флоридской пумы — все еще сохраняется в болотах Эверглейдс и кое-где в соседних глухих местностях. По самой оптимистической оценке, в настоящее время этих пум осталось, вероятно, не более ста.

На западе континента происходило то же самое. По меньшей мере восемь западных штатов до самого последнего времени выплачивали премии за убитых пум, и в результате эти большие кошки исчезли во многих местах своего прежнего ареала. Маммолог Виктор Кэйлен провел в 1960 году примерный подсчет их численности и пришел к выводу, что на всей территории страны их сохранилось от четырех до шести тысяч. С тех пор эта цифра, вероятно, стала заметно ниже. Наиболее крупные популяции в настоящее время, по-видимому, обитают в Калифорнии, Аризоне и Айдахо.

Для этих западных кошек блеснул луч надежды, когда Британская Колумбия и все западные штаты, кроме Аризоны, отменили премию за их уничтожение. Теперь эти штаты либо вообще запретили охоту на них, либо ограничили ее, что означает значительный шаг вперед по сравнению с их прежним положением «вредных тварей». С другой стороны, Аризона выплатила по 65 долларов за каждую из трехсот пум, убитых

там в 1967 году. При таких темпах все пумы в этом штате будут истреблены в ближайшие годы.

Несколько лет назад в Айдахо по Программе сотрудничества в изучении дикой природы было предпринято подробное исследование биологии пумы с тем, чтобы получить как можно больше сведений о поведении этих животных, их корме и территориальных потребностях. Было отловлено почти сорок пум, которых затем пометили и выпустили для дальнейших наблюдений. Эти и им подобные исследования должны дать достаточно материала для выработки действенных мер по охране и поддержанию животных этого вида в будущем.

На противоположной стороне континента в последние годы появилось много сообщений о песочно-коричневых длиннохвостых кошках, которых видели в лесистых и горных областях от Нью-Брансуика до южных отрогов Аппалачских гор. Хотя восточный подвид пумы считался вымершим вот уже шестьдесят лет, большинство маммологов склонно думать, что несколько экземпляров все-таки могло уцелеть в малодоступной глуши. И если взять их под защиту, они могли бы вновь заселить те части своего прежнего ареала, которых еще не коснулась цивилизация.

Гризли (Ursus horribilis)

Истинный монарх дикой глуши, медведь-гризли¹ весит от 200 до 450 килограммов, вооружен грозными зубами и когтями и отличается непредсказуемым поведением. Горб на плечах и вдавленный профиль придают его внешности особое своеобразие. Косматая шерсть бывает всех оттенков — от кремового до почти черного.

В конце XVIII века ареал гризли охватывал почти весь запад Северной Америки — от Аляски до севера Мексики, доходя на востоке до обеих Дакот и Миннесоты. Конечно, первые поселенцы на Западе не могли терпеть по соседству с со-

¹ Г р и з л и, как и следующий описываемый медведь, — подвиды, относящиеся к одному виду бурых медведей *Ursus arctos*, обитающему и в Евразии. (Примеч. ред.)



бой такого огромного и опасного зверя, и они объявили гризли беспощадную войну. Большое число этих медведей было истреблено во время калифорнийской «золотой лихорадки», так как старатели скоро убедились, что их мясо вполне съедобно, а шкура служит отличной постелью.

На давно заселенном испанцами юго-западе вакеро (конные пастухи) из лихости иногда ловили гризли живьем, заарканывая их лассо с лошади. Лассо накидывалось на все четыре лапы, и растянутый на земле медведь оказывался совершенно беспомощным. Тогда его крепко связывали и торжественно везли в ближайший городок, где нередко приковывали цепью к столбу на потеху зевакам.

Не менее удивительна и эпопея массачусетского сапожника Адамса, прозванного Гризли Адамсом. В эпоху «золотой лихорадки» он отправился на Запад и разбил свой лагерь в калифорнийских горах Сьерра-Невада. Он был бесстрашным охотником и убил много гризли, но интересно другое: он поймал нескольких медвежат и приручил их. Его ручная медведица Леди Вашингтон сопровождала хозяина в охотничьих экспедициях и тащила на спине все снаряжение. Другого своего

ручного гризли по кличке Бен Франклин он с нежностью называл «украшением своего медвежьего племени, моим верным другом, опорой и спутником моей старости». И действительно, Бен Франклин однажды спас жизнь своему хозяину, схватившись с диким гризли, который на него напал.

С появлением на Западе домашнего скота некоторые гризли принялись нападать на коров и овец. Скотоводы боялись и ненавидели их даже больше, чем волков, и охотились на них так же беспощадно. Такие гризли иногда причиняли значительный ущерб. Один из самых знаменитых, Старик Моуз, колорадский гризли, почти 35 лет навоевывал ужас на обширную горную область. Его след узнавали по отсутствию двух пальцев на лапе. По слухам, за долгое время своего тиранического царствования он задрал по меньшей мере восемьсот коров, много лошадей и овец, а также убил пятерых людей. Хитрый и ловкий, он, точно призрак, ускользал от охотников, мечтавших получить тысячу долларов назначенной за него премии. Только в 1904 году охотник, собакам которого удалось остановить Старика Моуза, всадил восемь пуль в старого разбойника и положил конец его подвигам.

Постоянные преследования, естественно, приводили к тому, что гризли становилось все меньше, и в одном штате за другим они исчезали вовсе. Калифорния, чей флаг и печать украшены изображением этого медведя, потеряла своего последнего гризли около 1922 года, Аризона и Мексика простились с ними примерно тогда же. К началу 30-х годов гризли к югу от канадской границы практически исчезли. Только в национальных парках Йеллоустон и Глейшер и в их окрестностях они еще удерживали клочок своего бывшего ареала.

В настоящее время в Йеллоустоне обитает около двухсот гризли, а в Глейшере — примерно сто. Несколько медведей бродят по прилегающим диким местам Вайоминга и Монтаны. В Айдахо осталось около пятидесяти гризли, а в Колорадо их не наберется и десяти. Этим и исчерпывается популяция гризли к югу от Канады. Возможно, десятка два этих медведей сохранилось в Мексике в горах Чиуауа. Мексиканское правительство запретило охоту на них, но в 1962 году не-

сколько из медведей, по-видимому, погибло, съев отравленную приманку, которая разбрасывалась там в ходе обычной операции «контроля над хищниками».

Однако гризли в Канаде и на Аляске еще удерживает свои позиции. По последним оценкам, в Канаде имеется от 11 до 18 тысяч гризли, а на Аляске — от 8 до 10 тысяч гризли и больших бурых медведей. В этих северных краях еще сохранились обширные площади первозданной глуши, а именно в ней гризли и нуждаются больше всего. Но кто может сказать, что останется от этих островков нетронутой природы через сто лет?

Последние семь лет два специалиста по диким животным, Джон и Франк Крейхеды, занимались изучением биологии гризли в Йеллоустоне. За это время они поймали более двухсот медведей, либо заманивая их в клетку-ловушку, либо стреляя в них ампулами с транквилизаторами, которые временно парализуют зверя, но не причиняют ему никакого вреда. Пойманные медведи измерялись, взвешивались и метились — кольцом в ухе и татуировкой под мышкой передней лапы. На некоторых, кроме того, надевались ошейники с крохотными радиопередатчиками. По сигналам такого передатчика можно проследить странствования медведя и узнать многие его секреты. Крейхеды надеются, что их исследования помогут получить сведения, благодаря которым удастся сохранить этих медведей как часть нашей фауны.

Гризли слишком опасны и поведение их слишком непредсказуемо, чтобы современный человек мог позволить им жить по соседству с ним. Тем не менее в Национальном парке Глейшер со времени его открытия в 1910 году побывали миллионы посетителей, и ни разу ни один из них серьезно не пострадал от встречи с гризли. А потом как-то ночью в начале августа 1967 года гризли на протяжении двух часов напали на два лагеря, разделенные расстоянием километров тридцать, и два человека умерли от нанесенных им ран.

Подобные редкие, но трагические случаи вызывают у многих людей сомнение: а не следовало ли бы ради безопасности посетителей удалить гризли из Йеллоустона и Глейшера? Однако, как правило, гризли причиняют гораздо меньше

хлопот, чем «ручные» черные медведи, которые утратили страх перед человеком — как и человек перед ними.

Знатоки гризли рекомендуют тем, кто путешествует в местах их обитания, погромче разговаривать, свистеть или петь: предупредите медведя о своем приближении, дайте ему возможность незаметно уйти. И тогда можете ничего не опасаться — неприятное столкновение с гризли будет практически исключено¹.

*Большой аляскинский бурый медведь
(Ursus middendorffi) и его родичи*

Большие бурые медведи Аляски очень похожи на гризли, но у них нет такого заметного горба на плечах, как у последнего. В среднем они даже еще крупнее, и вес самых больших экземпляров достигал 700 килограммов и более. Соперничать с ними за право считаться наиболее крупными из сухопутных хищников могут только белые медведи.

На побережье и островах от Унимака и полуострова Аляска до северных районов Британской Колумбии обитает не менее восьми подвидов больших бурых медведей. В настоящее время их положение, по-видимому, опасения не внушает, хотя рыбаки и ворчат на ущерб, который они наносят промыслу лосося, а разработка лесных массивов угрожает некоторым частям их ареала.

Кадыкский национальный заказник, включающий острова Кадык и Уганик в заливе Аляски, обеспечивает сохранение в неприкосновенности примерно семи тысяч квадратных километров территории, где обитает кадыкский бурый медведь. По заказнику бродит около полутора тысяч медведей, и ежегодно охотники получают разрешение на отстрел 150—200 животных, чтобы поддерживать популяцию в равновесии.

¹ Причиной нападения гризли на людей были открытые свалки пищевых отходов. Здесь концентрировались медведи, и возникали конфликтные ситуации. Привыкшие находить здесь пищу медведи бродили по палаточным лагерям у кемпингов и иногда нападали на людей. Ликвидация открытых свалок, запрещение подкормки медведей и отстрел агрессивных животных постепенно уменьшают опасность нападения зверей. (Примеч. ред.)



Кадыякский — самый крупный из бурых медведей, но и остальные аляскинские подвиды также отличаются большой величиной. Однако степень их родства между собой, а также с гризли пока еще точно не установлена. Этим храбро занялся в 1918 году маммолог Харт Мерризм, но, изучив все имевшиеся в наличии черепа и шкуры американских гризли и бурых медведей, он вывел жутковатый итог — 87 наименований! Причем отдельных видов он насчитал не более и не менее как 77! Такие таксономические тонкости только окончательно запутали вопрос, и по сей день никакой ясности внести в него не удалось. Однако современные маммологи считают, что все подвиды гризли и аляскинских бурых медведей вместе с бурыми медведями Европы и Азии входят в один вид.

Белый медведь (Thalarctos maritimus)

Нанук — так называют эскимосы огромного белого медведя, обитающего среди арктических льдов. В былые дни, когда в распоряжении эскимосов было только первобытное оружие, охотник, убивший белого медведя, считался героем, и многие гибли, пытаясь совершить этот подвиг. Взрослый самец, свирепый и опасный зверь, достигает в длину почти трех метров и весит до полутонны. Если верно, что один экземпляр весил, как утверждают, 783 килограмма, то это, бесспор-

но, был самый крупный когда-либо зарегистрированный медведь.

Белые медведи обитают на льдах и суровых берегах северных земель, окружающих Северный полюс. Значительную часть жизни они проводят на дрейфующих ледяных полях, где подстерегают свою главную добычу — тюленей. До появления в их владениях цивилизованного человека им некого было бояться — кроме разве косаток.

Однако в XIX и XX веках в полярных водах начали все чаще появляться китобои и охотники на тюленей, и количество убитых белых медведей непрерывно возрастало. В 1924 году только норвежские зверобои добыли 714 шкур белого медведя. Теперь эскимосы и северные индейцы также обзавелись современными ружьями с высокой начальной скоростью пули, заметно облегчившими охоту на свирепых великанов. По этим причинам ареал нанука начал заметно сокращаться.

В настоящее время в Канаде охота на белых медведей разрешается только коренным обитателям Дальнего Севера, которые занимаются ею с тем большим усердием, что цены на шкуры все повышаются. Однако на Аляске белый медведь из законной добычи эскимосов превратился в трофей спортсменов-охотников, которые нанимают опытных проводников и отправляются в свое арктическое сафари на самолете. Чаше



всего самолетов бывает два, и они облетают ледяные поля, пока не будет обнаружен медведь. Тогда один самолет приземляется, а другой остается в воздухе — на всякий случай или же для того, чтобы подогнать медведя под выстрел. Охотник выходит из самолета на лед и добывает свой трофей. Несколько минут спустя он уже летит туда, где его ждет топящийся камин и возможность похвастать своим подвигом среди уюта и комфорта. Такие сафари приносят аляскинской экономике сотни тысяч долларов, но их едва ли можно считать спортивной охотой. Клуб Буна и Крокетта, ведущий учет охотничьих успехов, изъял белого медведя из списков учитываемой крупной дичи, пока «нечестная охота» с самолетов не будет прекращена.

Встревоженный поголовным истреблением белых медведей в его штате сенатор от Аляски Э. Бартлетт стал инициатором созыва в Фэрбенксе в 1965 году конференции, посвященной этому животному. В работе конференции приняли участие представители всех стран, на территории которых водится белый медведь, — Соединенных Штатов, СССР, Канады, Дании (Гренландии) и Норвегии. Охотники всех этих стран за предыдущий сезон убили в общей сложности около 1325 белых медведей. Первенство в их охране, несомненно, принадлежит Советскому Союзу, где с 1956 года охота на них была полностью запрещена, не считая незначительного отстрела по специальным разрешениям для научных целей. И только Соединенные Штаты, где около трехсот медведей было убито на побережье Аляски и на ледяных полях, разрешали охоту с самолета¹.

Никто из участников конференции не знал ни какое количество белых медведей еще осталось в мире (оценки колебались от восьми до двадцати тысяч), ни какой годовой отстрел этот вид может выдерживать без непоправимых последствий. Поэтому делегация Советского Союза настаивала на немедленном объявлении пятилетнего запрещения всякой охоты на белого медведя. После долгих обсуждений конфе-

¹ 1 июля 1972 года на Аляске запрещено применение самолетов при охоте на белых медведей. (Примеч. ред.)

решения наконец выработала следующую программу: каждая из стран-участниц должна принять все необходимые меры для сохранения белого медведя как международного полярного богатства; охота на медведиц с медвежатами полностью запрещается и все страны обязуются продолжить изучение белых медведей, обмениваясь полученными сведениями. Кроме того, принято решение о регулярном созыве подобных конференций и в будущем.

С тех пор изучение белого медведя пошло усиленными темпами. И что еще важнее, в январе 1968 года в Швейцарии была проведена вторая посвященная ему конференция, на этот раз созванная Международным союзом охраны природы и природных ресурсов. Все это поддерживает надежду, высказанную сенатором Бартлеттом в 1965 году: «Усилия каждой страны в сочетании с международным сотрудничеством не могут не обеспечить выживание белого медведя»¹.

Глава 9 КОПЫТНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Всякое живое существо лучше
мертвого — и люди, и лоси, и сосны.
И тот, кто понимает это, будет обере-
гать жизнь, а не губить ее.

Генри Дэвид Торо

Копытные животные всегда были добычей, которую человек — охотник ценил выше всего. Мясо оленей, бизонов, антилоп вкуснее мяса большинства других животных, а их выделанные шкуры дают самую лучшую кожу. Первобытный человек изготавливал из их рогов орудия и утварь, а современные охотники украшают ими стены своих комнат.

¹ В 1971 году было проведено третье, а в 1972 году четвертое совещание по охране и изучению белого медведя. Принят ряд ограничений в охоте, и в 1973 году заключено Международное соглашение между Советским Союзом, Соединенными Штатами, Канадой, Данией и Норвегией об охране белого медведя. (*Примеч. ред.*)

Каждую осень в Соединенных Штатах миллионы охотников отправляются в леса, надеясь подстрелить оленя,— и у них есть все основания для такой надежды. Около 17 миллионов белохвостых и чернохвостых оленей обитает сейчас в стране, в дни первых поселенцев их было несравненно меньше. Вырубка лесов и появление сочного подлеска привело к возрастанию их численности, чему, кроме того, способствовали строгие правила охоты, уничтожение хищников и современные методы охраны природы. Каждый год охотники добывают свыше двух миллионов оленей. И если бы не это, избыточные олени погибли бы от голода, так как на всех них не хватило бы пастбищ.

Ну а подвиды с ограниченным, все время уменьшающимся ареалом? А некоторые другие копытные, такие, как карибу, овцебыки и бараны-толстороги? У подавляющего большинства из них дела обстоят не так хорошо.

Белохвостый олень Флорида-Кис
(*Odocoileus virginianus clavium*)

Самый мелкий из многочисленных подвидов белохвостого оленя, олень Флорида-Кис, имеет высоту в плечах не больше 75 сантиметров, а средний вес взрослой особи колеблется от 25 до 40 килограммов. По величине он уступает крупной собаке. Много веков эти миниатюрные олени обитали в тропических зарослях островов Флорида-Кис, кочуя с острова на остров и находя обильный корм в непроходимой чаще мангров, западных буков и пальм.

Но когда на Флорида-Кис начали селиться люди, в судьбе тамошних оленей произошли печальные перемены. Браконьеры устраивали на них ночные охоты с фонарями или загоняли в воду, чтобы без всякого труда убивать их с лодок. Им не давали покоя стаи собак, а также все растущее число автомобилей, мчавшихся по федеральному шоссе № 1 из Майами на Ки-Уэст. К 1949 году, по наиболее оптимистическим оценкам, сохранилось всего 30—40 оленей Флорида-Кис, и дни их, казалось, были сочтены.



Это глубоко тревожило любителей природы. В 1951 году благодаря совместным усилиям Национального одюбоновского общества, Клуба Буна и Крокетта, Национальной федерации охраны природы и других организаций была создана должность егера для охраны главных мест обитания этих оленей. Три года спустя федеральное правительство учредило для них заказник на взятой в аренду земле. В том же году Северо-американский фонд охраны дикой природы выделил 10 тысяч долларов на покупку земли под заказник — на острове Биг-Пайн-Ки, где олени были наиболее многочисленны. В судьбе оленей Флорида-Кис наступил благоприятный перелом, особенно после того, как конгресс выделил еще 35 тысяч долларов на расширение заказника.

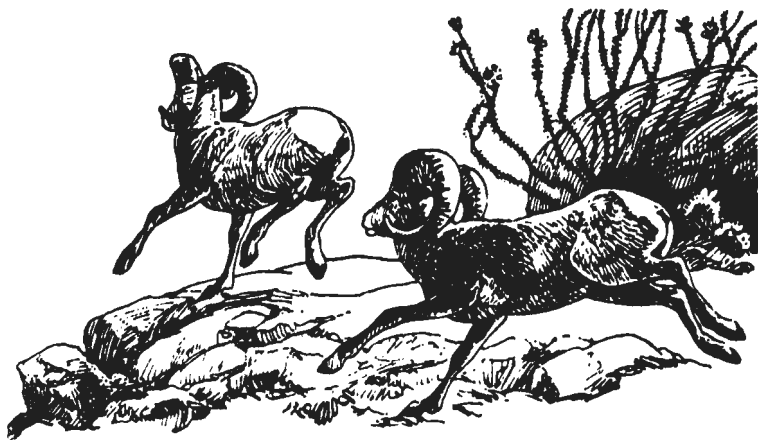
С тех пор острова Флорида-Кис превратились в популярный зимний курорт. Цены на землю взлетели до небес, и там, где раньше бродили олени, появились здания современных отелей и пансионатов. Однако расширился и заказник. К 1965 году он занимал в целом 2700 гектаров, но почти шесть седьмых

этой площади было арендовано — государству принадлежало там менее 350 гектаров. В следующем году Национальное одюбовское общество получило в дар почти миллион долларов на покупку еще 246 гектаров наиболее подходящей для оленей территории и сразу же сдало эту землю в аренду федеральному правительству для расширения заказника.

Благодаря таким усилиям в настоящее время заповедные заросли населяют около четырехсот оленей Флорида-Кис, и их существование, правда в ограниченном числе, кажется обеспеченным.

Снежный баран, или толсторог (Ovis canadensis)

Когда Льюис и Кларк в 1805 году побывали в предгорьях Скалистых гор, они увидели там множество снежных баранов. Дивясь ловкости, с какой эти животные взбирались по самым крутым склонам, Льюис записал: «В этих недоступных местах они находятся в безопасности от всех врагов». Однако он забыл про человека. Когда в 40-х годах XIX века в Скалистые горы явились золотоискатели и другие искатели приключений и наживы, они перебили множество толсторогов, потому что мясо их было очень вкусно. Популяция их заметно уменьшилась и продолжала уменьшаться после того,



как в предгорьях обосновались фермеры и домашний скот начал оспаривать у них пастбища. Толстороги отступали все выше и выше в горы и в конце концов во многих районах вообще исчезли.

В настоящее время снежные бараны Далла на Аляске и толстороги Канады как будто сохраняют свои позиции, но к югу от канадской границы их осталось не более 10 тысяч. Почти все они обитают в наиболее недоступных частях Скалистых гор или на пустынных кряжах Невады и Аризоны. Одюбоновский, или бэдлендский, подвид толсторогов, обитавший в дакотских Блэк-Хилс и в Бэдлендах, полностью истреблен уже давно.

Когда в начале века толстороги стали редкими животными, штаты один за другим начали запрещать охоту на них. Но это не останавливало браконьеров, да и домашний скот продолжал вытеснять их с остававшихся пастбищ. Скученные в своих горных убежищах, они тем легче заражались паразитами и болезнями домашних овец.

Толсторогам требуются обширные площади горных пастбищ, и чувствуют они себя хорошо, только если плотность их популяций достаточно мала. Стоит им сосредоточиться где-нибудь в одном месте, как почти обязательно начинаются опустошительные эпизоотии.

Пустынный толсторог (бледноокрашенный подвид, встречающийся в сухих предгорьях Юго-Запада) находит надежный приют в четырех федеральных заказниках: Кабеса-Приета и Кофа на юге Аризоны, Сан-Андрос в Нью-Мексико и в Дезерт — заказнике, занимающем около шестисот тысяч гектаров пустыни и гор неподалеку от города Лас-Вегас в штате Невада.

Овцебык (Ovibos moschatus)

Снег, лед и лютый мороз — вот обычные условия жизни овцебыка. Когда в плейстоценовый период большую часть северного полушария покрывали огромные ледники, ареал этого небольшого дикого быка доходил на юге до теперешней Пенсильвании и Канзаса. Но с началом отступления ледни-



ков овцебыки двинулись вслед за ними на север. В те доисторические времена их ареал охватывал все области суши на Крайнем Севере.

В настоящее время, однако, овцебык давно уже исчез повсюду, кроме Гренландии и канадских арктических областей. Общая численность овцебыков, по-видимому, не достигает и 20 тысяч.

Прекрасно приспособленный к своей суровой среде обитания, овцебык походит на небольшого рыжевато-черного быка с длинной косматой шерстью. Самцы весят от 225 до 400 килограммов, самки — несколько меньше. И у самцов и у самок есть широкие рога, которые загибаются книзу, но острый конец обращен вперед и вверх. Если возникает опасность, овцебыки образуют круг с телятами внутри. Взрослые животные выставляют головы вперед, так что врага встречает кольцо острых рогов. Такая тактика очень полезна при нападении волков или других четвероногих хищников, но охотник с ружьем может спокойно перестрелять чуть ли не все стадо.

К 1865 году этот вид был полностью истреблен на Аляске, численность популяции в других местах тоже резко шла на убыль. Однако бойня продолжалась; только Компания Гудзона залива с 1862-го по 1916 год скупила более 15 тысяч шкур овцебыка.

Канада полностью запретила всякую охоту на своих овцебыков в 1917 году, когда, по самым оптимистическим оценкам, на Американском континенте их оставалось не более пятисот. После этого число овцебыков начало медленно увеличиваться, и в настоящее время их насчитывается около полутора тысяч. Наиболее крупная их группа в несколько сот животных обитает в канадском резервате Телон, расположенном к северо-востоку от Большого Невольничьего озера. Подавляющая часть остальной популяции овцебыков живет на арктических островах дальше к северу и на северном побережье Гренландии.

В 1930 году Соединенные Штаты закупили 34 гренландских овцебыка с тем, чтобы восстановить этот вид на Аляске. Сначала животные были переданы на опытную станцию Аляскинского университета вблизи Фэрбенкса. В 1935—1936 годах стадо перевезли на остров Нунивак, расположенный у побережья Аляски и объявленный резерватом, и выпустили там на свободу. Овцебыки отлично прижились на Нунивике, и число их там теперь превышает 700. Это примерно столько, сколько может прокормить остров, скудную растительность которого с овцебыками делят домашние северные олени и дикие северные олени карибу. Бюро спортивной охоты и рыболовства в настоящее время предполагает перевезти часть овцебыков с Нунивака на материк для восстановления диких стад Аляски. Часть их можно использовать в экспериментах по одомашниванию — их мягкий густой подшерсток, как говорят, не уступает лучшему козьему пуху.

*Американский дикий северный олень, или карибу
(Rangifer tarandy)*

Весну за весной миллионы карибу огромными стадами по несколько тысяч голов каждое отправлялись в безлесную канадскую тундру. Там они паслись, и там же самки приносили телят. С незапамятных времен северные индейцы и эскимосы поджидали эти стада у речных бродов и на перевалах, чтобы запастись мясом и шкурами карибу на много месяцев вперед.



Этих крупных, плотно сложенных оленей с белыми гривами и широкими копытами, приспособленными для ходьбы по глубокому снегу, называли карибу микмакские индейцы, на языке которых это слово означает «копатель». По-видимому, тут отразилась привычка этих оленей разгребать передними ногами снег, чтобы добраться до лишайников и другого корма. От всех остальных оленей они отличаются тем, что рога у них имеют не только самцы, но и самки. До начала заселения Североамериканского континента европейцами популяция карибу там достигала по меньшей мере нескольких миллионов; некоторые натуралисты полагали даже, что по численности они соперничали с бизонами.

Карибу бродили стадами и небольшими группами почти по всей северной половине континента, и одно время специалисты разделяли их на отдельные подвиды по ареалу и внешним признакам. В настоящее время все они считаются подвидами одного всемирного вида, включающего и евразийского северного оленя. В Америке имеются две основные формы: тундровый карибу, водящийся на севере Канады и Аляски, и лесной карибу, обитающий в лесах дальше к югу.

Некогда лесные карibu встречались в лесах почти всех северных штатов — от Мэна до Вашингтона. Но они давно уже исчезли там почти повсюду из-за интенсивной охоты, а также из-за сведения лесов. До 1963 года последнее надежное сообщение о карibu в штате Мэн было зарегистрировано в 1908 году: в окрестностях горы Катадин видели четырнадцать животных. Затем через пятьдесят лет Департамент охоты штата приобрел в Нью-Брансуике 24 карibu, которые были выпущены на горе Катадин. В течение следующих двух-трех лет их видели в различных местностях, разделенных большими расстояниями, но пока еще рано судить, сумеют ли они выжить и создать новую популяцию в Мэне.

Горстка лесных карibu еще держалась на севере Мичигана до Первой мировой войны и в Миннесоте — до начала 30-х годов. В 1932 году в Миннесоте была предпринята попытка ввезти туда саскачеванских карibu, но она не дала результатов. И теперь к югу от канадской границы карibu не осталось совсем, если не считать нескольких десятков, которые время от времени забредают из Канады в штаты Айдахо и Вашингтон. Но и на большей части своего канадского ареала лесной карibu становится редким животным.

На Аляске популяция тундровых карibu, по-видимому, преуспевает и в настоящее время насчитывает около 300 тысяч животных. Но положение на севере Канады далеко не так благополучно. Там огромные стада тундровых карibu за последнее время катастрофически уменьшились. В 1900 году их там предположительно было два миллиона, а по оценке 1948—1949 годов это число сократилось до неполных 700 тысяч. Цифры, полученные при подсчете в 1954—1955 годах, оказались еще более грозными — всего 280 тысяч животных. Другими словами, за пять лет популяция сократилась более чем наполовину. Канадский департамент охраны природы немедленно предпринял широкие исследования, чтобы установить причины такого сокращения. Тундровые карibu в течение тысячелетий были опорой существования коренных обитателей Дальнего Севера, и исчезновение этих оленей явилось бы для них настоящей катастрофой.

Многие считают, что тут виноваты волки, однако научные исследования ясно показывают, что эти хищники в конечном счете приносят стадам только пользу, истребляя слабых или искалеченных животных. Роковую роль играют лесные пожары, которые уничтожают не только леса, служащие приютом карибу, но и их основной корм — медленно растущие лишайники. Не менее губительны для них и лесоразработки, ведущиеся в местах их зимовок. Однако наиболее серьезную опасность представляет то обстоятельство, что в течение многих лет охота на карибу велась без каких бы то ни было ограничений. Например, в 1955 году, когда вся популяция насчитывала только 280 тысяч животных, было убито около 73 тысяч карибу, что превышало число родившихся телят. Современные скорострельные ружья облегчают бойню, и от пуль погибает гораздо больше животных, чем это необходимо.

Канада все еще оставляет за индейцами и эскимосами право охоты на карибу, обеспеченное в свое время договором, но правительство, пытаясь приостановить сокращение численности стад, запретило охоту на маток и телят и полностью запретило всякую спортивную охоту.

Глава 10

КИТЫ — ИСЧЕЗАЮЩИЕ ГИГАНТЫ МОРЕЙ

...Вопрос заключается в том, долго ли сможет Левиафан выдерживать столь постоянные преследования и столь беспощадное избиение, и не будет ли он в конце концов совсем уничтожен, и последний кит, подобно последнему человеку, выкурит свою последнюю трубку и сам исчезнет с последней затяжкой.

Герман Мелвилл

В настоящее время после нескольких веков охоты на китов они становятся настолько редкими животными, что мировая китобойная промышленность находится на краю гибели. Теперь сотрудники Бюро промыслового рыболовства США,

вместо того чтобы убивать китов, загоняют им в слой жира двадцатипятисантиметровые стальные стрелы с номерками. Кита́м эта операция нисколько не вредит, но, если меченого кита впоследствии убивают и стрелу находят, ученые узнают еще что-то о миграции, продолжительности жизни и смертности китов. Да, положение сильно изменилось с XIX века, когда Соединенные Штаты имели самый большой китобойный флот в мире.

В эпоху наибольшего развития китобойного промысла — примерно с 1825-го по 1860 год — сотни американских шхун бороздили океаны в погоне за морскими гигантами. Первое место в этом промысле принадлежало Новой Англии, а главными портами флотилии были Нантакет, Нью-Бедфорд, Нью-Лондон и Мистик. Крепкие китобойные суда нередко проводили в плавании по три-четыре года. Преследуя свою добычу, они нанесли на карту немало новых островов в южной части Тихого океана и весь его открыли для американской торговли и влияния.

Наиболее ценился в то время кашалот, или, как его часто тогда называли, спермацетовый кит, который принадлежит к подотряду зубатых китов. Пятиметровая нижняя челюсть кашалота оснащена коническими зубами, с помощью которых он захватывает свою добычу, главным образом гигантских кальмаров и осьминогов. Пораженный гарпуном кашалот представлял собой грозного противника, действия которого было трудно предугадать. «Либо кит убит, либо шлюпка в щепки!» — говорили китобои, и действительно, немало вельботов было разбито могучим ударом хвоста или сокрушено между гигантскими челюстями. Иногда нападению подвергался даже корабль. Так, в 1820 году в Тихом океане пошел ко дну китобоец «Эссекс», протараненный разъяренным кашалотом.

Однако китобои охотно шли на риск, так как у каждого кашалота в голове имеется большая полость, заполненная воскоподобным спермацетом — высококачественным жиром, самым ценным продуктом китобойного промысла. Кроме того, у кашалотов гораздо чаще, чем у других китов, в кишечнике попадает амбра — пахучее сыроподобное вещество, за

которое фабриканты парфюмерных изделий платили большие деньги.

Хотя в золотой век китобойного промысла наиболее желанной добычей были кашалоты, охота велась еще на четыре вида китов — на двух настоящих китов (в Атлантическом океане и в Тихом), на серого кита и на гренландского. Добывать их было относительно нетрудно, и все они, кроме серого, давали много жира, который перетапливался в ворвань. Вместо зубов их рот снабжен бахромчатыми гибкими пластинами из рогового вещества, которые свешиваются рядами по обеим сторонам верхней челюсти; это так называемый китовый ус, который находил самое разнообразное применение. Из них, например, изготавливались прокладки дамского корсета и гибкая основа для извозчичьих кнутов.

Самому же киту эти пластины служат цедильным аппаратом при добывании корма. Открыв рот, кит набирает в него воду с большим количеством планктона — крошечных рачков и других мельчайших морских животных. Затем кит закрывает рот и выбрасывает воду сквозь бахрому пластин, планктон же на ней задерживается, и кит его проглатывает. Таким способом киты, обладающие этим аппаратом, собирают за день до тонны корма.

К концу XIX века прежний китобойный промысел постепенно захирел. На смену ворвани пришел керосин, а с уменьшением численности кашалотов, настоящих и серых китов китобойные экспедиции начали приносить все меньше и меньше прибыли. Трех-четырёхлетние плавания стали коммерчески невыгодными, и китобойные флотилии все сокращались, а в первом десятилетии XX века стали исчезать совсем.

Китобойный промысел в XX веке

Однако возникал китобойный промысел иного типа, опиравшийся на новые методы и оборудование. Пожалуй, решающим оказалось изобретение гарпунной пушки, которая поражает кита тяжелым гарпуном. Располагая таким оружием и быстроходными судами, китобойи могли начать успешную

охоту на синих и горбатых китов, а также на финвалов, которых прежде оставляли в покое, так как слой жира у них относительно невелик, а сами они очень быстры, поведение их трудно предугадать, и к тому же, убитые, они обычно тонут, а не остаются на поверхности, как настоящие киты. Последнее затруднение было разрешено следующим образом: в убитого кита накачивают воздух сразу же, как только в нем угаснет жизнь.

Поскольку в тропических водах киты почти исчезли, центр китобойных операций в 20-х годах переместился в антарктические моря. Тогда же возникла и была осуществлена идея плавучих баз. Эти огромные суда представляют собой и склады, и фабрики, производящие полную обработку китовых туш, а кроме того, они снабжают и обслуживают целую флотилию небольших китобойцев, длиной от тридцати до пятидесяти метров. Новые методы обработки открыли и новые области для применения китовых продуктов. Теперь жир начал применяться для приготовления мыла, косметических кремов, красок, взрывчатых веществ и пищевых жиров. Мясо обрабатывалось для употребления в пищу людьми (в Японии) или шло на изготовление собачьих галет и тому подобное, а скелет перерабатывался в костную муку и клей.

К 30-м годам в Антарктике в среднем ежегодно добывалось свыше 40 тысяч китов. При таких темпах китобойная промышленность сама подписывала себе смертный приговор — мировая китовая популяция не могла бесконечно выдерживать подобный ущерб. Настоятельная потребность в международном соглашении и об охоте на китов стала особенно ясной после сезона 1937/1938 года, когда по всему миру было убито около 55 тысяч китов.

Вторая мировая война дала китам столь необходимую им передышку. После ее окончания в 1946 году как первая серьезная попытка ввести какое-то регулирование китобойного промысла была создана Международная китобойная комиссия, под эгидой которой страны-участницы устанавливают собственные правила и верхний предел добычи на каждый год. Обычно главную роль тут играли соображения о том, сколько китов окажется возможным добыть, а не каким их

числом следовало бы ограничиться. При комиссии имеется Консультативный комитет из ученых, однако до последнего времени квоты устанавливались более высокие, чем указывалось в его рекомендациях.

Тем временем методы охоты продолжали совершенствоваться, и китам приходилось все хуже. Теперь на поиски китов с плавучей базы поднимаются вертолеты, а суда оснащены эхолотами, позволяющими следить за китами под водой, радиолокаторными установками и радиопередатчиками для двусторонней связи, облегчающими поиски китов на поверхности. На носу каждого китобойца установлена мощная гарпунная пушка. Гарпун зазубрен, а острие несет заряд, рассчитанный так, чтобы он взорвался в теле кита. Несмотря на всю эффективность подобного оружия, морские великаны, даже и получив смертельную рану, умирают медленно. В настоящее время разрабатываются электрические гарпуны, убивающие почти мгновенно.

В результате применения подобных методов за сорок лет, с 1925-го по 1964 год, по всему миру было убито 1,6 миллиона китов. К настоящему времени киты в антарктических водах стали встречаться гораздо реже. И неудивительно! А потому центр китобойных операций начал перемещаться на север Тихого океана. В 1963 году там в общей сложности было убито 18 тысяч китов, что впервые за всю эпоху применения современных методов превысило число китов, добытых в Антарктике.

В 1964—1965 годах в Антарктике действовало пятнадцать полностью оснащенных экспедиций. Два года спустя их там было только девять. Каждый год численность китов продолжает сокращаться. Ряду видов, в том числе синему киту, финвалу, гренландскому и горбатому китам, угрожает полное исчезновение. Номинально охота на гренландского кита ограничена с 1935 года, и все-таки число этих животных на севере Тихого океана, согласно оценке, не превышает тысячи, а в других местах их и того меньше. Горбачей же, китов с шишковатой головой и длинными плавниками, осталось так мало, что Международная китобойная комиссия с большим запозданием полностью запретила охоту на них к югу от экватора:

до ноября 1969 года — в Северной Атлантике и до 1971 года — на севере Тихого океана. По-видимому, горбачей в мире осталось всего несколько сотен.

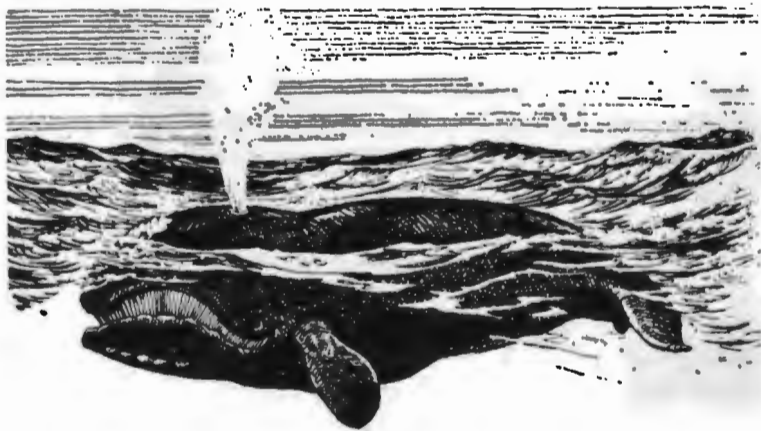
Но даже если бы охота была немедленно запрещена на все виды китов, для восстановления большинства популяций до уровня второй половины 40-х годов, по мнению некоторых специалистов, потребуется пятьдесят лет, если не больше.

«В настоящий момент вопрос стоит критически, — пишет Скотт Мак-Вей, посвятивший много лет изучению китов и китобойного промысла. — И в отношении не только антарктических вод, но и всего будущего китобойного промысла... Если эта лишь весьма условно ограниченная охота будет продолжаться, то единственный вид, еще сохраняющий экономическое значение, — кашалоты, более 250 тысяч которых было убито за последние двенадцать лет, — обречен стать памятником международного безрассудства. Только резкое уменьшение ежегодной квоты и введение строгих правил, которые будут неукоснительно соблюдаться, еще может обеспечить выживание последних из больших китов».

*Настоящие киты — южный (Eubalaena glacialis)
и японский (Eubalaena nieboldi)*

Настоящие киты получили свое название потому, что в старину они считались хорошей, настоящей добычей. В них было много жира, они двигались относительно медленно, и потому к ним нетрудно было приблизиться на бросок гарпуна; они нелегко приходили в ярость, и вдобавок ко всему, убитые, оставались плавать на поверхности.

На атлантического настоящего кита охотились еще в средневековье, и к 1700 году он в европейских водах уже практически не встречался. Американские поселенцы начали преследовать его не менее рьяно, и во второй половине XIX века он почти перестал встречаться и в западной части Атлантики. Китобойная конвенция 1935 года требовала полного запрещения охоты на этого кита, к тому времени превратившегося в такую редкость, что китобоям почти никогда не выпадало случая убить его. В наши дни, по мнению экспертов, популя-

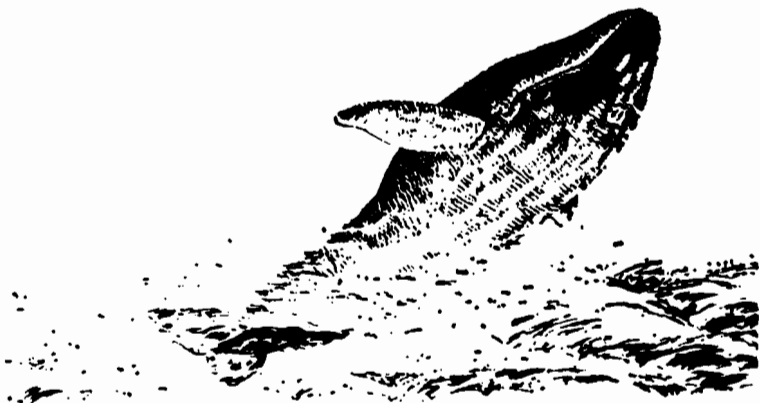


ция настоящего кита насчитывает всего несколько сот животных в Атлантическом океане и примерно столько же в Тихом. Правда, можно указать на один обнадеживающий факт: после столетнего перерыва эти киты начали все чаще появляться в прибрежных водах Кейп-Кода.

Серый кит (Eschrichtus glaucus)

Жители Тихого океана, серые киты, проводят летние месяцы нагуливая жир в районе Берингова моря. С приближением зимы они мигрируют на юг — к берегам Кореи в Азии и Калифорнии в Северной Америке. Плывая в непосредственной близости от берега, серые киты заходят в защищенные лагуны — чаще всего в лагуну Скаммон в Нижней Калифорнии — и там приносят детенышей, спариваются и зимуют.

Регулярно истреблявшиеся на протяжении XIX века серые киты почти вымерли уже к 1890 году, когда прежний китобойный промысел практически прекратился. Начало эры новых китобойных операций сказалось на серых китах более чем неблагоприятно, и к 1930 году в восточной части Тихого океана их остались считанные десятки. После полного запрещения охоты на них численность серых китов в американских водах обнадеживающе увеличилась. По подсчету, проведенному в 1954 году, их было примерно 4500, а в настоящее вре-



мя калифорнийское стадо насчитывает, по-видимому, около 8000 животных.

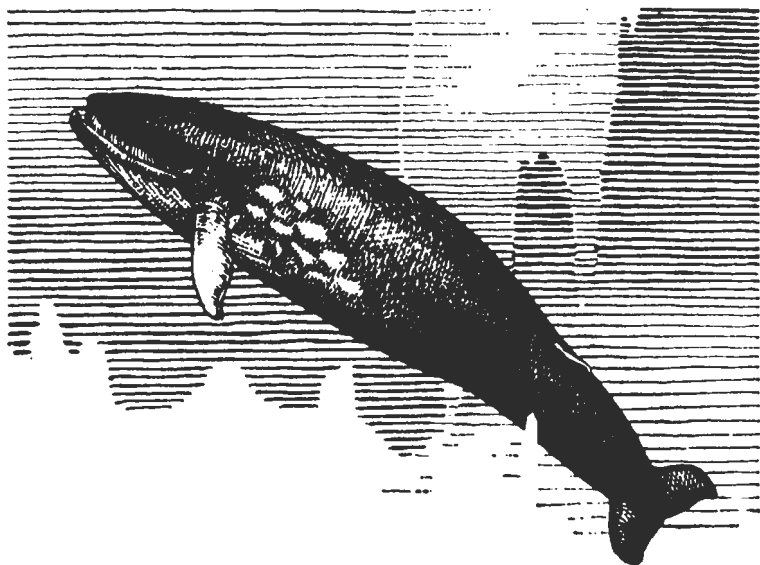
Особенно удобно наблюдать миграцию серых китов с мыса Лома под Сан-Диего. С декабря по февраль киты проплывают мимо этого мыса поодиночке или небольшими группами, нередко всего в одном-двух километрах от берега. И каждый год тысячи людей поднимаются там на смотровую башню, чтобы полюбоваться морскими великанами.

Синий кит (Sibbaldus musculus)

Самое большое животное, когда-либо обитавшее на Земле, — колоссальный синий кит — достигает порой 30 метров в длину и веса свыше 130 тонн. Встречается он во всех океанах, но в исторические времена особенно многочисленным было стадо антарктических вод, где до начала новой эры в китобойном промысле китобой его почти не тревожили. Но в XX веке было убито по меньшей мере 325 тысяч синих китов; наиболее высокая цифра — 29 410 китов — приходится на сезон 1931—1932 годов. С этого времени ежегодная добыча синих китов непрерывно шла на убыль. К 50-м годам общая популяция их настолько уменьшилась, что ежегодная добыча, хотя и значительно упавшая, все-таки превышала годовой прирост. В 1960—1961 годах антарктические китобойные флотилии до-

были около 1700 синих китов, в 1963—1964 годах — только 112, а в 1964—1965 годах всего 20. В 1966—1967 годах, когда охота на синего кита была в этих водах запрещена, их было убито всего четыре. Но в предыдущем году 594 синих кита было добыто китобоями с береговых баз, по большей части в Перу и Чили.

В настоящее время, по мнению экспертов, популяция синих китов, возможно, уменьшилась настолько, что даже пол-

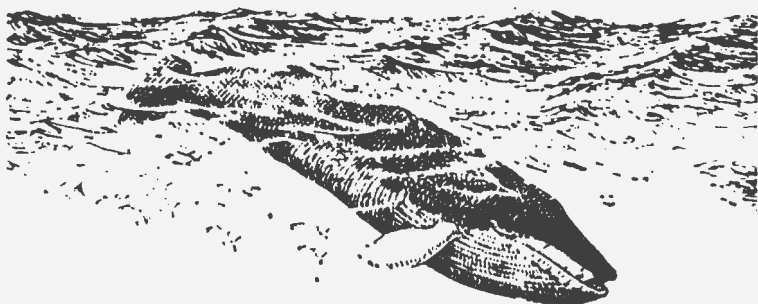


нейшее запрещение всякой охоты и строгое его соблюдение уже не сможет спасти этот вид. В мире сейчас живет, вероятно, около шестисот синих китов. Быть может, к концу нашего века крупнейшее животное нашей планеты будет, подобно динозаврам, представлено только несколькими скелетами в биологических музеях.

Финвал (Balaenoptera physalus)

Второй по величине из существующих китов, финвал, иногда достигает в длину 24 метров. В начале новой эры китобойного промысла это был, пожалуй, наиболее распростра-

ненный из всех крупных китов, и охотились на него даже с еще большим пылом, чем на синего. С 1947-го по 1951 год в Антарктике ежегодно добывалось около 18 тысяч финвалов. Затем, когда синих китов стало меньше, добыча финвалов увеличилась до 25 и более тысяч в сезон. Всего за десять лет, с 1950-го по 1960 год, было истреблено почти 240 тысяч финвалов. Как и синие киты, финвалы не смогли выдержать подобного избиения. Ежегодная антарктическая добыча упала в

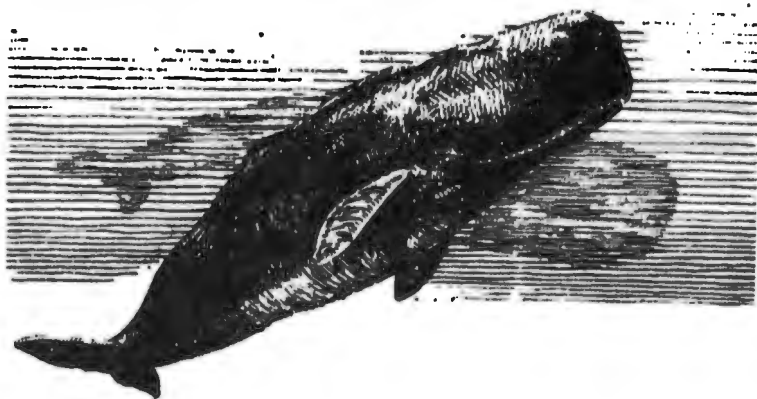


1963—1964 годах до 14 тысяч, в следующий сезон сократилась вдвое, а в 1965—1966 годах не превысила 2500 животных. Если охота на финвалов не будет полностью прекращена, они скоро последуют за синими китами на самую грань небытия.

Если финвал исчезнет, то следующим на очереди окажется менее крупный сейвал (*Balaenoptera borealis*), обитающий в Антарктике и Тихом океане, так как в настоящее время этот вид возмещает пробел, оставленный синими китами и финвалами. В 1964—1965 годах было убито около 20 тысяч сейвалов из популяции, насчитывающей, по-видимому, не более 60 тысяч животных.

Кашалот (Physeter catodon)

Несмотря на беспощадное преследование в XIX веке и критическое сокращение его популяции, выносливый и жизнеспособный кашалот все-таки уцелел. Более того, за первую половину XX века он восстановил свою численность, так что в настоящее время кашалотов добывают больше всех остальных китов. Возможно, что стойкость в эру антарктических



китобойных флотилий объясняется полигамностью этого кита и его миграционными привычками. Самцы кашалоты собирают гаремы самок, и большую часть года стада кашалотов плавают в тропических водах — самцы, самки и детеныши все вместе. Однако на несколько месяцев самцы отправляются в Антарктику, оставляя самок и детенышей в более теплых широтах, где до самого последнего времени на них почти не охотились. Часть самцов в антарктических водах становилась жертвой китобоев, но остальные возвращались в Атлантический, Тихий и Индийский океаны.

В последние годы, однако, центр китобойных операций переместился на север Тихого океана, и кашалоты вновь оказались в опасности. Ежегодно их добывают не менее 20 тысяч, а добыча 1964 года составила 29 тысяч. Номинально охота на них между 40-м градусом северной широты и 40-м градусом южной широты запрещена, но запрет этот часто игнорируется.

Моби Дик, самый живописный и интересный из всех китов, по-видимому, оказывается и самым жизнестойким. Так пусть же он еще долго останется таким, каким описывает его старинная песня китобоев:

И в штормы и в штиле там право — в силе,
И кит не знает забот:
Он всех сильнее, он царь морей,
Владыка соленых вод.

Глава II

ДРУГИЕ МОРСКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Маловероятно, чтобы человеку, не смотря на всю его алчность и на всю его технику, удалось полностью истребить какой-нибудь вид морских рыб, но одно морское млекопитающее — стеллерову морскую корову — он, во всяком случае, уже уничтожил, а моржу, котику и другим крупным морским животным, так же как и многим питающимся рыбой четвероногим, грозит опасность скорого вымирания.

Джордж Перкинс Марш

Промысловая охота в той или иной степени ведется сейчас только на четырех американских ластоногих — на северного морского котика, на моржа, гренландского тюленя и хохлача. Котик находится под научным контролем, и его надежно охраняет международное соглашение. За моржами в настоящее время охотятся только эскимосы и другие коренные жители Дальнего Севера, но даже и эти ограниченные потери оказываются для него опасными. Гренландский тюлень и хохлач в американских водах довольно многочисленны, однако на них ведется значительная промысловая охота, и их популяции год от года неуклонно сокращаются.

Два вида ушатых тюленей западного побережья — сивуч и калифорнийский морской лев — в настоящее время почти перестали служить объектом промысловой охоты, однако канадские и аляскинские рыбаки считают сивучей вредными животными и утверждают, что они рвут сети, а также пожирают лососей и другую ценную рыбу. Поэтому сивучей разрешается уничтожать, если они мешают рыболовству, но новейшие исследования показывают, что главную пищу этих животных составляет рыба, не имеющая промыслового значения.

Рыбаки западного побережья по той же причине недолюбливают обыкновенных тюленей. Аляска выплачивает за этот вид премии, и ежегодно в этом районе их убивают до 60 тысяч.

Из других тюленей в американских водах встречаются морской заяц, кольчатая нерпа и полосатый тюлень — в основном арктические виды. Они имеют большое значение для местных эскимосов, но промысловая охота на них не ведется.

Серые тюлени обитают главным образом в районе Британских островов, а на западе Атлантики существует лишь очень небольшая их популяция численностью около пяти тысяч животных. Большая часть их живет в заливе Святого Лаврентия и севернее, но мелкие колонии встречаются на островках у побережья Мэна. Недавно была, кроме того, обнаружена крохотная группа из 15—20 животных на песчаной отмели у острова Нантакет.

Гораздо многочисленнее всех остальных тюленей в американских водах гренландский тюлень, или лысун (*Phoca groenlandica*), популяция которого в Западной Атлантике составляет, по оценке, почти три миллиона. В Америке его называют еще и оседланным тюленем из-за продолговатых темных пятен на спине. Новорожденных тюленят называют бельками, потому что они покрыты густым мягким белоснежным мехом, который очень ценят охотники на тюленей. Но сохраняется он только первые девять дней жизни тюлененка. Затем детеныш линяет, меняя свой белый наряд на короткий серый мех в темных крапинах, который и сохраняет до наступления половой зрелости.

Существуют три совершенно отдельных стада гренландского тюленя. Два из них обитают у арктического побережья Европы; третье, и самое большое, проводит лето в арктических водах у берегов Гренландии, а с наступлением зимы откочевывает на юг, к местам своих традиционных щенных залежек в заливе Святого Лаврентия и у восточного побережья Ньюфаундленда.

В этих водах охота на гренландского тюленя ведется более двухсот лет. Некоторое представление о его былой численности дает следующий факт: в 1831 году у Ньюфаундленда было добыто свыше 687 тысяч тюленей. И почти наверняка подавляющее большинство из них было гренландскими тюленями, хотя среди них могли попадаться и хохлачи, также встречаю-

шиеся в этом районе. Меха молодых хохлачей голубовато-серебристый, и они также имеют промысловую ценность.

В старину охота на тюленей у берегов Ньюфаундленда и в заливе Святого Лаврентия была тяжелым и опасным делом, потому что суда часто попадали в торосящиеся льды, которые в любой момент могли их раздавить. Современный тюлений промысел также нелегок, но сопряжен с заметно меньшим риском. Впереди промысловых судов, пролагая им путь, идут ледоколы, а охотники на ледяных полях постоянно поддерживают радиосвязь со своим судном. Воздушная разведка обнаруживает стадо, и вертолеты курсируют между судами и ледяным полем, перевозя охотников, снаряжение и шкуры. В целом каждую весну в этих водах все еще добывается более 300 тысяч гренландских тюленей, в подавляющем большинстве бельков. Ведут этот промысел главным образом Канада и Норвегия.

В последние годы в канадской печати развернулась широкая кампания возмущения против способа, каким убивают морских малышей (их бьют дубинками и сразу же обдирают). Кроме того, значительную тревогу вызвало сокращение стад. В настоящее время Канада ограничила добычу тюленей в заливе Святого Лаврентия 50 тысячами в год и ввела особые правила и инспектирование, чтобы обеспечить более гуманные способы их умерщвления. По-видимому, популяция тюленей в заливе Святого Лаврентия теперь стабилизовалась.

Однако основная охота на тюленей все еще ведется в международных водах у восточного берега Ньюфаундленда, и там не существует ни ограничений, ни правил. Стада уменьшаются с каждым годом, и если истребление их не прекратить, то в течение ближайших тридцати лет мы можем оказаться свидетелями полного уничтожения миллионов гренландских тюленей. Подсчеты с самолетов показали, что в ньюфаундлендских водах в 1961 году самки принесли всего 315 тысяч детенышей, тогда как за десять лет до этого их было 750 тысяч. Эти цифры указывают на сокращение популяции с трех миллионов до миллиона с четвертью, и сокращение продолжает-

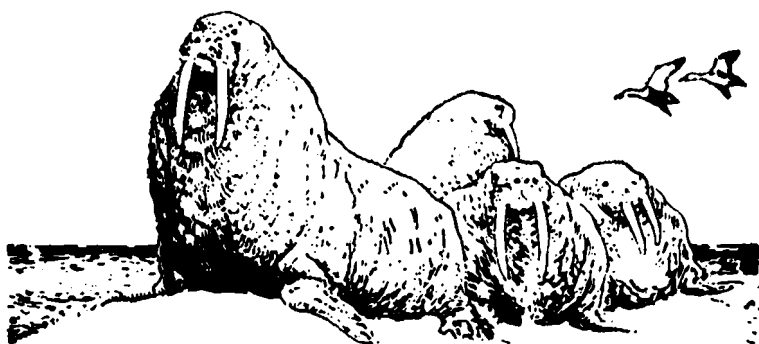
ся. Для спасения гренландского тюленя, как и для спасения китов, необходимо международное соглашение.

Морж (Odobenus rosmarus)

В колониальные времена моржи иногда забирались довольно далеко на юг, появляясь на берегах штатов Мэн и Массачусетс. В 30—40-х годах XVII века суда Массачусетской колонии ежегодно отправлялись к острову Сейбл у Новой Шотландии добывать клыки и жир «морских лошадей». В результате эти гигантские ластоногие уже давно отступили далеко на север.

В настоящее время атлантические моржи встречаются на северных берегах Гудзонова залива, на Лабрадоре и дальше вплоть до западного побережья Гренландии. Общее число их оценивается в 20—40 тысяч животных, а эскимосы и другие коренные жители Дальнего Севера добывают ежегодно в среднем 2500 моржей.

У тихоокеанского моржа клыки длиннее и менее расходятся, чем у атлантического, и он считается особым подвигом. В настоящее время ареал этого моржа охватывает Берингово море, северные и западные берега Аляски и побережье полярной Сибири. Моржи — традиционная добыча эскимосов, но их бьют и охотники на тюленей, так что стада их в течение многих лет становились все меньше и меньше. Еще в



1881 году маммолог Э. Нельсон, сотрудник Бюро биологической службы США, подсчитал, что за предыдущие девятнадцать лет в аляскинских водах была истреблена половина тамошней популяции моржей. Только на островах Прибылова до 1890 года каждый сезон добывалось свыше пяти тысяч килограммов моржовых клыков.

Последние подсчеты показывают, что на американских берегах Берингова пролива еще осталось примерно 15 тысяч тихоокеанских моржей, и, вероятно, столько же их обитает на его сибирских берегах. Аляскинские эскимосы убивают каждый год около 1300 моржей, а в Сибири их добывают около пяти тысяч в год¹.

Даже и в наши дни охота на моржей приводит к напрасной и бесполезной гибели многих животных, поскольку подстреленный на льдине морж часто соскальзывает в воду и тонет. В среднем по крайней мере одно из каждых трех убитых животных не достается охотнику.

Теперь моржовая охота ведется главным образом из-за высокой цены на их клыки. Необработанный клык стоит пять и более долларов за килограмм, а клыки крупного самца нередко весят 9—10 килограммов каждый. Клык же, покрытый художественной резьбой, стоит уже от 55 до 220 долларов за килограмм. Каждая страна сама регулирует охоту на моржей в пределах своей территории, но международного договора о их защите не существует. А без такого договора скоро, возможно, защищать будет уже некого.

Гуадалупский морской котик
(*Arctocephalus philippi townsendii*)

Гуадалупский морской котик, несколько уступающий по величине калифорнийскому морскому льву и отличающийся от него более вытянутой мордой, прежде обитал по всему южному побережью штата Калифорния и Нижняя Калифорния и круглый год оставался на таких островах, как Фараллон

¹ В Советском Союзе добыча моржа строго лимитирована и разрешена только для местного населения побережья Восточной Сибири. (Примеч. ред.)



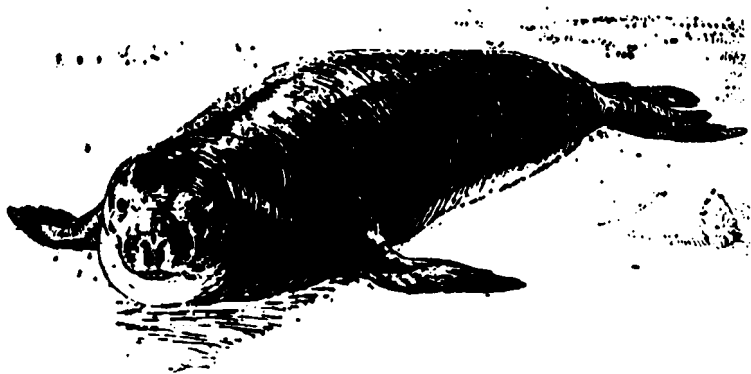
вблизи Сан-Франциско и Гуадалупе у берегов Нижней Калифорнии. Сколько там было котиков, никому не известно, но во всяком случае популяция, несомненно, достигала значительной величины. Только в 1810 году восемь человек убили на Фараллонских островах в общей сложности 33 740 котиков. В конце концов гуадалупских котиков осталось так мало, что охота на них утратила смысл.

Когда Филип Таунсенд, сотрудник американского Музея естественной истории, посетил Гуадалупе в 1892 году, он и его спутники видели там всего семь морских котиков. В течение следующих тридцати лет этот вид считался вымершим или же настолько близким к вымиранию, что его уже можно было сбросить со счетов. В 1922 году Мексика объявила этот остров заказником, но шесть лет спустя там при инспекции не было обнаружено ни одного котика.

Однако в 1954 году на Гуадалупе было замечено 14 морских котиков, а два года спустя — 92. Нет, этот вид все-таки рано было сбрасывать со счетов. Теперь это стадо, находящееся под строгой охраной, насчитывает около 500 животных.

Тропический и гавайский тюлень-монах
(*Monachus tropicalis* и *Monachus schauinslandi*)

В отличие от многих других тюленей, обитатель теплых карибских вод тропический тюлень-монах, шеголяющий се-



ровато-коричневой спиной и бледно-желтым брюхом, никогда не встречался в больших скоплениях. Однако при случае тюленебой добывали его, и уже к 1850 году он превратился в редкое животное. В 1886 году небольшое стадо появилось у островов Триангуло-Эсте вблизи Юкатана, и 49 животных было убито. Еще несколько тропических тюленей-монахов были обнаружены и убиты в том же районе в 1911 году, и Уильям Хорнедей, один из наиболее энергичных защитников дикой природы той эпохи, не сомневался, что этот вид полностью истреблен.

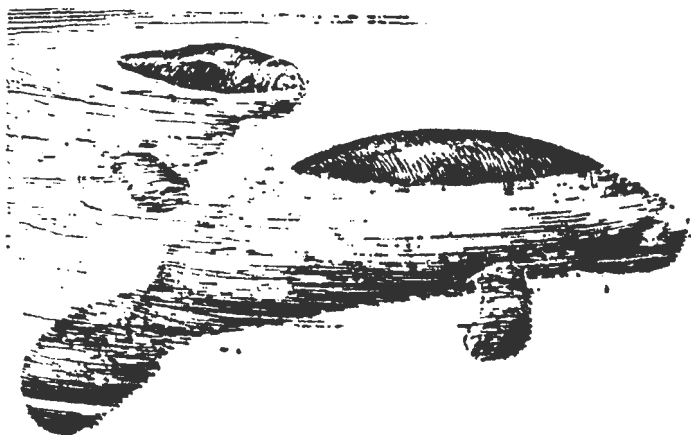
Одиннадцать лет спустя у Ки-Уэст был замечен одинокий тюлень-монах, после чего в течение четверти века никаких сообщений об этом виде не поступало. Однако в 1949 году два тропических тюленя-монаха были как будто замечены к югу от Ямайки, и, если верить слухам, ходящим среди рыбаков, не исключено, что несколько тропических тюленей-монахов еще обитают в Карибском море.

Их близкий родственник — гавайский тюлень-монах находится в несколько лучшем положении. Этот вид, обитавший у атоллов Подветренной цепи на севере и западе Гавайских островов, тоже был близок к вымиранию сто лет назад. Но, взятый под защиту, он начал медленно оправляться, и к настоящему времени его популяция насчитывает полторы тысячи животных, а возможно, и больше. Почти все они обитают в пределах Гавайского национального заказника.

Флоридский ламантин (*Trichechus manatus latirostris*)

Внешний вид ламантина довольно неказист: обвислые губы, щетинистые, словно надутые щеки, похожие на лопасти весел передние конечности, широкий плоский хвост. Вместе с дюгонями Старого Света и вымершей стеллеровой коровой он принадлежит к отряду сирен, получивших это название за предполагаемое сходство со сказочными морскими девами. Но принять морду ламантина и его грубую черную кожу за лицо и нежную грудь русалки могли, пожалуй, только моряки, успевшие за долгое плавание несколько подзабыть, как выглядят красивые девушки.

Одно время ареал флоридского подвида охватывал прибрежные лагуны и речные эстуарии с солоноватой водой от Северной Каролины до техасского побережья Мексиканского залива. Другой подвид обитал в Карибском море и у восточного побережья Южной Америки. Ламантин питается только водной растительностью; это удивительно безобидное животное, которое, если уж его удалось увидеть, очень легко поймать или убить. Большую угрозу его выживанию представлял тот факт, что его мясо, к несчастью, напоминает по вкусу свежую телятину. Индейцы, путешественники и европейские поселенцы рьяно охотились на него из-за его мяса



и жира, так что к началу XX века он исчез почти по всему своему прежнему ареалу, а там, где еще сохранился, стал крайне редким животным. Флорида издала закон, запрещающий охоту на ламантина, еще в 1907 году.

В настоящее время флоридский ламантин обитает только на юге этого штата, и его популяция не достигает и тысячи животных. Немало ламантинов гибнет из-за похолодания, когда температура воды падает намного ниже нормы, а также под пароходными винтами. Удачливый наблюдатель все еще может увидеть ламантинов в реке Майами или в уединенных уголках Эверглейдса и флоридского побережья Мексиканского залива.

Ученые флоридского Атлантического университета в Бока-Рейтоне последнее время занимались изучением ламантинов в перегороженных каналах, проверяя, нельзя ли использовать их для борьбы с водяными гиацинтами, которые угрожают заполнить все флоридские реки.

Глава 12 ИСЧЕЗАЮЩИЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

... Три вещи непостижимы для меня,
И четырех я не понимаю:
Пути орла в небе,
Пути змеи на скале,
Пути корабля среди моря
И пути мужчины к сердцу девицы.

Притчи, 30, 18—19

Гора Блу-Маунтин в пенсильванском графстве Шайл-килл — одно из удобнейших в нашей стране мест для наблюдения миграций дневных хищных птиц. Иногда поодиночке, иногда группами в несколько десятков птиц ширококрылые канюки, направляющиеся на юг, к местам своих зимовок, планируют между горами на мощных бурых крыльях, используя теплые воздушные потоки сентября. В октябре стремительные соколы проносятся темными молниями иногда всего в нескольких метрах над вершиной, а вверху в одино-

ком величии парит могучий орел. Хищные птицы пользовались этим путем тысячи лет, и в первой трети нашего века гора Блу-Маунтин привлекала множество любителей спортивной охоты. В ясные осенние дни они целыми компаниями взбирались на вершину, чтобы предаться модному развлечению — стрельбе по канюкам. Это была прекрасная забава, а кое-кто еще и считал, что тем самым приносит большую пользу другим птицам и зверькам. Что ни говори, а канюки и орлы были пернатым эквивалентом волков, лисиц и прочих «вредных тварей», не так ли?

Но в начале 30-х годов верх начала брать более просвещенная точка зрения. В течение многих лет ученые пытались распределить хищных птиц по категориям «полезных» и «вредных» видов, исходя из того, приносят ли они больше экономической пользы или вреда. Однако Олдо Леопольд возмущался такими рассуждениями. «Экономика тут — второстепенный момент, — категорически заявил он. — А главное заключается в следующем: окажется ли лишенная канюков и сов сельская местность пригодной для жизни американцев, имеющих уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть. Канюки и совы — это неотъемлемая часть механизма природы».

С ним соглашались очень многие. И в том числе Розали Эдж, горячая сторонница защиты природы, которая в 1934 году решила воспрепятствовать истреблению канюков и других хищных птиц на Блу-Маунтин. Она добилась годовой аренды на Блу-Маунтин с правом дальнейшего приобретения этой местности в полную собственность, и заручилась помощью Мориса Броуна, молодого орнитолога, который с энтузиазмом взял на себя обязанности егеря, чтобы охранять мигрирующих птиц. Так возник заказник Хок-Маунтин (Гора хищных птиц), пользующийся теперь всемирной известностью.

Как рассказывает сам Броун в книге «Хищники в вышине», в первые годы ему пришлось пережить немало напряженных минут при встречах с негодующими охотниками, которые вовсе не собирались покорно отказаться от любимой забавы. Но постепенно они осознали, что он находится тут,

чтобы защищать птиц, и будет их защищать. Все больше и больше людей (и в том числе немало прежних стрелков) начало приезжать туда, чтобы просто наблюдать за тем, как в вышине планируют большие птицы.

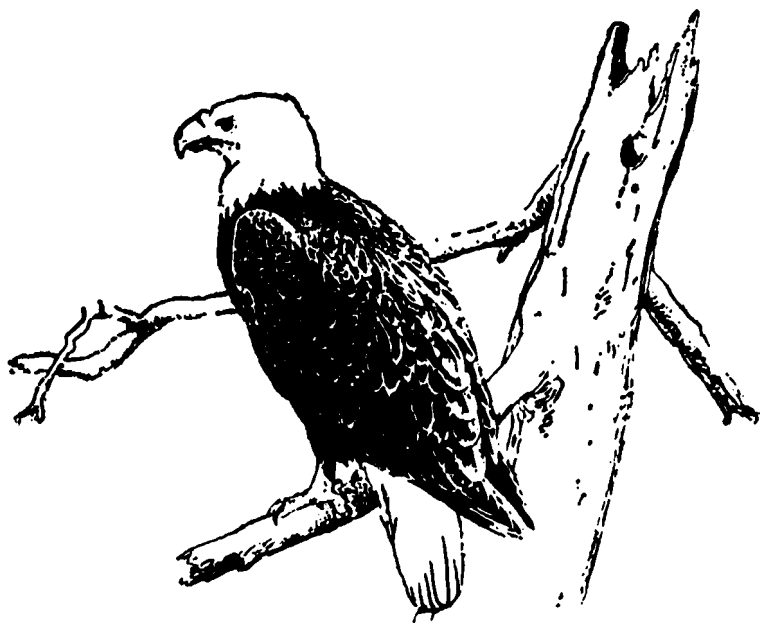
Канюки и орлы все еще часто становятся жертвами завятых любителей палить по чему попало, но современные исследования доказали их истинную ценность в общей системе природы. И теперь подавляющее большинство людей, взбирающихся на вершины в дни миграций хищных птиц, хочет только насладиться изяществом и красотой птичьего полета. К тому же в настоящее время многие виды находятся под охраной закона в тех самых штатах, где прежде за них уплачивалась премия.

Однако, несмотря на все эти благоприятные перемены, число хищных птиц в стране уменьшается. Отчасти в этом по-прежнему повинна ружейная охота. Но гораздо опаснее для хищных птиц тот факт, что человек меняет, а то и портит природу, причем с помощью не только топора, пилы и бульдозера, но и всяких ядохимикатов.

Белоголовый орлан (Haliaeetus leucocephalus)

Царственная птица с размахом крыльев в два с лишним метра взрослый белоголовый орлан носит темно-бурое оперение, и только голова и хвост у него сверкают белизной. Эта долгоживущая птица обычно находит себе пару на всю жизнь и год за годом выводит птенцов в одном и том же громадном гнезде. Питается она рыбой и часто выполняет роль мусорщика, предпочитая дохлую выброшенную на берег рыбу живой добыче.

Некогда ареал белоголового орлана охватывал почти весь континент, и во многих областях он был довольно обычной птицей, но за последнее столетие численность его по ряду причин неуклонно падала. Молодых орланов, окрашенных в однообразный темно-бурый цвет (белые перья на голове и хвосте появляются у них на четвертом-пятом году жизни), до сих пор стреляют, принимая их за крупных коршунов. Лесо-разработки приводят к уничтожению деревьев с гнездами



или так тревожат птиц, что они покидают гнездо. К 1940 году количество белоголовых орланов в Соединенных Штатах настолько сократилось, что федеральное правительство издало закон об охране этой птицы, изображенной на гербе страны. Но, несмотря на это, белоголовый орлан продолжал вымирать.

К югу от Канады белоголовые орланы в основном гнездились в Мэне, в штатах, прилегающих к Великим озерам, в окрестностях Чесапикского залива и во Флориде. Именно во Флориде удалившийся от дел предприниматель Чарлз Броли начал с 1943 года окольцовывать птенцов белоголового орлана. Орнитология стала его увлечением. С 1947 года он начал замечать, что число птенцов в гнездах сокращается с пугающей быстротой, а скоро и другие орнитологи столкнулись с тем же явлением. В 1963 году на всем Атлантическом побережье Соединенных Штатов, включая Флориду, удалось найти только 230 гнезд белоголового орлана, в которых были кладки, причем многие из этих кладок так и не были насижены. С

популяцией этого орлана творилось что-то неладное... И это «что-то» было серьезнее ущерба, наносимого стрелками и уничтожением гнездовых территорий.

Многие орнитологи считали — и по-прежнему считают, — что причиной этой беды было широкое применение ядохимикатов. Яды, распыляемые на обширных участках для уничтожения лесных и полевых вредителей, поглощаются насекомыми и микроорганизмами, которые находятся в основе пищевой пирамиды. Их в свою очередь поедают рыбы и другие более крупные животные, причем в их тканях происходит постепенное накопление яда во все более высоких концентрациях. Иногда такое животное гибнет, иногда просто становится бесплодным. Такая опасная аккумуляция, несомненно, происходит в организме многих орлов и других хищных птиц, так как лабораторный анализ выявил эти яды и в их тканях, и в яйцах.

Встревоженное судьбой белоголового орлана Национальное одюбоновское общество начало в 1960 году широкие исследования, чтобы выяснить, в каком положении находится популяция, и найти средство помочь ей. В начале 1968 года на территории Соединенных Штатов к югу от Канады было зарегистрировано только 2772 белоголовых орлана.

В настоящее время основная популяция белоголового орлана находится на Аляске. Там эти птицы всегда встречались в большом количестве на морском побережье, где они собираются во время нереста лосося, питаются мертвыми и умирающими рыбами. С 1917-го по 1952 год на Аляске за убитого орлана выплачивалась премия, и за этот срок было уничтожено около 128 тысяч птиц. Но теперь охота на них полностью запрещена и на Аляске, где популяция орлана вновь начала увеличиваться. Регистрация гнезд в 1966 году показала, что популяция белоголового орлана на Аляске исчисляется в 10—15 тысяч птиц.

В настоящее время Национальное одюбоновское общество и Бюро спортивной охоты и рыболовства вместе со многими другими организациями развернули по всей стране кампанию за спасение белоголовых орланов во всех сорока восьми континентальных штатах. Флоридское одюбоновское обще-

ство подписало соглашение с землевладельцами, обеспечивающее охрану гнезд более чем на восьмистах тысячах гектаров частных владений в этом штате, а Бюро спортивной охоты и рыболовства и Управление национальными парками на время гнездового сезона закрыли во всех национальных заказниках доступ посетителей в места, находящиеся в непосредственной близости от гнезд орлана, если, конечно, эти гнезда не покинуты. Другие государственные и общественные организации также обеспечивают охрану гнезд белоголового орлана еще во многих районах страны. Кампания эта начинает находить отклик и у широкой публики.

И если удастся что-то сделать для урегулирования и ограничения применения ядохимикатов — а в этом направлении уже предпринимаются некоторые законодательные шаги, — то будущее живой эмблемы Соединенных Штатов станет еще более обнадеживающим.

Американский беркут (Aquila chrysaëtus canadensis)

Беркут, в глазах которого сверкает гордое мужество, а темно-коричневое оперение отликает тусклым золотом на голове и шее, — несомненно, один из самых красивых и величественных пернатых хищников мира. И к тому же один из самых известных, так как его ареал охватывает Северную Америку, Европу, Северную Африку и Азию. В Соединенных Штатах центр его ареала находится на гористом западе страны. Иногда беркут ест падаль, но обычно он охотится на живую добычу.

Овцеводы прозвали беркута убийцей ягнят, но исследования, проводившиеся в Монтане по Программе сотрудничества в изучении дикой природы, показывают, что 37% его пищевого рациона составляют зайцы, еще треть — кролики, а остаток приходится на других мелких зверьков. За несколько лет исследований не было зарегистрировано ни одного случая нападения на овец.

Тем не менее овцеводы издавна привыкли считать беркутов врагами, и переубедить их очень трудно. Многие беркуты зимуют на юго-западе страны, и скотоводы в тех местах ведут с

ними ожесточенную войну, убив много тысяч этих орлов — особенно за период с 1940-го по 1962 год. Стреляя из самолета, только один техасский летчик за шесть лет убил более 4800 беркутов. Естественно, что их число стремительно уменьшалось, пока в 1962 году встревоженные сторонники охраны природы не добились от конгресса закона о защите этого вида. К этому времени численность беркута в Соединенных Штатах не превышала 10 тысяч птиц, а возможно, уже упала до 3 тысяч.

Закон этот уполномочивает министра внутренних дел разрешать сезонную охоту на беркутов для защиты домашнего скота. А потому во многих графствах Техаса и Монтаны в те месяцы, когда ягнятся овцы, отстрел беркутов продолжается.



Недавно Национальное одюбоновское общество, Национальная ассоциация овцеводов и Бюро спортивной охоты и рыболовства согласились провести в течение года совместное углубленное изучение беркута, с тем чтобы точно определить численность популяций, их передвижение, пищевой рацион, а также реальное воздействие беркута на стада домашних овец и коз.

Сапсан (Falco peregrinus)

Распространенный по всему миру красавец сапсан, которого в Америке называют еще утиным соколом, до Второй



мировой войны гнезвился почти повсюду в северо-восточных штатах. Некоторые сапсаны даже устраивали свои гнезда на карнизах нью-йоркских небоскребов. Однако за последние двадцать лет он перестал гнездиться к югу от реки Святого Лаврентия. Орнитологи объясняют сокращение его численности в Северной Америке, как и в некоторых областях Старого Света, широким применением смертоносных ядохимикатов. Популяция канадских полярных областей, по-видимому, пока еще не пострадала.

Ближний родственник сапсана прерийный сокол (*Falco mexicanus*), обитающий в западных штатах, также с каждым годом превращается во все более редкую птицу.

Скопа (Pandion haliaetus)

Скопа — это еще один широко распространенный вид, который всюду идет на убыль. Питаясь исключительно рыбой, она обитает у морских побережий и на внутренних водоемах по всему северному полушарию — всюду, где может рассчитывать на свою чешуйчатую добычу. В течение последних двадцати лет численность скопы быстро уменьшалась не



только в Северной Америке, но и в Европе — и причина все та же: ядохимикаты.

Орнитолог Роджер Тори Питерсон указывает, что в 1954 году в окрестностях его дома в Олд-Лайме (штат Коннектикут) в радиусе пятнадцати километров было не менее 154 гнезд скопы. Однако десять лет спустя обитаемых гнезд осталось всего семнадцать. Следы ядохимикатов были найдены не только в рыбе, взятой из гнезд, но и в яйцах.

Кроме того, на скопу неблагоприятно воздействуют и другие факторы: спортивная охота, исчезновение подходящих гнездовий и усиливающееся загрязнение воды, влекущее за собой гибель рыб, которыми она питается.

Флоридский коршун-слизнеед
(*Rostrhamus sociabilis plumbeus*)

В начале 60-х годов флоридский коршун-слизнеед считался, пожалуй, самой редкой птицей Соединенных Штатов. По самым оптимистическим оценкам, этих птиц оставалось не больше двадцати — и все они держались в окрестностях озера Окичоби на юге Флориды. Родственные подвиды обитают на Кубе, в некоторых областях Мексики и в Южной Америке.

Алые глаза, оранжевые ноги и широкая белая полоса у основания хвоста позволяют сразу узнать коршуна-слизнееда, когда он парит над тростниками флоридских болот, выискивая крупных пресноводных улиток, составляющих его единственный корм. Увидев улитку, коршун хватает ее и летит на удобную ветку. Там, зажав раковину одной лапой, он тонким крючковатым клювом ловко извлекает моллюска и проглатывает его.

Эти коршуны встречаются только там, где водится много улиток, что, естественно, ставит их в очень невыгодное положение. Многие пресноводные флоридские болота, где улитки благоденствовали, были осушены под сельскохозяйственные культуры. А в последние годы значительная часть воды озера Окичоби, прежде питавшей болота Эверглейдс, стала исполь-



зоваться для орошения и для городских водопроводов, в результате чего болота начали высыхать. Все это тяжело отразилось на улитках, а тем самым и на коршунах. Значительный ущерб им, кроме того, нанесли охота и возрастающее применение ядохимикатов.

Коршун-слизнеед, занесенный в список видов, находящихся в наиболее критическом положении, держится во Флориде буквально на волоске. Однако осенью 1967 года в районе Национального заказника Локсахатчи к югу от озера

Окичоби было зарегистрировано более тридцати гнезд. Такого их числа уже давно никто не видел.

В настоящее время проблемой коршуна-слизнеда во Флориде занимается сотрудник одной из государственных биологических лабораторий. Кроме того, в Патуксенте содержатся в неволе девятнадцать южноамериканских коршунов-слизнедов. Изучение этих близких родственников флоридского коршуна-слизнеда, возможно, подскажет, как помочь ему выжить в естественных условиях.

Глава 13 ВОДОПЛАВАЮЩИЕ, БОЛОТНЫЕ И ДРУГИЕ ОХОТНИЧЬИ ПТИЦЫ

...Вся Америка заинтересована в наших перелетных птицах — и, пока еще возможно, мы должны сохранять для них нетронутые уголки, где они могли бы в привычных для себя условиях отдыхать и выводить птенцов.

Стюарт Юдолл

В настоящее время в Соединенных Штатах более 300 федеральных заказников, и по меньшей мере 250 из них основаны как убежища для водоплавающих птиц. Они расположены на всех главных миграционных путях и обеспечивают птицам необходимые территории для гнездовий, жировок и отдыха. Той же цели служат и многие заказники, принадлежащие штатам и частным лицам.

И тем не менее в наши дни популяции североамериканских водоплавающих птиц едва-едва держатся. А в большую засуху конца 50-х годов их численность снизилась почти так же резко, как в тяжелые времена после кризиса 1929 года.

Причина тут отчасти заключается в том, что далеко не все болота сохраняются как заказники — наоборот, значительная их часть ежегодно осушается для нужд сельского хозяйства. С 1940-го по 1964 год, например, было осушено свыше 18 миллионов гектаров болот, где гнездились утки, — таких невозме-

стимых потерь не может причинить водоплавающей птице никакая засуха. В то же время количество охотников на уток, достигавшее перед Второй мировой войной полумиллиона, с тех пор утроилось, если не учетверилось. И птицы оказались между молотом и наковальней: с одной стороны, мест, пригодных для их обитания, становится все меньше, а с другой — охотников они каждую осень встречают все больше.

Для того чтобы их популяции оставались здоровыми, водоплавающим птицам необходимы (причем даже больше, чем прежде) и достаточно обширные площади для гнездовий, и строжайшее регулирование отстрела. В настоящее время этими вопросами занимаются сотрудники Бюро спортивной охоты и рыболовства США, специалисты по водоплавающей птице, а также их коллеги в канадской Службе охраны природы и в мексиканском Департаменте охоты.

Эти учреждения внимательно следят за всеми изменениями численности популяций каждого вида, проводят регулярные учеты — на летних гнездовьях, в местах отдыха и жировок во время осенних перелетов и на основных зимовках. По результатам этих учетов устанавливается продолжительность охоты на этих птиц в различных районах на будущую осень, а также квоты отстрела для каждого вида.

Признавая, что утки, гуси и другие водоплавающие птицы по-прежнему больше всего нуждаются в достаточной площади болот, конгресс в 1961 году утвердил семилетнюю программу приобретения дополнительного миллиона гектаров для заказников. По этому плану государство выделяет средства, которые затем будут возвращаться ему из доходов от продажи охотничьих лицензий. Когда в 1967 году срок действия этой программы истек, было приобретено менее половины намеченной площади, и конгресс продлил программу еще на восемь лет в надежде, что необходимые местности удастся сохранить прежде, чем они необратимо изменятся.

Примером вида, которому грозит гибель из-за потери привычных мест обитания, может служить мексиканская утка (*Anas diazi*). Ареал этой близкой родственницы обыкновенной кряквы был ограничен юго-западом Соединенных Штатов и некоторыми областями Мексики. В Соединенных Шта-

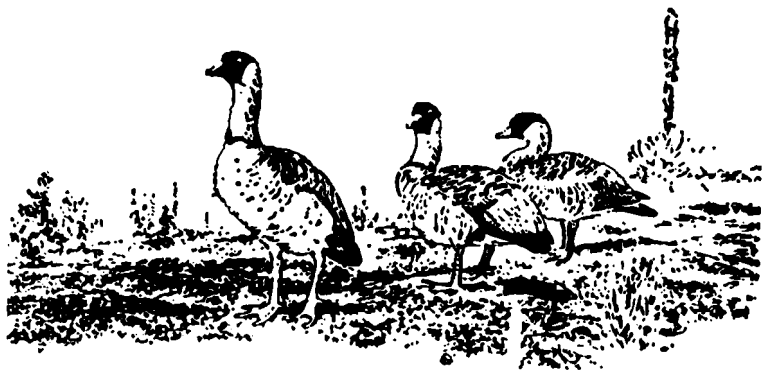
тах за последние пятьдесят лет она почти исчезла, как и в большей части своего мексиканского ареала, в связи с тем, что места ее обитания были в значительной степени уничтожены эрозией или обращены в поля и луга. Неблагоприятно сказывалась на этом виде и та легкость, с какой происходит скрещивание между ним и более распространенными и агрессивными кряквами. В настоящее время болото Сан-Симон площадью 240 гектаров на границе штатов Аризона и Нью-Мексико преобразуется в заказник главным образом для этого вида.

Потеря привычных мест обитания тяжело сказывается и на многих сухопутных охотничьих птицах. Воздействие человека на среду своего обитания, а также современные сельскохозяйственные методы — засевание огромных площадей одной сельскохозяйственной культурой, химическая борьба с вредителями полей и использование каждого клочка земли — не могут не отразиться на этих птицах самым неблагоприятным образом. Степному тетереву, например, для нормальной жизни требуются большие пространства прерий, заросшие высокой травой, но целинной прерии, так же как и болот, становится все меньше.

Некоторые водоплавающие, степные и болотные птицы оказываются в особенно угрожаемом положении, потому что в их ограниченных гнездовых ареалах (например, если они обитают на острове) начинают действовать новые вредные для них факторы. Другим же видам приходится выдерживать целые комплексы неблагоприятных воздействий, как показывают нижеследующие примеры.

Гавайская казарка, или нене (Branta sandvicensis)

Некогда, в эпоху плейстоцена или в ледниковый период, несколько гусей — возможно, отдаленные предки нынешних канадских казарок — каким-то образом перебрались из Северной Америки на Гавайские острова. Может быть, они заблудились во время перелета с Аляски. Может быть, их туда занес ураган. Но как бы то ни было, они очутились там. Приспосабливаясь к условиям своей новой родины, эти гуси перестали



быть перелетными и отказались от водного образа жизни. За многие тысячелетия они обзавелись длинными ногами, а перепонку между пальцами почти утратили и со временем превратились в особый вид — гавайскую казарку, или нене.

Первоначальный ареал нене охватывал сухие лавовые склоны вулканических гор на островах Гавайи и Мауи. Когда в 1788 году там побывал капитан Кук, численность казарок достигала 25 тысяч, если не больше. Жители острова постоянно охотились на них, а позже ряды охотников пополнились командами китобойных судов, которые заготавливали гавайских казарок впрок бочками, чтобы разнообразить свое меню, состоявшее из солонины и сухарей. Полинезийцы, а за ними и европейцы ввезли на острова много новых животных — например, коз, рогатый скот, свиней, собак, кошек, крыс и мангустов. Все эти пришельцы оказались врагами нене: они уничтожали их гнезда, которые птицы устраивали на земле, их яйца и птенцов.

В начале XX века популяция гавайской казарки угрожающе уменьшилась. На них все еще разрешалась охота четыре с половиной месяца в году с квотой по шести птиц на охотника в день. В 1911 году охота на них была наконец полностью запрещена, но к этому времени диких гавайских казарок практически не осталось вовсе. Лишь в неволе сохранялось еще несколько птиц.

В 1918 году гавайский фермер Герберт Шипмен приобрел пару гавайских казарок, и к 1927 году их у него уже была не-

большая стая. Тогда же он передал нескольких нене охотничьему хозяйству на острове Оаху, и там было выращено около тридцати казарок. Большую часть их выпустили там же, на острове, где гавайские казарки никогда прежде не водились, и они быстро исчезли. В 1946 году почти все птицы Шипмена погибли от цунами; их уцелело всего семнадцать. После этого судьба гавайской казарки, казалось, была предрешена.

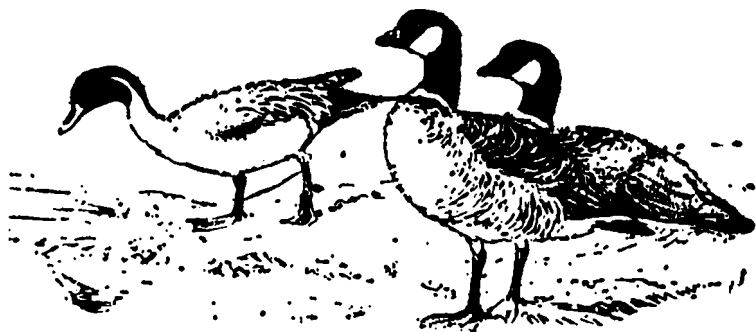
Однако в 1948 году на Гавайях были выделены средства для спасения нене, а десять лет спустя конгресс США утвердил дополнительный фонд для изучения гавайской казарки и восстановления вида. Несмотря на эти, правда запоздалые, усилия, в 1959 году, когда Гавайи стали пятидесятым штатом, там оставалось не более полусотни нене. Тем не менее Гавайи сразу же избрали эту птицу своей эмблемой и предприняли попытку спасти ее — с некоторой надеждой на успех.

Три гавайские казарки из первоначальной шипменовской стаи были в 1951—1952 годах отправлены в Англию, во всемирно известный Слимбрижский центр охраны природы; там под наблюдением крупнейшего орнитолога Питера Скотта, директора центра, нене прекрасно размножились в неволе, и потомство этих трех птиц достигло нескольких сот. Разводили их и в охотничьем хозяйстве штата на Гавайях, и в штате Коннектикут на ферме Диллона Рипли, известного орнитолога, ученого секретаря Смитсоновского института в Вашингтоне.

Затем часть этих выращенных в неволе птиц была выпущена на склоны Мауна-Лоа и кратера Килауэа на острове Гавайи и на склоны кратера Халеакала на Мауи. В настоящее время благодаря этой программе популяция гавайской казарки насчитывает уже свыше пятисот птиц, и с каждым годом это число увеличивается. Как заметил Диллон Рипли, это «ободряющий первый пример того, как дикая популяция редкой птицы была пополнена экземплярами, выращенными в неволе».

Канадская казарка с Алеутских островов
(*Branta canadensis leucopareia*)

Алеутский подвид канадской казарки отличается от всех остальных подвидов не только меньшими размерами, но и бо-



лее темным оперением, а также более широкой белой полосой на шее. Ее гнездовья располагались на далеких Алеутских островах — вулканической цепи, которая протянулась от полуострова Аляска к Японии более чем на полторы тысячи километров. Первоначально алеутская казарка выводила птенцов на островах Амчитка, Кыска, Агатту и многих других. Но по мере заселения Аляски там началось интенсивное развитие пушного промысла, и на многие Алеутские острова были завезены песцы. Они разоряли гнезда алеутской казарки, пожирали ее яйца и птенцов и на большинстве островов полностью истребили этот подвид.

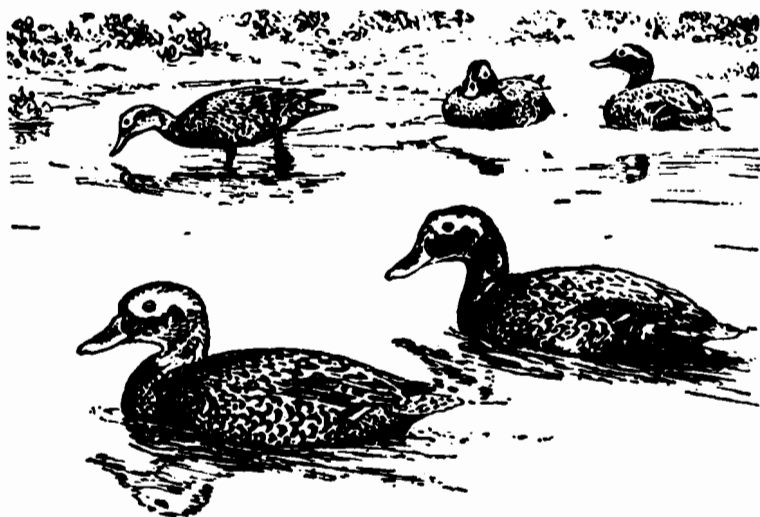
Однако на крохотный остров Булдырь — длиной шесть километров и шириной три — песцов выпускать не стали, и в последнее время только на нем были обнаружены гнездовья алеутской казарки. В 1962 году там было зарегистрировано около трехсот птиц — возможно, эта цифра исчерпывала всю их мировую популяцию.

На следующий год специалисты из Бюро спортивной охоты и рыболовства поймали на Булдыре шестнадцать молодых казарок и отправили их на научную станцию Бюро в Монте-Виста (штат Колорадо), где их вырастили. Затем часть их была передана в Патуксент. Там в 1967 году эти птицы вывели птенцов, и 23 из них благополучно выросли. В 1968 году было выращено еще много птенцов, и в настоящее время Бюро планирует вернуть алеутскую казарку в былые места ее обитания, как это было сделано с нене на Гавайских островах. А тем

временем на таких островах их прежнего ареала, как Амчитка, Кыска и Агатту, проводится уничтожение песцов, чтобы возвращенные казарки могли без помех прижиться там и выводить птенцов.

Лайсанский чирок (Anas laysanensis)

Обитающий только на крохотном островке Лайсан, черной точке в Тихом океане на полпути между островом Мидуэй и Гавайями, лайсанский чирок — небольшая утка в белой маске — населяет его пресноводные озера. Остров Лайсан,



в настоящее время необитаемый, входит в Национальный заказник Гавайских островов. Но в начале века его систематически посещали сборщики гуано, и они завезли туда кроликов, чтобы разнообразить свой стол на то время, которое они проводили там, добывая богатое азотом и фосфором удобрение, создававшееся бесчисленными поколениями морских птиц.

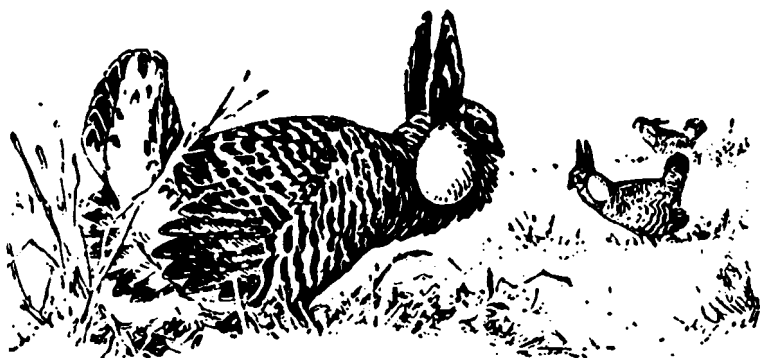
Кролики по своему обыкновению стремительно размножились и уничтожили на острове почти всю растительность, превратив его в настоящую пустыню. В результате вымерло

несколько видов птиц — водившиеся только на Лайсане пас-тушок, мухоловка и цветочница, а лайсанскому чирку едва-едва удалось избежать такой же судьбы. В 1922 году экспеди-ция Бюро биологической службы обнаружила на острове всего 10 уток. В 1950 году другая экспедиция насчитала их всего 33. Однако к этому времени кроликов там уничтожили, и растительный покров начал медленно восстанавливаться. Согласно последнему учету, на острове обитает от 500 до 700 лайсанских чирков, и не менее 100 их, кроме того, живет в неволе.

Степной тетерев Эттуотера
(*Tympanuchus cupido attwatori*)

Из трех подвидов степного тетерева восточный подвид вымер в 1932 году. Другой подвид, населяющий прерии Среднего Запада, полностью или почти полностью истреблен практически на всем протяжении своего бывшего ареала. Третий подвид — степной тетерев Эттуотера — по-видимому, стремительно идет по пути восточного степно-го тетерева.

В 1900 году популяция степного тетерева Эттуотера, ареал которой простирался от запада Луизианы до Техаса, насчиты-вала, судя по всему, свыше миллиона птиц. Компании охот-ников нередко стреляли их сотнями просто для практики, а

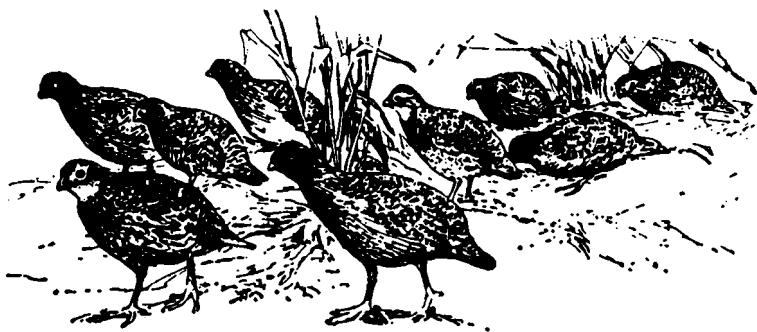


потом расходились по домам, оставляя в прерии кучки окровавленных трупов. В те же годы все большие и большие площади целинной прерии, где обитали эти птицы, навсегда исчезали под плугом. Такое двойное воздействие — охота и сокращение среды обитания — оказалось не под силу степным тетеревам Эттуотера. К 1941 году их осталось не больше четырех тысяч.

В настоящее время от их прерий не сохранилось почти ничего. И хотя охота на этих птиц в настоящее время совершенно запрещена, учет 1965 года выявил их всего 750. В том же году Всемирный фонд охраны дикой природы выделил 365 тысяч долларов на покупку в техасском графстве Колорадо 1400 гектаров целинной прерии — участка достаточного для нормального существования 300—400 птиц. Однако для спасения степного тетерева требуется по крайней мере еще несколько таких же заказников. Только тогда можно будет не опасаться за его будущее.

Масковая виргинская куропатка
(*Colinus virginianus ridgwayi*)

Масковая куропатка — южный подвид виргинской куропатки — отличается оперением самца, почти черным на голове и шее и кирпично-рыжим на груди. С самого начала эта куропатка водилась только на травянистых равнинах Южной Аризоны и пограничного мексиканского штата Сонора, но в



Аризоне она исчезла уже полвека назад в результате засух и сведения травы, вытоптанной и уничтоженной огромными стадами домашнего скота.

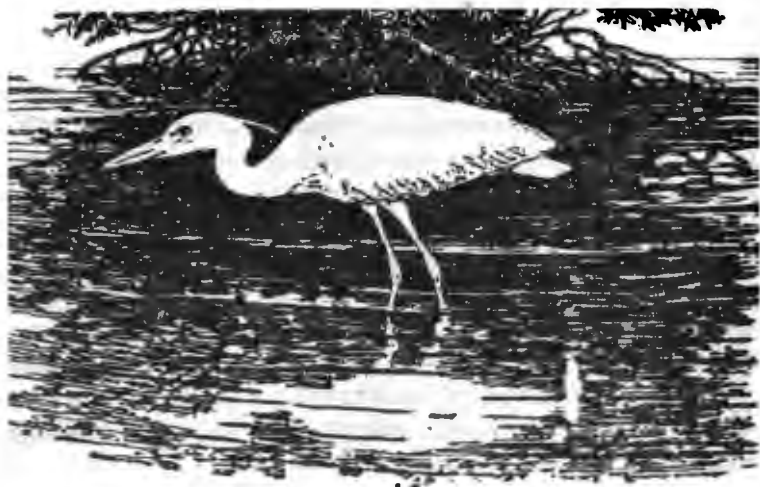
Большинство орнитологов вообще считало ее вымершей. Затем в 1927 году ее вновь обнаружили в Соноре. Как рассказывают, честь этого открытия принадлежит двум натуралистам, которые остановились пообедать в придорожной гостинице и увидели там загончик с масковыми куропатками, которых тут же зажаривали по требованию клиентов. Некоторое время спустя биологи поймали в Мексике несколько масковых куропаток и привезли их в Соединенные Штаты. Эти птицы дали потомство в Нью-Мексико, но попытки выпустить их на волю оказались безуспешными. Аризонский Сонорский музей поставил в окрестностях Тусона опыт разведения этих птиц в неволе, но получил не слишком обнадеживающие результаты.

Однако в Тусоне два брата, Джеймс и Сеймур Леви, сохранили небольшую стаю масковых куропаток и в 1966 году отправили четыре пары их в Патуксент. В том же году в Патуксенте вывелось пять птенцов, которые благополучно выросли, и в 1967 году их было уже свыше сорока. Если размножение в Патуксенте и дальше пойдет столь же успешно, предполагается выпустить часть птиц в подходящих местах в Аризоне.

Флоридская белая цапля (Ardea occidentalis occidentalis)

Издали флоридская большая белая цапля напоминает обыкновенную белую, но вблизи ее сразу можно узнать благодаря ее величине и желтовато-зеленым ногам. Гнездится она, как правило, в мангровых зарослях и обитает только на юге Флориды, причем в основном на прибрежных островах. Ареал другого подвида охватывает побережье и острова Карибского моря.

Флоридская белая цапля в пределах своего очень ограниченного ареала встречается довольно часто, но охота на нее запрещена. Значительные площади ее привычной среды обитания сохраняются в неприкосновенности в Националь-



ном парке Эверглейдс, а также в заказниках на островах Флорида-Кис. Численность птиц колеблется от сезона к сезону в зависимости от ураганов, в которых гибнут и гнезда, и сами птицы. После сильнейшего урагана в сентябре 1935 года число цапель сократилось до 150. Другой сильный ураган в 1960 году уничтожил примерно половину предполагаемой популяции Эверглейдса. Однако в течение нескольких спокойных лет популяция быстро восстановилась до прежнего уровня.

В настоящее время над Южной Флоридой летает около 1500 этих величественных птиц. Около 900 из них живет в Эверглейдсе, а еще 350 обитают в заказниках на Флорида-Кис.

Розовая колпица (Ajaia ajaia)

Длинный уплощенный клюв, а также ярко-розовые и карминно-красные крылья делают розовую колпицу одной из самых своеобразных и красивых птиц Северной Америки. Сто лет назад эта птица широко гнездилась во Флориде и по побережью Мексиканского залива, но вот уже пятьдесят лет, как в этой северной части своего ареала она стала

редкостью. Вид этот, кроме того, гнездится по всему Карибскому морю, а также по побережьям Центральной и Южной Америки.

Охотники за перьями чрезвычайно ценили розовых колпиц и истребляли их настолько безжалостно, что к началу нашего века они совсем исчезли в Техасе и стали очень редки во Флориде. В конце концов спасенные от окончательной гибели благодаря запрещению торговли перьями, розовые колпицы столкнулись с новой опасностью: болота и мелкие заливчики, где они добывали корм и гнездились, теперь широко осушались под сельскохозяйственные угодья или под застройку.

К 1930 году во Флориде осталось не более тридцати розовых колпиц в единственном маленьком гнездовье на островке Боттлнек-Ки неподалеку от Тавернье. Под охраной одюбо-



новских служащих их число медленно увеличивается. В настоящее время Флорида может похвастать несколькими сотнями розовых колпиц, которые гнездятся на крохотных, заросших манграми островках во Флоридском заливе и дальше вдоль побережья Мексиканского залива.

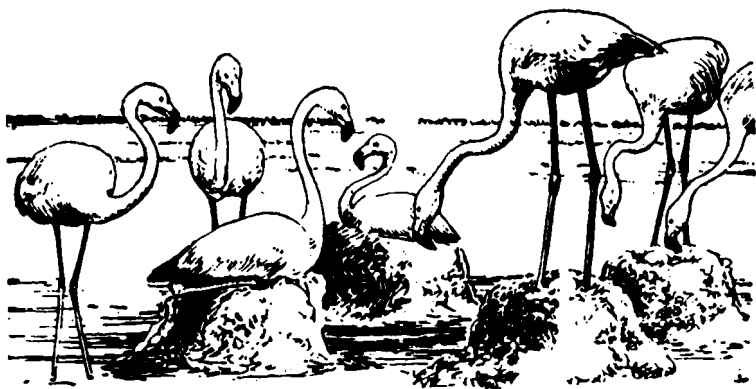
Около 1920 года розовые колпицы вновь появились в Техасе и образовали гнездовую колонию на островах

Вент-э-Эн в Галвестонском заливе. Национальное одюбовское общество в 1932 году устроило там для этих птиц заказник, где их никто не тревожит. В настоящее время и на побережье Техаса тоже обитает несколько сотен пар розовых колпиц.

Защита и сохранение необходимой среды обитания, возможно, со временем приведут к тому, что розовая колпица вновь расселится по некоторой части своего прежнего ареала, но пока на территории Соединенных Штатов у нее есть только эти два крохотных опорных пункта.

Фламинго (Phoenicopterus ruber)

Немыслимо длинные ноги и шея, изогнутый клюв с черным кончиком и ярко-розовое оперение придают фламинго поистине фантастический вид. Когда-то он гнезился не только на побережье Юкатана и северной части Южной Америки, но и на многих островах Карибского моря. Некоторые орнитологи считают, что иногда он гнезился и на островах Флорида-Кис. Во всяком случае, в XIX веке зрелище летящих фламинго в послегнездовой период было на Флоридском полуострове самым обычным. В наши дни, однако, увидеть там фламинго можно только в неволе и на положе-



нии полуручных птиц. Наиболее известна такая стая в парке Хайлеа в Майами.

Для успешного размножения фламинго требуется никем и ничем не нарушаемая тишина и покой. Еще в 1905 году только что возникшая Национальная ассоциация одюбоновских обществ была обеспокоена дальнейшей судьбой фламинго ввиду всевозрастающего наступления человека на места его обитания и обратилась к властям Багамских островов с ходатайством об охране имевшихся там гнездовых колоний этих птиц. В результате в 1905 году появился багамский закон об охране диких птиц. Однако браконьеры продолжали похищать из колоний яйца и птенцов, нередко распугивая взрослых птиц, которые больше не возвращались на свои гнезда. В 1912 году Уильям Хорнедей грустно указывал, что «эти птицы быстро исчезли из Флориды. Из шести больших гнездовых колоний фламинго на острове Андрос в Багамской группе сохранилось только две...».

Однако фламинго еще держались на Андросе до начала Второй мировой войны, когда военные летчики завели обычное во время тренировок проходить бреющим полетом над гнездовыми колониями просто для того, чтобы полюбоваться розовыми облаками вспугнутых птиц. В результате к концу войны фламинго покинули Андрос.

В настоящее время фламинго оставили еще много прежних гнездовий, изгнанные оттуда наступлением цивилизации. Они все еще гнездятся на Бонайре в группе Малых Антильских островов, на побережье Юкатана, на острове Большой Инагуа, где Общество защиты фламинго на Багамских островах давно старается оказывать им всяческое содействие, и на восточной оконечности Кубы.

В 1966 году больше половины острова Большой Инагуа, расположенного на крайнем юго-востоке Багамской группы, было отдано под Багамский национальный парк площадью около 740 квадратных километров. Это было сделано главным образом для защиты наиболее крупной из сохранившихся гнездовых колоний фламинго, где около 3000 пар вывели в 1968 году около 2500 птенцов.

Глава 14

ДАЖЕ И МАЛАЯ ПТИЦА...

Человек, используя землю, преобразовал ее по-своему, и большинство из этих изменений были вредными для птиц. Некоторые виды... стали многочисленнее в результате того, что человек превратил первобытную глушь в города, деревни, парки. Но на многие виды изменения, внесенные человеком, действовали неблагоприятно — они уменьшили популяции одних местных птиц и вызвали вымирание многих других.

Джозел Уэлти

Каждый год в назначенный день во время рождественских или новогодних праздников группы опытных наблюдателей птиц, вооружившись биноклями, записными книжками, справочниками, списками и питерсоновскими полевыми определителями птиц, еще до рассвета отправляются на особую охоту. Они принимают участие в ежегодно проводящемся по всей стране рождественском учете птиц, который организуется Национальным одюбоновским обществом в сотрудничестве с департаментами охраны природы США и Канады. В настоящее время в этой операции принимают участие свыше восьмисот групп учетчиков от Аляски и Гавайских островов до Южной Калифорнии и Ки-Уэст. Каждая группа учитывает птиц, которых ей удастся увидеть в пределах круга диаметром 24 километра. Обработка всех этих данных позволяет получить общее представление о зимней популяции птиц континента и сведения о росте или сокращении численности отдельных видов.

За движением численности американских птиц помогает следить также их кольцевание, проводящееся по всему континенту. Эту работу начала в 1909 году общественная организация — Ассоциация кольцевания птиц, но в 1920 году руководство этой программой взяло на себя Бюро биологической службы (теперь Бюро спортивной охоты и рыболов-

ства). Оно ведет эту работу в тесном сотрудничестве с департаментами охраны природы Канады и Мексики. В настоящее время уже окольцовано свыше 20 миллионов птиц, принадлежащих к шестистам с лишним видам. На лапку птицы надевается легкое алюминиевое кольцо с номером и штампом Департамента охоты и рыболовства. До сих пор было вновь поймано или подобрано мертвыми почти два с половиной миллиона окольцованных птиц. Сводка этих сообщений составляется на станциях изучения птиц в Лореле (штат Мэриленд), и важность их для получения наиболее полной картины передвижений, ареалов, гнездовых привычек и продолжительности жизни американских птиц невозможно переоценить.

Разумеется, никто не знает точного числа птиц, обитающих в Северной Америке. Опираясь на все имеющиеся данные, включая сводки учетов и результаты кольцевания, орнитологи оценивают современную численность птиц в Соединенных Штатах в 50 миллиардов. Роджер Тори Питерсон считает, что в конце лета после завершения гнездового сезона общая популяция птиц на Американском континенте к северу от мексиканской границы, вероятно, достигает 20 миллиардов.

Может показаться, что такое количество птиц более чем достаточно. И вполне вероятно, что теперь в Соединенных Штатах в целом птиц больше, чем было в эпоху первых поселенцев, несмотря на потерю миллиардов странствующих голубей. Тем не менее, хотя сама эта цифра выше, разнообразие видов в большинстве районов стало заметно меньше. Значительная доля общего числа птиц приходится на горстку особо преуспевающих видов, которым то обстоятельство, что человек расчистил леса и изменил дикую природу, пошло только на пользу. Примером могут служить завезенные в Америку домовый воробей и скворец. Не менее процветают трупялы, дрозды и воловы птицы, которые нередко собираются в миллионные стаи. Судя по последним одюбоновским подсчетам, наиболее многочисленными видами в Америке являются скворец и красноплечий трупял.

Эти птицы, часто называемые вредными и саранчой, вероятно размножились благодаря современной системе сельского хозяйства в Соединенных Штатах, при которой по экономическим причинам огромные площади отводятся под какую-то одну культуру. «Саранчовые» птицы, опускаясь тучами на бесконечные поля риса или других злаков, могут причинить колоссальный ущерб — и причиняют его. Фермеры и специалисты-биологи в борьбе с вредными птицами прибегают к помощи аэрозолей, сетей, ядохимикатов, ружей и разных шумовых средств, но все-таки численность их увеличивается. Ученые изыскивают новые методы, включая использование гормонов, подавляющих деятельность половых желез, чтобы ограничить рост этих популяций. Однако в конечном счете лучше всего разрешить эту проблему можно внося разнообразие в нашу систему распределения сельскохозяйственных культур.

Но если эти несколько видов угрожающе преуспевают, то многие другие все больше хиреют из-за изменений, которые человек вносит в среду их обитания. И некоторые уже находятся на грани небытия.

Сосновая древесница (Dendroica kirtlandii)

Эта хорошенькая древесница с желтым брюшком и серой спинкой в черных пестринах зимует на Багамских островах. Единственные известные гнездовья сосновой древесницы находятся в пределах нескольких графств на Мичиганском полуострове. Вся ее популяция включает около тысячи птиц.

К тому же гнездовые особенности сосновой древесницы очень специализированы. Она строит гнезда только на земле под группой молоденьких сосен Банкса при условии, что подлесок имеет определенную плотность. А сосна Банкса выбрасывает семена, только когда вспыхивает лесной пожар, и под воздействием высокой температуры ее шишки раскрываются. В свое время по полуострову время от времени прокатывалась волна естественных пожаров, и все было хорошо. Однако теперь эти леса тщательно оберегаются от огня. Но если нет по-



жаров, нет и молодых сосен Банкса, а без них нет и сосновой древесницы.

Поджигать лес, чтобы помочь виду, — не странно ли? Но именно это и продлевается теперь в местах, где гнездится древесница. Служба охраны лесов США отвела в Гуронском национальном лесном резервате 1605 гектаров под заказник сосновой древесницы, и Департамент охраны природы штата Мичиган выделил с той же целью еще три участка по десять квадратных километров каждый. И теперь там под тщательным контролем периодически устраиваются местные пожары, с тем чтобы сосны Банкса выбросили семена и поднялась новая поросль молоденьких сосен, под которыми древесницы смогут укрыть свои гнезда.

Болотная древесница (Vermivora bachmanii)

Пожалуй, наиболее редкая из певчих птиц в Соединенных Штатах — болотная древесница была впервые описана в 1833 году Одюбоном, назвавшим ее в честь Бахмана, нашедшего этот вид под Чарлстоном (штат Южная Каролина). Это довольно невзрачная птичка с оливково-зеленой спинкой и желтоватым брюшком. Самца отличает черное пятно на темени и горле.

После Бахмана никто не видел этой древесницы еще лет пятнадцать. Собственно говоря, ее наблюдали так редко, что мы знаем о ней очень мало. Известно только, что она зимует

на Кубе и, по-видимому, гнездится в старых лесах по долинам рек на юго-востоке Соединенных Штатов. В начале нашего века ее встречали гораздо чаще, чем раньше или позже, хотя наблюдателей птиц было тогда несравненно меньше, чем теперь. За последние годы болотную древесницу видели всего дважды: одну птицу — под Лортоном в Вирджинии, а другую



наблюдали и сфотографировали под Чарлстоном в Южной Каролине, где в свое время и был впервые найден этот вид.

Как могло сказаться воздействие человека на этой птице, уже очень редкой? Это никому не известно. Некоторые орнитологи считают, что вырубка лесов по долинам юго-восточных рек в начале нашего века, по всей вероятности, уничтожила значительную часть той особой среды, которая требуется болотной древеснице для успешного размножения.

Удивительная овсянка (Ammodramus mirabilis)

Судьба этой овсянки, встречающейся только в области пресных и соленых болот на юго-западном конце Эверглейдса, целиком зависит от того, что происходит с крайне ограниченным районом ее обитания. Эта маленькая птичка с оливково-серой головкой и спинкой и почти белым брюшком оказалась



в очень опасном положении из-за засух, пожаров и ураганов, но особенную угрозу для нее представляют проводящиеся в последнее время осушение болот и застройка, лишаящие ее необходимой ей среды обитания. По самым оптимистическим оценкам, ее численность не превышает 500—1000 птиц.

Приморская овсянка (Ammodramus melanotos)

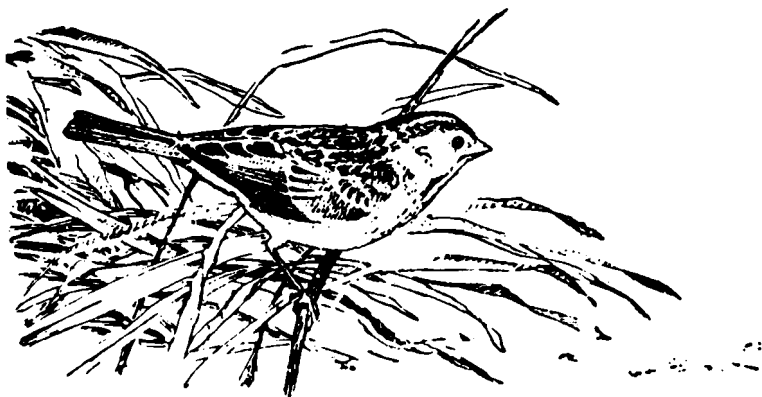
Численность приморской овсянки — темноокрашенной птички с полосками на брюшке, обитающей только в соленых болотах вблизи Центра космических исследований на мысе



Кеннеди, — в последние годы сильно уменьшилась из-за борьбы с комарами, которая теперь там ведется. Ракетодромов и людей на мысе Кеннеди становится все больше, а потому усиливается и борьба с комарами. В результате эта маленькая птичка, вся популяция которой в настоящее время не превышает пятисот особей, легко может стать первой жертвой космического века среди диких животных Америки.

Островная овсянка (Passerculus princeps)

Эта песочного цвета птичка, гнездящаяся только на острове Сейбл у берегов Новой Шотландии, зимует среди дюн на Атлантическом побережье Соединенных Штатов вплоть до



Джорджии. Она стала уже очень редкой, и, возможно, это объясняется не только размыванием ее родного острова Сейбл — низкой песчаной отмели, но и застройкой значительной части побережья, где она зимует.

Вымирающие гавайские птицы

Орнитологам давно уже известно, что в исторические времена на тихоокеанских островах вымерло больше видов птиц, чем во всем остальном мире. А из всех многочисленных ост-

ровных групп Тихого океана сильнее всего в этом отношении пострадали, пожалуй, Гавайские острова.

До того как на прекрасный Гавайский архипелаг обрушилась цивилизация, там обитало около 64 видов местных птиц. В настоящее время орнитологи Роджер Тори Питерсон и Джеймс Фишер насчитали на архипелаге 86 видов птиц, но 36 из них — завезенные. За прошедшие двести лет вымерло целых четырнадцать местных видов. Среди них по меньшей мере четыре разных вида медососовых, восемь видов цветочниц и гавайский пастушок, которого в последний раз видели в 1884 году.

Но этими печальными цифрами история отнюдь не ограничивается. Комиссия Бюро спортивной охоты и рыболовства по редким и вымирающим птицам включила в свой список не более и не менее, как двадцать местных видов, ставших теперь редкими или находящихся на грани вымирания. Некоторые из них оказались в прошлом жертвами ничем не ограниченной охоты и так и не оправились, однако большинству опасность грозит в настоящем: значительная часть их специализированной среды обитания непоправимо пострадала от мелиоративных работ, расширения сельскохозяйственных площадей и лесоразработок. Третьи же не выдерживают конкуренции с более выносливыми введенными видами или посягательств таких новых для них хищников, как кошки, собаки, крысы и мангусты.



В течение нескольких лет научный сотрудник Бюро Уинстон Банко изучал на месте положение этих птиц и собирал материал, который может способствовать их сохранению в будущем. И тут следует упомянуть одно обнадеживающее событие: в декабре 1967 года была заново открыта нукупу — цветочница с Мауи, которую в последний раз перед этим видели в 1896 году, а потом долго считали вымершей. Эта редчайшая цветочница, а также несколько представителей других вымирающих видов были обнаружены в долине Кипахулу на острове Мауи. Их там наблюдал Банко и другие члены экспедиции, организованной министерством внутренних дел совместно с Обществом охраны природы.

После этих находок Общество охраны природы развернуло кампанию за приобретение четырехсот гектаров нетронутой земли в этом районе, чтобы устроить там заказник.

Глава 15 ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ И ЗЕМНОВОДНЫЕ В ОПАСНОСТИ

Пресмыкающиеся — неотъемлемая часть первобытной природы, часть той среды, в которой человек обрел нервную систему и гормоны, делающие его человеком. Если мы допустим исчезновение пресмыкающихся, значит, мы готовы допустить, чтобы исчезла вся дикая природа. Когда это случится, мы уже не будем в полной мере человечными.

Арчи Карр

В своей книге «Пресмыкающиеся» герпетолог Арчи Карр с грустью предсказывает: «Если мир и дальше будет идти тем же путем, в один прекрасный день он станет миром без пресмыкающихся. Некоторые люди воспримут это с полным равнодушием, но мне эта перспектива внушает тревогу».

Пресмыкающимся грозит та же основная опасность, что и всей дикой природе, — утрата привычной среды обитания в результате деятельности человека. Но этим дело не исчерпывается. По всему миру многие виды крокодилов, морских черепах и больших ящериц систематически и беспощадно уничтожаются в коммерческих целях — с той же безжалостностью, с какой в свое время истреблялись бизоны и странствующие голуби. Опасность для многих других пресмыкающихся, в частности для змей, усугубляется вековыми предубеждениями против них.

По мнению Карра, змеи, возможно, исчезают стремительнее всех остальных позвоночных. В Соединенных Штатах с их густой сетью автомобильных дорог все больше змей погибает под колесами машин. Эта гекатомба бывает особенно велика, когда змеи располагаются на асфальте погреться или же заползают на шоссе, спасаясь от половодья. А сколько змей ежегодно убивают палками только из предубеждения, от испуга или забавы ради — не известно никому. Таким образом, общая цифра должна быть колоссальной. Людям, которые измеряют цену природы на деньги, следовало бы задуматься над тем, что змеи, будь то безобидный уж или ядовитая гремучая змея, — это самые деятельные союзники человека в его борьбе с грызунами. А тем, кто боится ядовитых змей, возможно, станет легче (но скорее всего не станет!), если они узнают, что в Соединенных Штатах ежегодно гораздо больше людей умирает от укуса пчелы или осы, чем от змеиного укуса.

Воздействие человека на природные условия оказывается особенно роковым для пресмыкающихся, приспособленных к жизни в очень ограниченной или специализированной среде. К ним относится, например, подвид подвязочной змеи, обитающей только возле водоемов в окрестностях Сан-Франциско. Вымирание грозит ей потому, что ее естественная среда обитания быстро исчезает в связи с застройкой, проведением водопроводов и обработкой земли. В таком же положении находится и игуана долины Сан-Хоакин.

Черепахи, в отличие от змей, не внушают нам безотчетного отвращения или страха, и тем не менее мы, как уже отме-

чалось, бездумно истребляем морских черепах, высоко ценя их мясо, яйца, панцирь, жир и кожу. Положение более мелких пресноводных черепах не столь опасно, хотя некоторые из них, например бугорчатая черепаха, каймановая черепаха и некоторые другие, считаются вполне съедобными и также идут на изготовление черепахового супа. Много тысяч только что вылупившихся украшенных черепашек ежегодно продаются в магазинах. Почти всех их ждет медленная смерть в тесном аквариуме.

Как и другие дикие животные, некоторые черепахи оказываются в угрожаемом положении из-за гибели их естественной среды обитания. Бюро спортивной охоты и рыболовства именно по этой причине поместило в список вымирающих видов пресноводную черепаху *Clemmys muhlenbergii*. Это миниатюрная черепаха с оранжевыми или желтыми пятнами по бокам головы. Она жила отдельными колониями в болотах и сырых низинах от Коннектикута до Северной Каролины и в последние годы стала большой редкостью, потому что значительная часть мест ее обитания была либо осушена, либо засыпана.

Крокодилы — древний отряд, восходящий к эпохе, отделенной от нас сотнями миллионов лет, когда землей владели пресмыкающиеся. Но в настоящее время их численность по всему миру быстро падает. Если этот процесс и дальше будет идти с той же скоростью, как в прошлом веке, через сто лет они могут совсем исчезнуть. В настоящее время миссисипский аллигатор стоит на грани вымирания; несмотря на все запреты, браконьеры продолжают охотиться на него из-за его ценной кожи. Его родственник, узкорылый крокодил, не выдержал преследований и уже почти не встречается на юге Флориды и на островах Флорида-Кис. Но и в остальной части его ареала — на островах Карибского моря, в Центральной Америке и на севере Южной Америки — дела у него обстоят немногим лучше.

Земноводные — лягушки, жабы, саламандры — по крайней мере часть своей жизни должны проводить в воде. И по мере того как болота осушаются, а в отравленных озерах и реках жизнь оказывается невозможной, земноводных становит-

ся все меньше. Те же, чей ареал ограничен, могут быть уничтожены очень быстро, если что-то изменит или преобразит их среду обитания.

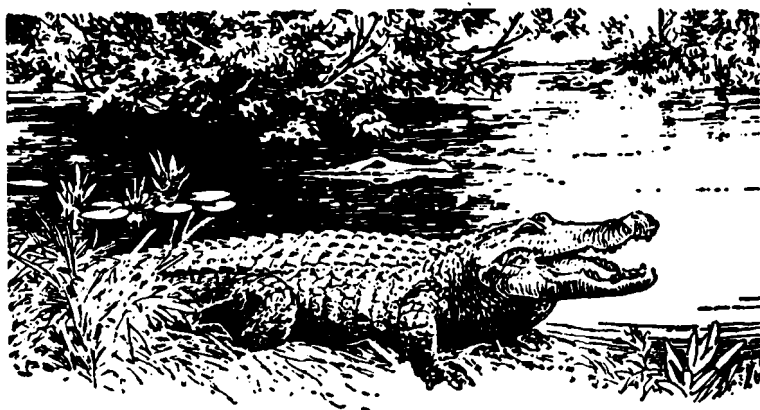
Минимум два вида саламандр и один вид жаб в настоящее время значатся в списке животных США, которым грозит вымирание. Первый из них — длиннопалая амбистома Санта-Крус — встречается только в двух районах на побережье Калифорнии, второй — техасская слепая саламандра, призрачно-белое животное с наружными жабрами — обитает только в глубоких колодцах и подземных речках техасского графства Хейс. Жаба — мелкий пятнистый вид, так называемая черная жаба — живет только в калифорнийском графстве Иньо, в долине Дип-Спрингс, со всех сторон окруженной пустыней. Все эти три вида оказались в опасности из-за изменений, которые человек вносит в их очень ограниченную и специализированную среду. А обе саламандры, кроме того, сильно пострадали из-за энтузиазма, с каким биологи ловили их для коллекций.

Чтобы спасти эти и другие виды, можно было бы объявить какую-то часть их местообитания «национальным памятником природы». Закон о животных, которым угрожает вымирание, предлагает именно этот способ спасения видов с ограниченным ареалом. Недавно Техасское общество охраны природы купило пещеру Эзелл, чтобы обеспечить техасской слепой саламандре привычную среду обитания. Если другим пресмыкающимся и земноводным с ограниченным ареалом не будет оказана такая же помощь, они почти наверное все вымрут в ближайшие годы.

Однако для спасения миссисипского аллигатора и зеленой черепахи требуются совсем другие меры.

Миссисипский аллигатор (Alligator mississippiensis)

«И вот он вырывается из тростниковой чащи. Его колосальное тело вздувается. Высоко вскинутый зубчатый хвост скользит по озеру. Вода каскадом льется из его открытых челюстей. Струи дыма бьют из его расширенных ноздрей. Земля содрогается от его рева». Так пылко и «дымно» описал две-



сти лет назад крупнейшее пресмыкающееся Америки натуралист Уильям Бартрем, который, как правило, в своих наблюдениях бывал точен и надежен.

Во времена Бартрема аллигаторов было множество, и часто они достигали действительно крупных размеров. Длина их, когда они вылупляются из яйца, не превышает 20—22 сантиметров, но затем они увеличиваются на 30 сантиметров в год, пока не достигают длины метра два, после чего рост продолжается, но уже медленнее. В настоящее время они редко успевают вырасти как следует, но в XVIII веке аллигаторы длиной четыре метра и больше были вполне обычны. Длина рекордного экземпляра равнялась 5 метрам 84 сантиметрам.

Питаются аллигаторы в основном рыбой, но не брезгуют ни черепахами, ни птицами, ни мелкими зверьками. Даже свиньи, собаки, олени и коровы иногда оказываются жертвами крупных особей. При исключительных обстоятельствах аллигаторы могут напасть и на человека, но не известно ни одного достоверного случая, чтобы аллигатор убил человека.

Весной после спаривания самка сооружает холмик из ила и травы и откладывает в углубление на его вершине от 20 до 60 яиц. Затем она остается поблизости и охраняет гнездо, пока детеныши не вылупятся. В отличие от большинства других

пресмыкающихся, самка аллигатора обычно держится вблизи детенышей весь первый критический год, отпугивая своим присутствием возможных врагов. Взрослые аллигаторы выкапывают на болотах глубокие пруды с длинной норой в одном из берегов. Эти пруды служат спасительным убежищем для рыб и других обитателей болот во время засухи.

Во времена Бартрема аллигаторы населяли реки и приморские болота от Северной Каролины до Восточного Техаса. Теперь на большей части своего прежнего ареала аллигаторы исчезли — главным образом потому, что их ожесточенно преследовал человек. Их миллионами убивали ради шкур, которые идут на изготовление дорогих чемоданов, дамских сумочек и других высококачественных кожаных изделий. В XIX веке только во Флориде было убито около 2 500 000 аллигаторов. Но эта цифра покажется скромной рядом с 1 475 000 шкур, которые были добыты во Флориде за десять лет — с 1929-го по 1938 год.

Наиболее многочисленна популяция аллигаторов во Флориде, но протоки дельты Миссисипи в штате Луизиана мало ей уступают в этом отношении. С 1940-го по 1957 год там было добыто по меньшей мере полмиллиона шкур. И большая часть из них принадлежит аллигаторам метровой длины, то есть еще не достигшим половой зрелости. При таких темпах луизианская популяция с конца 40-х годов до конца 50-х сократилась, насколько можно судить, на девяносто процентов, упав до того уровня, когда два засушливых года подряд могут окончательно с ней покончить. В засушливые годы аллигаторы сосредотачиваются в уцелевших водоемах и, если их не взять под охрану, могут быть все перебиты без особого труда.

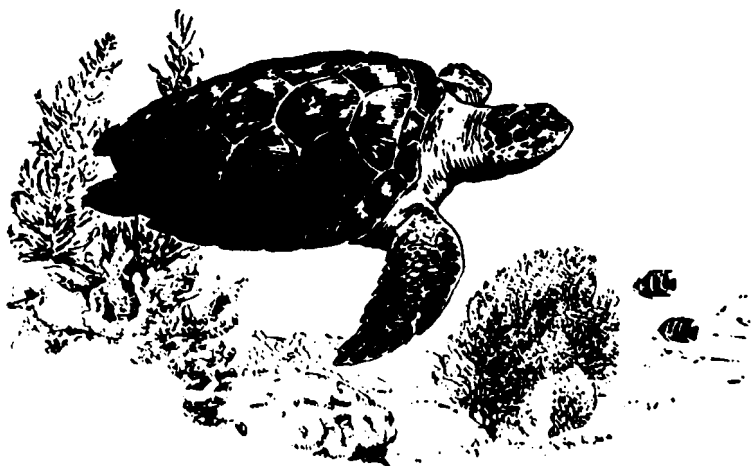
Но в южных штатах постепенно осознали, что аллигаторов становится все меньше и меньше. Во Флориде запретили всякую охоту на аллигаторов в 1961 году, а в большинстве других штатов приняты те или иные меры для сохранения еще уцелевших популяций. В Луизиане охота теперь разрешается только в определенных районах в течение двух месяцев в году, причем на животных длиной не менее полутора метров.

Но, несмотря на эту номинальную защиту, аллигатор продолжает стремительно исчезать из-за браконьеров. Браконьерство теперь поставлено на широкую ногу: охотники за шкурами пользуются быстроходными моторными лодками и радиотелефонами, чтобы предупреждать друг друга о появлении инспекторов. К тому же браконьер, даже взятый с полным, отделяется предупреждением и незначительным штрафом, после чего он опять спокойно отправляется на охоту. В 1965 году браконьеры добыли во Флориде не меньше 50 тысяч шкур, ценой от двенадцати до двадцати долларов за метр. Только в Майами их было продано не менее чем на миллион долларов.

Лучшей защитой для аллигаторов был бы закон, запрещающий всякое использование их шкур. А если это невозможно, то следует хотя бы уже существующие законы об их охране сделать более действенными. В настоящее время в конгресс внесен билль, который как раз и может защитить аллигаторов именно таким способом: перевозка из штата в штат аллигаторов и других животных, убийство или содержание которых в неволе воспрещается, будет объявлена уголовным преступлением. Как бы то ни было, если браконьеры не будут обузданы в самое ближайшее время, одно из наиболее своеобразных и интересных животных американского Юга сохранится разве что в зоопарках.

Атлантическая зеленая черепаха (Chelonia mydas mydas)

Морские черепахи, распространенные по всему миру, — это наиболее ценные пресмыкающиеся, во всяком случае с точки зрения человека. А из пяти их видов — кожистая черепаха, логгерхед, ридлея, бисса и зеленая черепаха — самой ценной считается зеленая черепаха. И в результате истребляется она наиболее рьяно. Человек ест яйца зеленой черепахи и ее мясо, использует калипи (хрящ, соединяющий пластины пластрона) для приготовления лучшего черепахового супа, а из кожи лап изготавливает бумажники и другие кожаные изделия высокого качества.



Зеленые черепахи обитают в теплых морях всего мира. Самки выходят на песчаные пляжи, выкапывают гнездовые ямки, откладывают в них яйца и возвращаются в море. Вылупившиеся дней через шестьдесят молоденькие черепашки сразу же уходят в море и уплывают неведомо куда. Несколько лет спустя достигшие половой зрелости самки возвращаются на родной гнездовой пляж, чтобы в свою очередь отложить там яйца. Именно тогда они главным образом и становятся добычей охотников.

В XVII—XVIII веках атлантических зеленых черепах было очень много, и они откладывали яйца чуть ли не на всех пляжах в юго-восточных штатах и на островах, омываемых теплыми водами. Еще в 1620 году Бермудская законодательная ассамблея вынесла постановление, запрещающее убивать «наших молодых черепах», и объявила противозаконной добычу «столь превосходной рыбы», если ее панцирь был меньше восемнадцати дюймов в поперечнике. Правители этой колонии были предусмотрительны, но все их усилия оказались тщетными: зеленые черепахи давно уже не откладывают яиц на бермудских пляжах. Не выходят они на берег и у мыса Гаттерас, где когда-то их убивали по сто штук в день, и во Флориде, где в 1886 году один охотник добыл в окрестностях Себастьяна 2500 черепах. Короче говоря, на территории Соеди-

ненных Штатов не осталось ни одного гнездового пляжа зеленой черепахи, и до недавнего времени вся атлантическая популяция находилась в отчаянном положении. В последние годы для защиты зеленой черепахи были приняты определенные меры, но, насколько они действенны, может показать только будущее.

Тридцатипятикилометровый участок пляжа в Тортугеро (Черепашье Устье) в Коста-Рике — единственный известный гнездовой пляж зеленой черепахи в западной части Карибского моря. В 1957 году коста-риканское правительство издало закон об охране этой черепашьей детской. В 1958 году по инициативе Арчи Карра, много лет изучавшего морских черепах, было создано частное общество «Братство зеленой черепахи». Члены его затем создали Корпорацию сохранения карибской природы, которая занимается изучением и охраной морских черепах.

Корпорация обеспечила охрану гнездового пляжа в Тортугеро от браконьеров и предприняла длительное и всестороннее изучение зеленой черепахи. Эту научную работу финансируют также коста-риканское правительство, Флоридский университет, Национальный научный фонд и Научно-исследовательское управление военно-морских сил США. Последнее из названных учреждений интересуется вопросом о том, каким образом зеленая черепаха безошибочно находит путь к родному пляжу, от которого ее отделяют тысячи километров открытого океана.

На пляжах Тортугеро самки, откладывающие яйца, метятся, а кладки охраняются. Часть яиц помещается в инкубаторы, где до них не могут добраться ни двуногие, ни четвероногие хищники. Начиная с 1954 года более четырех тысяч взрослых самок было помечено с помощью металлических блях, прикрепленных к переднему лапу. К настоящему времени вне коста-риканских вод было поймано около 175 этих черепах¹.

Была также предпринята попытка восстановить часть прежних гнездовых пляжей; много тысяч новорожденных че-

¹ Более подробно см. книгу: Арчи Карр. В океане без компаса. М., «Мир», 1971. (Примеч. ред.)

репашек и яиц были доставлены на самолетах в 28 мест, выбранных для этой цели на островах Карибского моря, а также на побережье Южной Америки, Мексики, Флориды и Техаса в надежде, что, выросши, эти черепахи будут возвращаться для размножения туда, где они впервые вошли в море. Почти пять тысяч молодых черепашек были помечены, чтобы можно было получить сведения об их передвижениях и миграциях.

Если эти усилия увенчаются успехом и если зеленая черепаха будет охраняться надлежащим образом, она вновь может приобрести для стран Карибского моря прежнюю экономическую важность.

Глава 16 ЧИСТАЯ ВОДА И РЫБЫ

Хитроумный испанец говорит, что реки и обитатели водной стихии были созданы, дабы мудрецы созерцали их, а глупцы проходили мимо.

Исаак Уолтон

Как ни скверно обходился человек с землей Америки и ее богатствами, еще более нерасчетливо он портил ее воды — и не только реки, ручьи и озера, но и эстуарии, и приморские болота. «В настоящее время сомнительная честь быть наиболее оскверненной из природных богатств Америки принадлежит воде... — указывалось в «Ежегоднике сохранения природы» министерства внутренних дел. — Почти все наши реки загрязнены сточными водами, илистыми взвесями, промышленными отходами и ядохимикатами, и, вопреки всем и всяческим подтверждениям необходимости очистки и регенерации, мы продолжаем бездумно транжирить наш водный капитал. Наука дала нам знания, но кто научит нас мудрости?»

Реки и ручьи, некогда кишевшие рыбой, сейчас несут отравленные безжизненные воды. Из заброшенных шахт в небольшие речки просачиваются кислоты, превращая их в губи-

тельные ловушки для водных животных. В бесчисленные другие потоки стекают смертоносные ядохимикаты, и результат оказывается тем же. В 1966 году в Соединенных Штатах в результате официально зарегистрированного загрязнения водоемов погибло около десяти миллионов рыб. Однако это лишь ничтожная доля множеств, которые тоже погибли от загрязнения, но не были сосчитаны.

Бездумное сведение лесов и неправильные сельскохозяйственные методы привели к быстрому иссушению почвы на многих водоразделах и ее эрозии. И теперь ил затягивает прежние нерестилища и пастбища самых разных рыб; на пути других, чьи нерестилища лежат в верховьях рек, непреодолимым препятствием встают плотины и дамбы. Появилась и новая угроза: атомные установки, охлаждаемые водой; вызываемое этим повышение температуры в реках оказалось роковым для многих видов рыб. А нам обещают, что к 1980 году энергетика будет уже использовать для этой цели одну пятую всей пресной воды Соединенных Штатов.

На пяти огромных внутренних морях Североамериканского континента — Великих озерах прежде процветало промысловое рыболовство. Однако за последние годы уловы резко снизились — отчасти из-за чрезмерной эксплуатации отдельных промысловых видов, отчасти из-за вторжения в Великие озера через Уэллендский канал морской миноги, но главным образом потому, что пришло время расплачиваться за нашу давнюю привычку использовать эти озера как удобные сточные ямы и свалки.

Теперь все озерные штаты ищут способы спасти положение. Недавние исследования, проводившиеся Мичиганским университетом, показали, что причиной гибели почти миллиона мальков тихоокеанского лосося на мичиганском рыбозаводе был ДДТ. После этого организации и учреждения, занимающиеся охраной природы в Мичигане, Висконсине, Иллинойсе и Индиане, договорились в 1968 году о совместных усилиях для действенной защиты озера Мичиган от опасных ядохимикатов. Штаты Мичиган и Висконсин пытаются — и пока успешно — акклиматизировать в Великих озерах один из видов тихоокеанского лосося для развития спортивного

рыболовства. Современные научные методы позволили также одержать частичную победу над вредоносной миногой, а Комиссия по рыболовству на Великих озерах занимается восстановлением популяции озерной форели, которая там во многих местах совершенно исчезла. Но все эти мероприятия могут оказаться по-настоящему успешными только в том случае, если все источники загрязнения озера будут взяты под строгий контроль.

Человек также нуждается в чистой пресной воде, и за последние годы широкие слои населения в нашей стране начинают осознавать всю опасность загрязнения рек и ручьев и требовать решительной борьбы с ним. Расходы на очистку и восстановление городских и промышленных сточных вод, взятые в целом по стране, чрезвычайно велики, и кое-кто задает вопрос, а можем ли мы пойти на них. Однако гораздо полезнее было бы спросить: а можем ли мы на них не пойти?

* * *

Морское рыболовство Соединенных Штатов — самый крупный источник пищевых ресурсов страны. Многие важнейшие промысловые морские рыбы заходят в прибрежные воды для нереста и нагула. В бухтах и эстуариях водятся крабы, омары и множество раков. И тем не менее мы постоянно используем море у наших берегов как обширную свалку для всяческих отходов и отходов. Мы уничтожаем дикую природу побережий, расчищая дно или засыпая соленые болота под застройку. Отчасти из-за такой беззаботности, отчасти из-за чрезмерной и долговременной эксплуатации некоторых ценных видов наше морское промысловое рыболовство также оказывается под угрозой.

Джорджес-Банка в районе мыса Код — одно из богатейших рыболовных угодий в мире. Оттуда поступает около сорока процентов всей рыбы, потребляемой в Соединенных Штатах, и она дает примерно двенадцать процентов мирового промыслового улова.

В последнее время нефтяные компании начали разведку дна Джорджес-Банки, что в ближайшем будущем может по-

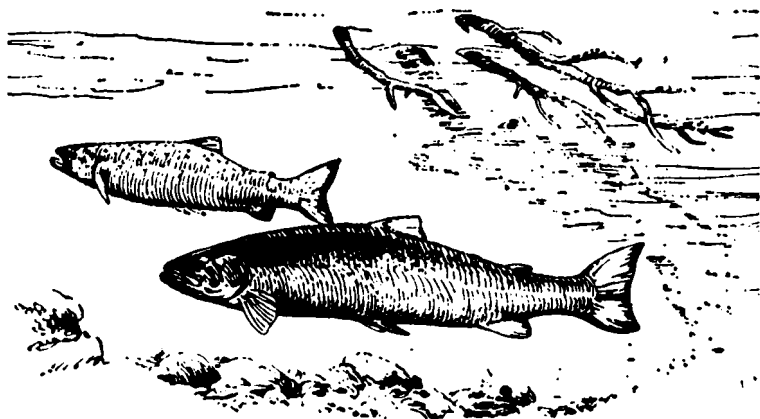
ставить под угрозу этот жизненно важный источник рыбы. Если в результате каких-нибудь неполадок с нефтепроводом океан у северо-восточного побережья Северной Америки будет залит нефтью, это приведет к катастрофическим последствиям. В начале 1968 года Комиссия по рыболовству и охране природы штатов Новой Англии была встревожена создающейся ситуацией и обратилась к губернаторам соответствующих штатов с просьбой поддержать в конгрессе законопроект, который оградил бы важнейший район рыболовного промысла от подобных опасностей. «В век демографического взрыва, когда более половины человечества каждый вечер ложится спать голодной, — предостерегал председатель комиссии, — было бы по меньшей мере легкомысленно рисковать источником пищевых ресурсов, который кормит человека вот уже пятьсот лет».

Места, где ведется наш морской рыбный промысел, находятся под постоянным наблюдением Бюро промыслового рыболовства, и научные сотрудники Бюро непрерывно ищут новые пути для их охраны и улучшения. Что касается внутренних водоемов, то каждый штат регулирует спортивное рыболовство на своей территории, а государственные и частные рыбозаводы объединенными усилиями стараются снабжать наши реки и озера достаточным количеством форели, окуней и других рыб, которых предпочитают удильщики.

Однако первым и главным условием благополучия и пресноводных и морских рыб является неизменная и незагрязненная среда их обитания.

Атлантическая семга (Salmo salar)

Благороднейшая добыча удильщика и мечта гурмана, семга принадлежит к наиболее известным рыбам земного шара. В Старом Свете эта рыба когда-то обитала во всех значительных реках от севера Испании до Норвегии и востока европейской части России. А в Новом Свете ее можно было найти повсюду от рек Северного Лабрадора до Коннектикута.



Семга, как большинство лососевых, — проходная рыба, если не считать обитателей замкнутых внутренних водоемов. Она растет в море, а потом поднимается по рекам к нерестилищам. Атлантическая семга откладывает икру поздней осенью в мелких быстрых речках. Молодь вылупляется из икры весной и от двух до четырех лет проводит в пресной воде. Затем десяти-пятнадцатисантиметровые серебристые мальки отправляются вниз по течению в море, где они нагуливаются и достигают половой зрелости. Мечение, проводившееся в последнее время, показало, что семга как из Европы, так и из Америки собирается в одних и тех же водах у западных берегов Гренландии. Зрелая семга — очень красивая рыба с серебристыми боками и синевато-стальным отливом на спине. Вес ее достигает семи — десяти килограммов и больше. Затем какая-то таинственная способность помогает семге вернуться в ту реку и в тот ручей, где она увидела свет. Она идет против течения, преодолевая водопады и быстрины, пока не достигает своего нерестилища, где много лет назад вылупилась из икры.

В отличие от тихоокеанского лосося, который погибает после нереста, многие атлантические семги опять уходят в море, чтобы со временем вернуться для нового нереста.

В Восточной Канаде все еще есть много рек, пригодных для обитания семги, хотя на них уже нельзя увидеть такого хода, как в былые времена. Однако в Соединенных Штатах атлантическая семга практически исчезла, только на нескольких речушках на востоке штата Мэн еще можно наблюдать ход небольшого количества семги.

Когда-то лов семги был важным промыслом на северо-востоке страны. Она нерестилась по крайней мере в 28 впадающих в море реках и их притоках. Изобиловали семгой и реки, впадающие в озеро Онтарио, в озеро Шамплейн и в озера Фингер в штате Нью-Йорк. Индейцы били семгу острогой у водопадов и на быстринах, а также сооружали для их ловли круглые ловушки. В течение многих лет европейские поселенцы получали богатейшие уловы этой рыбы. Особенно большое развитие этот промысел получил на реках Коннектикут и Пенобскот в Мэне.

Но исчезновение семги, раз начавшись, шло стремительно. Хозяйственные поселенцы перегораживали реки плотинами, чтобы обеспечить энергией свои мельницы и фабрики. Еще в 1798 году пятиметровая плотина перегородила реку Коннектикут у водопада Миллерс-Фоллс, причем никакого рыбохода сделано не было. Одним махом семгу лишили всех ее нерестилищ в верховьях реки. Потом ниже по течению начали возникать другие плотины. По берегам протянулись мельницы и фабрики, как грибы вырастали большие и маленькие города, спускавшие свои отходы в реку. К 1810 году все уже забыли, что в Коннектикуте еще не так давно ловилась семга.

Несколько лет спустя то же повторилось в Мэне. Там в середине XIX века началось повальное сведение первобытных лесов. Лесоразработки оголили и водоразделы, откуда брали начало реки, в которых нерестилась семга. Ничем не защищенные, эти речки мелели, затягивались илом, загрязнялись отходами лесопилен и бумажных фабрик. К 1880 году только в восьми реках Мэна еще наблюдался ход семги. Но даже и тогда рыбы было достаточно, чтобы коммерческий улов семги в этом штате составлял ежегодно 70 тысяч килограммов. Однако к 1900 году улов этот упал до 27 тысяч

килограммов, а к 1950 году составлял уже менее 450 килограммов. Добыча семги в Соединенных Штатах практически прекратилась.

В 1948 году возник вопрос о восстановлении нерестилищ семги в Мэне, для чего была создана комиссия по атлантической проходной семге с управлением в Ороно (штат Мэн). Комиссия рассчитывает вернуть семгу в реки Мэна, очистив их от старых плотин, запруд, а также других препятствий, построив, где это необходимо, рыбоходы, а затем выпустив в реку молодь с рыборазводов. Однако эти меры могут принести ошутимые плоды, только если будут уничтожены и источники загрязнения.

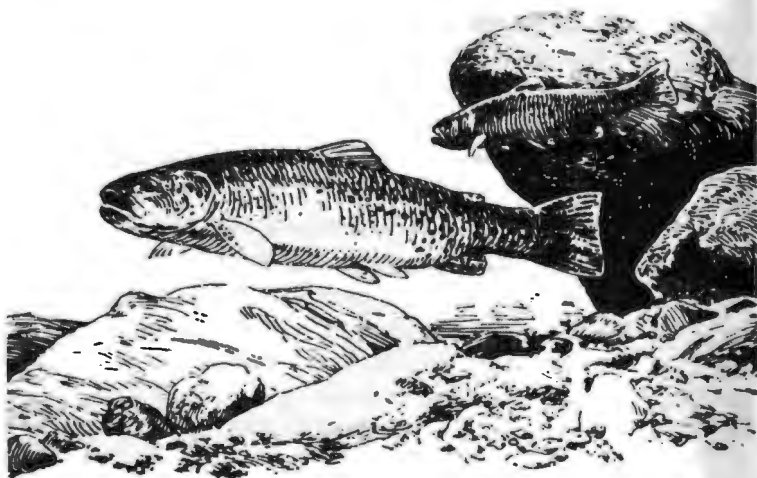
В 1965 году конгресс издал закон о проходной рыбе, который в течение пяти лет предоставлял штатам право на федеральные субсидии для работ по восстановлению нерестилищ. На эти средства у пяти плотин гидроэлектростанций на реке Пенобскот, перегораживавших путь семге, началось сооружение рыбоходов. После их завершения — при условии, что с загрязнением также будет покончено, — быть может, нам снова доведется наблюдать, как большие серебристые рыбы идут вверх по Пенобскоту и его притокам.

Лосось Кларка (Salmo clarki)

Эту красивую промысловую рыбу западных рек Северо-американского континента называют еще «зарезанной форелью» из-за ярко-красных пятен на горле. Из многочисленных подвидов лосося Кларка по меньшей мере четыре находятся в настоящее время под угрозой вымирания. Лахонтанский лосось Кларка, который обитает только в бассейне реки Лахонтана на западе Невады, быстро исчезает из-за постройки плотин и загрязнения рек, а также гибели нерестилищ вследствие сведения лесов и уничтожения травяного покрова пасущимся скотом. Интенсивный вылов ставит под угрозу пайютского лосося, обитающего в речках двух калифорнийских графств — Алпайн и Иньо. Вторым неблагоприятным обстоятельством для этой формы оказывается скрещивание с другими выпускаемыми туда лососевыми. Зеленоспинный лосось Кларка, ко-

того в настоящее время можно найти только в нескольких речках штата Колорадо, и уэстлопская форма, обитающая в бассейне реки Флатхед в штате Монтана, также находятся под угрозой вымирания из-за воздействия всех вышеупомянутых причин.

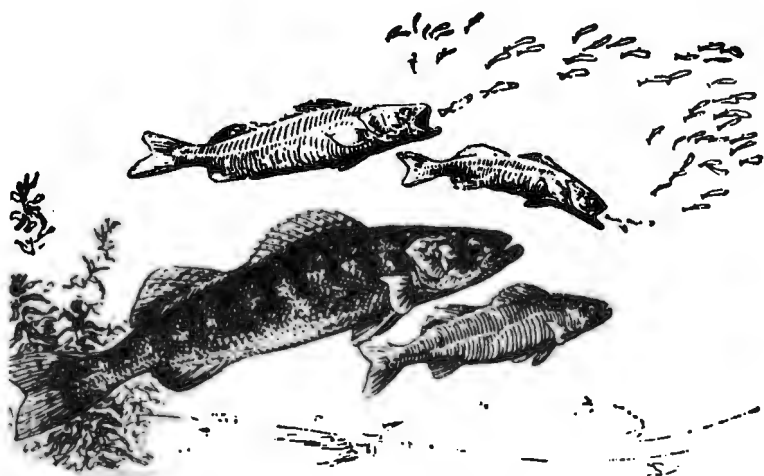
Два близких родственника — хилский лосось, обитающий только в верховьях реки Хила в Нью-Мексико, и апашский



лосось, живущий только в Орд-Крике и в восточном рукаве Уайт-Ривер в Аризоне,— оба находятся в крайне серьезной опасности из-за своей ограниченной численности и ухудшения условий жизни в их реках.

Голубой судак (Stizostedion vitreum glaucum)

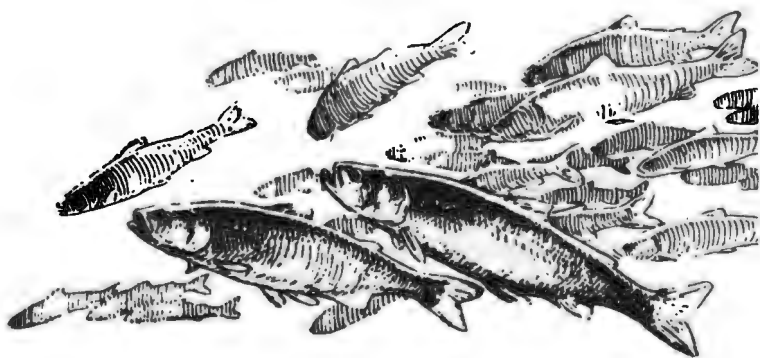
Еще пятнадцать лет назад голубой судак, серебристо-серая разновидность широко распространенного светлоперого судака, был одной из важнейших промысловых рыб озера Эри, и его ежегодный улов составлял 9—10 миллионов килограммов или больше. Не далее как в 1955 году там было выловлено 8,9 миллиона килограммов голубого судака. Тем не менее в настоящее время голубой судак почти совсем исчез и в озере Эри, и в озере Онтарио, где его также ловили, хотя и в



заметно меньших количествах. С 1960 года, насколько это подтверждается документально, в озере Эри был пойман всего один (!) голубой судак. Такое стремительное исчезновение его в этих озерах объясняется главным образом слишком большим их загрязнением.

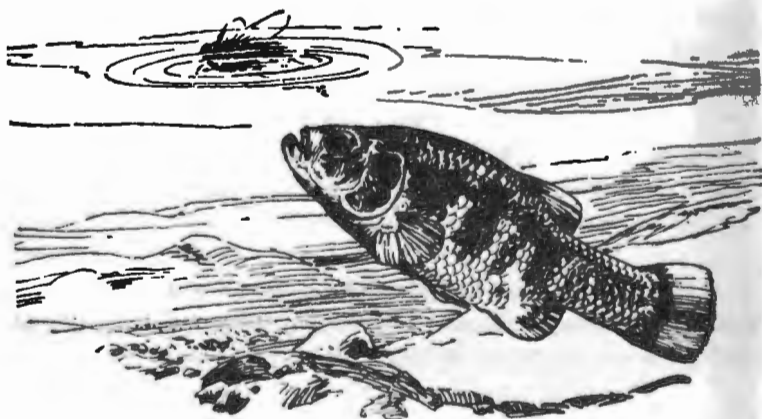
Длиннорылый сиг (Coregonus alpenae)

Еще один обитатель Великих озер, которому грозит вымирание, — длиннорылый сиг — был основой промыслового



рыболовства в озерах Мичиган и Гурон до середины 50-х годов. Однако в последнее время он практически исчез в результате ряда причин, среди которых можно назвать интенсивный вылов, ущерб, причиняемый морской миногой, возросшую конкуренцию со стороны других, более стойких видов и, разумеется, загрязнение воды. По сведениям Бюро спортивной охоты и рыболовства, во время обследования южной части озера Мичиган в 1962 — 1964 годах там было выловлено только семь длиннорылых сегов.

Два его родственника, глубоководный сиг и черноперый сиг, составлявшие в прошлом важную статью промыслового рыболовства на Великих озерах, также исчезли и примерно по тем же причинам. Возможно, эти два подвида вообще вымерли, так как с 50-х годов не было поймано ни единого экземпляра.



Рыбы с ограниченным ареалом

Многие рыбы, которым в Соединенных Штатах угрожает полное вымирание, принадлежат к малоизвестным видам и подвидам, обитающим лишь в очень ограниченном числе водоемов, а то и в одном ручейке или колодце. Любая специализированная форма со столь ограниченным ареалом стоит первой в очереди на вымирание: ведь для ее исчезновения доста-

точно, чтобы только в ее родных речке или ручье произошли какие-то неблагоприятные изменения — как по вине человека, так и по естественным причинам.

В Соединенных Штатах находится под угрозой вымирания по меньшей мере пять видов карповых — семейства, распространенного по всему миру и включающего голянов и ельцов. В этом грустном списке значатся пустынный голян — небольшая рыба, обитающая в некоторых теплых источниках невадского графства Гумбольдт; остроперый голян, еще сохраняющийся в количестве не превышающем тысячи рыб в Ист-Клир-Крик, притоке реки Литл-Колорадо в Аризоне; моапский голян, живущий только в теплых ключах около истоков реки Моап в невадском графстве Кларк; горбатый голавль, обитающий кое-где в Грин-Ривер и в Колорадо-Ривер от окрестностей Большого каньона до плотины Флэминг-Горж на границе штатов Юта и Вайоминг, и, наконец, колорадский птихохейлус — вид, обитающий теперь только в самой Колорадо-Ривер.

Семейство карпозубых включает много мелких яркоокрашенных рыб, очень популярных у аквариумистов. В Америке четырем их видам угрожает непосредственная опасность — карпозубику Девилс-Хоул, карпозубику Команч-Спрингс, карпозубику реки Оуэнс и паремпскому фундулусу. Каждый из этих видов обитает в юго-западных штатах либо в единственном источнике, либо в нескольких источниках, расположенных рядом. Все они находятся в опасности из-за неблагоприятного воздействия человека на их специализированную среду обитания.

В семейство окуневых входят дартеры — маленькие подвижные рыбки, ведущие придонный образ жизни и обитающие только в умеренной зоне Североамериканского континента к востоку от Скалистых гор. Не меньше четырех их видов — остроголовик, ньянгу, триспод и таскамбия — чрезвычайно редки и могут окончательно вымереть прежде, чем кто-нибудь заметит, что их уже нет. Пятый вид — мэрилендский дартер — обитает только в Суон-Крик неподалеку от Хавр-ле-Грас в Мэриленде. В музеях есть лишь два экземп-

ляра, пойманные в 1912 году, один — в 1962-м и несколько — в 1964 году.

Многих из перечисленных рыб, а также другие редкие виды с крайне ограниченным ареалом можно было бы спасти, если бы основные места их обитания были объявлены национальными памятниками природы.

Глава 17

ЧЕЛОВЕК — ВИД, НАХОДЯЩИЙСЯ В ОПАСНОСТИ

Человек — часть всеобъемлющей паутины жизни, и он не может избежать логических последствий своей деятельности... Во многих районах мира одного только воздействия роста населения и технологических революций может оказаться достаточно, чтобы превратить самого человека в вид, существованию которого угрожает опасность.

Стюарт Юдола

В настоящее время *Homo sapiens* представляется одним из самых преуспевающих видов, какие только знала наша планета. Начав весьма скромно, он сумел стать господствующей формой жизни на Земле, единственным видом, способным изменять и приспособливать окружающую среду к своим нуждам и потребностям; этого он достиг благодаря высокой организации своего мозга и уникальной способности мыслить. Учился использовать он эту способность для таких целей очень медленно. Сотни тысяч лет человек оставался собирателем и охотником и был одним из множества живых существ, которые на равных вели борьбу за существование. Он был частью природы и жил от ее щедрот. Все его чувства, как и чувства диких животных по сей день, были настроены в унисон с окружающей его средой, помогая ему вовремя распознавать таящиеся в ней блага и опасности.

Очень постепенно человек превратился в скотовода и земледельца. Он изобретал орудия и создавал оружие. Он создал племенную организацию, перешел на оседлый образ жизни и в конце концов начал строить большие города и развивать искусства. В течение долгих тысячелетий он шел к тому, чтобы стать тем, чем стал теперь, — существом, все больше теряющим связь с миром природы, который был его колыбелью.

В XX веке этот процесс начал развиваться с головокружительной быстротой из-за стремительных и колоссальных достижений науки и использования этих достижений в медицине, промышленности, сельском хозяйстве и всех других областях современной жизни. «В последние несколько десятилетий человечество пережило наиболее знаменательное изменение за всю свою историю, — заявила Барбара Уорд в своей книге «Космолет Земля». — Современные наука и техника сплели такую тесную сеть из средств связи, транспорта, экономической взаимозависимости (и возможности ядерной катастрофы), что планета Земля в своем полете через бесконечность пространства обрела замкнутость, цельность и уязвимость космолета».

Но большинству людей идея космического корабля предстает в совсем ином, романтическом виде. В наши дни все кажется возможным, и мы устремляемся к звездам.

Жизнь в XXI веке

Что эти быстрые изменения сулят человеку в будущем? Естественно, тут существует множество различных мнений. Оптимистам XXI век представляется в самом радужном свете: прикладная наука и техника, утверждают они, превратят землю в рай, преобразят ее так, что она будет способна обеспечивать полноценную жизнь населению, во много раз превосходящему современное население планеты. Они рисуют замечательный новый мир научных побед: сверкающие города под куполами, где все будет стерильно чистым, где люди будут жить в соединенных между собой километровой высоты баш-

нях, которые можно будет не покидать неделями и месяцами. А в случае необходимости гигантские ракетные транспорты за несколько минут перенесут желающих с одного континента на другой. Продовольствие будет поступать с огромных химических фабрик. Будут созданы и подводные хозяйства для непрерывного выращивания и переработки водорослей и планктона. Болезни будут побеждены, а наука найдет способ воздействовать на гены так, чтобы создавать «желательные» типы людей.

Действительно, все эти чудеса возможны — это-то и тревожит очень многих людей. Каково будет воздействие такой технической цивилизации не только на окружающую человека среду, но и на его психику и эмоции?

Количество людей в мире уже превосходит возможности имеющихся источников продовольствия¹.

Наши знания растут, но растет и население планеты. Каждый год на Земле появляется еще около семидесяти миллионов людей — еще семьдесят миллионов человек, которым требуется больше еды, больше жилищ, больше промышленных изделий и больше техники, чтобы обеспечить все это.

Неудивительно, что прогресс и процветание обычно отождествляются с ростом валового продукта страны и что в отчаянном стремлении удовлетворить требования ненасытной экономики мы все больше и больше расточаем свои природные богатства, наносим все больший и больший ущерб окружающей среде. «С помощью нашей обоюдоострой игрушки — новейшей техники — мы на протяжении только нашей жизни успели внести в природу больше нарушений, чем все живые существа, включая и человека, за всю предыдущую ее историю, — заявил Дэвид Брауэр, заместитель директора Сьерра-клуба². — Можем ли мы и дальше продолжать делать то же, то есть поклоняться росту, принимая его за прогресс?»

¹ См. послесловие.

² Клуб Сьерра — старейшее природоохранительное общество США, основанное в 1892 году. По инициативе клуба был создан Йосемитский национальный парк в Калифорнии, общество также много сделало для создания Национального парка Гранд-Каньон. Объединяет оно около 140 тысяч членов.

Экологи предупреждают: слепо следуя дальше по такому пути, мы искушаем судьбу, ибо он может привести к тому, что Земля станет непригодной для жизни и животных, и самого человека. Мы зашли по этому пути под девизом «Больше людей, больше техники» уже так далеко, что, несмотря на самые действенные мероприятия, предназначенные для обращения этого процесса вспять, миру вряд ли удастся избежать многих страданий, вызванных голодом, перенаселенностью и ухудшением среды обитания¹.

Нарушение экологического равновесия

Большая часть человечества, либо не зная о подобной возможности, либо игнорируя ее, продолжает по-прежнему демонстрировать, что *Homo sapiens* умудряется разрушать и загрязнять среду своего обитания, как ни один другой вид. «Право, начинаешь думать, что современный человек — это подвид, одержимый манией самоубийства, — заметил Джозеф Вуд Кратч. — Иначе он не рвался бы так очертя голову к собственной гибели в буквальном смысле слова».

Вот подумайте. Каждый день только мы в Соединенных Штатах производим 400 тысяч тонн твердых отходов, в том числе, например, около 130 миллионов консервных банок и 75 миллионов бутылок, которые мы выбрасываем каждые 24 часа. Разрешение проблемы уборки этого мусора в «Америке прекрасной» становится все более неотложным.

Каждый день мы выбрасываем в окружающий нас воздух все больше и больше смертоносных побочных продуктов сгорания. Так, из заводских труб в Соединенных Штатах за сутки вырывается около 100 тысяч тонн серного ангидрида. За тот же срок глушители наших автомобилей выбрасывают в атмосферу около 230 тысяч тонн окиси углерода и других вредных газов.

Каждый год у нас в Соединенных Штатах продается все больше и больше ядохимикатов (около 350 тысяч тонн в

¹ См. послесловие.

1965 году). Каждый год их все больше и больше накапливается в нашей почве и воде. Концентрируясь по мере прохождения по пищевой цепи, они становятся все более и более серьезной угрозой для всех наших диких животных и в конечном счете для нас самих.

«Нью-Йорк таймс», даже не учитывая накопления ядохимикатов, указывала: «К 1980 году канализационная система нашей страны выбросит такое количество сточных вод, которого хватит, чтобы лишить кислорода все американские реки — то есть вся жизнь в них будет уничтожена».

А ведь тут речь идет только о пресной воде. Океаны же представляются нам настолько огромными, что мы, если вообще вспоминаем о них, успокаиваем себя мыслью, будто нам не по силам загрязнить их или нарушить сложное равновесие, лежащее в основе их растительной и животной жизни. Но можем ли мы быть в этом уверены? Каждый день мы выбрасываем в море всяческие компоненты загрязнения: сточные воды и моющие вещества, ядохимикаты и машинные масла, а также радиоизотопы — смертоносные побочные продукты ядерных реакторов. Их ради безопасности следовало бы помещать в герметические контейнеры, чтобы они по меньшей мере тысячу лет не соприкасались с окружающей средой. А ведь многие из этих контейнеров уже теперь утратили герметичность. И конечные следствия этого предсказать невозможно.

Также невозможно предсказать, каковы будут результаты постоянного потребления нефти и угля, на котором строится наша цивилизация. При их сгорании в атмосферу добавляются углеродные соединения, причем теперь это происходит быстрее, чем океаны успевают их поглощать. Только один реактивный воздушный лайнер сжигает за час полета около шести тонн нефтяных углеводородов и выбрасывает в атмосферу около восьми тонн воды и вдвое больше углекислого газа. Умножьте эти цифры на тысячи самолетов, на 24 часа в сутках и на 365 суток в году. Затем прибавьте углеродные соединения, которые выбрасываются в воздух двигателями внутреннего сгорания и промышленными предприятиями, и вы по-

лучите некоторое представление о величине и сложности проблемы.

Растения с помощью фотосинтеза преобразуют углекислый газ в сложные органические соединения, высвобождая при этом кислород. Животные же вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ как побочный продукт обмена веществ. Соотношение углерода и кислорода в атмосфере оставалось практически неизменным в течение 400 миллионов лет земной истории. Но теперь, используя минеральное топливо, мы увеличиваем количество углекислого газа в атмосфере, и в то же время, строя, вырубая, распахивая и загрязняя, мы уменьшаем возможности выделения кислорода из углекислого газа. В результате мы можем нарушить всемирное равновесие углерода и кислорода, тем самым изменив основные химический, геологический и биологический циклы, на которые опирается вся жизнь.

Около 70% всего кислорода на Земле обеспечивается фотосинтезом морских растений — главным образом диатомовых одноклеточных водорослей. Если мы нарушим равновесие вод настолько, что уничтожим эти бескрайние океанские луга, предупреждает эколог Ламонт Коул, это будет означать конец той жизни на Земле, которую мы знаем.

Отношение человека к природе

Загрязнение окружающей среды, угрожающее нарушить экологическое равновесие на земном шаре, является следствием цивилизации, идеал которой — производить все больше и больше вещей для все большего и большего числа людей. В результате шкала ценностей современного человека изменилась, и он словно утратил ощущение своего родства с миром природы, который так долго был источником и опорой его существования. Социолог Ричард Минс указывает, что «оправдание технократического пренебрежения к природе, основанного на дивидендах и прибыли, — не просто вредная экономическая политика, но и по самой своей сути глубоко безнравственная позиция. И следовательно, наш современный

моральный кризис не исчерпывается только вопросами политической власти и законов... но, возможно, отражает почти полное отрицание ценностей природы, характерное для всего американского общества».

В определенной степени высокомерное пренебрежение американцев к природе восходит к мироощущению первых поселенцев: человек против природы, жесткий индивидуализм, каждый человек сам за себя. А частично его корни следует искать в еще более далеком прошлом, у истоков западной культуры и этики. Альберт Швейцер заметил как-то: «Великая ошибка всех этических систем до сих пор заключалась в том, что они строились только вокруг отношения человека к человеку».

Корни нынешнего кризиса, возможно, заключены в давней, но неверной предпосылке, будто вся природа существует только для того, чтобы служить человеку. В течение многих веков слова, с которыми Бог обращается к человеку в библейской Книге Бытия, истолковывались и понимались односторонне: «...Да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Обычно в этом тексте усматривалось указание на владычество человека, на его право распоряжаться всеми остальными животными и использовать их по своему усмотрению. Но вернее и нравственнее было бы увидеть тут указание на этическую ответственность человека за сохранение диких животных и всех природных богатств Земли, с тем чтобы он пользовался ими разумнее и осмотрительно.

Разумеется, человек мог бы спокойно жить и в мире, лишившемся американских журавлей, калифорнийских кондоров, гризли или синих китов. Его существование не зависит непосредственно от них, ни от многих других их диких собратьев, обитающих рядом с ним на Земле. Но если человеку станет все равно, живут они или нет, если он не признает, что их необходимо спасти, то он перестанет быть человеком в том смысле, в каком это слово подразумевает благородство и красоту духа.

Однако их сохранение можно рассматривать и под углом наших личных интересов. Печальная судьба диких животных предупреждает о возможном будущем самого человека. Как сказал Стюарт Юдолл, «каждый вид является частью пищевой цепи, поддерживающей существование других видов. У каждого из них есть своя функция. Человек — часть всеобъемлющей паутины жизни, и он не может избежать логических последствий своей деятельности». Если мы не сможем спасти диких животных, которым сейчас грозит вымирание, сохранив частицу необходимой им среды, то в конце концов и сам человек когда-нибудь окажется в подобном же положении.

Однако разум человека и его возможности слишком велики, чтобы мы могли поверить, будто это произойдет на самом деле.

Программа сохранения природы и этика будущего

Все больше и больше людей во всем мире осознают опасности, таящиеся в нашем обращении с природными богатствами Земли, и подчеркивают ответственность человека по отношению к окружающей его среде. Все больше и больше людей понимают, что единственный правильный путь сегодня — попытаться жить в гармонии с природой, а не стараться завоевывать ее и поработать.

В специальном послании конгрессу, предлагая дальнейшие программы на 1969 год, президент указал: «Задача сохранения природы заключается теперь не только в том, чтобы доставлять человеку радость, но и в том, чтобы обеспечить ему выживание».

А для этого, по мнению многих специалистов, требуется не более и не менее, как выработка совершенно новых позиций и практических мер во всем, что касается сохранения окружающей нас природы. Природу следует рассматривать как единое целое, а не разделять на отдельные слагаемые, такие, как почва, вода, воздух, растения и животные. И такое отношение к природе необходимо, кроме того, сочетать с общена-

циональной массовой борьбой против загрязнения и всякой иной порчи окружающей среды при более строгом контроле и более суровых наказаниях, чем применяемые в настоящее время. Но для того чтобы эти планы могли быть претворены в жизнь, мы, как народ, должны выработать у себя «экологическую совесть» и «этику природы».

В наши дни подавляющее большинство американских детей, в отличие от их дедов, лишено возможности ощутить свое родство с землей, свое единство с живой природой. Все большая часть молодого поколения проводит свою жизнь в чисто городской обстановке. С животными они соприкасаются только при посещении зоосадов или парков, где видят прирученную, приглаженную и выдрессированную природу.

Биология в том виде, в каком ее преподают в учебных заведениях, все больше замыкается в четырех стенах, превращаясь в лабораторную науку, подобно физике или химии. В настоящее время главное внимание уделяется молекулярному строению живых существ, чудесным свойствам ДНК. Разумеется, все это необычайно важно, но тем не менее прежде следует заложить основу, узнать живые растения и живых животных, изучить отношения, в которых они состоят друг с другом и с окружающей средой.

«Необходимо,— заявил Карл Бухгайстер, бывший председатель Национального одюбоновского общества,— чтобы детей повсюду знакомили с начатками природоведения, которые помогут им сознать свое родство с природой и свою зависимость от ее процессов».

Стюарт Юдолл выразил ту же мысль следующим образом: «Воспитание любви и уважения к природе должно входить во все школьные программы, в нравственный кодекс каждой семьи».

В ответ на такие призывы министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения начало разработку школьной программы охраны природы, которая сделает экологию и «восторг перед всем живущим неотъемлемой частью учебного и воспитательного процесса во всех школах страны». Только привив подрастающему поколению любовь к

природе, мы можем надеяться, что планета Земля и дальше будет пригодна для обитания и человека и животных.

Чтобы такая программа дала плоды, все нации мира должны ввести у себя подобные же программы, а человечество, как нечто единое и целое, должно взять под контроль и стабилизировать рост народонаселения. И очень обнадеживает, что 55 стран в настоящее время принимают участие в Международной биологической программе. Выработанная под руководством Международного совета научных союзов и Международного союза биологических пауk, эта программа должна выяснить, как человек и его техническая культура воздействуют на окружающую среду и все формы жизни, а также как можно предотвратить и возместить причиняемый ущерб.

Внушает надежду и следующий факт: та же техническая культура, которая способствовала загрязнению земли, может найти новые способы, как вновь сделать ее чистой. Отходы можно перерабатывать и вновь употреблять с пользой — например, для производства продуктов питания. Можно отыскать новые способы предотвращать загрязнение воздуха и воды. Вместо ядохимикатов можно разработать новые и более действенные способы биологического контроля над вредными насекомыми. Возможности тут неисчерпаемы. А потому в конечном счете только от нас зависит, каким окажется будущее.

Будет большой трагедией, если придет время, когда наши дети или дети наших детей не смогут уже увидеть грациозного оленя на берегу лесного озера, гордого орла, парящего в синем небе, лягушку, сидящую на листе кувшинки, или бабочку, порхающую между цветами. Надо навсегда сохранить уголки нетронутой природы, где дети могли бы познать благоговеющую радость слияния с ней.

Первобытный человек чувствовал свое родство с природой, осознавал себя как часть великого целого. И если современный человек хочет выжить, он должен вновь обрести это ощущение родства и бережно его лелеять. И когда он преуспевает в этом — а преуспеть он может и должен, — вся дикая природа также обретет будущее.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пораженные результатами невиданного расхищения природных богатств страны, ученые и общественные деятели США уже в конце XIX — начале XX столетия возглавили движение за охрану природы. Именно в это время стали возникать различные общества по охране диких животных, был создан первый в мире национальный парк — Йеллоустонский, приняты законы, регулирующие использование государственных земель, и введены ограничения на продажу их частным лицам, объявлены охраняемыми некоторые земли водосборных бассейнов, впервые проведены учеты природных ресурсов и т. д. Начало складываться общественное мнение о необходимости всемерной борьбы с хищниками, которых считали безоговорочно вредными. Однако представление о рациональном использовании природных ресурсов лишь зарождалось. Под охраной природы понимали лишь пассивную защиту отдельных видов животных и растений или уникальных уголков дикой природы. О взаимосвязи природных процессов и явлений, комплексном подходе к охране природы на основе экологического изучения биотических сообществ еще не было и речи.

В этих условиях появились первые работы Олдо Леопольда — молодого помощника окружного лесничего сначала в штате Нью-Мексико, а затем Аризона.

Олдо Леопольд родился в 1887 году в Берлингтоне (штат Айова), окончил школу в Лоренсвилле и Йельский университет, получив в 1909 году специальность лесничего.

Вдумчивый и тонкий наблюдатель, страстный охотник, влюбленный в родную природу, О. Леопольд быстро включился в ряды активных борцов за охрану природы. В 1924 году он принял участие в организации общества охраны дикой природы, а с 1935 года уже возглавлял его. По его инициативе был создан первый в стране национальный лес, получивший название Хила. Леопольд активно участвовал в работе «Утиной комиссии», которая провела изучение мест гнездования водоплавающих птиц и пришла к выводу, что для сохранения этих птиц необходима охрана их местообитаний. В 1929 году такой вывод был откровением, ибо законы тех времен охраняли лишь животных, но не их местообитания.

Уже в первых работах Леопольда ясно виден качественно новый подход к охране природы. В своих статьях по лесоводству он рассматривал охрану леса не только как охрану растущих деревьев, но и как охрану природного комплекса в целом — среды обитания зверей, птиц и множества других живых организмов. Именно такой подход позволил Леопольду выдвинуть понятие «емкость угодий». Разрабатывая это положение, ученый сформулировал правило интерсперсии, или «эффекта опушки». Сущность этого правила состоит в том, что при взаимопроникновении угодий (интерсперсии) их емкость резко повышается. Наглядным примером служит опушка, где происходит концентрация жизни. Это правило, выраженное Леопольдом математически, стало одним из основных в практике современного охотоведения.

Широко мыслящий знаток лесного хозяйства Олдо Леопольд вскоре получил заслуженное признание и был назначен заместителем директора Лаборатории лесной продукции штата Висконсин, будучи одновременно консультантом Службы леса нескольких штатов.

Однако предметом его особого интереса были сложные взаимосвязи факторов, влияющих на популяции диких лесных животных. Именно это привело Леопольда к изучению чернохвостых оленей в лесах Кайбабского плато. Там многие

годы обитало стадо, состоящее приблизительно из 6 тысяч голов; популяция оленей находилась в полном равновесии со средой обитания. Но в 1906 году на Кайбабском плато была начата кампания по уничтожению крупных хищников с целью увеличить стадо оленей в интересах охотников. В течение нескольких лет волки, пумы, медведи и койоты были уничтожены почти полностью. В результате к 1924 году численность оленей возросла до 100 тысяч, то есть увеличилась в 16 раз. Это означало резкое превышение емкости угодий, что и привело к катастрофе. Олени начали гибнуть от голода: за шесть лет погибло более 80 тысяч голов. Истощенные трупы животных были красноречивым свидетельством безграмотного решения сложной экологической проблемы.

Изучив со своими помощниками возникшую ситуацию, Леопольд пришел к выводу, что для успешного сохранения промысловой дичи, в том числе оленей, необходимо знать емкость угодий. Только такой подход позволит обеспечить животным возможность активного размножения. Дичь — это своего рода урожай, который Природа взрастит, и взрастит обильно, если для этого будут обеспечены все необходимые условия.

О. Леопольд опубликовал ряд работ, в которых обосновал нормы изъятия из популяций копытных различных возрастных и половых групп, экологическую необходимость охраны хищных птиц и зверей, а также коснулся частных вопросов ведения охотничьего хозяйства и охраны дикой природы.

В 1929 году Леопольд впервые в истории науки начал читать в Висконсинском университете специальный курс лекций по охране дичи, а в 1933 году создал кафедру охотоведения, став, таким образом, основоположником охотоведения как науки. В том же году вышел его фундаментальный труд «Управление дичью»¹, не утративший своего значения и по сей день. Книга эта пронизана идеей о необходимости управлять популяциями диких животных путем воздействия на их структуру и среду обитания, то есть основной экологической идеей сегодняшнего дня.

¹ Leopold A. Game Management. New York, 1933.

В 1937 году под редакцией Леопольда начал выходить «Журнал управления дикими животными», посвященный вопросам охраны, использования и воспроизводства охотничьих животных. С первых же номеров это издание стало основным научным журналом в области охотоведения.

Трагическая смерть оборвала жизнь Олдо Леопольда в самом расцвете сил — он погиб в 1948 году при тушении лесного пожара на соседней ферме.

Предлагаемая советскому читателю книга признана классическим произведением по охране природы. Впервые изданная в 1949 году, уже после смерти автора, она переиздавалась десятки раз. Русский перевод выполнен с издания 1966 года, подготовленного к печати сыном автора, Л. Леопольдом, и объединяющего две ранее выходившие книги: «Календарь песчаного графства» и «Круговая река», откуда составители взяли несколько очерков. В результате первоначальный план книги, о котором О. Леопольд пишет в своем предисловии, претерпел ряд изменений. Это не строго научный труд, а подлинно художественное произведение, гимн природе, ее красоте и гармонии.

Глубокие мысли автора о природе, о задачах бережного отношения к ней человека, высказанные свыше трех десятилетий назад, и сегодня поражают своей актуальностью.

В самом деле, слова Леопольда о том, что «принцип сохранения дикой природы — беречь каждую часть механизма земли», что «каждая замена дикого животного или растения на домашнее, естественного водного потока на искусственный сопровождается соответствующими изменениями во всей циркуляционной системе земли» и что «мы не понимаем и не предвидим этих изменений, а замечаем их, только если последствия оказываются явно вредными», украсили бы любой современный труд по теории охраны природы. Не менее актуальна и мысль автора о том, что всякое вмешательство человека в природу подлежит оценке с точки зрения возможных последствий для общего биологического круговорота веществ.

Книга «Календарь песчаного графства» свидетельствует не только о глубоком экологическом мышлении автора, на

десятилетия опередившем представления современников, но и о его большом таланте популяризатора, умеющего необычайно ярко и образно излагать свои взгляды.

Сохранению дикой природы посвящено и второе произведение, включенное в этот том, — «Исчезающие животные Америки».

Животный мир Северной Америки был необычайно разнообразен и богат, что определялось исключительным плодородием почв, породивших пышную растительность лесов и прерий. Миллионы бизонов и миллиарды странствующих голубей были воплощением этих, казалось бы, неисчерпаемых богатств. Но щедрые дары природы нигде не истреблялись так бессмысленно и хищнически, как в Северной Америке, особенно на той части континента, которую занимают США.

Катастрофически быстрое исчезновение некоторых видов животных определялось как прямым преследованием и истреблением, так и разрушением их мест обитания — вырубкой лесов, распашкой прерий, осушением болот, пожарами. К сожалению, в погоне за прибылью неизбежно происходит неограниченное расхищение природных богатств.

Последствия этого не замедлили сказаться, и США стали классической страной эрозии пахотных земель, наводнений, засух, вымирания животных. Затем к этим бедствиям прибавилась не менее острая проблема загрязнения окружающей среды, ставшая сейчас важнейшей в общей проблеме охраны природы.

Эти отрицательные явления, ставшие очевидными уже в конце прошлого века и принявшие катастрофические размеры в 30-х годах нашего столетия, принудили правительство США ввести ряд законов и принять некоторые меры по охране природных ресурсов, в том числе и животного мира. Правительственные мероприятия и денежные ассигнования возросли в последующие годы, когда стала очевидной экономическая рентабельность, а иногда и жизненная необходимость природоохранительных мер. Существенную роль в этом вопросе сыграло развитие «индустрии туризма» — весьма пер-

спективной экономической отрасли, в которой национальные парки, спортивное рыболовство и охота имеют первостепенное значение.

Для нас опыт США и Канады по рациональному использованию и охране природных ресурсов представляет большой интерес, поскольку территории этих стран весьма сходны с территорией России по природным условиям.

Здесь следует остановиться на некоторых общих положениях автора. В своей книге, особенно в заключительной главе, Мак-Кланг рассматривает многие проблемы, в том числе создавшийся ныне экологический кризис во взаимоотношениях между человечеством и природой, и высказывает довольно пессимистические взгляды на будущее дикой природы, и особенно судьбу диких животных, принимающие иногда форму предупреждений о скорой гибели человечества. Так, Р. Мак-Кланг пишет о том, что «количество людей в мире уже превосходит возможности имеющихся источников продовольствия» (см. раздел «Жизнь в XXI веке»), что «миру вряд ли удастся избежать многих страданий, вызванных голодом, перенаселенностью и ухудшением среды обитания» (см. там же), и так далее.

В действительности же, как показали исследования, проведенные ФАО и Международной биологической программой, положение не так катастрофично. Голод и нищета, охватившие многие страны мира, объясняются отнюдь не нехваткой природных ресурсов, а социально-политическими причинами. В полной мере это относится и к другим природным ресурсам.

Что же касается перенаселения и превращения Земли в «муравейник», то и эта проблема при ближайшем рассмотрении выглядит иначе. Специалисты-демографы все более и более склоняются к тому мнению, что народонаселение неизбежно стабилизируется. Большинство демографов считают, что стабилизация населения мира произойдет на уровне 8—12,5 миллиарда человек и наступит это, вероятно, в 2100—2150 годах.

Вместе с тем не следует успокаиваться и полагать, что все обстоит благополучно. Всевозрастающее использование при-

родных ресурсов, замена сложных природных экосистем упрощенными агроценозами, химизация сельского хозяйства, изменение водного и теплового режима территорий и акваторий, перегрузка всей биосферы, особенно водоемов и атмосферы, производственными и другими отходами вызывают тревогу и озабоченность как ученых и государственных деятелей, так и самых широких кругов населения. Необходимость охраны природы для всех стала очевидной проблемой номер один.

Биологические ресурсы Земли практически неисчерпаемы лишь в том случае, если человек часть своего труда затрачивает на их восстановление и, опираясь на современные достижения науки, разумно использует природные богатства. Только от человека зависит, будут ли и в дальнейшем уменьшаться природные богатства, будет ли загрязняться окружающая среда.

Биосфера нашей планеты едина, и нарушение ее равновесия в одном месте неизбежно влечет за собой изменения в другом. Сейчас чрезвычайно важна глобальная оценка воздействия человека на биосферу и совместные усилия людей всего земного шара, а это возможно лишь при международном сотрудничестве. Решение научно-технических задач, направленных на повышение продуктивности природы, также немыслимо без тесного международного сотрудничества.

Международное сотрудничество в наше время быстро развивается как по пути совместного решения научных проблем, так и по линии заключения международных и двусторонних соглашений.

Одной из первых научных программ, непосредственно направленных на поиск путей наиболее рационального использования и охраны природных ресурсов, была Международная биологическая программа (МБП). Задача МБП состояла в глобальном изучении биологической продуктивности наземных, пресноводных и морских экосистем, как естественных, так и антропогенных. Конечная цель МБП — выявить закономерности распределения биологической продуктивности и дать рекомендации, как с наибольшей эффективностью использовать биологические возможности той или

иной природной зоны или ландшафта. Было создано несколько комитетов МБП, в том числе Комитет охраны наземных сообществ, в задачи которого входила полная инвентаризация заповедных территорий мира, научные рекомендации по созданию перспективной сети таких территорий, а также по охране редких животных и растений.

Уже в процессе осуществления МБП стало очевидным, что намеченные ею работы следует продолжить, особенно экологические исследования, направленные на разработку теоретических основ взаимоотношения человеческого общества и биосферы. В связи с этим и была принята новая программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАН), работы по которой начались в 1974 году. МАН предусматривала обширный круг исследований, посвященных предотвращению неблагоприятных воздействий человеческой деятельности на природные экосистемы и биосферу в целом. В частности, один из проектов МАН содержал научные рекомендации по сохранению природных заповедных участков и имеющихся в них генетических материалов, рекомендации по дальнейшему расширению сети заповедных территорий и охране редких животных и растений.

Большое значение в решении проблемы охраны природы имеют международные конвенции и соглашения. Советский Союз заключил ряд соглашений по различным вопросам охраны природы.

Подписанное в мае 1972 года соглашение между СССР и США по сотрудничеству в области защиты окружающей среды предусматривает широкий обмен опытом и совместные исследовательские работы по этой проблеме. Некоторые из проектов, разработанных по этому соглашению, посвящены вопросам заповедных территорий, охране редких видов животных и растений и общим вопросам охраны и управления ресурсами дикой живой природы.

С этой точки зрения большой интерес представляет книга Р. Мак-Кланга, в которой достаточно популярно и на высоком научном уровне описано прошлое и настоящее диких животных Северной Америки.

Автор книги — известный специалист в этой области и великолепный популяризатор; его книги, в том числе «Исчезающие животные Америки», отмечались национальными премиями и дипломами обществ охраны природы как лучшие произведения такого жанра.

Опыт США и Канады по восстановлению численности некоторых видов охотничьих животных, а также организации охраняемых (заповедных) территорий, ярко описанный в книге Мак-Кланга, заслуживает тщательного изучения. Так, в странах Северной Америки широкое развитие получила сеть охраняемых территорий различных категорий по режиму охраны и назначению. Однако это требует некоторых пояснений, поскольку система охраняемых природных участков этих стран не эквивалентна нашей заповедной системе.

Если у нас основу охраняемых природных территорий составляют заповедники, где полностью охраняются все природные комплексы и проводятся постоянные многолетние стационарные исследования их, то в США и Канаде заповедников нет. К заповедникам, по некоторым своим задачам, приближаются лишь «Природные исследовательские участки» (*Research Natural Areas*). Но последние невелики по размеру (например, площадь известного Патуксентского резервата, который часто упоминает Мак-Кланг, всего 1,5 тысячи гектаров), и поэтому они не могут сохранить саморегулируемые экосистемы как эталоны природы, что призваны осуществлять наши заповедники. К тому же таких природных исследовательских участков в США и Канаде немного, и, следовательно, они не отражают всего многообразия природных комплексов этих стран.

Национальных парков в США и Канаде довольно много, но главным образом в западных частях этих стран. Задача их состоит в охране природы наиболее достопримечательных участков в стране, имеющих национальное (общегосударственное) значение, для показа их туристам. Исследовательские работы проводятся в национальных парках не регулярно, как правило, сторонними научными организациями или частными лицами.

Следующая категория охраняемых территорий США и Канады — провинциальные парки, находящиеся в ведении штатов или провинций. Эти парки как бы дополняют национальные парки, но они имеют менее строгий режим охраны, многие из них преобразованы искусственными посадками; они невелики по площади и служат главным образом для отдыха населения.

Следующая категория — памятники природы. В отличие от памятников природы в нашей стране, в США они нередко бывают значительными по размеру (до нескольких тысяч гектаров).

Далее, в Канаде и США есть лесные резерваты, сходные по режиму и назначению с нашими водоохранными лесами первой категории.

Наконец, в США и Канаде существует несколько категорий охраняемых территорий, которые служат для воспроизводства одного или нескольких видов зверей и птиц или охраняют места зимовок и линьки водоплавающих птиц и т. п. Такие «убежища» (*Wildlife Refuges*) или «районы дикой жизни» (*Wilderness Areas*) близки по назначению и режиму к нашим заказникам. В них разрешено использование некоторых природных ресурсов, например рыбы или леса, в той мере, в какой это не мешает охране объектов, для которых они созданы. В отличие от наших заказников, эти охраняемые территории создаются на неопределенные, обычно продолжительные сроки. Примером таких территорий в США может служить заказник для охраны белохвостого оленя Флорида-Кис, организованный главным образом на средства Одюбоновского общества, а в Канаде — государственный заказник Верхний в провинции Онтарио, созданный для охраны канадских казарок. Нередко в таких заказниках проводятся биотехнические мероприятия, в том числе подкормка зверей и птиц. Помимо того в США и Канаде существуют различные типы охотничьих хозяйств (*Game Ranges; Wildlife Management Areas*), где охота ограничена или строго лимитирована для одного или нескольких видов животных.

В пределах национальных парков или природных исследовательских участков в США и Канаде в последние годы со-

зданы специальные питомники — «зоологические банки», задача которых состоит в том, чтобы разводить в вольерах или в полувольерных условиях диких животных с последующим выпуском их в природу. Эти работы представляют несомненный интерес.

Охрана и восстановление редких видов животных на этих заповедных территориях и государственных землях в США осуществляется на основе аннотированного списка «Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения дикие животные США». Эта «Красная книга» США содержит краткие сведения о редких животных с разделением их на четыре категории по степени опасности, которая им угрожает. США уже потеряли одних только зверей 9 видов и подвидов (и не меньшее количество птиц), и более чем 60 видам животных угрожает опасность исчезновения. Опыт введения такой национальной «Красной книги» как программы работ весьма интересен и заслуживает изучения. В США и Канаде большое внимание уделяется также пропаганде охраны редких животных и растений путем издания красочных плакатов, листовок, буклетов, книг. Одним из лучших образцов таких книг может служить книга Мак-Кланга.

Профессор А. Г. Банников

СОДЕРЖАНИЕ

Олдо Леопольд
КАЛЕНДАРЬ ПЕСЧАНОГО ГРАФСТВА

Из предисловия к расширенному изданию 7

Часть I

Календарь песчаного графства

Предисловие	9
<i>Январь</i>	
Январская оттепель	11
<i>Февраль</i>	
Крепкий дуб	14
<i>Март</i>	
Возвращение гусей	24
<i>Апрель</i>	
Половодье	29
Крупка	31
Дуб крупноплодный	32
Танцы в небе	35
<i>Май</i>	
Возвращение из Аргентины	39
<i>Июнь</i>	
Рыболовная идиллия на Ольховой протоке	40

<i>Июль</i>	
Великие владения	43
День рождения прерии	46
<i>Август</i>	
Зеленое чудо	52
<i>Сентябрь</i>	
Поющая роша	54
<i>Октябрь</i>	
Дымное золото	55
Слишком рано	58
Красные фонари	61
<i>Ноябрь</i>	
Будь я ветром	65
С топором в руках	66
Могучая крепость	70
<i>Декабрь</i>	
Домашние пределы	75
Сосны под снегом	78
65 290	83

Часть II

Красота ландшафта

<i>Висконсин</i>	
Реквием по болоту	88
Песчаные графства	94
Одиссея	96
О памятнике голубю	100
Фламбо	103
Умерщвление	107
<i>Иллинойс и Айова</i>	
По Иллинойсу на автобусе	107
Дергающиеся красные лапы	110
<i>Аризона и Нью-Мексико</i>	
На Вершине	112
Если думать, как гора	117
Эскудилья	120

Чиуауа и Сонора

Гуакамайо	124
Зеленые лагуны	127
Песня Гавилана	134
<i>Орегон и Юта</i>	
Костер набирает силу	139
<i>Манитоба</i>	
Кландебой	143

Часть III

Вкус к природе

Природа	147
Досуг человека	150
Круговая река	155
Естественная история	168
Дикая природа в американской культуре	174
Оленья просека	183
Гусиная музыка	186

Часть IV

Выводы

Этика природы

Развитие этики	191
Понятие о сообществе	193
Экологическая совесть	196
Суррогаты этики природы	199
Пирамида земли	203
Здоровье земли и раскол А—Б	209
Перспективы	211
<i>Дикая природа</i>	213
Остатки	214
Дикая природа для отдыха и развлечений	218
Дикая природа для науки	220
Дикая природа для диких животных	223
Защитники дикой природы	225
<i>Эстетика сохранения природы</i>	226

Роберт Мак-Кланг
ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЕ АМЕРИКИ

Вступление 241

Часть I

Жертвы прошлого

Глава 1

Исследователи и первые поселенцы

(Америка до 1800 года) 243

Глава 2

Рывок на запад (1800—1880 годы) 251

Глава 3

Мертвы, как дронг 254

Глава 4

Некоторые вернулись (первые шаги

охраны природы — с 1880-го по 1920 год) 278

Глава 5

Развитие научных методов охраны природы 314

Глава 6

На грани 322

Глава 7

Нарастающий кризис окружающей среды

(с 1940 года по настоящее время) 337

Часть II

Возможные будущие жертвы

Глава 8

Нескончаемая война против хищников 345

Глава 9

Копытные млекопитающие 362

Глава 10

Киты — исчезающие гиганты морей 371

Глава 11

Другие морские млекопитающие 382

<i>Глава 12</i>	
Исчезающие хищные птицы	390
<i>Глава 13</i>	
Водоплавающие, болотные и другие охотничьи птицы	400
<i>Глава 14</i>	
Даже и малая птица...	414
<i>Глава 15</i>	
Пресмыкающиеся и земноводные в опасности	422
<i>Глава 16</i>	
Чистая вода и рыбы	431
<i>Глава 17</i>	
Человек — вид, находящийся в опасности	442
<i>А. Г. Банников. Послесловие</i>	<i>452</i>

К ЧИТАТЕЛЯМ!
*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
127018, Москва, Сушевский вал, д.49
Издательство «Армада-пресс»
Телефон редакции: (095) 795-05-43*

И 91 Исчезающие животные: Олдо Леопольд. Календарь песчаного графства; Роберт Мак-Кланг. Исчезающие животные Америки/ Пер. с англ. И. Гуровой. — М.: Армада-пресс, 2000. — 480 с.: ил. — (Зеленая серия).
ISBN 5-309-00013-5

Книга известного американского эколога Олдо Леопольда «Календарь песчаного графства» состоит из поэтических очерков, повествующих о жизни природы, о богатстве и бедности земли, о земле как едином целом, о месте человека в сложной и хрупкой системе природных связей.

Американский зоолог Роберт Мак-Кланг в своей книге «Исчезающие животные Америки» рассказывает о судьбе различных видов животных, оказавшихся под угрозой вымирания из-за варварского отношения человека к природе.

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(7Сое)-44я5

РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЕ

**Олдо Леопольд
Календарь песчаного графства**

**Роберт Мак-Кланг
Исчезающие животные Америки**

Заведующая редакцией

М. Л. Жданова

Ответственный редактор

Н. А. Рожкова

Художественный редактор

Ф. В. Домогацкий

Техническое редактирование, компьютерная верстка

С. А. Шубёнкин

Корректор

М. В. Макарова

Подписано к печати 19.06.2000. Формат 84х108¹/₃₂

Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 1496

ООО «Армада-пресс»

109428, Москва, 1-й Вязовский пр., д.5, стр.1

Изд. лицензия ИД № 01276 от 22.03.00.

Издание осуществлено при участии издательства «Дрофа»

ООО «Дрофа»

127018, Москва, ул. Сушенский вал, 49

Изд. лицензия № 061622 от 07.10.98.

По вопросам приобретения продукции издательства

«Армада-пресс» обращаться по адресу:

127018, Москва, ул. Сушенский вал, 49

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство «Армада-пресс»

*информирует своих авторов, читателей и почитателей
о произошедших изменениях в нашей жизни
и деятельности:*



МЫ ПЕРЕЕХАЛИ!



Москва
«Армада-пресс»



Наш НОВЫЙ адрес:

127018, Москва, Сушеvский вал, д. 49.
Тел.: (095) 795-05-43

*Но сменился не только адрес, изменилось само изда-
тельство.*

*Начиная с 2000 года значительно расширился круг
наших интересов, и теперь в издательстве действуют
пять редакций, предлагающих литературу самых разных
жанров и направлений. Работа с письмами читателей и
авторов помогла нам более четко определить, что
именно вы хотели бы прочитать, какую книгу хотели бы
поставить на свою книжную полку.*

**По вопросам приобретения продукции издательства
«Армада-пресс» обращаться по адресу:**

127018, Москва, Сушеvский вал, 49.
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: 795-05-52

Редакция географической литературы

Возглавляет ее Мария Львовна Жданова. Будет продолжено издание полюбившейся многим читателям *«Зеленой серии»*, а также серии *«Вокруг света»*, готовится несколько новых проектов географической и природоведческой тематики, создается *«Библиотека Зеленой серии»*, идет работа над первым выпуском обновленного альманаха приключений и путешествий *«На суше и на море»*.

Редакция научно-популярной литературы

Заведующая редакцией Любовь Анатольевна Бескова. Готовятся новые серии и книги по психологии, медицине, соционике, истории и многим другим научно-популярным направлениям.

Редакция фантастической литературы

Руководит ее работой Александр Николаевич Каширин. В планах новая серия современной отечественной фантастики, возрождение серии *«Боевые роботы» (Battletech®)*. Продолжится издание *«Библиотеки юмористической фантастики»*, обсуждается ряд других проектов. По-прежнему мы будем радовать юных читателей книгами Кира Булычева:

- 1) готовится новое издание *«Приключений Алисы»*;
- 2) *«Алиса и ее друзья»* в скором времени в четвертый раз отправятся *«в лабиринты истории»*;
- 3) автор завершает работу над первыми книгами новой серии *«Тайны истории»*.

Писатель Сергей Сухинов продолжает создание сериала *«Изумрудный город»*.

Редакция художественной литературы

Заведующий редакцией Владимир Михайлович Мартов. Готовится новая серия иронического детектива, авторская серия Дмитрия Алейникова. В редакционном портфеле большая переводная серия, ориентированная на поклонников классического детектива. Будет продолжено издание серии «Библиотека юмористических приключений», разрабатываются новые остросюжетные серии.

Редакция массовых изданий

Под руководством Виктора Николаевича Портнова создается несколько больших серий, предназначенных садоводам и огородникам.

Главный художник издательства

Федор Владимирович Домогацкий

Главный редактор

Илья Валентинович Новиков

*Надеемся, что наша
работа понравится
вам. Ждем отзывов,
замечаний и
предложений по всем
создаваемым нами
книгам.*

*Главный
редактор*

*Илья
Новиков*

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА «ЗЕЛЕННОЙ СЕРИИ»

Бернгард Гржимек



Известный немецкий ученый, натуралист и писатель профессор Бернгард Гржимек всю свою жизнь посвятил охране животных. «Первозданную природу надо беречь не меньше, чем мы бережем картины Рафаэля, Кельнский собор, индийские храмы, каменные колоссы Абу-Симбела», — пишет он в своих книгах и многократно подчеркивает, что произведения искусства и памятники архитектуры при желании можно восстановить, а вот уничтоженную стеллерову корову или зебру-кваггу никогда больше не увидит ни один человек.

В книге «Дикое животное и человек» профессор Гржимек рассказывает о различных подходах к решению важнейшей проблемы современности — охране природы в разных странах.

Жак-Ив Кусто



Жак-Ив Кусто, Филипп Кусто
«Чтобы не было в мире тайн»

Жак-Ив Кусто, Филипп Диоле
«Могучий властелин морей»

Оба произведения, вошедшие в этот том, рассказывают о жизни моря и его «старейших» обитателях. Книга «Чтобы не было в мире тайн» посвящена в основном акулам — одним из самых древнейших и интересных океанических рыб, которые до сих пор во многом остаются для людей загадкой. Ученые говорят, что наблюдать за акулой — то же самое, что смотреть сквозь коридор эволюции в отдаленное прошлое.

Не менее интересны и познавательны наблюдения авторов за жизнью крупных морских млекопитающих — китов и дельфинов («Могучий властелин морей»). Данные палеонтологии позволили ученым прийти к любопытному заключению: уже около 20 млн. лет назад сформировались все основные группы современных китообразных (напомним, роду человеческому всего 4 — 5 млн. лет). И все это время, с трудом охватываемое мысленным взором, великолепные животные занимают место настоящих властителей Мирового океана. Большинство наблюдений, приводимых авторами в этих захватывающих книгах, уникальны, сделаны человеком впервые.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА «ЗЕЛЕННОЙ СЕРИИ»

Жак-Ив Кусто

Живое море



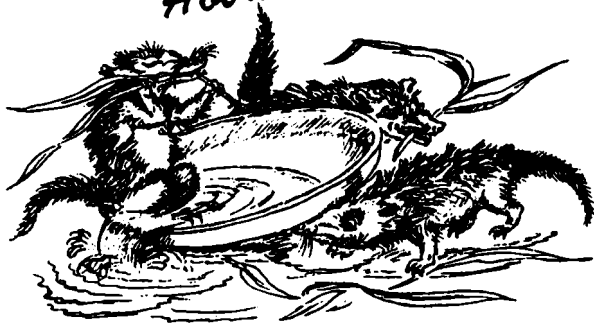
Жак-Ив Кусто, Фредерик Дюма
«В мире безмолвия»

Жак-Ив Кусто, Джеймс Даген
«Живое море»

Книга знаменитых исследователей Мирового океана повествует о первых открытиях Группы подводных изысканий — молодых друзей-энтузиастов, которым «не давали покоя ожидающие изучения океанские толщи»; об истории создания и первых рейсах всемирно известного корабля «Калипсо». Захватывающие документальные рассказы о путешествиях за сокровищами затонувших кораблей, уникальные описания флоры и фауны, потрясающие факты воздействия непривычной стихии на физиологию человека — все это сравнимо разве что с головокружительными приключенческими романами, созданными изощренной фантазией талантливых писателей. Книга содержит необычайно интересный фактический материал, при этом чрезвычайно занимательна, изобилует увлекательными рассказами о веселых и трагических происшествиях, об уникальных открытиях, совершивших переворот в истории изучения загадочного мира морских глубин.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА «ЗЕЛЕННОЙ СЕРИИ»

Джеральд
Даррелл
Новый Ной



Джеральд Даррелл
«Новый Ной»
Джеки Даррелл
«Звери в моей постели»

Первое произведение сборника — это увлекательный рассказ о путешествиях знаменитого писателя в самые экзотические уголки мира. Цель экспедиций в Камерун, Британскую Гвиану, Аргентину и Парагвай — отлов и изучение редких видов животных. Именно они и становятся главными героями повести. На самом обычном пассажирском пароходе целую ораву вечно голодных, непоседливых созданий переправляют в Англию. Этот Ноев ковчег, как и подобает, собрал «каждой твари по паре»: тут и броненосец, и дикобраз, и нильский варан... И, конечно, сам Даррелл, с трудом справляющийся с этой компанией.

Описанию радостей и трудностей жизни необычной и шумной семьи посвящена вторая повесть сборника. Еще бы! Ведь у супругов Даррелл слишком беспокойные четвероногие «воспитанники». Увлекательное повествование жены ученого, Джеки, сопровождается многочисленными юмористическими комментариями самого Даррелла, которые не раз вызовут улыбку читателя.

Ольга Хлудова



«Заглянув в подводный мир, человек навсегда остается там душой, как будто он побывал в сказочной стране фей».

Под этими словами вполне мог бы подписаться сам Кусто, но принадлежат они замечательной женщине — художнику-зоологу Ольге Хлудовой.

Более сорока лет назад, когда подводный спорт был «одним из самых молодых видов спорта в нашей стране», а акваланг — «сложная и дорогая аппаратура» — чем-то недостижимым, ею овладела «прекрасная идея проникнуть в подводный мир».

И вот наконец первое погружение... «То, что я увидела, заставило меня в буквальном смысле захлебнуться от восторга!» Живое, яркое и веселое повествование о чудесном путешествии в воды Черного, Азовского и Японского морей доставит немалое удовольствие нашим любознательным и доброжелательным читателям.

Александр Романенко

*Въ Южная
Америка*



«Мы — русские люди. Всякое новое дело начинаем с обращения ко Всевышнему, ибо все в его воле. И, конечно, с обмывания». И как только ключи от собственного фотопавильона зазвенели у новоявленного эквадорского предпринимателя в кармане, он не преминул устроить праздничный ужин...

А началось все в Москве. Однажды Александра Юрьевича Романенко, инженера, профессионального изобретателя, автора тридцати двух патентов, одолела охота к перемене мест, и он со всем семейством отправился в Эквадор.

Это небольшое далекое и удивительное государство Южной Америки стало для него настоящим «ненаучным» открытием и вдохновило на создание веселой и весьма поучительной книги «Въ Южная Америка».

А. Л. Яценко



*Хруп.
Воспоминания
крысы-натуралиста*



«Я старая, дряхлая крыса Хруп...» Так начинаются мемуары любознательного натуралиста, много видевшего и еще больше пережившего.

На старости лет он решил взяться за перо, дабы поведать миру о своей удивительной, полной опасных приключений жизни. Куда только его не заносила судьба! В каких только краях ему не довелось побывать! И о всех своих дальних странствиях рассказывает он благодарному читателю, щедро делясь с ним своими тонкими наблюдениями и весьма достойными внимания размышлениями.



Впервые «Воспоминания...» были изданы в 1903 году в Санкт-Петербурге. И помог в этом Хруп натуралист А. Л. Яценко, учитель естествоведения и географии в Санкт-Петербургском Александровском и Ксенинском институтах и в Женской гимназии Лохвицкой - Скалон.

Книгой А. Л. Яценко издательство «Армада-пресс» открывает серию художественных произведений о природе. В серию войдут произведения Д. Лондона, Д. Кервуда, Э. Сетона-Томпсона, Р. Киплинга, К. Паустовского, М. Пришвина, В. Арсеньева, Э. Хемингуэя и многих других известных и всеми любимых писателей.

Любители фантастики и приключений!



Вы, конечно, слышали про Алису Селезневу. С ней уже по-
дружились миллионы девчонок и мальчишек как в нашей стране,
так и далеко за ее пределами. И все потому, что эта веселая,
отважная и находчивая девочка из будущего стала неременной и
главной участницей самых невероятных и удивительных событий, о
которых рассказал замечательный писатель-фантаст



КИР БУЛЬЧЕВ ПРИКЛЮЧЕНИЯ Алисы

Это 17 книг замечательной фантастики, в состав
которых войдут все повести Кира Бульчева
о приключениях Алисы и ее друзей!!

Готовятся к изданию:

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ	ДЕТИ ДИНОЗАВРОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ	ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ
ЗАПОВЕДНИК СКАЗОК	ПРИВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ
ПЛЕННИКИ АСТЕРОИДА	СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД
МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ	ОПАСНЫЕ СКАЗКИ
АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ	ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ
И СНОВА АЛИСА	АЛИСА И ЧУДОВИЩЕ
АЛИСА И СЫЩИКИ	СЕКРЕТ ЧЕРНОГО КАМНЯ



370



Охрана природы – это состояние гармонии между людьми и землей.

Олдо Леопольд

Будет большой трагедией, если придет время, когда наши дети или дети наших детей не смогут уже увидеть грациозного оленя на берегу лесного озера, гордого орла, парящего в синем небе, лягушку, сидящую на листе кувшинки, или бабочку, порхающую между цветами. Надо навсегда сохранить уголки нетронутой природы, где дети могли бы познать благоговейную радость слияния с ней.

Роберт Мак-Кланг

